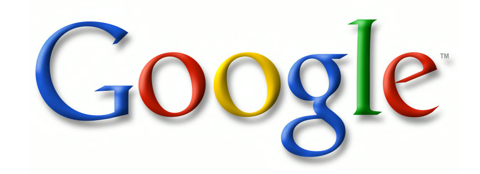
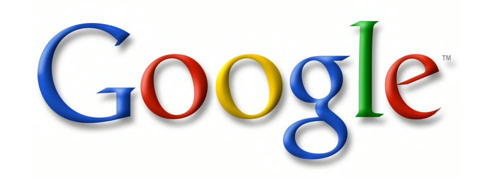

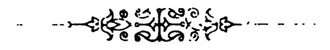

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА

XVIII СТОЛѢТІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

Вл. Михневича.

Южно-Русское Книгоиздательство
Ф. А. Іогансона.

ВЪ КІЕВѢ,
Крещатикъ и Прорѣзная улица, № 1.
Подолъ, Александр. ул., д. Рихерта.

ВЪ ХАРЬКОВѢ,
Уголъ Московской улицы и Слесарнаго переулка, д. Иванова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 24 Октября 1894 года.

Кіевъ.
Типографія И. И. Чоколова, Мало-Житомирская ул., д. № 4.
1895.

Посвящаю женѣ моей

Елизаветѣ Николаевнѣ

Михневичъ

Вл. Михневичъ.

РУССКАЯ ЖЕНЩИНА XVIII СТОЛѢТІЯ.

I.

Вмѣсто введенія.

Съ легкой руки историковъ-апологистовъ петербургскаго преобразовательнаго періода, пошло ходить по свѣту устойчивое мнѣніе, что между русской теремной женщиной старо-московскаго порядка и выведенной изъ терема русской свѣтской «дамой» XVIII столѣтія легла огромная разница въ общественно-правовомъ и умственно-культурномъ отношеніяхъ.

Это несовсѣмъ вѣрно.

Оговариваемся, что мы разумѣемъ, именно, *теремницу* и *даму*, т. е. представительницу высшихъ привиллегированныхъ классовъ, потому что о неощутительности перемѣны, въ указанныхъ отношеніяхъ, въ положеніи русской простонародной женщины-крестьянки, со временъ домостроевскихъ и даже по наши дни—не можетъ быть никакого спора. Тѣ же «три тяжкія доли» несла «женщина русской земли»—крестьянка триста лѣтъ тому

назадъ, какъ несетъ ихъ и понынѣ. Какъ нынѣ, такъ и тогда, поэтъ съ одинаковымъ основаніемъ могъ воскликнуть ей изъ глубины наболѣвшаго сердца:

„Ты вся воплощенный испугъ!
Ты вся вѣковая истома?“

Въ этихъ двухъ выразительныхъ стихахъ вся, можно сказать, и древняя, и средняя, и новая исторія русской сельской женщины и—намъ прибавить къ ней отъ себя нечего. Притомъ-же, крестьянка и, вообще, женщина низшаго общественнаго слоя на Руси никогда не была теремной затворницей и жила въ совершенно иныхъ бытовыхъ условіяхъ, чѣмъ тѣ, полумонастырскія и полугаремныя, въ какія была поставлена московская боярыня или холеная купчиха богатой «гостинной сотни».

Вслѣдствіе всего этого, петровская стремительная эмансипація, съ ея либеральными и культивирующими результатами для личности русской женщины, коснулась только одной представительницы высшихъ, «правящихъ» классовъ и была ея лишь исключительнымъ пріобрѣтеніемъ.

Какъ же она воспользовалась этимъ пріобрѣтеніемъ? Мы хотимъ спросить: въ какой степени наши салонныя, декольтированныя по парижской картинкѣ, съ кокетливыми мушками на засыпанномъ пудрою лицѣ, «щеголихи» прошлаго вѣка эмансипировались на самомъ дѣлѣ отъ вѣковыхъ тяжелыхъ путъ умственной неподвижности, невѣжества, предразсудковъ и безправія, которыя дѣлали ихъ матерей и бабушекъ, допетровской эпохи, «породнымъ разумомъ простоватыми, и на отго-

воры несмысленными», по характеристикѣ Кошихина? Въ какой степени, говоря общнѣе, духовная индивидуальность русской женщины стала развитѣе, выше и самобытнѣе въ XVIII столѣтіи, сравнительно съ предшествовавшимъ вѣкомъ?

Вопросъ этотъ, составляя одну изъ намѣченныхъ нами главныхъ вѣхъ предлагаемаго изслѣдованія, нуждается въ провѣркѣ. До сихъ поръ, какъ мы сказали выше, отвѣтъ на него давался, большею частью, въ смыслѣ положительномъ и даже апологическомъ, подогрѣтомъ панегиристами пореформенной эпохи нашей исторіи. И такой отвѣтъ, если не вполнѣ вѣренъ, то совершенно естествененъ: онъ прямо вытекалъ изъ господствовавшихъ въ нашей новѣйшей литературѣ и въ обществѣ «петербургскаго» уклада воззрѣній на эту эпоху и на ея значеніе въ русской исторіи.

Мы привыкли такъ рѣзко и круто различать петровскій періодъ отъ предшествовавшаго, противопоставляя ихъ одинъ другому, какъ два діаметрально-противоположные міра, и съ такимъ безпощаднымъ отрицаніемъ относиться къ міру старо-московскому въ пользу петербургскаго, что культурное превосходство русской женщины новѣйшей генераціи не подлежало въ нашихъ глазахъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Нужно замѣтить, вообще, что до послѣдняго времени наша новѣйшая историческая литература «западническаго» оттѣнка, поставивъ себѣ главной цѣлью оправдать петровскій переворотъ и доказать историческую цѣлесообразность сопровождавшихъ его насилій надъ обычаями и нравами народа, отличалась большею частью

полемическимъ характеромъ. А гдѣ полемика, гдѣ предвзятая идея, тамъ неизбѣжны увлеченія и преувеличенія тѣхъ фактовъ и явленій, которые могутъ говорить въ пользу этой идеи.

Кажется, въ настоящее время вполнѣ сознаны безполезность и ненаучность такого метода изслѣдованія, да и реформы Петра I не нуждаются болѣе въ оправданіи. На мѣсто историковъ-адвокатовъ и панегиристовъ выступаютъ историки-физіологи, анализирующіе прошлое народа въ строгихъ границахъ науки и установленныхъ ею законовъ человѣческаго, личнаго и соціальнаго развитія.

Съ точки зрѣнія этихъ началъ, историческій ходъ русской жизни послѣднихъ двухъ столѣтій получаетъ нѣсколько иное освѣщеніе, чѣмъ то, къ которому пріучили нашъ глазъ историки задняго числа. Во всякомъ случаѣ, предстоитъ значительно съузить въ нашемъ представленіи воображаемую безпредѣльную пропасть, расколовшую надвое историческую территорію нашего прошлаго и составляющую Standpunkt въ его изученіи. Приходится убѣдиться, что эта роковая трещина имѣетъ не мало спаекъ и точекъ соприкосновенія съ обоихъ своихъ краевъ, что она, въ дѣйствительности, была далеко не такъ широка и глубока, какъ ее старались изобразить наши бытописатели, славянофилы и западники. Главное, она не была и не могла быть, по отношенію къ жизненнымъ основамъ, такой внезапной и вулканической, какою мы пріучились ее себѣ представлять.

Вообще, прежняя наша историческая школа очень плохо соблюдала требованія перспективы въ живописа-

нiи прошлаго, внося въ него преднамѣренное освѣщенiе и перетасовывая факты, для достиженiя декоративнаго эффекта, совершенно въ разрѣзъ ихъ естественной группировкѣ. Она гналась именно за декоративностью, выдвигала на первый планъ рѣзкими, яркими пятнами не въ мѣру преувеличенные и непремѣнно эффектированные излюбленные фигуры и моменты, оставляя въ тѣни и затушевывая тѣ, которые ей не нравились и могли вредить цѣлостности и живописной законченности картины. Вниманiе сосредоточивалось, поэтому, на одномъ внѣшнемъ, такъ сказать, парадномъ ходѣ исторiи, на поражающихъ своей чрезвычайностью и яркостью событiяхъ и эпизодахъ, да на фигурахъ неизбѣжныхъ «героевъ», которые, точь въ точь какъ на суздальскихъ изображенiяхъ знаменитыхъ генераловъ, занимали весь переднiй планъ историческаго полотна, съ болтающимися у ихъ ногъ, гдѣ-то назади, крошечными человѣчками, представлявшими «народъ», эскизно замалеванный однимъ взмахомъ кисти.

Вслѣдствiе такой фальшивой манеры письма и отсутствiя правильности перспективы, чутье исторической правды было утрачено, какъ была утрачена и та жизненная нить исторической преемственности событiй, безъ которой они теряютъ свой внутреннiй смыслъ и являются, какъ Deus ex machina. И только теперь сознана необходимость снять эту искусственную подмалевку съ событiй и характеровъ прошлаго и распланировать его картины согласно естественной группировкѣ фактовъ и моментовъ, такъ беззаботно перетасовывавшихся историками-декораторами.

Такимъ-же образомъ—и можетъ быть преимущественнѣе, чѣмъ въ другихъ случаяхъ—распоряжалась історіографія красками и свѣтотѣнью въ изображеніи и изученіи петровской реформы, въ ея цѣломъ и подробностяхъ.

Начать съ того, что уже самой, несомнѣнно исполинской, фигурѣ Петра придавались какіе-то совершенно эпическіе, нечеловѣческіе размѣры *бога*, *творца*, одной «желѣзной» волею своей создающаго *новую* жизнь, новую *эру*, и не только внѣ непреложныхъ требованій мѣста, времени и обстоятельствъ, но какъ-бы наперекоръ имъ. Вспомнимъ, хорошо знакомые намъ со школьной скамьи, рутинные ярлыки, приданные всей этой эпохѣ: «переворотъ», «переломъ», «разрывъ», съ понятіемъ которыхъ, мы усвоивали себѣ представленіе совершенной и непримиримой раздвоенности всей русской исторіи, какъ-бы переломанной однимъ ударомъ мощной руки Петра. Это было такъ просто и въ то же время такъ эффектно. Отсюда вся преобразовательная дѣятельность петровскаго царствованія являлась чѣмъ-то внезапнымъ и насильственнымъ, какимъ-то, невѣсть откуда налетѣвшимъ — на взглядъ однихъ разрушительнымъ, на взглядъ другихъ, плодотворнымъ — ураганомъ, въ одно мгновеніе сдунувшимъ съ лица русской земли всю ея вѣковую плесень, всю «старину» — достояніе многихъ, многихъ поколѣній.

И въ самомъ дѣлѣ, перестановка декорацій и переодѣванье дѣйствующихъ лицъ совершились съ замѣчательной быстротой и отчетливостью. Куда дѣвались длинныя, азіатскаго покроя, ферези и тѣлогрѣи, горлатныя шапки и кики, осанистыя фигуры и дородныя таліи,

пушистыя бороды и ветхозавѣтныя прически? Куда исчезли аскетическая замкнутость общественной и семейной жизни, тяжелая, сковывавшая каждый шагъ московскаго человѣка полувосточная, полумонастырская обрядность, отчужденіе отъ иностранцевъ и китайская нетерпимость ко всему заморскому, азіатская спѣсь и азіатская отсталость мысли, образа жизни, учрежденій? Моментально, отъ всего этого, казалось, не осталось и слѣда: волшебникъ-режиссеръ, однимъ мановеніемъ, до неузнаваемости мѣняетъ сцену, декораціи, костюмы, и, какъ-бы, переноситъ насъ на коврѣ-самолетѣ изъ Азіи въ Европу, изъ сумрачныхъ, затхлыхъ кремлевскихъ палатъ въ сверкающія вкусомъ, модой и роскошью версальскія. На очищенныя за минуту отъ кошихинскихъ фигуръ историческія подмостки врывается шумная, пестрая блестящая толпа раззолоченныхъ, послѣдняго парижскаго фасона, кургузыхъ кафтановъ и камзоловъ, пышно вздутыхъ роброновъ, фижмъ и брызжей, завитыхъ, напудренныхъ париковъ и щегольскихъ, набекрень заломанныхъ токовъ и треуголокъ... Бойкій говоръ, французская рѣчь, гармоническіе звуки гобоевъ и клавесина, скользящія по паркету легкими па танцующія въ менуэтѣ граціозныя пары... Не сонъ-ли все это?

И среди этихъ юркихъ, элегантныхъ петиметровъ и позирующихъ, театрально-воинственной осанки, кавалеровъ—*она*, «царица общества», на первомъ мѣстѣ, окруженная фиміамомъ рыцарскаго благоговѣнія, утонченной вѣжливости и угодничества, свободная и гордая сознаніемъ своей власти, чарующаго обаянія своихъ обнаженныхъ бѣлоснѣжныхъ плечъ, искристыхъ, смѣлыхъ

взоровъ, своей граціи, свѣтскости и изящества... *Она* — та самая женщина, что еще вчера, въ четырехъ стѣнахъ своего терема, «яко пустынница» и безправная раба, «лицо свое слезами омываше», пугливая и смиренная, «разумомъ простоватая и несмышленная», всѣ идеалы которой ограничивались узкой рамкой Домостроя... Не чудо-ли свершилось передъ нами?

Все это, дѣйствительно, съ точки зрѣнія усвоеннаго нами историческаго глазомѣра, носило характеръ какой-то театральной чудесности и неожиданности. И эти-то декоративно-костюмерскія чудеса, въ связи съ картиной лихорадочно-нетерпѣливой возни, начатой Петромъ по переустройству, на нѣмецкій ладъ, всѣхъ государственныхъ учрежденій, поглощали все наше вниманіе, поражали и изумляли своей внѣшней выпуклостью и своимъ безпощаднымъ, казалось, противорѣчіемъ со вчерашнимъ днемъ всей русской жизни.

Поражала насъ, а подъ перомъ историковъ-панегиристовъ, превозносилась эта неслыханная инертность, эта безропотная, воспріимчивая гибкость русскаго общества, съ которыми оно такъ, повидимому, легко и дешево не только позволило, вдругъ, переобмундировать себя, но и, отрѣшилось, сразу и окончательно, отъ всего своего прошлаго, отъ всѣхъ традицій и вѣковой дѣдовской морали.

Складывалось представленіе въ томъ именно смыслѣ, что все русское общество, вся Русь, совершенно независимо отъ своихъ требованій, желаній и стремленій, «*единымъ руковожденіемъ* Петра изъ тьмы ничтожества и невѣдѣнія вступили на театръ славы и присоедини-

лись къ образованнымъ государствамъ Европы», какъ это торжественно выражено въ одномъ государственномъ актѣ петровскаго царствованія.

Словомъ, картина метаморфозы Россіи и ея *пересозданія* чудеснымъ образомъ получалась въ такомъ рѣшительномъ и художественно-законченномъ видѣ, не смотря на чрезвычайность ея содержанія, что не оставлялось и мѣста сомнѣнію въ ея реальности.

Нужно замѣтить, что подобные оптическіе обманы и иллюзіи удивительно прочно вкореняются въ сознаніи довѣрчивой толпы, и разсѣять ихъ не такъ легко, какъ кажется. Однакожъ, историческая критика уже много сдѣлала для этого. Трезвый, пытливый глазъ изслѣдователей давно проникъ за нагроможденныя на этомъ «театрѣ славы» декораціи и освѣтилъ ихъ закулисныя стороны, а подъ новомодными, нѣмецкаго покроя, кафтанами и париками дѣйствующихъ лицъ этого «театра» давно разглядѣлъ старыхъ знакомыхъ.

Мы теперь знаемъ, что въ исторіи ни чудесныхъ превращеній во вкусѣ Боско, ни «исполинскихъ шаговъ» не бываетъ, поскольку немыслимо въ ней ничто случайное и внезапное, необусловленное естественнымъ теченіемъ историческихъ обстоятельствъ.

Самъ Петръ и его реформа были продуктомъ исторической необходимости; вся его геніальная, творческая дѣятельность заключалась лишь въ пониманіи назрѣвавшихъ въ народѣ прогрессивныхъ стремленій и въ умѣньи стать ихъ выразителемъ и руководителемъ. Стало быть, въ строгомъ смыслѣ, тутъ не было ничего насильственнаго, если не останавливаться на мелочахъ и внѣшнихъ

формахъ; но въ то же время не было и не могло быть того гигантскаго скачка и того кореннаго перерожденія, которыя приписывались русскому обществу и русскому человѣку, начавшимъ, будто-бы послѣ многовѣковой неподвижности, шагать во всю прыть, «по единому руковожденію» Петра.

Пристальное изученіе эпохи, предшествовавшей Петру, неотразимо убѣждаетъ, что между нею и петровской реформой есть непрерывная связь и послѣдовательная историческая преемственность. Напр., все царствованіе Алексѣя Михайловича было положительно подготовкой петровскихъ преобразованій, а въ особенности что касается открытія «окна въ Европу».

«Если всмотрѣться, — говоритъ одинъ талантливый критикъ извѣстной книги Устрялова,—въ сущность того, что скрывается подъ формами (общественной жизни и управленія), то окажется, что петровскій переходъ вовсе не такъ рѣзокъ съ той и другой стороны,—т. е., что во время передъ Петромъ въ насъ не было такого страшнаго отвращенія отъ всего европейскаго, а теперь —нѣтъ такого совершеннаго отреченія отъ всего азіатскаго, какое намъ обыкновенно приписываютъ». Замѣчаніе это было высказано въ недавніе еще сравнительно дни господства у насъ крѣпостнаго права и потому легко понять всю его убѣдительность.

У насъ часто упускается изъ виду то основное историческое положеніе, что люди, ихъ нравы и понятія прогрессивно мѣняются и перевоспитываются весьма медленнымъ и труднымъ путемъ, какъ-бы рѣзко и быстро ни передѣлывались внѣшнія формы ихъ жизни и какая-

бы ни происходила новаторская перетасовка общественныхъ учрежденій и установленій.

Даже современная русская дѣйствительность богата фактами, показывающими, что среди насъ до сихъ поръ нерѣдкость встрѣтить еще обломки воззрѣній, обычаевъ и нравовъ временъ Гостомысла.

Всестороннее умственно-нравственное возвышеніе человѣческой индивидуальности, то, что называется культурностью, есть результатъ труда и привычки цѣлыхъ поколѣній. Здѣсь дѣйствуетъ тотъ-же общій законъ всякаго органическаго развитія, въ силу котораго, напр., путемъ подбора и атавизма, животныя совершенствуютъ свои органы и формы, а извѣстно, что это происходитъ въ порядкѣ строгой постепенности, измѣряемой очень долгими промежутками времени.

Зная все это, мы не можемъ ни понять, ни допустить того глубокаго и кореннаго «разрыва», которымъ наша прежняя историческая литература, и въ особенности—славянофильская, рѣзко раздваивала нашу исторію на противоположные, взаимно-исключающіе другъ друга, міра.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что насколько допетровское русское общество въ XVII столѣтіи было не чуждо зачатковъ развитія и готовности къ воспринятію европейской цивилизаціи, настолько-же оно въ XVIII столѣтіи, подъ оболочкой этой цивилизаціи, все оставалось вѣрнымъ своимъ корнямъ, сохраняя въ понятіяхъ и нравахъ отпечатокъ вѣковой загрубѣлости, обскурантизма и азіатизма, наряду, конечно, и съ добрыми чертами патріархальной старины.

Уже въ концѣ прошлаго столѣтія, въ «златые» дни Екатерины II, одинъ изъ проницательнѣйшихъ наблюдателей тогдашняго русскаго общества, графъ Сегюръ, сказалъ, что онъ замѣтилъ въ немъ «подъ покровомъ европейскаго лоска слѣды прежнихъ времень. Среди небольшого избраннаго числа образованныхъ и видѣвшихъ свѣтъ людей было не мало такихъ, которые, по разговору, наружности, привычкамъ, невѣжеству и пустотѣ своей, принадлежали скорѣе времени бояръ»... Это было сказано о высшемъ, придворномъ обществѣ,—какова-же была масса?!

Щаповъ, изслѣдуя «соціально-педагогическія» условія нашего умственнаго развитія, довольно осязательно намѣтилъ ту «генеративно-послѣдовательную», по его термину, постепенность интеллектуально-нравственнаго перевоспитанія, которую прошло русское общество со временъ Петра до нашихъ дней, пока достигло нынѣшней высоты, оставляющей, однако, еще такъ много желать.

Щаповъ подраздѣлилъ нашъ умственный ростъ на три стадіи, соотвѣтственно тремъ поколѣніямъ: петровскому, екатерининскому и новѣйшему—первой половины текущаго столѣтія. Этой своеобразной генеалогіей умственнаго развитія въ Россіи онъ хотѣлъ показать, до какой степени оно у насъ туго и медленно подвигалось и какихъ, вообще, продолжительныхъ усилій цѣлаго ряда генерацій нужно для того, чтобы цивилизація проникла во всѣ поры и отправленія жизни, долго остававшейся въ состояніи косности.

«Послѣ изстариннаго. генеративно-послѣдовательнаго воспитанія и господства на Руси, говоритъ Щаповъ,

однихъ низшихъ, сенсуальныхъ, познавательныхъ способностей, при неблагопріятныхъ для развитія мысли историко-педагогическихъ условіяхъ, не вдругъ могла зародиться высшая, теоретическая мыслительность, сложнѣйшая логическая работа мышленія»... «Какъ ни заботился Петръ Великій о развитіи мыслящихъ *умныхъ головъ*, о возбужденіи ума, мысли, и какъ ни твердили ученики его объ умѣ «вольными науками просвѣщенномъ» и т. п. — почти поголовно все *первое* послѣ-петровское поколѣніе, исключая немногихъ, еще биткомъ набито было, по выраженію Петра, «безразсудными дурацкими головами», т. е. неспособными къ мышленію и тупыми къ наукѣ... «Во *второмъ* послѣ-петровскомъ поколѣніи разсудочная способность, теоретическая мыслительность представляется уже болѣе развитою, но тоже еще немного»... Она «рабски руководилась западными авторитетами и источниками, была сплошь и рядомъ непослѣдовательна, противорѣчива, малосильна»... Словомъ, какъ выразился Фонвизинъ, явилась тогда «мода на умы», ясно свидѣтельствующая недостатокъ ихъ и обиліе «недоумовъ».

Въ дальнѣйшей своей характеристикѣ интеллектуальныхъ генерацій, Щаповъ нѣсколько удовлетворяется умственнымъ ростомъ третьяго поколѣнія; но мы дальше слѣдить за нимъ не станемъ, какъ не станемъ болѣе вдаваться въ разсмотрѣніе доводовъ естественной законосообразности хода нашей исторіи, вообще, для опроверженія ложныхъ и превратныхъ на нее взглядовъ. Намъ нужно было ясно и твердо обозначить общую, основную точку, отъ которой мы отправляемся въ на-

шихъ очеркахъ судебъ русской женщины прошлаго вѣка и кажется — мы для этого сказали довольно. Обойтись-же безъ такого приступа, намъ казалось, нельзя, потому что едва-ли о какой нибудь другой частности петровскаго «переворота» складывалось столько громкихъ фразъ и столько преувеличеннаго удивленія, какъ, именно, о рѣзкой, чрезвычайной перемѣнѣ, происшедшей въ роли и судьбѣ русской женщины. А чтобъ освѣтить этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ необходимо было подойти къ нему нѣсколько издалека.

II.

На порогѣ изъ терема.

Исторія допетровскаго періода сохранила въ памяти потомства нѣсколько замѣчательныхъ и прекрасныхъ личностей старинной русской женщины. Имена ихъ общеизвѣстны, и онѣ всѣ наперечетъ. Обыкновенно, на нихъ указываютъ, какъ на рѣдкія исключительныя натуры, силою своего *личнаго* ума, характера и таланта неизмѣримо возвысившіяся надъ общимъ нравственно-интеллектуальнымъ уровнемъ современныхъ имъ поколѣній русской женщины. Поэтому, когда идетъ рѣчь объ историческомъ типѣ старо-московской женщины вообще, эти счастливыя исключенія, обыкновенно, не принимаются въ разсчетъ.

Не мѣшало-бы однако при этомъ имѣть въ виду слѣдующія соображенія. Прежде всего нужно помнить, что выдающіяся умомъ, характеромъ и исторической ролью личности всегда и вездѣ очень рѣдки были и будутъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онѣ гдѣ-бы то ни было падали съ неба и являлись какими-то не-

зависящими отъ условій мѣста, среды и времени, счастливыми феноменами: напротивъ—онѣ прямой, непосредственный продуктъ ихъ и иными не могли быть! Это нынѣ банальная истина, не нуждающаяся въ доказательствахъ.

Такимъ образомъ, мы должны признать, что старинная русская жизнь, не смотря на свой полуазіатскій складъ и господство домостроевскихъ воззрѣній на женщину, тѣмъ не менѣе представляла достаточно такихъ условій, которыя благопріятствовали появленію и воспитанію замѣчательныхъ женскихъ характеровъ, въ родѣ Марфы Борецкой, Елены Глинской, Анастасіи Романовны, Ирины Ѳедоровны, Ксеніи Годуновой, Софьи Алексѣевны, Натальи Кирилловны и друг.

Затѣмъ, слѣдуетъ допустить, что такихъ характеровъ было въ дѣйствительности гораздо больше, чѣмъ сколько сохранила ихъ въ памяти исторія. Лѣтописная исторія, какъ извѣстно, кружила исключительно около судебъ и представителей царствовавшей династіи, да немногихъ «ближнихъ» къ ней людей. Тѣмъ болѣе проходила она мимо замѣчательныхъ женскихъ личностей, что сфера ихъ жизни и дѣятельности тѣсно замыкалась семейнымъ очагомъ, а, отсюда, ихъ нравственное вліяніе и общественное значеніе выражались только косвеннымъ путемъ—въ отраженіяхъ.

По этой причинѣ, мы, въ сущности, очень мало знаемъ русскую женщину допетровскаго періода, и если знаемъ о ней что нибудь, то почти съ одной только темной, невыгодной стороны, основываясь въ этомъ случаѣ на поверхностныхъ сказаніяхъ и на апріорномъ,

теоретическомъ умозаключенiи о качествахъ женщины— рабы и затворницы, вообще.

Наши историческiя свѣдѣнiя по этому предмету взяты главнымъ образомъ изъ повѣствованiй иностранцевъ, посѣщавшихъ Московiю, которые, при замкнутости тогдашней русской семьи, конечно, не могли надлежащимъ образомъ изучить ни русской женщины, ни ея положенiя. Кошихинъ, ближе знакомый съ этимъ вопросомъ, не чуждъ нѣкоторой предвзятости взглядовъ и того, общаго всѣмъ намъ, русскимъ, пристрастно-отрицательнаго отношенiя къ родной дѣйствительности, которое неизбѣжно обнаруживается при первомъ сближенiи нашемъ съ цивилизованнымъ западомъ и усвоенiи его вкусовъ и воззрѣнiй.

Скажемъ напрямикъ, что мы, далекiе отъ тенденцiознаго поклоненiя передъ московской стариной, позволяемъ себѣ, однако, думать, что русская женщина того времени была, вообще, гораздо лучше, чѣмъ составилось у насъ ходячее о ней мнѣнiе. Мы заключаемъ такъ на основанiи не однихъ только догадокъ и вышеприведенныхъ соображенiй, но и несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ. О томъ, что такое была женщина московскаго перiода, мы можемъ составить весьма близкое къ правдѣ и опредѣленное понятiе по русской женщинѣ XVIII столѣтiя, которая намъ извѣстна довольно обстоятельно. Допуская такое отождествленiе двухъ историческихъ типовъ нашей героини, въ смыслѣ тѣснаго родства и преемственнаго сходства между ними, мы остаемся только вѣрны, ранѣе высказанному, основному нашему взгляду

на исторію прошлаго столѣтія въ связи съ московскимъ періодомъ.

Исходя изъ этого взгляда и основываясь на изученіи историческихъ матеріаловъ, мы идемъ далѣе. Мы утверждаемъ, что тѣми положительными, и притомъ главными, родовыми сторонами, какія мы находимъ въ характерѣ русской женщины прошлаго вѣка, она была обязана не столько своей эмансипаціи и первымъ налетамъ лоска европейской образованности и свѣтскости, сколько уцѣлѣвшимъ въ ней, всосаннымъ съ молокомъ матери, нравственно-педагогическимъ корнямъ родной старины.

Конечно, эта-же, невывѣтрившаяся въ ней старо-русская закваска была источникомъ и многихъ несимпатичныхъ чертъ ея характера, ея, нерѣдко проявлявшагося подъ новой, европейской оболочкой, обскурантизма, ея умственной неразвитости и множества предразсудковъ: но въ этомъ наслѣдствѣ старья попадались и цѣнные самоцвѣтные кристаллы нравственнаго добра и правды, поскольку могла ихъ выработать и сохранить наша старинная семья, а на чемъ-же нибудь она держалась цѣлыя столѣтія.

Перевоспитаніе въ духѣ европейскаго гуманизма совершалось медленнымъ путемъ, а до тѣхъ поръ, пока онъ вошелъ въ плоть и въ кровь новой русской семьи, она могла держаться и держалась на самомъ дѣлѣ единственно тѣми скрѣпами, которыя ей завѣщали предшествовавшія поколѣнія и хранительницей которыхъ являлась, конечно, женщина, по преимуществу.

Безспорно было въ этихъ скрѣпахъ много гнилого, патріархально-азіатскаго; настоятельно требовалось ихъ подновить, смягчить и переустроить на общечеловѣческій ладъ, но были между ними и незыблемо-прочные, жизненные, самобытные устои, безъ которыхъ семья не могла-бы стоять. И какъ увидимъ, слишкомъ поспѣшная и неосмотрительная нивеллировка, сопровождавшаяся разрушеніемъ этихъ устоевъ, нерѣдко вела къ самымъ печальнымъ результатамъ, какъ для нравственной личности женщины, въ частности, такъ и для русской семьи, вообще, а въ совокупности это отражалось неблагопріятно и на всемъ обществѣ. И наоборотъ—мы встрѣтимъ не одну свѣтлую страницу въ исторіи русской женщины и русской семьи XVIII столѣтія, единственно благодаря активному присутствію въ нихъ живучихъ крѣпкихъ началъ самобытнаго происхожденія изъ зерна, взросшаго на почвѣ старо-русской жизни.

Скажемъ болѣе: только тамъ, гдѣ эти начала были живучи, гдѣ русскіе люди не переставали быть русскими, сохранивъ въ себѣ все то нравственное добро, какое могли имъ завѣщать отцы и дѣды,—только тамъ европейское образованіе давало благотворные плоды.

Мы укажемъ, мимоходомъ, на самый яркій примѣръ этого—на извѣстную Наталью Долгорукую, которая, оставаясь чисто-русской женщиной, воспитанная въ духѣ старинныхъ правилъ и идеаловъ, но въ то же время вполнѣ свободная, поевропейски свѣтская, старательно просвѣщенная «науками», возвысилась до такой поэтической красоты, почти до героизма, какъ женщина и какъ жена! Мы подчеркиваемъ въ этомъ прекрасномъ

типѣ то именно, что онъ былъ совершенно русскій, съ очень яркимъ колоритомъ самобытности... Такое нѣжное, великодушное и самоотверженно-любящее сердце выросло и расцвѣло въ родной атмосферѣ, подъ теплымъ дыханіемъ старыхъ семейныхъ началъ и традицій, переданныхъ, можетъ быть, старухой-няней, простой русской женщиной.

Въ другихъ случаяхъ, гдѣ европейское образованіе—какъ всегда, при началѣ, легкое и поверхностное—не имѣло подъ собой этого фундамента, гдѣ ему шла на встрѣчу одна лишь безпочвенная и безоглядная впечатлительность, тамъ нерѣдко получались одни только отрицательныя явленія и отрицательные типы, въ родѣ кантемировскихъ Медоровъ, фонвизинскихъ совѣтницъ и Иванушекъ. Это была дикая и странная амальгама застарѣлаго невѣжества, наслѣдственной грубой некультурности и распущенности съ мишурой западнаго просвѣщенія и внѣшнихъ формъ европейской жизни. Разбивъ въ дребезги старые кумиры и совершенно освободившись отъ нравственныхъ скрѣпъ и сдержекъ прадѣдовскаго уклада, эти Иванушки и совѣтницы остались уже рѣшительно не при чемъ, потому что «изъ Европы» они нахватывались одной обезьяньей погони за модою, фанфаронства, да жажды и вкуса къ салонно-эстетическимъ наслажденіямъ и разсѣяніямъ празднаго эпикурейства. По образованію, это были вороны въ павлинныхъ перьяхъ, по нравственности—разнузданные, безпринципные и до мозга костей испорченные себялюбцы.

Историкъ-пессимистъ не безъ основанія «дивился», глядя на русское общество прошлаго вѣка, «въ коль

краткое время повредилися повсюдно нравы въ Россіи! Воистину могу я сказать,—рисуетъ онъ картину этого поврежденія,—что если, вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, и намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ, мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ *поправленію нашихъ внѣшностей;* но тогда-же, гораздо съ вящей скоростію, бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ, и достигли даже до того, что вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали»...

Но особенно сильно «повредилась» тогда отъ такой пертурбаціи русская семья, а съ нею и хранительница семейнаго очага—женщина.

«Нѣсть, — сѣтуетъ историкъ,—ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которые не стыдятся открытно ихъ волѣ противоборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Нѣсть ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ плечъ слагая, съ радостью отдаютъ воспитывать чужимъ дѣтей своихъ; часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ и многіе учинились для честолюбія и пышности продавцами чести дочерей своихъ. Нѣтъ искренней любви между супруговъ, которые часто другъ другу хладно терпя взаимственныя прелюбодѣнія, или другіе за малое что разрушаютъ между собою церковью заключенный бракъ, и не токмо стыдятся, но

паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Нѣсть родственническія связи» *) и т. д.

Картина вѣрная, хотя и нѣсколько односторонняя: въ ней одни темныя пятна, тогда какъ въ дѣйствительности, безспорно, были и свѣтлыя — рѣдкія, но были. Не правъ историкъ еще и въ томъ, что приписываетъ это «поврежденіе» *излишней перемѣнѣ*, произведенной Петромъ В., въ смыслѣ —излишествъ просвѣщенія, заимствованнаго съ запада. Совершенно напротивъ, «перемѣна» эта грѣшила не излишествомъ, а недостаточностью, легкостью и поверхностью. Въ томъ-то и заключалась вся бѣда, что «перемѣна» эта вначалѣ не была и не могла быть коренной и глубокой. Скользнувъ по однѣмъ «внѣшностямъ» и разнуздавъ русскаго передоваго человѣка отъ нравственно-педагогическихъ сдержекъ и идеаловъ стараго порядка, она ихъ, въ сущности, ничѣмъ въ немъ не замѣнила, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, она не культивировала его внутренно и на долгое время сдѣлала «скитальцемъ» въ пустынѣ дешеваго скептицизма, отвращенія ко всему родному, черствой безсердечности и душевной порчи.

Конечно, самое «поврежденіе» началось вовсе не съ момента упомянутой «перемѣны» —она только его съ особенной яркостью обнаружила, демаскировала отъ внѣшнихъ, формальныхъ оболочекъ благочестія и условнаго приличія, подъ которыми оно застѣнчиво скрывалось въ дни господства, старо-московской морали. Съ упраздненіемъ этого господства, давно таившееся въ организмѣ

*) Записки кн. Щербатова.

стараго московскаго общества «поврежденіе нравовъ», вѣками точившее его и разлагавшее, вырвалось на улицу и безстыдно стало бравировать среди бѣлаго дня, ничѣмъ болѣе не стѣсняясь.

И въ этой, охватившей тогда большую часть «новаго» русскаго общества, шумной, непресѣкаемой болѣе никѣмъ извнѣ, оргіи—русская женщина высшихъ классовъ приняла самое живѣйшее участіе, играла роль настоящей героини, соперничая съ мужчиной въ беззаботномъ срываніи «цвѣтовъ наслажденія», въ свѣтской суетности, въ испорченности и цинизмѣ.

На самомъ дѣлѣ, и здѣсь не было никакой рѣзкой и существенной «перемѣны» въ нравственномъ уровнѣ и въ степени внутренней, сердечной и душевной чистоты русской женщины оттого только, что она сняла тѣлогрѣю и нарядилась въ «бостроги» и «шлафроки», и, вмѣсто мертвящаго прозябанія въ терему, получила нѣкоторую свободу и доступъ къ общественной жизни.

Свобода не деморализируетъ; но свобода въ данномъ случаѣ повела къ тому, что таившееся до сей поры подъ спудомъ, въ тиши и въ тѣни теремовъ «поврежденіе нравовъ» женщины всплыло наружу и опредѣлилось во весь свой ростъ. Близорукому-же историку, какимъ былъ князь Щербатовъ, могло показаться это чѣмъ-то неожиданнымъ и прямо вытекающимъ, именно, изъ «излишней перемѣны».

За всѣмъ тѣмъ, можно было-бы, дѣйствительно, придти въ отчаянье отъ этихъ мрачныхъ картинъ деморализаціи русскаго общества XVIII столѣтія, вообще, и русской женщины того времени — въ нашемъ случаѣ въ

особенности, еслибы послѣдняя, повторяемъ, не была, на нашъ взглядъ, лучше, чѣмъ о ней привыкли думать, еслибы господствовавшій, несимпатичный и испорченный, типъ ея не разнообразился счастливыми разновидностями, на которыхъ съ отрадой отдыхаетъ утомленный мракомъ глазъ историка.

Мы выскажемъ, къ слову, наше глубокое и дорогое для насъ убѣжденіе, что тотъ прекрасный, опоэтизированный литературой, сіяющій неподдѣльнымъ свѣтомъ образъ новѣйшей русской женщины, съ ея благороднымъ нравственно-эстетическимъ, гуманитарнымъ вліяніемъ на семью и общество, проходитъ, въ своихъ основныхъ родовыхъ чертахъ, положительно чрезъ всю нашу исторію: онъ брезжитъ неугасаемо въ самыя темныя ея годины, онъ вспыхиваетъ чудной красотой любви и добра среди поражающей дикости и свирѣпости трагическихъ въ жизни народа моментовъ, онъ, наконецъ, свѣтитъ намъ путеводной звѣздой и въ сумрачномъ, одуряющемъ чаду суетно-вакханальнаго безпутства, умственной фальши и глубокаго «поврежденія нравовъ» минувшаго XVIII вѣка.

И въ послѣднемъ случаѣ—повторяемъ—потому, главнымъ образомъ, что русская женщина XVIII вѣка, въ лицѣ ея лучшихъ разновидностей, не утратила характеристическихъ свѣтлыхъ сторонъ своей родовой, вѣками складывавшейся, индивидуальности, сохранивъ въ то-же время и добрыя начала старой русской семьи. Можетъ быть, въ этомъ отношеніи ей слѣдуетъ отдать рѣшительное предпочтеніе передъ русскимъ интеллигентнымъ мужчиной того-же вѣка, такъ какъ женщина, вообще,

по самой природѣ своей, консервативнѣе мужчины, а въ данномъ случаѣ это качество ея было драгоцѣннымъ достоинствомъ съ національно-исторической точки зрѣнія.

Одинъ иностранный писатель, говоря о нашемъ обществѣ прошлаго столѣтія и крайне неодобрительно отзываясь о его представителяхъ мужескаго пола, съ уваженіемъ относится къ нашимъ женщинамъ.

«Хотя въ Россіи, писалъ онъ, много восточнаго, но въ одномъ она—совершенная противоположность съ востокомъ: русскія женщины были тогда болѣе развиты и стояли выше по образованію нежели мужчины. Многіе изъ нихъ знали до полдюжины разныхъ языковъ, умѣли играть на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ и близко знакомы съ твореніями лучшихъ поэтовъ Франціи, Италіи и Англіи».

Это, положимъ, не совсѣмъ вѣрно: галантный историкъ сильно польстилъ нашимъ прабабкамъ, которыя, безъ сомнѣнія, не могли превосходить своихъ мужей и братьевъ ни умственнымъ развитіемъ, ни знаніями, говоря вообще; но приведенное свидѣтельство важно для насъ, какъ указаніе на другую капитальную черту русской женщины разсматриваемаго періода.

Будучи безспорно консервативнѣе мужчины въ области чувства, морали и семейныхъ обычаевъ, она стояла на одномъ съ нимъ уровнѣ въ умственномъ просвѣщеніи и шла объ руку съ нимъ въ прогрессивныхъ стремленіяхъ. Это такъ было и на самомъ дѣлѣ. Впрочемъ, русская женщина всегда была прогрессивна, даже, быть можетъ, прогрессивнѣе женщинъ другихъ странъ, и эта отличительная черта осталась за ней до сихъ поръ.

Оно и совершенно понятно: живая, энергическая и даровитая природа нашей героини никогда, въ сущности, не мирилась съ затворничествомъ теремной жизни и съ полумонастырскимъ, полуазіатскимъ кодексомъ Домостроя, осуждавшимъ ее на рабство, на отреченіе отъ своей личности и отъ подобающей роли въ обществѣ. Тоскующая, съ подрѣзанными крыльями, душа ея всегда рвалась на волю, на просторъ полной, человѣчной жизни. Протестъ этотъ выражался иногда въ рѣзкихъ, странныхъ и безнравственныхъ формахъ; наконецъ, онъ достигъ трагически-грандіознаго выраженія въ лицѣ, напр., царевны Софіи... Правда, во многихъ случаяхъ онъ затихалъ и умѣрялся тѣми, иногда весьма существенными, уступками, которыя дѣлалъ мужъ и отецъ, добровольно отказывавшіеся отъ своихъ рабовладѣльческихъ правъ надъ женою или дочерью, благодаря нравственному вліянію и обаянію послѣднихъ; тѣмъ не менѣе, исторически-законный духъ протеста и, отсюда, прогрессивное стремленіе къ лучшимъ формамъ жизни, къ свободѣ и свѣту проходятъ почти чрезъ всю исторію русской женщины и съ особеннымъ напряженіемъ проявляются въ XVII столѣтіи передъ выходомъ ея изъ терема, отвореннаго царственной рукою преобразователя.

Этотъ духъ подмѣтили въ русской женщинѣ того времени даже иностранцы, посѣщавшіе Москву. Корбъ, опровергая «басню» о томъ, будто-бы «москвитянка, по числу ударовъ, данныхъ ей мужемъ, заключаетъ о томъ, какъ велика къ ней любовь его», самымъ категорическимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что она «охотно освободилась-бы отъ крайне унизительной покорности», еслибы

голько нашелся преобразователь столь жестокаго для ее обычая». Другой историкъ, Веберъ, записалъ харакеристическую сцену, характеризующую нашу героиню ъ этомъ отношеніи.

Какъ-то, будучи въ Москвѣ, онъ посѣтилъ одинъ зъ мѣстныхъ женскихъ монастырей, настоятельница коораго и монахини встрѣтили его съ большой предупредительностью и гостепріимствомъ. Появленіе его въ еркви произвело необыкновенное впечатлѣніе на все онастырское женское общество.

«Любопытство нѣкоторыхъ женщинъ простиралось до ого, пишетъ Веберъ, что онѣ дергали меня за рукава, редлагали различные вопросы и заводили разговоры томъ: откуда я взялся? что дѣлаю въ Москвѣ? и т. од. Нѣкоторыя спрашивали даже—крещеный-ли я»...

Разговоры эти повели къ тому, что и послѣ богослуженія онѣ, съ большими, впрочемъ, любезностями, адержали меня цѣлый часъ, разспрашивая о разныхъ редметахъ въ нѣмецкихъ земляхъ и, *въ особенности*, о оложеніи женщинъ: въ такомъ-ли онѣ гнетѣ и униженіи, въ какомъ содержатся въ Россіи?»

Разсказъ о свободѣ и преимуществахъ нѣмецкой женщины до того плѣнилъ внимательныхъ слушательницъ, то на прощанье онѣ «вовсе не тихо приговаривали: акъ-бы желали онѣ выдти замужъ въ тѣхъ нѣмецкихъ емляхъ!»

Это наивное, но весьма краснорѣчивое выраженіе ротеста «гнету» и «униженію» и стремленія къ свободѣ къ лучшей жизни, конечно, высказано было не моахинями, а бывшими на ту пору въ монастырѣ свѣт-

скими женщинами, какъ богомолками, такъ и тѣми, которыя, по обычаю того времени, проводили въ монастырскихъ кельяхъ свое дѣвичество.

Подобныхъ указаній можно было-бы привести много, но и сказаннаго довольно для убѣжденія въ томъ, что наша героиня въ сущности вовсе не была такъ уже «несмышленна» и «разумомъ простовата», какъ мы привыкли о ней думать.

Она выходила на просторъ новой жизни со свѣжими силами, бодрой, неиспорченной и богатой натуры, съ молодой жаждой свѣта и неизвѣданныхъ благъ свободной, человѣчной жизни, но и съ запасомъ того благотворно нравственнаго наслѣдства, которое она, по чутью добра, могла выбрать изъ завѣщаннаго предшествовавшими поколѣніями старья и которое легло въ фундаментъ ея новаго перевоспитанія. Положимъ, не всегда этотъ выборъ былъ удаченъ, а нерѣдко и совсѣмъ его не было; были во множествѣ уродливости и уклоненія на новомъ пути нашей героини, но и въ текстѣ самыхъ темныхъ, несимпатичныхъ страницъ исторіи русской женщины прошлаго вѣка свѣтлѣютъ яркія строчки, свидѣтельствующія, что она, въ сущности, никогда не теряла изъ глазъ своего идеала, своего призванія...

Переходя отъ общихъ соображеній и вступительныхъ оговорокъ къ предмету, собственно, нашего изслѣдованія, полагаемъ не лишнимъ условиться относительно его плана.

По исторіи нашей героини сдѣлано уже все, что касается подготовительныхъ работъ и эскизовъ, собиранія матеріаловъ и формовки деталей: передъ нами лежитъ

обширная мемуарная и монографическая литература по данному предмету; но и—только... Естественно, что задача вновь выступающихъ на этомъ поприщѣ работниковъ должна идти дальше. Какъ въ скульптурѣ, изъ порознь изученныхъ, сформованныхъ и отлитыхъ разчлененій и деталей, творческой рукой художника, складывается, по отбросѣ лишняго хлама и осколковъ матеріала, цѣлостная и законченная фигура или группа задуманнаго произведенія, такъ и въ исторіи, аналогичнымъ процессомъ переработки матеріаловъ, отъ частностей переходятъ къ воспроизведенію обобщенной картины данной эпохи или одного изъ ея эпизодовъ, а отсюда и къ истинному ихъ пониманію.

Изобразить общій, цѣлостный типъ русской женщины прошлаго столѣтія, въ ея главныхъ, характеристическихъ культурно-историческихъ чертахъ, отбросивъ все случайное и аномальное, въ то-же время —очертить ея судьбу и ея развитіе, въ ихъ существенныхъ моментахъ и, наконецъ, обозначить и выяснить ея интеллектуальное вліяніе и общественное значеніе —вотъ задача, предлежащая, по нашему мнѣнію, въ настоящую минуту изслѣдователю этого предмета!

Эту-то задачу мы и намѣрены преслѣдовать, сколько позволятъ наши слабыя силы. Въ такомъ намѣреніи мы представимъ рядъ обобщенныхъ очерковъ женщины-ребенка, женщины-дѣвушки, женщины-супруги и матери, женщины — свѣтской дамы и т. д. *), какими онѣ были

---

*) Русской женщинѣ—государынѣ XVIII столѣтія у меня посвященъ особый, уже напечатанный въ „Историческ. Вѣ-

втеченіе обозрѣваемаго періода. Идя такимъ путемъ, мы придемъ къ общимъ заключеніямъ и выводамъ для посильнаго разрѣшенія вопроса: что такое была русская женщина XVIII столѣтія и какое занимаетъ она мѣсто въ его исторіи.

стникѣ" 1880 г. очеркъ, подъ заглавіемъ: „Женское правленіе". По многимъ соображеніямъ онъ не могъ войти въ настоящую книгу, а будетъ изданъ отдѣльно.

Авт.

III.

Дѣтство.

Извѣстный Храповицкій разсказываетъ, что, когда онъ какъ-то поздравилъ императрицу Екатерину II съ рожденіемъ *пятой* ея внучки, то государыня съ неудовольствіемъ возразила:

— Много дѣвокъ,—всѣхъ замужъ не выдадутъ!

По тому же поводу, въ перепискѣ съ Гриммомъ, она жаловалась, что семейство ея наслѣдника, великаго князя Павла Петровича, все больше «умножается барышнями».

«Сказать по правдѣ, добавляетъ она, я несравненно болѣе предпочитаю мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ».

Въ высшей степени характеристично, что подобный патріархальный взглядъ на значеніе женскаго поколѣнія въ семьѣ раздѣлялся женщиной-же, и притомъ просвѣщеннѣйшей и геніальнѣйшей женщиной своего вѣка, которая могла, казалось бы, по самой себѣ, по своей высокой роли и великой дѣятельности, составить болѣе выгодное мнѣніе о своемъ полѣ.

Мы знаемъ, что такое, обидное для прекраснаго пола, предпочтеніе мальчиковъ передъ дѣвочками составляло

господствующій принцинъ въ семейно-родовыхъ воззрѣніяхъ нашихъ предковъ, съ древнѣйшихъ временъ, и вытекало изъ безправія и подчиненія женской личности личностью мужчины. Кромѣ того, что женщина— дочь, съ точки зрѣнія этихъ патріархальныхъ воззрѣній, являлась отрѣзаннымъ ломтемъ для рода, совершенно безполезнымъ въ интересѣ возвеличенія и укрѣпленія послѣдняго, она еще составляла для родителей бремя, возлагая на нихъ трудную заботу — выдать ее замужъ, такъ какъ въ бракѣ и заключалось тогда все призваніе, вся цѣль жизни русской женщины, особенно въ высшихъ классахъ.

— Много дѣвокъ, — всѣхъ замужъ не выдать! — это семейственное сѣтованіе, высказанное, какъ мы видѣли, Екатериной, искони на Руси удручало каждаго отца и каждую мать, если ихъ Господь Богъ благословилъ многочисленнымъ женскимъ поколѣніемъ.

— Что въ дочкахъ проку! вѣдь онѣ глядятъ не въ домъ, а изъ дому. Сегодня Багровы, а завтра Шлыгины, Малыгины, Поповы, Колпаковы. Одна моя надежда— Алексѣй (сынъ).

Такъ говорилъ и думалъ одинъ изъ типичнѣйшихъ истинно-русскихъ людей XVIII вѣка, Степанъ Михайловичъ Аксаковъ, одинъ изъ героевъ извѣстной «Семейной хроники».

Такъ говорятъ, а еще чаще такъ думаютъ про себя многіе родители, даже изъ культурной среды и въ наши дни. Подобные предразсудки, обусловливаемые существованіемъ извѣстныхъ общественно-семейныхъ аномалій, очень туго уступаютъ вліянію новыхъ, болѣе гу-

манныхъ взглядовъ. Въ описываемую же эпоху они раздѣлялись всѣми почти ея представителями, начиная съ царской семьи и кончая убогой крестьянской. Поздравляя Екатерину—жену Петра В.—съ рожденіемъ дочери, царица Прасковья Ѳедоровна, пишетъ, напр.: «А въ новый годъ (т. е. въ слѣдующій) пода Господи царевича и чего отъ всего сердца желаемъ».

А сколько заботъ, тревогъ, и волненій доставляло Петру В. и его супругѣ то обстоятельство, что рождавшіеся у нихъ сыновья долго не выживали. Когда Екатерина была беременна, и она и Петръ страстно ждали увидѣть сына. Когда же онъ родился, радости ихъ не было предѣловъ.

«Зѣло радостное твое писаніе, писалъ Петръ женѣ въ 1717 году, извѣстіе о рожденіи сына Павла получилъ, въ которомъ объявляешь, что Господь Богъ насъ такъ обрадовалъ, что и другого рекрута даровалъ, за что да будетъ хвала ему и незабвенное благодареніе!» Далѣе онъ пишетъ, что «сердечно желаетъ сего нововыѣзжаго гостя видѣть»... Въ его путевомъ журналѣ записано, что, по случаю этого извѣстія, царь, министры и прочіе служители «до одного изрядно веселились». Веселіе, впрочемъ, скоро смѣнилось для Петра глубокимъ горемъ, когда новорожденный умеръ.

Такимъ образомъ, уже при самомъ рожденіи нашей героини, свѣтъ и самые близкіе ей люди встрѣчали ее не всегда гостепріимно, точно она являлась какой-то ошибкой природы, какой-то досадной опиской безразсчетной судьбы.

Когда сынъ того же С. М. Аксакова женился, то свекоръ сталъ просить невѣстку «подарить ему внучка». Невѣстка не исполнила этой просьбы—первый ребенокъ ея оказался дѣвочкой. И что же?

«Степанъ Михайловичъ такъ увѣрилъ себя, что у него родится внукъ, наслѣдникъ рода, что не вдругъ повѣрилъ появленію на свѣтъ внучки»... «Убѣдясь же, что дѣло не подлежитъ сомнѣнію, огорчился не на шутку, отмѣнилъ приготовленное крестьянамъ угощеніе, не захотѣлъ самъ и поздравить невѣстку...

Когда вскорѣ послѣ этого огорчительная внучка отдала Богу душу, чадолюбивый дѣдъ равнодушно сказалъ:

— Вотъ есть объ чемъ убиваться—объ дѣвченкѣ; этого добра еще будетъ!

Сами матери, образованныя женщины, нерѣдко смотрѣли на рожденіе у нихъ дочерей,—особенно, когда не родилось при этомъ мальчиковъ, какъ на несчастіе и Божье наказаніе. Ѣздили на богомолье по монастырямъ, вымаливая у св. чудотворцевъ благословенія родить сына; совѣтовались съ докторами и разными колдунами и знахарками; и если, не смотря на все это, страстное желаніе имѣть сына не сбывалось, то нерѣдко бѣдная мать впадала въ немилость у своего повелителя-мужа, да и сама себя считала какъ-бы отверженной.

Но рядомъ съ явленіями такого, антигуманнаго отношенія къ дѣтямъ женскаго пола, мы встрѣчаемъ въ области русской семейной жизни прошлаго вѣка прекрасные примѣры чадолюбія, возвышавшагося надъ старыми предразсудками и чуждаго патріархально-родовыхъ предубѣжденій.

Сказать къ слову, мы намѣрены, какъ здѣсь, такъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи нашемъ, останавливаться съ особеннымъ вниманіемъ на такихъ именно, положительныхъ, отрадныхъ явленіяхъ, какъ бы они ни были рѣдки. Нельзя не сказать, что до сихъ поръ наши изслѣдователи не щадили мрачныхъ красокъ при изображеніи житья-бытья нашихъ предковъ. Безспорно, что мрака тамъ и въ дѣйствительности было много; однакожъ— онъ не всегда былъ сплошной и непроницаемый: сквозь его завѣсу то тамъ, то здѣсь нерѣдко просачивались болѣе или менѣе яркіе и животворные лучи свѣта. Не нужно, кажется, доказывать, что въ этихъ то лучахъ и сказывается всегда истинный смыслъ и жизненная правда данной среды, данной эпохи. Худо, когда ихъ вовсе нѣтъ, когда царитъ одна непроглядная темень; но, разъ среди темени блеснулъ лучъ свѣта—онъ уже не сгинетъ, а по естественному порядку, разгораясь съ каждой минутой все болѣе и болѣе, возъобладаетъ, наконецъ, надъ тьмою и рано или поздно разгонитъ ея тѣни, какъ бы онѣ не были густы... Въ этомъ и тайна, и сущность прогресса!

За всѣмъ тѣмъ, слѣдуетъ признать, что въ самой старинной русской семьѣ, не смотря на опутывавшія ее тѣсныя тенета заскорузлыхъ предразсудковъ и правилъ патріархальной морали, не было недостатка и въ добрыхъ, свѣтлыхъ началахъ, присутствіе которыхъ живо чувствуется и въ лучшихъ семьяхъ XVIII столѣтія. Да и могло ли быть иначе?—Развѣ, напр., материнское сердце, съ его высокимъ самоотверженіемъ и неистощимой нѣжностью, можетъ измѣнить своей натурѣ?

Да, подобныя уродливыя аномаліи возможны, но менѣе и рѣже всего онѣ могли имѣть мѣсто въ тиши уединенной теремной жизни, когда, по самимъ условіямъ этой жизни, тоскующее женское сердце находило единственный исходъ въ материнскомъ чувствѣ. Тѣмъ это чувство, понятно, выражалось страстнѣе и ярче.

«Прѐвеликая нѣга, говоритъ извѣстный Болотовъ, вспоминая свое дѣтство, всегда слѣдуетъ за любовью, которую матери имѣютъ къ своимъ дѣтямъ. Мать моя крайне меня любила и не оставляла всякимъ образомъ нѣжить!»

Посмотрите, какой неувядаемой прелестью нѣжнаго материнскаго сердца дышатъ безхитростныя «граматки» царицы Натальи Кирилловны къ ея дорогому дѣтищу, «свѣту» и «радости» Петру Алексѣевичу, какъ она глубоко «сокрушается», что его, «свѣта», не видитъ, съ какой трогательной лаской укоряетъ, что онъ ее «опечалилъ»—долго не пишетъ, и упрашиваетъ, чтобы онъ ее «родимую его, помиловалъ—пріѣхалъ, не мѣшкавъ»...

Но это была любовь къ сыну, въ которомъ Наталья Кирилловна, и по многимъ стороннимъ обстоятельствамъ, кромѣ материнскаго чувства, должна была видѣть единственную свою радость и опору. Обратимся къ примѣрамъ, ближе подходящимъ къ нашему предмету.

Вотъ что говоритъ о своемъ дѣтствѣ въ родительскомъ домѣ одна изъ лучшихъ женщинъ первой половины прошлаго вѣка, княгиня Наталья Борисовна Долгорукова:

«Я росла при матери моей во всякомъ довольствѣ. Она старалась о воспитаніи моемъ, чтобъ ничего не

упустить въ наукахъ, и все возможное употребляла къ умноженію моихъ достоинствъ. Я ей была очень дорога; она льстилась мною веселиться, представляла себѣ, что, когда приду въ совершенныя лѣта, буду ей добрый товарищъ во всякихъ случаяхъ, и въ печали и въ радости... Любила меня пребезмѣрно, хотя я того и не достойна была»...

Слѣдуетъ замѣтить, что мать княгини (урожденная Салтыкова, по второму браку за Шереметевымъ) была женщина старо-московскаго порядка: она выросла и воспиталась въ теремѣ, новшества Петра В. застали ее уже въ зрѣломъ возрастѣ и едва-ли могли оказать слишкомъ вліятельную перемѣну на ея вполнѣ уже сложившійся тогда характеръ и образъ мыслей.

Еще болѣе разительный примѣръ, въ данномъ отношеніи, представляетъ другая замѣчательная русская женщина той-же эпохи, графиня Екатерина Ивановна Головкина (урожденная княжна Ромодановская). Извѣстный князь-кесарь Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, дѣдъ нашей героини, въ домѣ котораго она выросла, былъ упрямый и горячій поклонникъ московской старины, въ чемъ долженъ былъ сдѣлать ему уступку самъ желѣзный Петръ. Домъ князя и весь порядокъ жизни въ немъ были подчинены прадѣдовскому укладу, который господствовалъ, конечно, и въ міровоззрѣніи всей семьи. И изъ этой-то семьи вышла — добродѣтельнѣйшая и просвѣщеннѣйшая женщина своего времени, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ! Царица Прасковья, невѣстка Петра В., точно также, будучи женщиной стараго закала,

оставила по себѣ память своей необычайной любовью къ одной изъ дочерей своихъ «свѣтъ-Катенькѣ».

Извѣстно, что царевна Катерина, игравшая довольно видную роль при дворѣ Петра, была кумиромъ матери— ея другомъ, утѣхой, совѣтникомъ и ходатаемъ, какъ это можно видѣть изъ ихъ переписки. «А письма твои, Катюшка,—чту и *всегда плачу*, на ихъ смотря».

Изъ страстной любви къ дочери, царица долго отклоняла случаи ея замужества, такъ что Катерина Ивановна только на 25-мъ году вышла замужъ. Когда же у Катерины Ивановны послѣ брака родилась дочь, то царица Прасковья и на внуку перенесла горячую любовь свою. Она пишетъ своей «махотьчкѣ-внучкѣ» особыя грамотки, дышащія трогательной нѣжностью: «Внучка, свѣтъ мой!—пишетъ она въ одной изъ этихъ грамотокъ: желаю я тебѣ, другъ мой сердечный, всякаго блага отъ всего моего сердца; да хочетца, хочетца, хочетца тебя, другъ мой внучка, мнѣ бабушкѣ старенькой видѣть тебя маленькую и подружиться съ тобою. Старая съ малой живутъ очень дружно»...

Самъ Петръ В., не смотря на свой крутой и жесткій нравъ, былъ очень нѣжнымъ и чадолюбивымъ отцомъ въ своей семьѣ. Онъ, по свидѣтельству Берхгольца, «всегда показывалъ неописанную нѣжность и любовь къ обѣимъ дочерямъ своимъ». Извѣстно также, что дочери были одной изъ побудительнѣйшихъ причинъ, заставившихъ его окончательно, на законномъ основаніи, скрѣпить свой союзъ съ Екатериной.

Въ самыя трудныя минуты государственныхъ заботъ у него лежала на сердцѣ судьба дочерей и ихъ матери.

Во время рѣшительной борьбы съ Карломъ XII, отправляясь въ армію, Петръ собственноручно пишетъ:

«Ежели что мнѣ случится волею Божіею, тогда три тысячи рублевъ, которыя нынѣ на дворѣ господина князя Меншикова, отдать Катеринѣ Василевской *и съ дѣвочкою*» (т. е. съ дочерью).

Позднѣе, въ такую-же опасную минуту и когда у Екатерины была уже не одна «дѣвочка», Петръ озабоченъ мыслью обезпечить ихъ судьбу болѣе основательно, «дабы, ежели сироты останутся,—пишетъ онъ Меншикову,—лучше могли-бы свое житіе имѣть».

Въ перепискѣ между собою, Петръ и Екатерина почти постоянно, съ любовью и заботой, упоминаютъ о малолѣтнихъ дочкахъ. Съ той минуты, когда «сердешнинькой другъ Катеринушка» стала матерью, чадолюбивый Петръ начинаетъ величать ее ласкательными именами: «мудеръ», «матка», «матушка», а она, въ своихъ письмахъ къ нему, подписывается многозначущимъ титуломъ: «сама-третья», образно намекающимъ на то, что она мать, и напоминающимъ объ ихъ двухъ дочеряхъ. Въ письмахъ ея упоминается о здоровьи малютокъ, о томъ, благополучно-ли прорѣзываются у нихъ «зубки», передаются разные случаи изъ дѣтской жизни, успѣхи въ наукахъ и проч.

Будучи въ 1714 г. въ разлукѣ съ дочерьми, Екатерина извѣщаетъ Петра, что получила письмо «отъ дѣтей нашихъ, въ которомъ письмѣ *Аннушка* приписала имя своею ручкою». Аннушкѣ было тогда шесть лѣтъ, и, конечно, такое извѣстіе объ ея успѣхахъ въ правописаніи сообщалось въ разсчетѣ—порадовать родительское сердце Петра.

«Дѣвочки» были окружены самой теплой заботой и бдительнымъ попеченіемъ объ ихъ здоровьи, воспитаніи и обученіи, а также объ ихъ удовольствіяхъ. Къ нимъ приставленъ былъ цѣлый штатъ слугъ, воспитателей и учителей, а, по свидѣтельству одного иностранца, у одиннадцатилѣтней великой княжны Анны Петровны былъ уже свой маленькій дворъ. Это подтверждаетъ отчасти Минихъ, разсказывая въ своихъ запискахъ, что Екатерина назначила воспитательницей тогда еще малолѣтней Елизаветы Петровны его жену, а дочерей его и еще нѣсколькихъ знатныхъ дѣвицъ сдѣлала фрейлинами юной принцессы.

Въ богатыхъ дворянскихъ русскихъ семьяхъ изстари попеченіе о дѣтяхъ было организовано широко и внимательно. Ребенокъ оберегался, какъ зѣница ока, цѣлой толпой кормилицъ, мамокъ, нянекъ и прочихъ членовъ женской прислуги, неусыпно заботившихся, чтобы барское дитя росло въ холѣ, въ бережи, сытно ѣло и сладко пило, ни въ чемъ не знало бы отказа и повсечастно развлекалось всякаго рода забавами и утѣхами, на которыя такъ изобрѣтательна русская няня.

Въ этомъ міркѣ жизнь была гораздо консервативнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, и—несомнѣнно, обстановка, порядокъ, кругъ понятій и вся нравственная атмосфера «дѣтской», даже у наиболѣе объевропеившихся людей XVIII вѣка, носили неувядаемый русскій отпечатокъ, вѣрный преданіямъ и завѣтамъ старины. Здѣсь все оставалось въ томъ видѣ, въ какомъ было и въ отдаленныя, дореформенныя времена.

«Дѣтская» служила для «культурнаго» человѣка главной, нерѣдко единственной школой національнаго чувства; она роднила ребенка съ народомъ, воспитывала въ немъ способность понимать народную жизнь, убаюкивая его съ пеленокъ чарами народной поэзіи и заронняя въ его впечатлительную душу чисто-народныя воззрѣнія, повѣрья и наклонности, которыя часто неизгладимо запечатлѣвались въ немъ на всю жизнь.

Конечно, эта школа воспитывала въ дѣтяхъ и многія отрицательныя стороны характера, но мы отмѣчаемъ здѣсь то драгоцѣнное свойство русской «дѣтской», благодаря которому въ самые безотрадные моменты слѣпого подражанія всему западному въ лучшихъ представителяхъ нашего общества не угасало чувство народности. Краснорѣчивѣйшимъ примѣромъ, въ этомъ отношеніи, служитъ нашъ безсмертный Пушкинъ, обязанный своей нянѣ, какъ говоритъ г. Анненковъ, «первымъ знакомствомъ съ источниками народной поэзіи и впечатлѣніями ея».

Къ сожалѣнію, вліяніе «дѣтской», съ ея безгранично преданной и любящей охранительницей—«голубкой дряхлой» няней, какою была, напр., пушкинская Родіоновна, принадлежавшая «къ типическимъ и благороднѣйшимъ лицамъ русскаго міра»,—вліяніе это, безспорно сильное, на воспитаніе цѣлыхъ поколѣній русскихъ «культурныхъ» людей и на образованіе ихъ характеровъ, до сихъ поръ у насъ мало оцѣнено и мало изслѣдовано. На женскихъ личностяхъ оно должно было отражаться особенно рельефно, по самому свойству женской природы, болѣе впечатлительной и мягкой, чѣмъ мужская.

«Какія кроткія картины пробуждаются въ душѣ моей при воспоминаніи о моей нянѣ»,—пишетъ одна русская образованная женщина въ своихъ запискахъ, относящихся къ началу нынѣшняго столѣтія — къ первымъ годамъ.

«Привязанность моя къ ней,—продолжаетъ она,—доходила до болѣзненности. Въ младенчествѣ моемъ я почти ни на шагъ не отпускала ее отъ себя, не сходила у нея съ рукъ; обнявши ее и прижавшись къ ея груди, укрывалась отъ всякаго рода дѣтскихъ невзгодъ».

Авторъ разсказываетъ, что няня, отвѣчая ей такой же горячей привязанностью, постоянно старалась укрыть ее отъ суровыхъ взысканій вспыльчивой матери. Она «со слезами умоляла мать меня помиловать, — пишетъ авторъ, — обѣщалась за меня, что «впередъ не буду», и если ничто не удавалось, прикрывала меня своими старыми руками и принимала на нихъ предназначенныя мнѣ удары розогъ»...

И во многихъ семьяхъ такъ бывало, что няня была гораздо ближе, ласковѣе и нѣжнѣе матери для ребенка. Матери, особенно изъ свѣтскихъ богатыхъ женщинъ, слишкомъ много отдавая себя и своего времени суетности и развлеченіямъ, нерѣдко пренебрегали воспитаніемъ своихъ ребятъ, никогда не заглядывали къ нимъ въ «дѣтскую» или заглядывали только отъ нечего дѣлать, чтобы «въ кругу дѣтей своихъ заснуть», какъ это дѣлаетъ осмѣянная Новиковымъ «щеголиха» Цидалинда, всецѣло препоручая судьбу дѣтей сперва, въ ранніе годы, крѣпостнымъ нянямъ, а потомъ—наемнымъ иностранкамъ—боннамъ и гувернанткамъ.

Въ прошломъ столѣтіи, въ высшей дворянской средѣ, это было заурядное явленіе, достаточно осмѣянное тогдашними моралистами-сатириками, о чемъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

За всѣмъ тѣмъ, свѣтскія матери, иногда сами дурно воспитанныя и съ дурнымъ характеромъ, злоупотребляя родительскимъ правомъ, обращались со своими дѣтьми безпорядочно, взбалмошно, а нерѣдко и жестоко. Во всѣхъ такихъ злоключеніяхъ няня, всегда рабски преданная и матерински нѣжная къ своему питомцу, являлась единственнымъ его убѣжищемъ, другомъ и утѣшителемъ.

Эта тихая нѣжность и горячая теплота отношеній «голубки дряхлой» къ дитяти животворнымъ образомъ создавали ея глубокое нравственное вліяніе на него.

— Когда няня,—разсказываетъ вышецитированный авторъ,—дѣлилась со мною своими мыслями, разсказывала мнѣ сказки, которыхъ знала множество, «слушая ее, я отдыхала и отъ боли, и отъ горя, и вмѣстѣ съ нею отдавалась дивному повѣствованію, убаюканная имъ, засыпала на ея колѣняхъ».

«Вечеромъ, укладывая меня въ постель, она тихо творила молитву передъ образомъ, крестила меня, брала стулъ и садилась подлѣ; клала на меня руку, чтобы я, засыпая, не встрепенулась, и начинала или разсказъ, или пѣсню, какъ у кота колыбель хороша, а у меня и получше его, или какъ ходитъ котъ по лавочкѣ, водитъ кошку за лапочки, и я, не спуская съ нея глазъ, засыпала. Утромъ, проснувшись — встрѣчала тотъ-же исполненный мира и любви взоръ, подъ которымъ заснула».

Когда, по нѣкоторымъ неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, разсказчица должна была, среди страшныхъ слезъ и отчаянья, разлучиться со своей няней, у нея, по ея словамъ, ни съ кѣмъ не стало «того поэтическаго единства, которое связывало любящую дѣтскую душу младенца съ любящей младенческой душей старушки. Вся поэзія дѣтской жизни моей, говоритъ она, надолго покинула меня съ моей няней».

Такія сердечныя отношенія съ няней, безъ сомнѣнія, согрѣвали и одухотворяли дѣтство большинства русскихъ интеллигентныхъ людей дворянской, зажиточной среды минувшихъ временъ, и, конечно, оставляли благотворный отпечатокъ на ихъ характерѣ и на ихъ воззрѣніяхъ. Какое, иногда, сильное, неизгладимое вліяніе оказывала «дѣтская» и проведенные въ ней младенческіе годы жизни въ общеніи съ нянями и мамами—простыми русскими женщинами, можно судить наглядно по двумъ императрицамъ—Елизаветѣ Петровнѣ и Аннѣ Ивановнѣ.

Извѣстно, что обѣ онѣ у себя дома, въ своихъ привычкахъ, наклонностяхъ, даже въ образѣ мыслей и въ предразсудкахъ, цѣлую жизнь оставались совершенно русскими женщинами, близко напоминавшими старомосковскихъ боярынь, отъ вкуса къ національному русскому костюму и простонароднымъ хороводамъ до пристрастія къ чесанію пятокъ и слушанію сказокъ на сонъ грядущій. Черта эта особенно удивительна въ Елизаветѣ Петровнѣ, мать которой была нѣмка.

Само собой разумѣется, что какъ обѣ эти государыни, такъ и многія современныя имъ высшаго слоя женщины, отличавшіяся такими-же чисто-народными черта-

ми, усвоивали себѣ этотъ русскій складъ исключительно въ ранніе годы жизни, въ тиши своихъ «дѣтскихъ», подъ вліяніемъ опекавшихъ и окружавшихъ ихъ нянюшекъ, кормилицъ и «сѣнныхъ дѣвушекъ», взятыхъ, какъ водилось тогда, прямо изъ деревни.

Вліяніе это, которое мы считаемъ нужнымъ очертить какъ можно точнѣе и рельефнѣе, отражалось на нашей героинѣ многоразлично и всесторонне.

Вся жизнь «дѣтской» протекала по старому, давно заведенному порядку, выработанному разумомъ и опытомъ простой русской матери, не всегда, конечно, согласовавшимися съ предписаніями науки и раціональнаго воспитанія, о которыхъ часто не имѣла понятія не только какая нибудь безхитростная няня, но и сама мать—образованная, салонная дама.

Первымъ, самымъ универсальнымъ средствомъ противъ всякихъ огорченій, неудовольствій и болей ребенка былъ хорошій, вкусный, сладкій кормъ.

Забота эта выражалась уже при выборѣ кормилицы новорожденному. Для кормленія барскаго дитяти выбиралась изъ крѣпостныхъ женщина молодая, здоровая, «чистая», породистая и красивая. Въ старинномъ боярскомъ семейномъ быту выборъ кормилицы подчинялся еще и строгому нравственному цензу. Напримѣръ, кормилицы царскихъ дѣтей «цѣловали крестъ» въ томъ, чтобы «государемъ своимъ и ему (имя рекъ) государю (или государынѣ, ежели ребенокъ былъ женскаго пола) служити и прямити и добра хотѣти во всемъ безо всякія хитрости, и... отъ сосца своего кормити съ великимъ береженьемъ и со опасеньемъ, а зелья лихова и

коренья въ ѣствѣ и въ питьѣ не подати... и лихихъ волшебныхъ словъ не наговаривать и надъ государскимъ платьемъ, и надъ сорочками, и надъ портами, и надъ полотенцами, и надъ постелями, и надъ всякими государскими обиходы лиха никотораго не мнити, и ото всякаго лиха оберегати, и надъ подругами своими и надо всякими людьми смотрити и беречи накрѣпко».

Изъ этой выдержки, взятой изъ «записи» конца XVIII столѣтія, можно видѣть, какія строгія требованія по этому предмету выработала старинная русская семейная жизнь, завѣщавъ ихъ временамъ новѣйшимъ. Сама кормилица въ домѣ окружалась вниманіемъ, почетомъ, довольствомъ и холей, дѣлалась, какъ-бы, членомъ семьи и навсегда связывалась со своимъ питомцемъ родственно-любовными отношеніями.

Въ старину дѣтей кормили грудью подолгу. Фонвизинъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, что его въ дѣтствѣ отняли отъ груди только на третьемъ году. «Лишеніе это, говоритъ онъ, какъ сказывалъ мнѣ самъ отецъ мой, переносилъ я съ ужаснымъ нетерпѣніемъ и тоскою»... Оттого и не отнимали такъ долго: боялись огорчить ребенка, да притомъ многіе родители того времени, какъ свидѣтельствуетъ Новиковъ, «думали, что стоитъ только хорошо кормить дѣтей, и все пойдетъ отлично».

Въ силу такого правила, когда ребенокъ подросталъ —его пичкали всякой снѣдью по первому требованію и капризу. Кромѣ изобильныхъ завтраковъ, обѣдовъ, полдниковъ, паужиновъ и проч., ему предлагались всевозможныя лакомства, особенно, въ тѣхъ случаяхъ, когда

онъ былъ чѣмъ нибудь недоволенъ и его старались утѣшить.

— Нишкни, нещечко дамъ!

Таково было, по воспоминаніямъ о дѣтствѣ одной писательницы, обычное приглашеніе воспитательницы—няни, обращаемое къ ребенку, съ цѣлью заставить его утереть слезы.

Вслѣдъ за этимъ приглашеніемъ, «мы, разсказываетъ авторъ, направлялись къ сундуку съ лакомствами, и я набивала себѣ ими ротъ и руки». Сундукъ этотъ имѣлъ двойное обаяніе въ дѣтскихъ глазахъ: и какъ сокровищница лакомствъ — всевозможныхъ пастилъ, пряниковъ, маковниковъ, орѣховъ, засахаренныхъ фруктовъ, варенья и проч., и какъ своеобразная картинная галлерея. Я любовалась, говоритъ разсказчица, на лубочныя картинки, которыми была оклеена внутренность крышки сундука. Да и какъ было не любоваться? Пожалуй, и не придется увидать свиста соловья-разбойника въ видѣ пука золотистыхъ лучей, или ряды мышей красныхъ, желтыхъ, синихъ, погребающихъ жирнаго кота»...

Эту, такъ сказать, желудочную сторону воспитанія дѣтей, по патріархальной русской методѣ, расходившейся во многомъ съ требованіями гигіены, осмѣялъ, между прочимъ, Фонвизинъ, въ своемъ «Недорослѣ», на самомъ себѣ испытавшій, какъ мы видѣли, крайности этой методы.

— Поди, Еремѣевна, дай позавтракать ребенку! — обращается въ одномъ мѣстѣ комедіи Простакова къ «мамѣ» Митрофана.

— Онъ уже и такъ, матушка,—отвѣчаетъ Еремѣевна,—пять булочекъ скушать изволилъ.

— Такъ тебѣ жаль шестой, бестія?

Самъ Митрофанушка, цѣлую ночь передъ этимъ «протосковавшій» отъ обремененія желудка, на вопросъ Скотинина, не слишкомъ ли плотно онъ поужиналъ? — отвѣчаетъ:

— А я, дядюшка, почти и вовсе не ужиналъ: солонины ломтика три, да подовыхъ, не помню пять, не помню шесть....

Рядомъ съ сатирой на эту слабую сторону физическаго воспитанія дѣтей, по старинной безхитростной методѣ, возставала противъ него и педагогическая литература наша прошлаго столѣтія. Особенно много и плодовито потрудившійся на поприщѣ этой литературы Новиковъ въ своихъ журналахъ, стоявшій на высотѣ современныхъ требованій науки, посвятилъ, между прочимъ, физическому воспитанію дѣтей цѣлый трактатъ («Прибавленія къ Московскимъ Вѣдомостямъ» 1783 г.).

Подъ вліяніемъ литературы и просвѣщенія, въ общество стали проникать здравыя, раціональныя понятія объ этомъ вопросѣ. Встрѣчаемъ отцовъ и матерей, которые, отрѣшившись отъ простаковскихъ взглядовъ на питаніе дѣтей, подчиняютъ это дѣло строгимъ правиламъ гигіены, иногда, впрочемъ, нѣсколько своеобразно понятымъ.

«Въ то время, читаемъ въ однихъ мемуарахъ, однимъ изъ условій правильнаго воспитанія считалось пріучать дѣтей ѣсть все безъ разбора. Отвращеніе ихъ отъ нѣкоторыхъ предметовъ пищи относили къ причудамъ. Насколько это полезно въ нравственномъ отношеніи — вопросъ другой; что-же касается до его дѣйствительно-

сти, то, по большей части, страхомъ и наказаніями отвращеніе уничтожали».

Другимъ правиломъ—было воздержаніе. Правило это рѣдко достигало, однако, цѣли, потому что какая нибудь сердобольная няня или ключница всегда находила случай, украдкой отъ родителей, полакомить дитя запретными кусочками.

Внѣшность дѣтей — содержаніе ихъ тѣла, одежда и убранство, въ зажиточныхъ русскихъ дворянскихъ семьяхъ, составляли предметъ особаго попеченія. Практика нашей національной гигіены выработала такое универсальное средство для сохраненія опрятности, какъ баня, которая, въ старину, составляла непремѣнную принадлежность каждаго благоустроеннаго дома. Дѣти, безъ сомнѣнія, предпочтительнѣе передъ взрослыми, подчинялись требованіямъ чистоты и опрятности. Въ высшемъ обществѣ доходили въ этомъ отношеніи до роскоши. Срѣзываніе, напр. ногтей на ногахъ у дѣтей поручалось особымъ артистамъ, изъ французовъ, какъ это дѣлалось у малолѣтняго в. князя Павла Петровича.

«Дѣтская» помѣщалась, обыкновенно, въ заднихъ аппартаментахъ дома и, въ богатыхъ барскихъ семьяхъ, обставлялась приспособленными для дѣтскаго возраста мебелью и утварью, нерѣдко съ роскошью.

Въ драгоцѣнной, по своимъ матеріаламъ, книгѣ: «Внутренній бытъ русскаго государства съ 1741 по 1771 г.» находимъ, между прочимъ, довольно подробное описаніе «дѣтской» младенца императора Ивана Антоновича. У него было нѣсколько колыбелей: двѣ дубовыя, оклеенныя орѣхомъ, «искуснаго мастера»; онѣ были, по

приказанію матери—регентши, обиты «съ лица парчею, по краямъ и угламъ позументомъ серебрянымъ, а внутри тафтою, а въ нихъ сдѣланы матрацы, подушечки, одѣяльцы, пуховички, и на тѣ колыбели покрывалы тафтяныя зеленыя». Позднѣе поставили въ «дѣтскую» императора еще одну колыбель—плетеную, «изъ прутьевъ, чистою работою, таковымъ фасономъ, каковы дѣланы впередъ сего изъ дубоваго лѣсу».

Кромѣ колыбелей, въ «дѣтской» стояли маленькія дубовыя кресла и табуретъ, обитыя фланелью, шерстью и бархатомъ, съ позументами. У Ивана Антоновича были еще маленькія высокія на колесцахъ кресла, какія употребляются для дѣтей и понынѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такая-же точно обстановка бывала тогда и въ «дѣтскихъ» всѣхъ зажиточныхъ людей привиллегированнаго класса, развѣ только съ меньшей роскошью въ отдѣлкѣ.

Что касается одежды, то у богатыхъ, знатныхъ родителей дѣти наряжались также роскошно и щеголевато, какъ и взрослые. Одинъ моралистъ того времени возмущается, что матери — модницы, вмѣсто того, чтобы довольствоваться домашнимъ бѣльемъ, покупали его въ магазинахъ съ иностранными товарами, не только для себя и для взрослыхъ дѣтей, но и «носимому въ утробѣ младенцу—пеленки, рубашечки, свивальники и прочее» *). О дѣтскомъ гардеробѣ прошлаго вѣка у насъ находятся интересныя данныя, приведенныя въ вышеупомянутой книгѣ: «Внутренній бытъ русскаго государства съ 1740 г.»

---

*) „Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россіи народовъ“ ч. IV, 146.

Такъ мы узнаемъ, что съ первыхъ почти дней появленія на свѣтъ великой княжны Екатерины Антоновны, она снабжается богатымъ и роскошнымъ гардеробомъ: ко дню крещенія шьютъ ей «голубое атласное платьице», а вслѣдъ, затѣмъ чепцы бѣлые тафтяные, два желтыхъ атласныхъ «бострожка» (верхнее платье) и проч. У малолѣтняго брата княжны, Ивана Антоновича, гардеробъ еще разнообразнѣе и пышнѣе: ему безпрерывно шьютъ новые костюмы, одинъ другаго богаче. Сегодня—голубое и алое атласныя платьица, завтра—«атласный голубой кафтанчикъ» на бѣлой подкладкѣ, черезъ нѣсколько дней—«бѣлое фланелевое платьице», тамъ—«алое, съ серебряными травами штофное платьице», далѣе—заразъ цѣлая коллекція «кафтанчиковъ» синихъ, желтыхъ, алыхъ, померанцевыхъ и т. д. Гардеробъ пополнялся, сверхъ того, «душегрѣечками» изъ китайской канфы, «шапочками» шелковыми, шитыми узоромъ, наконецъ, помочами, которыя дѣлались изъ кожи, обшивались бархатомъ, окаймлялись узкимъ золотымъ позументомъ и снабжались серебряными пряжками.

Такое обиліе и богатство одежды у полуторагодоваго младенца объясняется въ данномъ случаѣ высокимъ саномъ Іоанна Антоновича, какъ императора; но есть указанія, что и частныя лица не скупились на изысканную костюмировку своихъ дѣтей, и въ особенности дѣвочекъ. Сохранился петровскій указъ, направленный противъ развитія роскоши въ одеждѣ, въ которомъ говорится: «вѣдомо учинилось, что въ сибирскихъ городахъ служилые люди дѣлаютъ себѣ, *дѣтямъ* и женамъ портища золотыя и серебряныя, бархатныя и объяриновыя,

и байбараковыя и орбажныя, и съ широкими залатыми и серебрянными кружевами, холодныя; а также на соболяхъ, лисьихъ черныхъ дорогихъ мѣхахъ, чего имъ по ихъ чину носить не довелось»...

Но рядомъ съ пристрастіемъ къ роскошной одеждѣ, встрѣчаемъ факты замѣчательной въ этомъ случаѣ нетребовательности и скромности.

Во время заточенія семейства князей Долгорукихъ (въ 1730 г.), сестры княжны Мареы Петровны принимали весьма теплое участіе въ судьбѣ ея и ея дѣтей. Изъ трогательной переписки между ними узнаемъ, что, при поздравленіяхъ съ имянинами, корреспондентки присылали малолѣтнимъ племянникамъ и племянницамъ подарки. Что-же онѣ дарили?

Княгиня Гагарина посылаетъ сестрѣ «платочекъ, а княжнамъ ленточекъ новомодныхъ»; тоже дѣлаетъ княгиня Хованская; Салтыкова въ 1732 г. отправляетъ племянникамъ и племянницамъ слѣдующіе презенты: «Машенькѣ платокъ рушной новой (sic!) алой, Николашенькѣ тоже платокъ жолтой, Катенькѣ—лентъ, Петрушенькѣ — чулки, Гришенькѣ и Настенькѣ — чулки-жъ, Аннушкѣ—платокъ полосатой, Васенькѣ—табакерку»...

Замѣтимъ, что подарки эти шли отъ знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ барынь своего времени.

Въ числѣ вышеупомянутыхъ подарковъ встрѣчаемъ табакерку. По всѣмъ вѣроятіямъ, это была музыкальная табакерка, какъ игрушка. Вообще, ассортиментъ дѣтскихъ игрушекъ и забавъ былъ въ тѣ времена довольно обширный и разнообразный.

Въ описи забавъ младенца Ивана Антоновича находимъ, между прочимъ: бумажные змѣи, небольшіе мячики изъ хлопчатой бумаги, обшитые разноцвѣтными лоскутками бархата, удочки, «одну трость, выкрашенную, что стрѣляютъ изъ нея духомъ; одну пару лопаточекъ пергаментовыхъ плетеныхъ, что играютъ въ баллоны, рѣшетки изъ жилъ, рукоятки бархатныя, къ нимъ два мячика съ перышками» и проч.

Кромѣ игрушекъ, для забавы маленькаго императора имѣлась цѣлая коллекція различныхъ ученыхъ птицъ, собачекъ и другихъ животныхъ. Въ выборѣ дѣтскихъ игръ и забавъ тогда мало стѣснялись, конечно, педагогическими соображеніями. Болотовъ, напр., возмущался «глупостью», какою заражены «были многіе родители», чтобы брать съ собою на охоту маленькихъ дѣтей, коихъ отъ младыхъ ногтей пріучать къ сей вредной и разорительной охотѣ». Фонвизину, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, родители не препятствовали пристраститься къ игорнымъ картамъ.

«Я не могу изъяснить, пишетъ онъ въ своемъ «Признаніи», сколько я пристрастился къ картамъ съ красными задками, и бывалъ внѣ себя отъ радости, когда такія карты мнѣ доставались... Сколько хитростей, обмановъ и лукавства употреблялъ мой младенческій умишка, чтобы на дѣлу доставались мнѣ карты!»

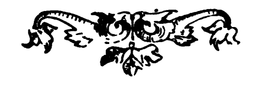
Въ тоже время, допуская прививаться въ дѣтяхъ такимъ ничего хорошаго не обѣщавшимъ пристрастіямъ, многіе благороднаго званія родители, изъ дикаго презрѣнія ко всему народному, старались всѣми мѣрами отстранить ихъ отъ знакомства съ русскими простона-

родными играми и забавами, а тѣмъ болѣе отъ участія въ нихъ.

«Мать моя, разсказываетъ С. Т. Аксаковъ, была горожанка» и, получивъ «нѣкоторое внѣшнее прикосновеніе цивилизаціи отъ чтенія книгъ и отъ знакомства съ ***тогдашними*** умными образованными людьми», питала «какую-то гордость къ простонародному быту» и, «по всѣмъ этимъ причинамъ, не понимала и не любила ни хороводовъ, ни свадебныхъ и подблюдныхъ пѣсенъ, ни святочныхъ игрищъ». И на этомъ основаніи, запрещала сыну—тогда еще ребенку—даже посмотрѣть эти «глупые» «игрища», послушать этихъ «гадкихъ и неприличныхъ пѣсенъ»....

Но «дѣтская» и няня взяли свое, обойдя родительскую волю! Во время святокъ, когда мать автора однимъ вечеромъ уснула, его друзья изъ «дѣтской», пользуясь этимъ случаемъ, доставили ему давно желанную запретную забаву. На «здоровыхъ рукахъ» какой-то отважной Матрены, онъ былъ перенесенъ въ людскую и —сразу попалъ на невиданный дотолѣ спектакль.

«Какимъ-то хмѣлемъ веселья, разсказываетъ Аксаковъ, опьяненіемъ радости проникнуты были всѣ»... «Очаровательное зрѣлище такъ меня плѣнило, что» потомъ я «самъ сталъ приставать и проситься на игрища».

IV.

Отрочество.

Проходили первые годы беззаботно поэтическаго дѣтства подъ матерински теплой опекой «голубки дряхлой» няни, и героиня наша достигала того возраста, когда чадолюбивые родители считали своимъ долгомъ начать ея *воспитаніе.*

По странному недоразумѣнію, котораго не чужды многіе родители и въ наши дни, первые годы жизни ребенка вычеркивались изъ системы воспитанія. Предполагалось, что въ этотъ первичный періодъ, проведенный въ тѣсныхъ стѣнахъ «дѣтской», ребенокъ просто-на-просто кормится и ростетъ, живетъ, словомъ, стихійной жизнью и одной лишь животной стороной своей организаціи, а отнюдь не *воспитывается* морально, да и не способенъ къ этому. Вслѣдствіе такого-то взгляда, дѣти въ этомъ возрастѣ и предоставлялись, какъ мы видѣли, полному и всестороннему попеченію и вліянію однѣхъ нянекъ, простыхъ русскихъ женщинъ, въ томъ ошибочномъ разсчетѣ, что о нравственномъ развитіи ре-

бенка заботиться еще рано... Правда, результатъ такой ошибочной педагогической системы бывалъ нерѣдко весьма благотворный, въ интересѣ воспитанія въ дѣтяхъ чутья народности; но ужъ это вовсе не входило въ виды тогдашнихъ воспитателей.

Мы не говоримъ, впрочемъ, о счастливыхъ исключеніяхъ изъ этого общаго правила—о немногихъ передовыхъ, свѣтлыхъ умахъ, которые и тогда уже смотрѣли на дѣло съ иной, болѣе правильной точки зрѣнія. Къ тому же, такія здравыя и просвѣщенныя педагогическія воззрѣнія начинаютъ проникать въ сознаніе русскаго общества только лишь въ концѣ XVIII столѣтія, подъ вліяніемъ западныхъ энциклопедистовъ.

А въ какой степени такіе взгляды были тогда еще новы для русскихъ воспитателей — отцовъ и матерей, можно заключить уже изъ обращенія, которымъ начиналась статья Новикова о «физическомъ воспитаніи дѣтей», появившаяся въ «Прибавленіяхъ къ Московскимъ Вѣдомостямъ» въ 1783 году.

«Можетъ быть, говоритъ авторъ, нѣкоторымъ читателямъ покажется страннымъ, что образованіе тѣла причисляемъ мы къ воспитательной наукѣ».

Сдѣлавъ такую оговорку, онъ излагаетъ систему этого образованія съ такой обстоятельностью и входя въ поясненіе такихъ совершенно элементарныхъ пріемовъ, какъ если бы бесѣдовалъ съ читателями, не имѣющими никакого понятія о предметѣ. Да оно такъ было и на самомъ дѣлѣ.

Со взглядами Новикова и другихъ передовыхъ умовъ того времени мы будемъ имѣть случай познакомиться

еще впереди, а теперь возвратимся къ господствовавшей тогда и вошедшей въ рутину системѣ воспитанія.

Начать «воспитаніе» ребенка въ понятіяхъ образованныхъ родителей описываемой эпохи значило поручить его наемнымъ боннамъ, гувернанткамъ или гувернерамъ и учителямъ, которые обязывались совокупными усиліями обучить его разнымъ наукамъ и искусствамъ, главнымъ же образомъ—французскому языку, безъ котораго тогда въ свѣтѣ нельзя было шагу ступить, а также вышколить его въ элегантныхъ манерахъ, въ умѣньи держаться въ обществѣ и казаться пріятнымъ, въ салонномъ смыслѣ слова.

Воспитаніе въ этомъ смыслѣ начиналось, обыкновенно, очень рано, такъ какъ, по понятіямъ того времени, дѣвочка, въ двѣнадцать, тринадцать лѣтъ, почиталась уже достаточно зрѣлой дѣвицей, и нерѣдко въ этомъ возрастѣ выходила замужъ. Все воспитаніе разсчитано было на скорѣйшее достиженіе этой искусственной зрѣлости. Саксонецъ Ле-Фортъ, бывшій въ Петербургѣ въ 20-хъ годахъ, говоря въ своихъ запискахъ, между прочимъ, о дочеряхъ кн. Меншикова, отзывается о младшей изъ нихъ, что «ей *12 лѣтъ*, она брюнетка, красивѣе старшей, хорошо воспитана и отлично говоритъ по-французски и по-нѣмецки». Ле-Фортъ упоминаетъ, что Меншиковъ хлопоталъ въ это время о пріисканіи своей 12-тилѣтней дочкѣ жениха — какого нибудь саксонскаго или польскаго князя.

Извѣстный Берхгольцъ, попавъ въ высшее петербургское общество около того-же времени, встрѣчалъ 8—9 лѣтнихъ дѣвочекъ, которыя сходили за настоящихъ

свѣтскихъ барышень и принимали участіе, наравнѣ со взрослыми, въ общественныхъ собраніяхъ и увеселеніяхъ.

«Маленькой княжнѣ Черкасской, записалъ онъ въ своемъ дневникѣ отъ 1721 года,—лѣтъ 8 или 9, и она для своихъ лѣтъ такъ мила и пріятна, что можно подумать, что она наилучшимъ образомъ воспитана во Франціи (выше этой похвалы воспитанію нельзя было ничего себѣ представить). Но она здѣсь, продолжаетъ авторъ, *не единственный ребенокъ*, о воспитаніи котораго такъ тщательно заботятся. Вообще, надо отдать справедливость здѣшнимъ родителямъ: они не щадятъ ничего для образованія своихъ дѣтей».

Берхгольцъ былъ фотографически вѣренъ правдѣ. Спустя слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, одна изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ, княгиня Дашкова, подтвердила въ своихъ запискахъ и фактъ скороспѣлости женскаго воспитанія, и то, что воспитатели ничего на него не жалѣли.

«Мой дядя, пишетъ она въ своихъ запискахъ, вспоминая ранніе годы своего дѣтства, ничего не жалѣлъ для того, чтобъ доставить своей дочери и мнѣ лучшихъ учителей и дать превосходное, по понятіямъ того времени, воспитаніе».

Что же называлось тогда *превосходнымъ воспитаніемъ* для дѣвушки? Отвѣтъ на это мы находимъ въ запискахъ той же Дашковой:

«Мы учились, пишетъ она, четыремъ языкамъ: по-французски говорили бѣгло; одинъ статскій совѣтникъ давалъ намъ уроки итальянскаго языка, а г. Бекетовъ занимался съ нами по-русски, впрочемъ, тогда только,

когда мы удостоивали его своимъ вниманіемъ (кромѣ того, учились по-нѣмецки). Въ танцахъ мы сдѣлали большіе успѣхи и нѣсколько умѣли рисовать».

Вотъ и все. Княгиня забыла развѣ упомянуть, что она обучалась еще и музыкѣ. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что она была хорошей музыкантшей и восхищала своей игрой и пѣніемъ такого тонкаго эстетика, какъ Дидро.

Дашкова даетъ отъ себя оцѣнку полученному ею «превосходному» воспитанію.

«При такомъ модномъ внѣшнемъ образованіи, кто бы могъ, пишетъ она, усомниться въ совершенствѣ нашего воспитанія? Но что было сдѣлано для того, чтобъ облагородить сердце и развить нашъ умъ? Рѣшительно ничего. Дядѣ было некогда, а тетка не имѣла для этого ни охоты, ни умѣнья».

Что же касается наемныхъ воспитателей и воспитательницъ или, какъ называли ихъ тогда, «гофмейстеровъ» и «мадам'овъ», то эти сомнительные педагоги, какъ увидимъ, гораздо чаще развращали дѣтей, чѣмъ развивали.

Если таково было воспитаніе княгини Дашковой—образованнѣйшей и замѣчательнѣйшей женщины своего времени, то что же говорить о массѣ? Современные моралисты и сатирики очень сурово осуждаютъ всю систему тогдашняго воспитанія, вообще, даже во времена, такъ называвшагося, «златого» екатерининскаго вѣка.

Въ хорошо извѣстной въ литературѣ конца XVIII вѣка книгѣ: «Описаніе всѣхъ обитающихъ въ россійскомъ государствѣ народовъ» (изданіе 1799 г.), современный моралистъ, высказавъ сперва осужденіе господ-

ствовавшей тогда системѣ воспитанія юношей, такимъ образомъ характеризуетъ воспитаніе дѣвушекъ:

«Въ мѣсто ученія, пишетъ онъ, на языкѣ россійскомъ основанію закона Божія, въ мѣсто правилъ нравственности, должностей дочери, должностей жены, матери, гражданки, хозяйки дому, учатъ дѣвицъ тотчасъ говорить, читать и писать по-французски. Едва преуспѣетъ дѣвушка столько въ ономъ языкѣ, что можетъ понимать уже читаемое, какъ даютъ ей трагедіи и комедіи Расиновы и Моліеровы, для изощренія ея въ декламаціи. Уже является прельщеннымъ глазамъ родительскимъ восьми или десятилѣтняя актриса; уже наученная выраженію сильныхъ страстей, а паче страсти Федриной, напрягаетъ нѣжный голосъ, вращаетъ глаза, и порывистыми движеніями стана и рукъ ужасаетъ и удивляетъ зрителей; или, вооружась лукавою невинностію, обманываетъ искусно въ *школѣ мужей;* либо въ ролѣ Финетты истощаетъ всѣ хитрости, нахальство, уловки плутоватой служанки и, научая будто бы мнимую барышню нецѣломудрію, даетъ самой себѣ уроки, и тѣмъ извлекаетъ отъ родни одобрительный хохотъ. Потомъ начинается танцеваніе, музыка и пѣніе»... «Тщаніе не жалѣющихъ ничего на воспитаніе родителей обращается, наконецъ, къ пѣнію; итальянская мелодія, разнѣживающая сердце и, приводя въ чувствованіе душу, повергаетъ въ нѣкоторое усыпительное забвеніе и самый разумъ, составляетъ послѣдній курсъ ученія дѣвицы благородной» (Часть IV, стр. 150).

Вообще, въ теченіи всего прошлаго столѣтія воспитаніе «дѣвицы благородной» было исключительно внѣш-

нее, направленное къ тому только, чтобы вооружить ее всѣми средствами блистать въ салонѣ, плѣнять и нравиться. Вышецитированный моралистъ несовсѣмъ правъ, говоря, что будто бы по части наукъ дѣвушку только и обучали, что французскому языку и декламаціи. Напротивъ, мы встрѣтимъ женщинъ, обладавшихъ нерѣдко замѣчательнымъ богатствомъ энциклопедическихъ знаній, встрѣтимъ даже женщинъ серьезно ученыхъ. Много ли найдется даже въ настоящее время дѣвушекъ съ такой обширной начитанностью, какою обладала, напримѣръ, княгиня Дашкова въ самомъ раннемъ возрастѣ?

«Лишь только я получила возможность читать, пишетъ она въ своихъ запискахъ, какъ съ величайшимъ рвеніемъ принялась за книги; любимые писатели мои были: Бэль, Монтескье, Буало и Вольтеръ»

Еще дѣвочкой она всѣ свои карманныя деньги употребляетъ на покупку книгъ и, такимъ образомъ, до выхода замужъ собираетъ порядочную библіотеку, въ 900 томовъ. Пріобрѣтеніе энциклопедіи и словаря Морери доставляетъ ей такое удовольствіе, какого и половины она не испытывала, по ея сознанію, дѣлаясь обладательницей самыхъ изящныхъ и дорогихъ предметовъ роскоши. Кромѣ французской литературы, она еще въ ранней юности ознакомилась со всей наличной русской литературой такъ основательно, что въ московскихъ, напримѣръ, книжныхъ лавкахъ не находила почти книгъ, ею еще не прочитанныхъ.

«Съ дѣтскихъ лѣтъ, пишетъ она въ другомъ мѣстѣ, политика была для меня самымъ занимательнымъ предметомъ. Я надоѣдала своимъ любопытствомъ всѣмъ ино-

странцамъ, художникамъ, ученымъ и посланникамъ, посѣщавшимъ домъ моего дяди. Я разспрашивала каждаго изъ нихъ о его отечествѣ, о формѣ правленія, о законахъ»...

Положимъ, княгиня Дашкова была женщиной выдающейся, по даровитости, но она не составляла исключенія въ отношеніи такой пылкой любознательности и такой обширной начитанности съ молоду.

Равнымъ образомъ, не совсѣмъ правъ вышецитированный моралистъ, сказавъ, будто бы языкознаніе «дѣвицы благородной» ограничивалось изученіемъ одного лишь французскаго языка. Даже заурядныя свѣтскія барыни, кромѣ французскаго, знали еще, въ большинствѣ случаевъ, языки нѣмецкій и итальянскій, а позднѣе—къ концу прошлаго столѣтія—нерѣдко и англійскій, начинавшій входить тогда въ моду. Императрица Елизавета Петровна, кромѣ того, знала еще, напримѣръ, языки шведскій и финскій. Бывали и такія лингвистки, которыя основательно знали по-латыни, по-гречески и даже по-еврейски.

Словомъ, образованіе дѣвушки того времени было недостаточно нестолько въ количественномъ, сколько въ качественномъ отношеніи. Оно было поверхностно, по своей сущности, было слишкомъ эклектично и, что всего важнѣе, лишено гуманитарности. Барыни, съ самымъ блестящимъ образованіемъ, и хотя бы та-же самая княгиня Дашкова, у себя, въ домашней жизни, являлись нерѣдко крайне некультурными въ своихъ взглядахъ, привычкахъ и отношеніяхъ къ окружающимъ.

Самая цѣль воспитанія лежала, по понятіямъ времени, вовсе не въ достиженіи высшаго усовершенствованія духовной природы дѣвушки, не въ развитіи ея ума и сердца. Родителей и ее самое озабочивала прежде всего суетная мысль составить возможно болѣе блестящую «партію», то есть, какъ можно выгоднѣе и счастливѣе выдти замужъ. Это былъ единственный, всепоглощающій идеалъ дѣвушки, и для его достиженія ей давалось «превосходное» воспитаніе, систематически разсчитанное единственно въ этомъ лишь смыслѣ.

Возьмемъ, напримѣръ, физическое воспитаніе, развитіе тѣла. Въ сущности, такого воспитанія не было— его замѣняла выправка, стремившаяся къ тому, чтобы дѣвушка, при ея посредствѣ, умѣла выказать свои прелести, чтобы она умѣла, во всякомъ данномъ положеніи, искусно поставить и возвысить свою наружность элегантно-кокетливыми нюансами, задѣвающими инстинктъ чувственности въ мужчинѣ. Къ услугамъ дѣвушки въ этомъ случаѣ являлась мода, костюмъ и, вообще, вывезенное изъ Парижа искусство одѣваться, которое тогда, какъ и нынѣ, очень мало стѣснялось требованіями нравственности, и было, въ сущности, искусствомъ не одѣваться, а *раздѣваться* или декольтироваться до послѣдней крайности, терпимой слишкомъ растяжимыми и снисходительными на этотъ счетъ свѣтскими приличіями.

Въ дѣлѣ физической выправки, «превосходное» воспитаніе прежде всего стремилось сдѣлать изъ дѣвочки — бѣлоручку, изнѣженное, полувоздушное созданіе, въ стилѣ какой нибудь псевдоклассической фарфоровой «Псише». Съ этой цѣлью, какъ свидѣтельствуетъ Вигель,

«родители не только высшаго, но и средняго состоянія думали отличиться отъ простонародья, воспитывая дѣтей своихъ въ совершенной нѣгѣ, державши ихъ вѣчно въ теплѣ и не давая никакой свободы ни ихъ мыслямъ, ни ихъ движеніямъ». Для дѣвочекъ, разумѣется, такое тепличное воспитаніе было наиболѣе обязательно. Содержа ихъ въ теплѣ и въ нѣгѣ, имъ возбранялся всякій физическій, мускульный трудъ, не говоря ужъ о какой либо «черной» работѣ. Да и какъ же иначе, если, по сентиментально-эстетическимъ требованіямъ эпохи, у «дѣвицы благородной» должны были быть нѣжныя, «лилейныя» или, по выраженію Державина, «бѣлорозовыя» ручки! Дѣвушка съ крѣпкими, мускулистыми руками, яркой окраски, пропала бы въ мнѣніи свѣта.

И, однакожъ, заботясь объ этой изнѣженности и «лилейности» тѣла, «превосходное» воспитаніе не всегда научало дѣвушку простой чистоплотности. Вигель и другіе писатели, да и сами факты свидѣтельствуютъ, что знатныя свѣтскія барыни наши прошлаго вѣка часто отличались совершенно азіатской неряшливостью. Такъ, между прочимъ, по разсказу Миниха, была «отъ природы неряшлива» принцесса Анна Леопольдовна, «повязывала голову бѣлымъ платкомъ, не носила фижмъ, и въ такомъ видѣ являлась къ обѣднѣ, въ публикѣ, за обѣдомъ» и проч.

Затѣмъ, дѣвушку старались обучить, говоря языкомъ педагоговъ начала XVIII вѣка, «тѣлесному благолѣпію», а также «поступи нѣмецкихъ и французскихъ учтивствъ». Были даже спеціальные профессора для преподаванія этихъ «учтивствъ». «Учтивства» состояли, собственно.

ъ знаніи церемонныхъ поклоновъ и реверансовъ, въ мѣньи держаться, позировать, ходить, если не съ граціей, то съ жеманствомъ, и найтись въ каждомъ положеніи. Для этого, напримѣръ, едва дѣвочка научалась гоять на ногахъ, отъ нея уже требовали, во что бы то и стало, держаться прямо.

«Меня за то съ малу били: ходи прямо!» разсказыаетъ княгиня Наталья Долгорукова въ своихъ запискахъ.

Но самую важную и господствующую часть физичекой выправки, въ воспитаніи дѣвушки, составляли таны. Предполагалось, не безъ основанія, что они тоже лужатъ, главнымъ образомъ, къ достиженію «тѣлеснаго лаголѣпія».

Сама Екатерина II въ одной изъ своихъ записокъ, о вопросамъ о воспитаніи, писала, что «доброй походкѣ *наружности* ничѣмъ лучше выучиться не можно, акъ танцеваніемъ».

Такой взглядъ, какъ показываетъ приведенная выше ыдержка изъ «Описанія народовъ», раздѣлялся тогда сѣми воспитателями, даже съ немалымъ пересоломъ. Были родители, которые, какъ это свидѣтельствуетъ, апр., Энгельгардтъ въ своихъ запискахъ, отдавали дѣей своихъ въ пансіоны исключительно для обученія хъ танцамъ и — ничему больше. А такъ какъ въ провинціальныхъ городахъ тогда не всегда можно было айти танцмейстера, то многіе родители нарочно возили дѣтей своихъ въ столицы для обученія ихъ танцамъ. Это сдѣлалъ, между прочимъ, разсудительный и просвѣщенный Болотовъ. Однажды онъ привезъ въ Москву

своихъ малолѣтнихъ сына и дочь для того, чтобъ обучить ихъ танцеванію, нанялъ танцевальнаго учителя, «который и ѣздилъ къ намъ, пишетъ Болотовъ, почти каждый день и производилъ свое дѣло».

Такимъ образомъ, съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣвочку старались сдѣлать искусной танцоркой, вывозили ее на балы, и родители тщеславились, если она достигала совершенства въ «нѣжно присядливомъ» менуэтѣ и умѣла «ужимками плечъ и поманой глазъ сластныхъ въ пляскѣ русской» вызвать рукоплесканіе зрителей.

Знакомая намъ пріятельница Берхгольца, 8-ми-лѣтняя княжна Черкасская, нисколько не уступала, по его словамъ, взрослымъ дамамъ въ танцевальномъ искусствѣ и наравнѣ съ ними принимала участіе въ вечеринкахъ и балахъ.

Одновременно, во всѣхъ придворныхъ балахъ отличались хореграфическимъ искусствомъ малолѣтнія великія княжны, дочери Петра Великаго. Елизавета-же Петровна была въ этомъ дѣлѣ истая артистка. Она «танцуетъ такъ хорошо, какъ я еще никогда не видывала», говоритъ леди Рондо, видавшая на своемъ вѣку всякіе виды.

Болотовъ, живя съ семействомъ въ Богородицкѣ, устроилъ у себя, однажды, «публичный» театръ, на которомъ играли, главнымъ образомъ, его дѣти, необыкновенно увлекшіеся, вслѣдствіе этого, меломаніей. Онъ съ простодушнымъ самодовольствомъ описываетъ ихъ сценическіе успѣхи и, въ особенности, старшей дочери своей, находившейся тогда еще въ совершенно отроческомъ возрастѣ.

«И какъ была она,—съ восторгомъ повѣствуетъ отецъ, —лицомъ собою прекрасная, а на театрѣ, при множествѣ огней, казалась еще, а особливо въ театральномъ дѣяніи, прелестнѣйшею, и ролю свою начала представять наилучшимъ образомъ, то зрѣлище сіе поразило сѣхъ зрителей новымъ и пріятнымъ удивленіемъ».

Послѣ драматическаго спектакля, «увеселили мы зриелей, продолжаетъ Болотовъ, маленькимъ нашимъ балеомъ, пропрыганнымъ малютками, дѣтьми нашими, и сѣ зрители были до крайности удовольствованы».

Примѣръ Болотова въ этомъ случаѣ особенно почителенъ, потому что, если онъ, одинъ изъ передоыхъ, просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, сочиитель «Дѣтской философіи» и, вообще, моралистъ, наодилъ естественнымъ и правильнымъ производить таіе рискованные, въ педагогическомъ отношеніи, экспеиименты со своими дѣтьми, то люди заурядные, не вдаавшіеся въ мудрствованіе, смотрѣли на это уже какъ а необходимое условіе «превосходнаго» воспитанія. Въ Болотовѣ, все таки, сказывался здравый смыслъ и провѣщеніе: онъ, видимо, понималъ, что «малюткамъ» его е послужатъ къ большой пользѣ эти ранніе сценичекіе успѣхи, это, напр., шумное одобреніе зрителей краотѣ и прелестямъ его дочери — дѣвочки, и—онъ, временами, считалъ своимъ долгомъ, «въ разсужденіи театра, акладывать на желанія ихъ (т. е. дѣтей) уздечку»...

Другіе родители не только не обращались къ такой уздечкѣ», но—напротивъ — старались всѣми силами въ ѣтяхъ своихъ, особенно въ дѣвочкахъ, разжечь эту пасную страстишку нравиться своими прелестями, сво-

имъ хореографическимъ талантомъ и, наконецъ, своимъ искусствомъ въ «выраженіи страсти Федриной»... Это впрочемъ, нисколько не противорѣчило взглядамъ господствовавшей тогда педагогической системы, и мы напр., видимъ, что даже десятилѣтній наслѣдникъ престола, великій князь Павелъ Петровичъ нерѣдко фигурировалъ на эрмитажной сценѣ, передъ придворной публикой, въ балетѣ, въ качествѣ дѣйствующаго лица.

Неодобряемые нынѣшними педагогами дѣтскіе балы —по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ они у насъ даются, — въ прошломъ столѣтіи составляли заурядное явленіе не только въ столицѣ, но и въ провинціи, въ какомъ нибудь, напр., глухомъ Богородицкѣ

Нужно ли говорить, какая именно сторона духовной и физической организаціи дѣвушки, при такого рода впечатлѣніяхъ ранняго отрочества и при такомъ ходѣ всего воспитанія, скороспѣло развивалась преимущественно передъ другими и въ прямой ущербъ имъ?

«Въ нашемъ вѣкѣ, писалъ Ушаковъ, другъ Радищева, красота (т. е. красота женщины) *воспитывается* въ играхъ и забавахъ, вся разума ея округа внѣшнимъ ограничивается блескомъ; свобода въ убранствѣ, прелесть поступи и нѣсколько наизусть выученныхъ модныхъ словъ заступаютъ мѣсто мыслей и изгоняютъ природное чувствованіе».

Вообще, съ самыхъ раннихъ лѣтъ дѣвушку воспитывали такъ, что въ ней еще въ отрочествѣ безгранично развивались легкомысліе, суетность и чувственность Еще ребенокъ, она уже мечтаетъ о блескѣ въ свѣтѣ, о любви и бракѣ,—непремѣнно съ какимъ нибудь очаро

ательнымъ принцемъ, представленіе о которомъ давали й сентиментальные романы, а то, и просто—календари.

«Я, пишетъ Хвостова о своемъ отрочествѣ, вытвер-ивала почти наизусть имена иностранныхъ принцевъ ь календарѣ, отмѣчала крестиками тѣхъ, которые болѣе одходили ко мнѣ по лѣтамъ; начитавшись безъ раз-ору романовъ и комедій, я возмечтала, что когда ни-удь вдругъ предстанетъ передо мной принцъ, и я сдѣ-аюсь принцессой; подобная фантазія занимала меня съ *есятилѣтняго* возраста до вступленія въ свѣтъ, и я сей душой предавалась созерцанію моего принца»...

Но нерѣдко дѣвочки, подобныя Хвостовой, отъ меч-ательнаго безпредметнаго «созерцанія» переходили къ астоящей любви и страсти къ реальнымъ «предметамъ», ъ видѣ первыхъ встрѣчныхъ молодыхъ людей. О такой ладенческой любви весьма живо разсказываетъ въ сво-хъ запискахъ г-жа Пассекъ, — какъ она однажды, въ акіе нибудь полчаса, смертельно влюбилась въ нѣкоего наго прекраснаго барона, какъ, поигравъ съ нимъ въ оланы, «отмѣтила булавкой ту ракетку, которою онъ гралъ», а въ другой разъ—«отрѣзала отъ его фуражки а память два шнурка и надѣла себѣ на шею, застег-увъ замочкомъ изъ двухъ рукъ», какъ обмѣнивалась на съ барономъ цвѣтами и персиками и какъ, нако-ецъ, разъ сама мамаша барона поощрила эту дѣтскую страсть.

«Поговоривши съ сыномъ, баронесса,—разсказываетъ вторъ,—обняла меня, спустила съ моихъ плечъ тюле-ый бѣлый шарфъ и, обращаясь къ нему, сказала:

— Посмотри-ка, Коля, какія у нея прелестныя плечики».

Конечно, дѣлая это, почтенная матрона не имѣла дурныхъ намѣреній—это была, просто, милая невинная шутка надъ дѣтской стыдливостью дѣвочки, почти ребенка... Такая пикантная игривость была тогда въ нравахъ.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что «романъ» Пассекъ относится уже къ началу нынѣшняго столѣтія, но, безъ сомнѣнія, онъ—прямой продуктъ «превосходнаго» воспитанія, господствовавшаго въ XVIII вѣкѣ. Мать автора имѣла въ отрочествѣ такой же романъ, разрѣшившійся весьма существенной развязкой, какъ и слѣдуетъ быть настоящему роману: его героиню, по четырнадцатому году, герой похитилъ изъ родительскаго дома и наскоро обвѣнчался съ ней.

Такіе скороспѣлые романы съ такими «героинями—дѣтьми» бывали въ тѣ стремительныя времена нерѣдки. Очень ужъ торопились и жить, и чувствовать наши прадѣды и прабабки, а въ особенности сіи послѣднія!

V.

Школа и воспитатели.

«Промыслили родители способъ воспитанія и ученія дѣтей своихъ—стали отдавать въ пансіоны, заведенные большею частью невѣжественными французами или, что больше, принимать къ себѣ на домъ французовъ въ званіи гувернера. Обширная роспись преподаваемыхъ наукъ и упражненій въ пансіонахъ прельщала родительскую попечительность, а хвастовство гувернера, проповѣдывающаго безстыдно о своей учености, плѣняли ихъ скорѣйшимъ и удобнѣйшимъ, подъ своимъ присмотромъ, воспитаніемъ»...

Такъ неодобрительно отзывается одинъ моралистъ прошлаго вѣка о современномъ ему модномъ «способѣ воспитанія», чрезъ пансіоны и гувернеровъ, и съ такой горечью объясняетъ мотивы, заставлявшіе легковѣрныхъ родителей предпочтительно «промысливать» этотъ неблагонадежный способъ.

Мы знаемъ, что такого рода упреки, сѣтованія и насмѣшки надъ господствовавшимъ «способомъ воспита-

нія», при посредствѣ заѣзжихъ и, безъ сомнѣнія, въ большинствѣ, малосвѣдущихъ иностранцевъ, стали въ нашей литературѣ второй половины прошлаго столѣтія общимъ мѣстомъ, котораго не повторялъ на всякіе лады только лѣнивый. Разумѣется, самые тяжкіе упреки сыпались за это на родителей; но нужно же было принять во вниманіе и смягчавшія ихъ вину обстоятельства!

Хорошо было моралистамъ и сатирикамъ отрицать французовъ — гувернеровъ и учителей и французскіе пансіоны; но если бы ихъ попросили указать — кѣмъ лучшимъ и откуда слѣдовало и можно было бы замѣнить въ этомъ дѣлѣ иностранцевъ, то они, конечно, стали бы втупикъ. Родителямъ, желавшимъ дать приличное, по требованіямъ вѣка, воспитаніе своимъ дѣтямъ, за изъятіемъ педагоговъ-французовъ, почти не изъ кого было выбирать. Отечественныхъ педагоговъ или вовсе еще не было тогда, или тѣ, которые были, оказывались нисколько не ученѣе и не благонадежнѣе иностранныхъ. Были Цифиркины да Кутейкины, но чѣмъ же они лучше Вральмановъ? И если ужъ шло на сравненія, то, безъ сомнѣнія, Вральманамъ слѣдовало отдать предпочтеніе. Педагоги-французы, говоря вообще, были несравненно культурнѣе отечественныхъ Цифиркиныхъ и Кутейкиныхъ: они, если не обогащали своихъ питомцевъ особенными знаніями, то, во всякомъ случаѣ, выучивали ихъ, по крайней мѣрѣ, своему языку, обладаніе которымъ дѣлало доступными сокровища европейской науки и литературы, и, кромѣ того, они, въ большей или меньшей степени, воспитывали русскихъ дѣтей въ культурныхъ привычкахъ и въ гумани-

тарныхъ понятіяхъ, ими самими усвоенныхъ на родинѣ.

Можно ли было упрекать родителей въ томъ, что они не ищутъ для своихъ дѣтей порядочныхъ русскихъ педагоговъ, если ихъ не могли найти во всей Россіи въ достаточномъ числѣ даже для единственнаго русскаго университета? Въ первые дни существованія московскаго университета (1755 г.), на двухъ его факультетахъ имѣлось всего на всего два профессора,—на остальныя кафедры не откуда было взять людей свѣдущихъ. Нельзя и не откуда было взять сколько нибудь сносныхъ учителей даже для образованной при университетѣ гимназіи. Тѣ, которые были опредѣлены въ ней, по свидѣтельству историка, «вовсе не радѣли о своихъ обязанностяхъ, рѣдко посѣщали классы, и мало того, что между ними были и горькіе пьяницы». Вслѣдствіе этого, «ученье шло плохо и безпорядочно».

По мысли Петра В. и его послѣдователей, первыя учрежденныя въ Россіи высшія учебныя заведенія, имѣвшія цѣлью «произвесть людей способныхъ къ наукамъ», должны были послужить разсадникомъ просвѣщенія и дать контингентъ учителей и воспитателей для вновь образуемыхъ школъ и, вообще, для образованія «шляхетскаго» юношества. Но въ какой степени они оправдывали это назначеніе и въ какомъ размѣрѣ производили людей, дѣйствительно, «способныхъ къ наукамъ» и къ преподаванію, можно судить, напр., по состоянію наилучше обставленныхъ по тому времени, академическихъ учебныхъ заведеній.

Въ отчетѣ академіи наукъ, за 1759-й годъ, о подвѣдомственныхъ ей университетѣ и гимназіи, находимъ

оффиціальное извѣстіе, что «какъ между студентами, такъ и гимназистами находится *почти половина* отчасти пьяницъ, забіякъ, лѣнивыхъ, непонятныхъ и въ ученіи никакого успѣха не оказавшихъ», которые признавали «ученіе себѣ крайнимъ принужденіемъ и тягостію». Въ виду этого, академія сознавалась, что состояніе ея учебныхъ заведеній «ни мало не соотвѣтствуетъ съ Высочайшимъ намѣреніемъ Ея И. В—ва и съ ожидаемой отъ академіи народною пользою».

Эти краснорѣчивые факты заставляютъ насъ искать причину того, что родители того времени, по мѣрѣ развитія потребности въ просвѣщеніи, «промысливали способъ воспитанія и ученія дѣтей своихъ», посредствомъ иностранцевъ, не въ одномъ только модномъ, обезьяньемъ пристрастіи ко всему французскому, но также въ крайней скудости отечественныхъ просвѣтительныхъ и педагогическихъ силъ. Это сознавалось тогда всѣми,— та же академія наукъ, въ виду плачевныхъ результатовъ, достигнутыхъ ея учебными заведеніями, представляла правительству, что если бы тотъ «великій расходъ», который шелъ у нея на обученіе гимназистовъ и студентовъ, употребить на образованіе ихъ «въ чужихъ краяхъ», посредствомъ иностранцевъ, то можно было бы «во всемъ пріобрѣсть гораздо скорѣйшіе и надежнѣйшіе успѣхи, не только въ наукахъ и языкахъ, но и въ благонравіи и въ пристойномъ свѣтскомъ поведеніи».

Если такое предпочтеніе иностранной школѣ передъ отечественной и заморскимъ педагогамъ передъ русскими отдавалось академіей наукъ—самымъ компетентнымъ судьею въ вопросѣ воспитанія и обученія, то чему же

дивиться, что такой взглядъ раздѣлялся тогда и всѣмъ интеллигентнымъ обществомъ?

Скудость и несовершенство педагогическихъ силъ въ Россіи простирались до того, что бывали нерѣдкіе случаи, когда родители, готовясь приступить къ ученію своихъ дѣтей, предварительно сами же подготовляли для нихъ учителей изъ своихъ крѣпостныхъ людей. Такъ, мы знаемъ, что царица Прасковья Θедоровна, когда у нея родилась внучка, приказала обучить одну изъ своихъ холопокъ грамотѣ, чтобы та, обучившись, могла потомъ стать учительницей маленькой принцессѣ.

«Которая у меня дѣвушка грамотѣ умѣетъ,—простодушно писала она дочери,—и она посылаетъ къ вамъ тетрадку, а я ее держу у себя, чтобъ внучку учить русской грамотѣ».

Безъ сомнѣнія, это былъ въ тѣ времена не единственный случай такого патріархальнаго способа изготовленія педагоговъ и, конечно, вызывался онъ не одними лишь крѣпостническими и экономическими разсчетами, но также тѣмъ, что благонадежныхъ учителей не откуда было взять.

Иностранцы — гувернеры и учителя появляются у насъ съ первыхъ дней петровской реформы. Въ началѣ это были преимущественно нѣмцы. Такъ, къ царевичу Алексѣю былъ приставленъ надутый педантъ, съ большими претензіями, нѣмецъ Нейгебауеръ, доставившій потомъ Петру В. много огорченій своими ѣдкими обличеніями заграницей. Потомъ, воспитаніе царевича было поручено знаменитому и талантливому нѣмцу Гюйссену. Нѣмцы—гувернеры и учителя уполномочивались воспи-

тывать и благородныхъ дѣвицъ. При дочеряхъ вышепомянутой Прасковьи Ѳедоровны является, въ качествѣ ихъ гувернера и учителя нѣмецкаго языка, нѣмецъ Іоганъ-Христофоръ-Дитрихъ Остерманъ, старшій братъ знаменитаго Остермана, не имѣвшій, впрочемъ, и признаковъ сходства съ нимъ, по уму и даровитости. Кромѣ Остермана былъ приставленъ къ царевнамъ Стефанъ Рамбурхъ — «танцу учить и показывать зачало и основаніе языка французскаго».

Однако-жъ, есть извѣстія, что царевны очень немногому обучились у этихъ педагоговъ. Языки онѣ знали плохо, даже въ танцахъ успѣла одна только живая, подвижная и веселая Катерина Ивановна, большая любительница удовольствій и салонныхъ развлеченій. Да и могло ли идти хорошо ученье, когда, по замѣчанію самого Петра, дворъ Прасковьи Ѳедоровны представлялъ собою «госпиталь уродовъ, ханжей и пустосвятовъ?» Такая обстановка, окружавшая царевенъ, и кругъ застарѣлыхъ предразсудковъ и отживших понятій, которыми онѣ въ ней проникались, не могли содѣйствовать просвѣщенію и образованію, а тѣмъ болѣе подъ руководствомъ такихъ малоспособныхъ и малосвѣдущихъ педагоговъ, какими рекомендуютъ намъ современные мемуары всѣхъ этихъ Остермановъ и Рамбурховъ.

Даже въ познаніи русской грамоты, несмотря на особливыя по этому предмету, какъ мы видѣли, заботы Прасковьи Ѳедоровны, дочери ея не могли похвалиться совершенствомъ.

Вотъ, напр., какова была орѳографія Анны Ивановны, тогда уже герцогини курляндской.

...„Ісволили вы, свѣтъ моі, писала она матери, приказовать камне: нетли нужды мне вчомъ? здесь вамъ, матушка мая, известна, што у меня ничего нетъ, краме што своли вашей выпісаны штофы; а ежелі кчему случаі позаветъ, і я не имею нарочітыхъ алмазовъ, ні кружевъ... і втомъ ка мне исвольте учинить, матушка мая, по высокаі сваеі міласти, і здешныхъ пошлиныхъ денекъ; а деревенскими доходами насилу я магу домъ і столъ своі вгодъ содержатъ“...

Впрочемъ, въ XVIII столѣтіи не грамотнѣе писало большинство русскихъ образованныхъ женщинъ. Сами мужчины, даже государственные люди, даже—смѣшно сказать — представители науки очень рѣдко щеголяли правописаніемъ. Въ архивныхъ матеріалахъ академіи наукъ сохранился всеподданнѣйшій докладъ, удостовѣряющій, что въ числѣ ученыхъ дѣятелей этого храма Минервы въ 1740-хъ годахъ былъ нѣкто, совѣтникъ Нартовъ, игравшій очень видную роль въ академіи, который — «не только какой ученой человѣкъ и знающей иностранныхъ языковъ, но съ нуждою и по-русски только могъ свое имя написать»... Впрочемъ, сама де-сіансъ-академія того времени, судя по ея перепискѣ, изобилующей массой неправильностей и грамматическихъ ошибокъ, тоже не могла похвалиться большимъ знаніемъ правописанія.

Что касается свѣтскаго общества, то, по свидѣтельству Грибовскаго, уже въ дни Екатерины II изъ всей придворной знати только двое—Потемкинъ и Безбородко писали правильно по-русски. Что же было спрашивать въ этомъ отношеніи съ свѣтскихъ барынь и барышень? Малограмотность русской культурной женщины еще очень недавно считалась вещью обыкновенной; она, во-

шла, можно сказать, въ традицію и притчу,—мало того: она воспѣта безсмертнымъ поэтомъ, восхищавшимся тѣмъ, что наши барышни,

. . . . русскимъ языкомъ
Владѣя слабо и съ трудомъ,
Его такъ мило искажали,

что онъ, поклонникъ «старины»,

Какъ устъ румяныхъ безъ улыбки,
Безъ грамматической ошибки

и русской рѣчи не сталъ любить.

Вообще, нужно признать, что успѣхи въ наукахъ и въ умственномъ развитіи, какъ нашей героини, такъ и всего общества, за немногими исключеніями, особенно въ первой половинѣ минувшаго столѣтія, были крайне сомнительны и даже просто ничтожны. Даже при самомъ удачномъ выборѣ воспитателей и при самомъ тщательномъ, повидимому, разностороннемъ обученіи, результаты получались нерѣдко до комизма плачевные.

Извѣстно, что Петръ Великій ничего не жалѣлъ и ни предъ чѣмъ не останавливался, чтобы дать самое блестящее и основательное образованіе сыну—злосчастному царевичу Алексѣю: окружилъ его избранными по уму и знаніямъ воспитателями, заботился о правильности и систематичности обученія, посылалъ царевича на долгіе сроки доучиваться за границу... И что же?—Когда, по возвращеніи изъ за границы, по окончаніи курса наукъ, Алексѣй былъ, однажды, спрошенъ отцемъ о своихъ познаніяхъ въ чертежномъ искусствѣ, то, чтобы избѣгнуть этого экзамена, царевичъ, «понеже бы не

умѣлъ (т. е. не умѣлъ чертить), умыслилъ, какъ онъ самъ потомъ сознался, испортить себѣ правую руку» и, дѣйствительно, выстрѣломъ изъ «пистоля» пулей, хотя не ранилъ, но сильно ее обжогъ, и этимъ остроумнымъ способомъ избавился отъ непріятности обнаружить передъ отцомъ свое невѣжество.

Блестящее, казалось бы, образованіе получили, для своего времени, и дочери Петра Великаго. Однако-жъ, князь Щербатовъ засвидѣтельствовалъ такой, напр., почти невѣроятный фактъ, что Елизавета Петровна, будучи уже Императрицей, не знала, что Великобританія есть островъ.

Впрочемъ, такое незнаніе географіи въ тѣ времена не составляло особенной рѣдкости, если, по словамъ Фонвизина, въ его бытность въ московской гимназіи, на выпускномъ экзаменѣ ни одинъ изъ учениковъ его класса не умѣлъ отвѣтить на немудреный вопросъ: куда течетъ Волга? Не умѣлъ отвѣтить на это и самъ Фонвизинъ, но, когда его спросили, онъ, вмѣсто несообразныхъ отвѣтовъ, простодушно сказалъ—*не знаю*, и такъ тронулъ экзаменаторовъ своимъ чистосердечіемъ, что они «единогласно присудили ему медаль».

Изучая судьбы просвѣщенія въ Россіи за минувшее столѣтіе, нельзя не замѣтить одного выдающагося и чрезвычайно характеристическаго противорѣчія, которое проходитъ сплошь черезъ всю эту эпоху. Противорѣчіе это заключалось въ крайнемъ несоотвѣтствіи между замысломъ и дѣломъ, между принятыми планомъ, размѣромъ и программой образованія юношества и результатами этого образованія на практикѣ.

Со временъ Петра Великаго и до дней Екатерины II надъ проектами «введенія наукъ» въ Россіи трудятся первостепенные философы и мыслители своего вѣка: Лейбницы, Вольфы, Дидро, Вольтеры и др. Читая теперь эти проэкты, получавшіе частію практическое примѣненіе, по крайней мѣрѣ, формально, преклоняешься невольно передъ широкой всеобъемлемостью учебныхъ плановъ, захватывавшихъ всѣ отрасли знанія, во всемъ ихъ пространствѣ, учреждавшихъ на Руси сразу цѣлую систему всевозможныхъ школъ и разсадниковъ просвѣщенія, отъ самыхъ низшихъ до самыхъ высшихъ, однимъ почеркомъ пера.

Это казалось такъ просто и легко: написать широкій проектъ, ввести его въ законную силу, предписать завести повсюду академіи, университеты (Лейбницъ предлагалъ, напр., сразу учредить у насъ *четыре* академіи и университета), гимназіи, профессіональныя училища и проч., и немедленно, точно по мановенію волшебнаго жезла, Россія процвѣтетъ науками и просвѣщеніемъ. Именно, предполагалось въ этомъ случаѣ нѣчто, какъ бы волшебное, судя по той вѣрѣ въ эти просвѣтительные проекты и планы, которою были, повидимому, искренно проникнуты и сами ихъ сочинители, и тѣ, кому они предлагались, и сторонніе современники.

Фонтенель, въ своемъ похвальномъ словѣ Лейбницу, такъ напрямки и назвалъ его Орфеемъ за то, что онъ, подобно сему классическому чародѣю, своимъ вѣщимъ, мудрымъ глаголомъ вывелъ «народы Россіи изъ варварства, ввелъ къ нимъ науки и искусства», и, такимъ образомъ, сталъ «законодателемъ варваровъ» (legislateur

de barbares). Другой иностранецъ (и не онъ одинъ) свидѣтельствовалъ, какъ о фактѣ несомнѣнномъ, что уже при Петрѣ Великомъ «музы, богини свободныхъ наукъ, нашли новый Геликонъ въ московскихъ предѣлахъ и стали тамъ смягчать нравы».

Но одно дѣло — мудрые и всеобъемлющіе проекты, другое дѣло—ихъ исполненіе на практикѣ. Дѣйствительно, мы видимъ такое рѣдкое въ исторіи зрѣлище, что въ странѣ, которая едва сдѣлала шагъ изъ тьмы «варварства» къ свѣту европейской цивилизаціи и науки, уже есть *своя* де-сіансъ-академія, есть *свои* университеты, есть, словомъ, все то, что составляетъ роскошь и послѣднее слово умственнаго развитія страны; но—странно — нѣтъ почти ни одного *своего* ученаго, нѣтъ почти вовсе образованныхъ людей, и—огромная масса совершенно темныхъ, неграмотныхъ «варваровъ», коснѣющихъ въ примитивномъ невѣжествѣ и глубокомъ безправіи, изъ которыхъ вывести ихъ, хоть сколько нибудь, никому не приходило и въ голову! И въ такомъ странномъ, безотрадномъ положеніи страна эта проживаетъ долгіе, долгіе годы. Спрашивается, могла ли она похвалиться истиннымъ просвѣщеніемъ?

Такъ много потрудившійся надъ изученіемъ умственной жизни въ петровской Руси, П. Пекарскій глубоко и вѣрно замѣтилъ, что просвѣщеніе бываетъ «тогда только прочно, когда выработывается постепенно и безъ скачковъ», что, «вообще успѣхъ наукъ и литературы въ цѣломъ народѣ всегда обусловливается благопріятными обстоятельствами во внутренней жизни народа, каковы, напр., развитіе политическихъ правъ народа, участіе его

въ общественныхъ дѣлахъ, подавленіе личнаго произвола, слѣдственно — искорененіе рабства и т. п. Если такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ не существуетъ и объ нихъ нѣтъ даже и помина, тогда никакія желанія и заботы одного или нѣсколькихъ лицъ, даже подкрѣпляемыя насильственными мѣрами, не въ силахъ подвинуть впередъ образованія страны. Правда, бываютъ примѣры, что и въ такомъ положеніи въ народѣ встрѣчаются замѣчательныя личности, благородные порывы и стремленія, но масса всегда останется холодною къ подобнаго рода проявленіямъ и не извлечетъ изъ нихъ никакой пользы для себя».

Эти общія соображенія о ходѣ просвѣщенія въ Россіи въ прошломъ столѣтіи необходимо имѣть въ виду и при изученіи, собственно, женскаго образованія того времени. И въ его исторіи бросается въ глаза то же самое, выше указанное, противорѣчіе между широкими образовательными предначертаніями, введенными въ учебную систему, и крайне тощими, призрачными результатами учебной практики.

Впрочемъ, *школьное женское образованіе* дѣлается предметомъ особливой заботливости правительства только въ царствованіе императрицы Екатерины II. До того же времени оно не входило въ общую систему оффиціальнаго народнаго просвѣщенія и предоставлялось исключительно частной иниціативѣ, личной и общественной. Въ этомъ случаѣ мы только слѣдовали примѣру западной Европы, гдѣ также женское образованіе не входило въ то время въ кругъ государственной дѣятельности и до эпохи умственнаго движенія, произведеннаго Ж. Ж.

Руссо и современными ему провозвѣстниками гуманитарныхъ идей, оставалось въ совершенномъ пренебреженіи, говоря вообще.

Вслѣдствіе такого порядка, втеченіи большей части прошлаго вѣка женское образованіе у насъ было преимущественно *домашнее*. Отсюда происходила крайняя его неравномѣрность и, если можно такъ выразиться, разномастность. Женщины одной и той же среды, одинаковаго положенія и зажиточности, поражали нерѣдко очень рѣзкимъ различіемъ уровней своего образованія и умственнаго развитія.

Рядомъ съ утонченно-просвѣщенными, развитыми и по европейски вышколенными «царицами» салоновъ, не уступавшими какимъ нибудь парижскимъ Рамбулье и Роланамъ, встрѣчались въ одномъ и томъ же обществѣ совершенно патріархальныя, по своей неразвитости, боярыни котошихинскаго типа. Все зависѣло отъ того, въ какой степени родители прилагали заботы и находили это нужнымъ—по воспитанію и образованію своихъ дочерей. При томъ же, для многихъ представлялось невозможнымъ дать дочерямъ блестящее *домашнее* образованіе — очень дорого стоившее — просто за недостаткомъ для того матеріальныхъ средствъ. По этой причинѣ и вслѣдствіе отсутствія общественныхъ, всѣмъ доступныхъ, женскихъ школъ, хорошее женское образованіе было въ тѣ времена рѣдкой роскошью, которою могла пользоваться только богатая знать, и, слѣдственно, являлось вполнѣ аристократическимъ. Масса женщинъ средняго класса усвоивала только внѣшнюю оболочку образованія и, главное, свѣтскости, а, въ сущ-

ности, стояла на крайне низкомъ уровнѣ умственнаго развитія.

Въ предшествовавшей главѣ мы уже говорили о томъ, чтó называлось въ прошломъ вѣкѣ «превосходнымъ» домашнимъ воспитаніемъ дѣвушки, и въ какой степени оно было превосходно на самомъ дѣлѣ. Здѣсь, слѣдуя нашему плану, намъ необходимо остановиться нѣсколько на средствахъ и методѣ тогдашней педагогіи и на самихъ педагогахъ того времени, по отношенію къ нашей героинѣ.

Учебныя средства вначалѣ XVIII вѣка были у насъ, вообще, крайне небогаты. Учебниковъ на русскомъ языкѣ было мало и они не отличались доброкачественностью. Начать съ языка, который въ нихъ былъ варварскій, по своей неуклюжести, изломанности и невѣроятной, какой то лоскутной пестротѣ. Полонизмы, латинизмы, галлицизмы и германизмы уснащали русскую рѣчь до неузнаваемости и, при этомъ, сама она еще не могла выпутаться изъ тисковъ испорченной старо-славянской конструкціи. Даже о лучшихъ, краснорѣчивѣйшихъ стиллистахъ-педагогахъ Симеонѣ Полоцкомъ и Ѳеодорѣ Поликарповѣ, Кантеміръ совершенно вправѣ былъ сказать:

„Сенька и Ѳедька, когда пѣснь пѣли
Предъ тобою,
Какъ немазаны двери скрипѣли“.

Дѣло въ томъ, что тогдашніе сочинители и педагоги, въ довершеніе искаженія языка, коверкали его еще, ни къ селу, ни къ городу, силлабическимъ рифмоплетствомъ, совершенно несвойственнымъ характеру русской рѣчи. Силлабическими виршами не только воспѣвались раз-

ные высокоторжественные случаи, но излагались самыя прозаическія истины, какъ, напр., ариѳметическія и грамматическія правила, азбучныя нравоученія и т. под.

Самостоятельныхъ русскихъ учебниковъ почти вовсе не было, за изъятіемъ старинныхъ букварей, псалтырей, «цвѣтниковъ» и требниковъ; но въ первое время небогата была и переводная учебная литература, о пріумноженіи которой старался Петръ В., да и тѣ книги, которыя переводились, не отличались ни ясностью и толковостью изложенія, ни чистотою языка.

Въ виду этого, становится совершенно понятнымъ, почему въ тѣ времена, при основательномъ образованіи юношества, прежде всего старались обучить его иностраннымъ языкамъ, и въ особенности французскому, такъ какъ только этимъ путемъ открывался полный доступъ къ знаніямъ.

Умный, образованный Гюйссенъ, въ своемъ замѣчательномъ «Наказѣ» объ ученіи царевича Алексѣя, представляющемъ для насъ какъ бы кодексъ тогдашней педагогіи, поставилъ на первомъ планѣ, «паче всѣхъ вещей», изученіе иностранныхъ языковъ.

Онъ находилъ, что его высочеству надлежало первымъ дѣломъ «такого языка научиться, которымъ бы его *ко отправленію всѣхъ потребныхъ вѣдѣній поятна сочинить возможно*, и къ тому.... паче всѣхъ языковъ французскій легчайшій и потребнѣйшій есть». Только, по основательномъ изученіи царевичемъ французскаго языка, Гюйссенъ считалъ возможнымъ перейти къ систематическому преподаванію общаго курса наукъ.

Неоспоримо, что, какъ Гюйссенъ, такъ и другіе лучшіе педагоги того времени—иностранцы ли, или русскіе, руководились въ этомъ случаѣ вовсе не модой на французскій языкъ (мода на него пришла гораздо позднѣе), не какими нибудь сокровенными руссофобскими тенденціями и «западническими» предубѣжденіями, а простой необходимостью, почти безвыходностью.

«Въ тѣ времена,—говоритъ Шлецеръ,—богатые русскіе вельможи всячески старались дать дѣтямъ своимъ, недоставшееся имъ самимъ въ удѣлъ, *высшее образованіе*» (Рѣчь идетъ о «временахъ» начала второй половины XVIII вѣка). Если было такое стараніе и если нельзя отказать ему въ уваженіи, то, имѣя въ виду тогдашнюю бѣдность отечественныхъ педагогическихъ средствъ, тѣмъ болѣе — для «высшаго образованія», мы опять таки наталкиваемся на новое, такъ сказать, историческое оправданіе увлеченія нашихъ предковъ французскимъ языкомъ и французской литературой.

Что же касается отчужденія отъ русскаго языка и отъ всего родного, то оно явилось уже въ позднѣйшее время, какъ естественное, неизбѣжное послѣдствіе печальной необходимости воспитанія цѣлаго ряда поколѣній на иностранномъ языкѣ, по иностраннымъ образцамъ и на иностранной литературѣ. Князь П. Вяземскій, въ своей книгѣ о Фонвизинѣ, указалъ на то характеристическое обстоятельство, что, напр., «большая часть переписки государственныхъ людей царствованія Екатерины велась на русскомъ языкѣ, не смотря на господство языка французскаго и нравовъ иноплеменныхъ. Послѣ мы видимъ совершенно противное»... Это

«послѣ» началось, собственно, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ спору, что у педагоговъ, даже иностранцевъ, въ описываемое время вовсе не входило въ разсчетъ воспитывать русскихъ дѣтей въ пренебреженіи къ родному языку. Напротивъ, въ программу школьнаго образованія обязательно входило тогда, какъ главный предметъ, отечествовѣдѣніе, а также изученіе русскаго языка и воспитаніе въ духѣ православія—по крайней мѣрѣ, въ теоріи.

Въ «Наказѣ» Гюйссена все это весьма обстоятельно предусмотрѣно и, въ особенности, «чтобы его высочество непрестанно въ читаніи и писаніи русскаго языка... обученъ былъ».

Гораздо позднѣе, другой знаменитый нѣмецъ Шлецеръ, составляя программу для обученія дѣтей графа К. Г. Разумовскаго, счелъ нужнымъ ввести въ нее «новую науку—познаніе отечества», т. е. Россіи. А когда Шлецеръ началъ преподавать эту науку, то руководившій воспитаніемъ дѣтей графа Таубертъ (нѣмецъ же), слѣдилъ за преподаваніемъ «съ восхищеніемъ» и въ то же время «горѣлъ патріотическою ненавистью къ тому, что иностранцы писали о Россіи», если, конечно, писали что нибудь нехорошее и неодобрительное.

Вообще, о тогдашнихъ иностранцахъ-педагогахъ въ Россіи, съ голоса сатириковъ и славянофиловъ конца прошлаго столѣтія, сложилось у насъ слишкомъ ужъ одностороннее мнѣніе, основанное на огульномъ ихъ осужденіи и осмѣяніи. Дѣло исторіи разобрать, въ какой степени такой приговоръ справедливъ и основателенъ.

Несомнѣнно, что большинство заѣзжавшихъ въ Россію иностранцевъ-педагоговъ были ниже своего призванія и ниже всякой критики. Несомнѣнно также, что «щедрые русскіе баре, какъ засвидѣтельствовалъ Шлецеръ, часто ошибались въ тѣхъ людяхъ, которые были имъ необходимы для достиженія благородной ихъ цѣли. Искали они этихъ людей почти постоянно между французами... Ихъ принимали по наружности, коль скоро она была прилична, не разбирая, чѣмъ они были на родинѣ—лакеями ли, мастеровыми ли, или бѣглыми офицерами, непремѣнно оставившими свою родину вслѣдствіе d'une affaire d'honneur».

Все это справедливо. Разсказчикъ воспоминаній, записанныхъ Пушкинымъ (Собр. Соч. т. V, стр. 514, изд. Анненкова), говоритъ, что въ дѣтствѣ онъ былъ оставленъ «на попеченіе французовъ, которыхъ безпрестанно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей; второй—человѣкъ не глупый и не безъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣшеный нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ за то, что пролилъ я чернила на его жилетъ; третій, проживши у насъ цѣлый годъ, былъ сумасшедшій, и въ домѣ тогда только догадались о томъ, когда пришелъ онъ жаловаться на меня и на Мишеньку (брата) за то, что мы подговорили клоповъ всего дома не давать ему покоя и что, сверхъ того, чертенокъ повадился вить гнѣзда въ его колпакѣ». Неразборчивость, въ этомъ отношеніи, русскихъ баръ простиралась иногда до комизма. Былъ случай, что одни простодушные родители наняли для обученія своихъ дѣтей французскому языку гувернера, якобы, француза,

а потомъ оказалось, что онъ—чистокровный чухонецъ и, вмѣсто французскаго языка, обучилъ своихъ питомцевъ—финскому.

Но были же родители, люди образованные, которые умѣли различить знаніе отъ круглаго невѣжества и, ввѣряя своихъ дѣтей иностраннымъ «гофмейстерамъ» и «мамзелямъ», контролировали, такъ или иначе, ихъ занятія. Въ контролѣ надъ иностранцами педагогами принимало участіе временами и правительство. Уже при Елизаветѣ Петровнѣ состоялось распоряженіе объ испытаніи при академіи наукъ всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Россію иностранныхъ учителей. Было не мало между этими педагогами Вральмановъ, но были же и Гюйссены, и Шлецеры, и Тауберты, и Лагарпы...

Высказалась однажды Екатерина II о «мамзеляхъ»—воспитательницахъ такимъ рѣшительнымъ образомъ: «Je crois que les gouvernantes de vos filles sont de *maquerelles*»; но были же среди нихъ и личности достойныя, обладавшія необходимыми знаніями и умѣвшія заслужить любовь и уваженіе своихъ питомцевъ.

Княгиня Наталья Долгорукова съ чувствомъ благодарности вспоминаетъ въ запискахъ своихъ о своей «мадамѣ» — воспитательницѣ, не оставившей ее въ несчастіи и выказавшей, при этомъ, рѣдкую преданность, почти самоотверженіе къ своей воспитанницѣ.

Когда надъ семействомъ Долгоруковыхъ разразилась опала, то юную княгиню Наталью вызвалась добровольно сопровождать въ ссылку ея «мадамъ», которая «ходила» за ней, когда та была еще «маленькой».

«Моя воспитательница, которой я отъ матери своей препоручена была, — пишетъ княгиня,—не хотѣла меня оставить, со мною и въ деревню поѣхала; думала она, что тамъ злое время переживемъ: однако, не такъ случилось, какъ мы думали, принуждена меня покинуть. Она — человѣкъ чужестранный, не могла эти суровости понести; однако, сколько можно ей было, эти дни старалась, ходила на то безсчастное судно, на которомъ насъ повезутъ, все тамъ прибирала, обивала стѣны, чтобы сырость сквозь не прошла, чтобъ я не простудилась; павильончикъ поставила, чуланчикъ загородила, гдѣ намъ имѣть свое пребываніе, и все то оплакивала».

Въ высшей степени лестно отзывается также извѣстная лэди Рондо о другой современной иностранкѣ-воспитательницѣ, мадамъ Адеркасъ, состоявшей при принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Наблюдательная англичанка хвалитъ «благоразуміе, прелесть души», начитанность и высокое умственное развитіе этой особы, и замѣчаетъ, что «лучшей» гувернантки трудно было бы и найти. Минихъ, правда, отзывается объ Адеркасъ не совсѣмъ одобрительно; но, такъ или иначе, тотъ фактъ, что среди тогдашнихъ педагоговъ-иностранцевъ не были рѣдкостью люди, стоявшіе на высотѣ своего призванія, нельзя оспаривать. Къ сожалѣнію, только историческія свѣдѣнія по этому предмету очень скудны; но вотъ еще примѣръ, заслуживающій вниманія.

Вигель, столь нетерпимый въ своихъ мемуарахъ къ иностранцамъ, однако-жъ, воздаетъ долгъ глубокой признательности своему воспитателю-учителю, нѣкоему Муту,

который, по его описанію, является необыкновенно свѣтлой, почти идеальной личностью.

«Съ кроткимъ простодушіемъ человѣкъ сей,—говоритъ о немъ Вигель,—соединялъ самую чистѣйшую нравственность»... «Онъ имѣлъ удивительную память и познанія, посредствомъ ея пріобрѣтенныя»... Будучи иностранцемъ, онъ «не только не позволялъ себѣ говорить съ презрѣніемъ о нашихъ обычаяхъ, но даже они освящались въ глазахъ его древностію». Всю долгую жизнь свою посвятивъ воспитанію дѣтей, Мутъ вездѣ снискивалъ себѣ уваженіе родителей и любовь воспитанниковъ. Признательность послѣднихъ не оставила его и въ глубокой старости, когда онъ уже не въ состояніи былъ трудиться. Его пріютило у себя семейство Дараганъ, гдѣ онъ жилъ среди воспитанныхъ имъ «трехъ поколѣній, предъ нимъ благоговѣвшихъ».

Безъ всякаго сомнѣнія, подобныя личности вовсе не были среди педагоговъ-иностранцевъ прошлаго вѣка такой исключительной рѣдкостью, какъ насъ старались въ этомъ увѣрить наши французоѣды. Вопросъ, впрочемъ, вовсе не въ этомъ, какъ, съ другой стороны, вовсе не въ нашихъ видахъ защищать тогдашнее «превосходное» воспитаніе, посредствомъ иностранцевъ и во французскомъ духѣ. Наша цѣль была только показать историческую неизбѣжность такого, а не иного образа воспитанія нашей героини, — показать, что, при тогдашнемъ состояніи русской науки и литературы, это былъ *единственный* путь получить европейское образованіе, соотвѣтственно современнымъ требованіямъ.

Такое же историческое оправданіе, само собою, текаетъ изъ этого положенія вещей и тому, стократъ мѣянному, предпочтенію иностранныхъ педагоговъ пр отечественными, которое оказывали русскіе образо ные люди XVIII вѣка. Плохи и неудовлетворител были, въ большинствѣ, французы-гувернеры и гу нантки—это правда; но они являлись на безотлагат ный спросъ, которому не находилось у себя дома какого почти сколько нибудь подходящаго предложе какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ ношеніяхъ.

VI.

Общество благородныхъ дѣвицъ.

Школьное женское образованіе, какъ мы сказали, является у насъ впервые въ видѣ правильной организаціи и дѣлается предметомъ особливой заботливости правительства только лишь въ дни Екатерины II.

Оно составляло, въ этомъ случаѣ, одну изъ отраслей Екатерининской преобразовательной учебной системы вообще или, точнѣе сказать, Екатерининскаго учебнаго плана, развитаго и начертаннаго подъ вліяніемъ западныхъ мыслителей, преимущественно же Локка и Руссо. Извѣстно громадное вліяніе, оказанное въ Европѣ знаменитымъ «Эмилемъ» Ж. Жака Руссо на тогдашнюю систему воспитанія и, вообще, на педагогическіе взгляды. Проповѣдникъ широкой гуманитарности, Руссо разоблачилъ всю ложь и фальшь господствовавшаго тогда воспитанія, возсталъ противъ школьной тираніи и сухаго педантизма и своей проповѣдью произвелъ переворотъ въ системѣ какъ домашняго, такъ и школьнаго образованія молодежи. Его идеи, въ основныхъ чертахъ,

вошли и въ преобразовательный учебный планъ въ Россіи.

Замѣчательно, однако, что Екатерина II не любила Руссо и антипатично относилась къ его «Эмилю».

«Не люблю я Эмилевскаго воспитанія, писала она одной приближенной къ ней нѣмкѣ: въ наше доброе старое время думали иначе, а такъ какъ между нами есть таки удавшіеся люди, то я и держусь этого результата».

Эта нелюбовь простиралась до того, что Императрица повелѣла однажды «приказать наикрѣпчайшимъ образомъ академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ отнюдь не продавался «Эмиль» Руссо, какъ такая вредная книга, «которая противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и Россійской націи» направлена и которая, притомъ, «во всемъ (?) свѣтѣ запрещена».

Но это было не болѣе какъ недоразумѣніе. На самомъ дѣлѣ, Екатерина, въ своихъ предначертаніяхъ по народному образованію, была во многомъ прямой послѣдовательницей Руссо, во многомъ стремилась осуществить идеалы и взгляды, приведенные въ законопротивномъ и ненавистномъ «Эмилѣ». Такова неотразимая сила великихъ идей, что и кажущіеся, съ виду, ихъ противники, неощутительно для самихъ себя, подчиняются ихъ вліянію и, дѣйствуя въ ихъ духѣ, остаются въ пріятномъ заблужденіи, что дѣйствуютъ самостоятельно.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на подробномъ изложеніи исторіи возникновенія и постепеннаго, весьма сложнаго развитія Екатерининскаго плана народнаго

образованія, вообще. Это—очень длинная исторія и въ нашу задачу не входитъ; мы постараемся только охарактеризовать его здѣсь въ главныхъ, выдающихся чертахъ.

Педагогическая задача Екатерины заключалась ни много, ни мало въ томъ, чтобы произвести «новую породу людей». Это казалось тогда вещью легко достижимой, какъ считалось достижимымъ тѣмъ же путемъ создать въ Россіи, посредствомъ школы, и третье сословіе или, выражаясь словами «Наказа», «людей третьяго чина».

Для вполнѣ успѣшнаго и наискорѣйшаго созданія «новой породы людей» на Руси, силами и средствами педагогіи, предположено было учредить побольше закрытыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній, гдѣ имѣлось въ виду, по наставленію «Наказа» и въ оправданіе плана преобразователя, «вселить въ юношество страхъ Божій, утвердить юныя сердца въ похвальныхъ склонностяхъ, пріучить ихъ къ основательнымъ и приличнымъ ихъ состоянію правиламъ, возбудить въ нихъ охоту къ трудолюбію, чтобы они страшились праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научить пристойному въ дѣлахъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболѣзнованію о бѣдныхъ, несчастныхъ, отвращенію отъ всякихъ дерзостей; обучить домостроительству, отвратить отъ мотовства, вкоренить склонность къ опрятности и чистотѣ, однимъ словомъ—наставить всѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, которыя образуютъ прямыхъ гражданъ, полезныхъ обществу членовъ, служащихъ ему украшеніемъ».

Однимъ словомъ, планъ былъ очень широкій и ничто въ немъ не было забыто для всесторонняго усовершенствованія юношества, имѣвшаго начать особую *новую* породу или *новыхъ* отцовъ и матерей, которые бы «дѣтямъ своимъ тѣ же прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли». По крайней мѣрѣ, такъ выходило на бумагѣ, такими цѣлями и надеждами былъ вдохновленъ преобразователь и, кажется, вполнѣ искренно, ибо—кто же тогда не вѣрилъ въ осуществимость фантастично-воспитательныхъ экспериментовъ во вкусѣ «Эмиля»?!

Благодаря вліянію того же Руссо и школы физіократовъ, Екатерининско-учебно-воспитательная система отличалась еще слѣдующей весьма характеристической чертой.

Екатерина и ближайшій исполнитель ея учебной реформы, Бецкій, полагали главнымъ основаніемъ общественнаго воспитанія «святую нравственность», по выраженію Карамзина, въ томъ намѣреніи, что «самые мудрые законы безъ добрыхъ нравовъ не сдѣлаютъ государства счастливымъ, и что нравы должны быть впечатлѣваемы на зарѣ жизни». Такъ истолковываетъ эту мысль Карамзинъ, приписывая ея иниціативу личной изобрѣтательности генія Екатерины; но, на самомъ дѣлѣ, это былъ не болѣе, какъ откликъ господствовавшаго взгляда въ тогдашней педагогіи на Западѣ.

Въ изданномъ въ 1764 г. «Генеральномъ учрежденіи о воспитаніи обоего пола юношества» эта мысль выражена въ формѣ такого, какъ бы догматическаго положенія:

«Опытъ доказалъ (говорится тамъ), что одинъ только украшенный или просвѣщенный разумъ не производитъ еще добраго прямаго гражданина; напротивъ, онъ становится вреднымъ для того, у кого съ юныхъ лѣтъ не вкоренена въ сердце добродѣтель. Отъ небреженія нравственности, отъ ежедневныхъ дурныхъ примѣровъ привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству, непослушанію. При такомъ недостаткѣ нравственнаго воспитанія напрасно ласкать себя ожиданіемъ истинныхъ успѣховъ въ наукахъ и искусствахъ».

Все это не что иное, какъ парафразъ высказанныхъ Ж. Ж. Руссо положеній, въ такомъ, напр., родѣ: что «цивилизованныя націи обладаютъ только тѣнью всѣхъ добродѣтелей», что «рядомъ съ умственнымъ прогрессомъ идетъ нравственная испорченность и что, напротивъ, чистота и энергія нравственнаго чувства живутъ въ большемъ согласіи съ невѣжествомъ и умственной грубостью», что «науки своимъ происхожденіемъ обязаны нашимъ порокамъ»; и т. д.

Эти парадоксальныя на нынѣшній взглядъ максимы считались тогда мудростью вѣка, послѣднимъ, непререкаемымъ словомъ этики и раздѣлялись всѣми образованными людьми. Онѣ проводились весьма усердно въ нашей литературѣ въ томъ смыслѣ, что нравственность выше разума и что воспитаніе лучше образованія. Это весьма опредѣленно высказалъ, между прочимъ, Фонвизинъ въ своемъ «Недорослѣ».

Мудрый Стародумъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ Софьѣ:

— Чѣмъ умомъ величаться, другъ мой? *Умъ, коль онъ только что умъ, сущая бездѣлица...* Прямую цѣну

ему даетъ благонравіе: безъ него умный человѣкъ чудовище. Оно неизмѣримо выше всей бѣглости ума.

Исходя изъ такого взгляда, тогдашніе и многіе позднѣйшіе моралисты наши (не говоря уже о Шишковыхъ, Фотіяхъ и Магницкихъ) приходили на этотъ счетъ къ заключенію, весьма опредѣленно выраженному, напр., баснописцемъ Крыловымъ въ слѣдующемъ нравоученіи:

Хотя въ ученьи зримъ мы многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ,
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою...

Даже просвѣщенный Новиковъ какъ-то выражалъ сожалѣніе о томъ, что «введеніемъ въ Россіи наукъ и художествъ наидрагоцѣннѣйшее россійское сокровище—*нравы* погубились безвозвратно». Такихъ же мыслей былъ и извѣстный историкъ князь Щербатовъ.

Позднѣе этотъ взглядъ, выйдя изъ сферы теоретической и достигнувъ своего крайняго выраженія, сдѣлался руководящимъ въ вопросахъ, касавшихся не только педагогіи, но и всей умственной жизни, вообще. Находились ученые профессора, которые привѣтствовали неслыханно-строгіе цензурные репрессаліи и запреты въ дни Павла Петровича.

«Познаніе и такъ называемое просвѣщеніе,—читаемъ въ одной университетской рѣчи, говоренной на торжественномъ актѣ въ павловскія времена,—часто употреблено во зло чрезъ обольстительные нынѣшнихъ сиренъ напѣвы вольности и чрезъ обманчивые призраки мнимаго счастья. Европейскія правительства, спокойно взи-

равшія на сей развратъ, возъимѣли, наконецъ, правильную причину сожалѣть о своемъ равнодушіи. Сколь счастливою почитать себя должна Россія потому, что *ученость въ ней благопріятными ограниченіями охраняется!*»

Еще шагъ по наклонной покатости, лежавшаго въ основѣ такихъ разсужденій, софизма и—нетрудно было придти къ полному отрицанію всей трепогибельной «учености» и «такъ называемаго просвѣщенія», къ чему и приходили, напр., Фамусовы и Скалозубы, полагавшіе, что,

> .... коли ужъ зло пресѣчь,—
> Собрать всѣ книги бы, да сжечь...

Поставивъ себѣ задачей воспитать «новую породу людей» на вышеуказанныхъ началахъ, екатерининская учебная система требовала, чтобы въ учреждаемыя для этой цѣли закрытыя воспитательныя заведенія дѣти поступали съ самаго ранняго возраста — «отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году» и тамъ о нихъ «печися должно неусыпными трудами до 18 и 20 лѣтъ». «Во все же то время не имѣть имъ ни малѣйшаго съ другими сообщенія, такъ что и самые близкіе сродники, хотя и могутъ ихъ видѣть въ назначенные дни, но неиначе какъ въ самомъ училищѣ, и то въ присутствіи ихъ начальниковъ». Само собою разумѣется, что если имѣлось въ виду создать «новую породу», то всякое «обхожденіе» воспитанниковъ «съ людьми безъ разбору» должно было признаваться «вредительнымъ».

Таковъ былъ въ основныхъ чертахъ планъ учебно-воспитательныхъ предначертаній и учрежденій Екате-

рины! Не касаясь его основной идеи, совершенно ложной съ точки зрѣнія современной намъ раціональной этики, онъ поражаетъ опять таки тою же особенностью, которою отличались у насъ всѣ педагогическіе планы прошлаго столѣтія и на которую мы указывали уже въ предшествовавшей главѣ нашего труда. Это—необыкновенная ширина и всеобъемлемость замысловъ, предполагавшихъ достиженіе сразу совершеннѣйшихъ идеаловъ человѣчества, и, съ другой стороны, крайняя скудность и неудовлетворительность практическихъ средствъ и результатовъ этихъ замысловъ на опытѣ.

Екатерина была увѣрена, что «заведеніемъ народныхъ школъ разнообразные въ Россіи обычаи приведутся въ согласіе и исправятся нравы... Въ 60 лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ... невѣжество истребится само собою», и т. д. Въ какой степени эти мечтанія могли оправдаться и оправдались на самомъ дѣлѣ, мы можемъ судить даже въ наши уже дни по простому глазомѣру, не справляясь съ архивами и не оглядываясь назадъ—во времена давно минувшія.

На первыхъ же порахъ приведеніе въ исполненіе широко задуманнаго плана, имѣвшаго охватить собою всю Россію, пришлось съузить до самыхъ скромныхъ размѣровъ. И это въ особенности нужно сказать относительно женскаго школьнаго образованія.

Руководимая своими всеобъемлющими замыслами и «увѣренная, какъ говоритъ Карамзинъ, что благонравіе нѣжнаго пола въ высшемъ состояніи имѣетъ сильное вліяніе на государственное благонравіе», Екатерина «основала, подъ собственнымъ Ея надзираніемъ, Домъ воспи-

танія для двухъ сотъ благородныхъ дѣвицъ, чтобы сдѣлать ихъ образцомъ женскихъ достоинствъ. Уставъ сей и цѣлію, и средствами своими заслужилъ искреннюю похвалу, искреннее удивленіе первыхъ умовъ въ Европѣ».

Дѣйствительно, «первые умы» (какъ Вольтеръ, Гриммъ, Дидро и др.) въ карманъ за льстивыми словами не лазили; галантный Вольтеръ, напр., уподоблялъ даже помянутыхъ «благородныхъ» воспитанницъ «батальону амазонокъ»; но, спрашивается, что̀ могъ значить этотъ «батальонъ» на всю Россію, въ соотвѣтствіи съ грандіозной идеей сразу перевоспитать все общество и населить отечество въ кратчайшій срокъ «новою породою» идеально-совершенныхъ людей?!

Впрочемъ, если бы подобныхъ «Домовъ воспитанія» было учреждено и несравненно больше и съ несравненно лучшими педагогическими средствами, то положеніе вещей отъ этого очень мало измѣнилось бы. Дѣло въ томъ, что, помимо эфемерности самаго плана, общество было очень мало подготовлено къ воспитательной реформѣ и отнеслось совершенно холодно къ мысли завести на Руси «новую породу людей».

Когда уставъ «Общества благородныхъ дѣвицъ», о которомъ съ такою похвалою отзывался Карамзинъ, былъ разосланъ по всей Россіи съ тою цѣлью, чтобы, «вѣдая о семъ новомъ учрежденіи, каждый изъ дворянъ могъ, ежели пожелаетъ, дочерей своихъ въ младенческихъ лѣтахъ препоручить сему воспитанію», то, по справкѣ, вышло, что никто изъ дворянъ не «пожелалъ» воспользоваться этимъ благодѣяніемъ. По крайней мѣрѣ, никто изъ нихъ не откликнулся на вызовъ, и на первыхъ

порахъ «Домъ воспитанія» пришлось комплектовать дочерьми однихъ лишь петербургскихъ вельможъ и чиновниковъ.

Уставъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ изданъ 5 мая 1764 года. Онъ раздѣлялъ воспитанницъ на четыре возраста такимъ образомъ, что каждая воспитанница, поступивъ въ «Общество» въ шестилѣтнемъ возрастѣ, должна была пробыть въ немъ не менѣе 12-ти лѣтъ. По возрастамъ была распредѣлена и программа преподаванія, въ такомъ порядкѣ:

Въ первомъ возрастѣ (отъ 6 до 9 лѣтъ) преподавались: законъ Божій, русскій и иностранные языки (французскій, нѣмецкій и итальянскій), ариѳметика, рисованье, танцованіе и рукодѣлье. Во второмъ возрастѣ (отъ 9 до 12 лѣтъ), къ вышеозначеннымъ предметамъ прибавлялись: исторія, географія и практическое знакомство съ домашнимъ хозяйствомъ. Въ третьемъ возрастѣ (отъ 12 до 15 лѣтъ), продолжалось преподаваніе тѣхъ же предметовъ, съ прибавленіемъ словесныхъ наукъ, а также опытной физики, архитектуры и геральдики (послѣдняя исключена изъ программы въ 1783 г., когда догадались о ея несообразности въ курсѣ женскаго общаго образованія). Позднѣе, въ преподаваніе третьяго возраста была введена натуральная исторія. Весь четвертый возрастъ (отъ 15 до 18 лѣтъ) былъ посвященъ повторенію пройденнаго и усиленнымъ практическимъ занятіямъ по домоводству, рукодѣлью, счетоводству и проч. Впослѣдствіи, въ этомъ возрастѣ было введено преподаваніе геометріи.

Воспитательная сторона, составлявшая главный предметъ заботливости учредителей «Дома воспитанія» для

«благородныхъ дѣвицъ», въ частности, и всего тогдашняго «генеральнаго» учебнаго плана, вообще, была подчинена выработанной Бецкимъ особой системѣ, которая имѣла въ виду, по классификаціи «Устава»: 1) физическое воспитаніе; 2) физико-моральное; 3) собственно-моральное, и 4) дидактическое, посредствомъ обученія. По части доведеннаго до такой филигранной тонкости размежеванія натуры ребенка и прилагаемыхъ къ ней воспитательно-образовательныхъ мѣръ тогдашніе мыслители-педагоги были настоящими виртуозами...

Особенное вниманіе было обращено на физическое воспитаніе, какъ на «средство слѣдовать по стопамъ натуры, не превозмогая ее и не переламывая, но способствуя ей наклонять мало по малу отъ вреднаго къ полезному». Съ этой-то точки зрѣнія, для цѣлей физическаго воспитанія, «дѣвицы благородныя» и были раздѣлены на четыре возраста, и каждый возрастъ былъ подчиненъ особому ритуалу и спеціальной педагогической выправкѣ.

Въ совѣтахъ, преподанныхъ въ руководство физическаго воспитанія, много было здраваго и разумнаго. Напр., предписывалось дѣтямъ чаще быть на чистомъ воздухѣ и въ движеніи, такъ какъ «труды и вольный воздухъ укрѣпляютъ въ нихъ тѣлесное сложеніе, умножаютъ веселье и отъ всѣхъ будущихъ недостатковъ предохраняютъ». Въ тѣхъ же видахъ признавалось полезнымъ пріучать дѣтей къ перенесенію холода, зноя и перемѣнъ погоды. Относительно пищи соблюдалась такая же здоровая діэтетика: воспрещалось кормить дѣтей веществами пряными и возбуждающими, и требовалось

пріучать ихъ «ѣсть все, что ѣсть только можно, и въ выборѣ приправъ къ кушанью не быть прихотливу; но стараться, чтобъ было все, сколько можно, просто». Система преподаннаго Бецкимъ физическаго воспитанія покровительствовала дѣтской рѣзвости, живости и охотѣ къ забавамъ и играмъ. «Склонность, говоритъ онъ, которую вселяетъ природа въ сіи блаженныя лѣта къ игрѣ и къ увеселенію, есть главное средство къ умноженію здоровья и къ укрѣпленію тѣлеснаго сложенія». «Сколько жалки тѣ бѣдныя дѣти, которыя за игру и невинныя забавы, лѣтамъ ихъ необходимо потребныя, предаются столь часто на жертву ненавистному гнѣву, своеправію родителей или дядекъ: ихъ приличнѣе называть тиранами, нежели воспитателями». Далѣе идетъ цѣлый рядъ весьма вѣрныхъ и полезныхъ наставленій относительно дѣтской одежды, дѣтскихъ характеровъ и темпераментовъ и проч.

Физико-моральное воспитаніе основывалось на банальной максимѣ, что «праздность есть мать пороковъ, а трудолюбіе — отецъ всѣхъ добродѣтелей». На этомъ основаніи требовалось упражнять дѣтей въ различныхъ мастерствахъ и рукодѣльяхъ, такъ какъ «трудами и непрестаннымъ тѣлодвиженіемъ, отгоняя лѣность, уныніе, грусть, сіи предшественники дурныхъ нравовъ, человѣкъ сохраняетъ силу, бодрость и веселость духа, столь нужныя и для здоровья, и для доброты сердца». Въ этомъ смыслѣ, обстоятельно развита цѣлая программа игръ и механическихъ упражненій.

Чисто-моральное воспитаніе опиралось главнымъ образомъ на требованіи, очень зыбкомъ и очень растяжи-

момъ: «удалять отъ слуха и зрѣнія (дѣтей) все то, что хотя тѣнь порока имѣетъ». «На сіе-то, — говоритъ Бецкій,—надлежитъ устремлять весь свой разумъ, какъ на самое труднѣйшее и важнѣйшее дѣло для составленія истиннаго благонравія, ибо безъ сего всѣ наставленія никуда не годятся». Но кромѣ этого педагогическаго презерватива отрицательнаго свойства, для осуществленія котораго и настояла надобность учреждать совершенно закрытыя учебныя заведенія, тогдашнее моральное воспитаніе требовало еще воздѣйствія положительныхъ нравоучительныхъ мѣръ и опытовъ на воспитанниковъ.

«Надлежитъ, рекомендовалъ преобразователь, въ дѣтей обоего пола вкоренить живыми, ихъ воспитателей и смотрителей, примѣрами, которые всякой словесной морали дѣйствительнѣе, все то, что нужно для благонравія, какъ-то: чувствительность благодарности, ибо неблагодарный недостоенъ никакихъ благодѣяній, почтеніе къ начальникамъ, дружелюбіе, откровенность, благопріятность къ равнымъ, снисхожденіе и человѣколюбіе къ меньшимъ, бережливость, опрятность, чистоту, угодливость, учтивость, терпѣніе, трудолюбіе и прочія добродѣтели, которыя въ жизни столько же необходимы, какъ и сама жизнь и безъ чего никто недостоинъ носить имя человѣка».

Наконецъ, для той же цѣли моральное воспитаніе должно было поддерживать въ воспитанникахъ спасительный духъ сомнѣнія въ самихъ себѣ—въ своихъ заслугахъ и достоинствахъ, и изгонять зародыши гордости и самомнѣнія, «дабы, не думая никогда, что уже

совершенны, старались они часъ отъ часу лучше быть». «Сіе весьма удобно произвести, — продолжаетъ авторъ плана, — поселеніемъ между ними (воспитанниками) соревнованія чрезъ похвалы и награжденія, свойственныя и безпристрастныя. Должно сказать, что только разумно управляемое воспитаніемъ чести желаніе, котораго сѣмены врождены въ сердцѣ каждаго человѣка, даетъ душѣ крылья, возносящія его до того степени, до котораго достигнуть можетъ».

Слѣдуя правилу — дѣйствовать на дѣтей благотворными примѣрами, воспитательницы и учителя «Дома воспитанія» обязывались обращаться съ «благородными дѣвицами» кротко, гуманно, справедливо и ласково. Тѣлесныя наказанія вовсе не допускались. О нихъ не могло быть и рѣчи, и даже въ уставѣ для «Воспитательнаго Дома» найденышей «тѣлесныя наказанія строго запрещались и надъ самыми нижними служителями, дабы юношество не пріобучить къ суровости». Разрѣшалось только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгать къ легкимъ дисциплинарнымъ наказаніямъ, долженствовавшимъ дѣйствовать болѣе морально, чѣмъ физически на дѣтскую натуру, напр.: 1) заставлять дѣтей одинъ или два часа, смотря по лѣтамъ, стоять на одномъ мѣстѣ, ни на что не опираясь; 2) не пускать съ другими гулять; 3) дѣлать выговоръ наединѣ, побуждая къ раскаянію, а если не дѣйствовало, то «пристыжать публичнымъ выговоромъ» (это считалось главной и высшей мѣрой наказанія); 4) заставлять поститься, т. е. оставлять безъ завтрака, иногда безъ обѣда; однакожъ «никогда не отымать ужина», и т. д.

Вообще, весь учебный планъ того времени былъ проникнутъ теплой гуманностью и особенно по отношенію къ нашей героинѣ, на которую, по предначертаніямъ преобразователя, школа должна была дѣйствовать такимъ ободряющимъ и увеселяющимъ образомъ, чтобы она никогда не предавалась «скукѣ и задумчивости» и не имѣла охоты ни «излишне важничать», ни «унылый видъ являть». Все было предусмотрѣно и обусловлено тщательно подобранными, вычитанными изъ очень хорошихъ книжекъ правилами и инструкціями, такъ что, по буквѣ, ничего не оставалось лучшаго желать; но практика, съ первыхъ же шаговъ, пошла, по обыкновенію, колесить по кривымъ дорогамъ, проторенным застарѣлой рутиной, невѣжествомъ и недобросовѣстностью, не обращая вниманія на руководящіе столбы и вѣхи преподанныхъ уставовъ, и часто—въ прямой разрѣзъ съ ними.

«Общество благородныхъ дѣвицъ» (собственно, «Смольный монастырь», позднѣе — институтъ, по неоффиціальному названію) было открыто въ 1765 году. Управленіе имъ было поручено начальницѣ и совѣту изъ четырехъ лицъ, назначаемыхъ самою императрицею. Первою начальницей заведенія была княжна Анна Долгорукая, а въ помощь ей придана «правительница» (т. е. главная надзирательница) француженка Софья де-Лафонъ, воспитанница сенъ-сирскаго maison royale, ставшая вскорѣ начальницею «общества».

Въ томъ же году было учреждено при Смольномъ и «Мѣщанское училище», которое предположено было «снабдить равномѣрными распорядками», т. е. равномѣрными

съ тѣми, которые примѣнялись въ «обществѣ благородныхъ дѣвицъ». Бецкій, «перомъ котораго, по выраженію Потемкина, руководило человѣколюбіе», хотѣлъ одновременно произвести, посредствомъ педагогіи, «новыхъ матерей», умудренныхъ науками и усовершенствованныхъ благовоспитанностью, не только для дворянскаго, благороднаго сословія, но и для «подлаго», т. е., для мѣщанъ и поселянъ. При этомъ, онъ для оправданія своего филантропическаго демократизма въ глазахъ сторонниковъ аристократической исключительности, прибѣгалъ къ довольно оригинальной казуистикѣ.

Убѣждая крѣпостника-барина позаботиться о воспитаніи и обученіи своихъ холоповъ, онъ опровергаетъ его рабовладѣльческія воззрѣнія на этотъ предметъ такимъ краснорѣчивымъ аргументомъ:

.... «Суровымъ голосомъ ты скажешь: «не хочу, чтобъ философами были тѣ, кои мнѣ служить должны!»—Коль бѣденъ человѣкъ, такимъ образомъ ослѣпившійся!—восклицаетъ Бецкій.—Иль того ты не видишь, что тотъ самый крѣпостной, котораго ты столь презираешь и всѣми мѣрами дѣлаешь свирѣпымъ звѣремъ, *первый будетъ наставникъ твоему сыну*... Тотъ самый крѣпостной или крѣпостная—*первый будетъ наперсникъ или наперсница, первый другъ или подруга сыну твоему или твоей дочери*»...

Это былъ, не единственный въ своемъ родѣ, опытъ примиренія рабовладѣльчества съ гуманизмомъ и оцѣнки благодѣяній просвѣщенія и образованія съ точки зрѣнія крѣпостнаго права. Такія странныя противорѣчія

преспокойно уживались въ головахъ нашихъ «вольтерьянцевъ» и эмансипаторовъ екатерининскихъ временъ!

Такъ или иначе, но при Смольномъ, на одинаковыхъ основаніяхъ съ благородными дѣвицами, воспитывались и мѣщанскія. Школа заботилась объ ихъ судьбѣ даже болѣе, чѣмъ о судьбѣ «барышень»; ибо, по окончаніи курса мѣщанокъ, онѣ были выдаваемы школьнымъ начальствомъ замужъ, если находились «достойные ихъ состоянію» женихи, а въ 1776 г. Императрица пожертвовала изъ своего кабинета 100,000 рублей, какъ фондъ, для «содержанія и снабженія приданнымъ изъ сихъ дѣвицъ тѣхъ, которыя сей помощи, по выходѣ изъ монастыря, а паче, когда посягнутъ на супружество, ни откуда имѣть не могутъ».

Кстати сказать, Екатерина въ первые годы, по основаніи Смольнаго, была очень внимательна къ внѣшнему ходу этого учрежденія и «любила посѣщать, какъ выразился Карамзинъ, сей прекрасный цвѣтникъ, Ею насажденный; любила смотрѣть на веселыхъ питомицъ, которыя, оставляя игры свои, спѣшили къ Ней на встрѣчу, окружали Ее радостными, шумными толпами, цѣловали Ея руки, одежду; единогласно называли матерью, и своею безпечною рѣзвостью въ присутствіи Монархини доказывали, что онѣ только любили, а не боялись Ее! Она знала имена, самые характеры ихъ; награждала добрые успѣхи Своимъ благоволеніемъ, ласковыми взорами и похвалами; однимъ словомъ: Она казалась истинною матерію сего многочисленнаго, цвѣтущаго семейства»...

Сама Екатерина выражалась, что «минуты, проведенныя Ею въ Смольномъ, были непотерянными минутами

въ Ея царствованіе». Интересъ Ея къ «прекрасному цвѣтнику» отразился, между прочимъ, въ Ея перепискѣ съ Вольтеромъ и Гриммомъ. Оба они были въ восхищеніи отъ вновь учрежденнаго училища, изумлялись геніальности его учредительницы, заранѣе поздравляли съ блестящими успѣхами, а Вольтеръ «хотѣлъ, было, даже перомъ своимъ способствовать полезнымъ удовольствіямъ воспитанницъ Екатерины».

Дѣло въ томъ, что, желая доставить воспитанницамъ Смольнаго забаву и нѣкоторую школу изящества, декламаціи и свѣтскости, имъ разрѣшалось, въ присутствіи публики, ставить домашніе спектакли, оперетки и балеты. Кромѣ того, избранныхъ изъ нихъ постоянно возили во дворецъ на придворные балы, а также наиболѣе искуснымъ изъ нихъ въ танцахъ давали роли въ балетахъ эрмитажнаго театра.

Эта эстетическая отрасль «воспитанія» шла у нихъ, вообще, довольно бойко, какъ это можно заключить изъ отзыва самой Императрицы, которая писала, какъ-то, Вольтеру, что «дѣвицы Смольнаго исполняютъ свои роли на (сценѣ) лучше здѣшнихъ актеровъ». Тогдашніе піиты, начиная съ «сѣвернаго Барда», Державина, тоже расточали не мало выспреннихъ похвалъ эстетическимъ талантамъ смольнянокъ, которыя, при всякомъ удобномъ случаѣ,

Пѣньемъ души восхищали,
А красотою всѣхъ сердца,

а во время публичныхъ праздниковъ у себя въ институтѣ —

. . . ихъ нѣжны сонмы, хоры,
Какъ небесный нѣкій садъ,
Зрителей водили взоры
Межъ утѣхъ и межъ прохладъ...

Но поэты—плохіе историки. Нѣсколько достовѣрнѣе въ этомъ случаѣ извѣстный Порошинъ, оставившій намъ объективное, мемуарное описаніе посѣщенія Смольнаго, въ первый годъ его основанія, великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Вотъ что́ они тамъ нашли:

«Въ двѣнадцатомъ часу, — разсказываетъ Порошинъ отъ 29-сентября 1775 г.,—пріѣхали въ монастырь. Его Высочество встрѣченъ И. И. Бецкимъ, княжною Долгоруковой и госпожею Лафонтшей. Сперва ходили смотрѣть мѣщанскихъ дѣвушекъ. Танцовали онѣ въ присутствіи Государя Цесаревича, также показывали работы ихъ: шитье и кружева. Лучше всѣхъ изъ нихъ дѣвушка Акулина, дочь какого-то кучера. Сказывали, что и Государыня ее изволитъ очень жаловать». Его Высочество, поговоривши съ мѣщанками, прошелъ со своей свитой въ «залу, гдѣ обѣдали благородныя дѣвушки. Тутъ изволилъ быть долго и со многими дѣвушками, ходя около стола, разговаривать. Начальница угостила Великаго Князя. Послѣ обѣда пошли мы въ классы дѣвицъ благородныхъ. Танцовали онѣ въ присутствіи Его Высочества, пѣли по-итальянски и французскую пѣсню изъ комической оперы: „Charmant objet de ma flamme“. Лучше всѣхъ танцовала и пѣла дѣвушка Левшина. Собою лучше всѣхъ Звѣрева. Впрочемъ, отличали себя отъ другихъ и личики изрядныя имѣютъ: Пашкова, Мансурова, Шереметева, графиня Вальштейнъ, Жеребцова, Тишина,

Путятина. Отъ всего своего общества подарили онѣ Его Высочеству два шпажные банта, одинъ плетенный, другой рисованный, собственныхъ трудовъ ихъ. По окончаніи упражненій своихъ, пошли онѣ въ садъ, и тамъ бѣгали. Мамзели ихъ по наряду тутъ же съ ними бѣгали при Его Высочествѣ».

Вотъ и всѣ впечатлѣнія, вынесенныя изъ этого посѣщенія «прекраснаго цвѣтника» Порошинымъ, несмотря на то, что онъ былъ человѣкъ просвѣщенный и наблюдательный! Онъ и его спутники замѣтили лучшихъ пѣвицъ и танцорокъ, замѣтили всѣ «изрядныя личики» среди институтокъ; но какъ шло у нихъ занятіе науками, въ какой степени монастырь культивировалъ ихъ умственно и нравственно—объ этомъ ни слова. Посѣщали ихъ въ разное время и другія высокопоставленныя особы, однажды свезли даже къ нимъ брата татарскаго хана, Калгу-Султана; институтки всегда оставляли въ посѣтителяхъ самое пріятное воспоминаніе своими личиками, играми и плясками, но о ходѣ ихъ воспитанія и образованія никто не справлялся, да и, на самомъ дѣлѣ, никто особенно не заботился.

Въ 1773 г. состоялся первый выпускъ смольнянокъ и—общество имѣло случай провѣрить наглядно результаты даннаго имъ «превосходнаго воспитанія». Это событіе было обставлено достодолжной торжественностью: окончившихъ курсъ наукъ институтокъ церемоніально, съ музыкой, вывезли на показъ публикѣ, стекшейся огромною толпою посмотрѣть дѣвицъ «новой породы». Онѣ гуляли въ эрмитажномъ саду, гдѣ публика и имѣла случай полюбоваться ими.

«Во время гулянія всякій могъ примѣтить въ нихъ благопристойную смѣлость,—записалъ свои впечатлѣнія одинъ изъ очевидцевъ этого событія.—Всѣмъ нравилась ихъ благородная незастѣнчивость. Много разныхъ людей начинали съ ними говорить о разныхъ матеріяхъ, гдѣ онѣ со всѣми и обо всемъ изъяснялись свободно, непринужденно и съ особливою пріятностью, и на всѣ вопросы отвѣчали къ удовольствію каждаго, любопытствующаго узнать о ихъ понятіи и знаніяхъ. Однимъ словомъ, что данное имъ рачительное воспитаніе столь уже примѣтно, что всякаго вниманія и похвалу заслуживаетъ»...

«Весьма пріятно было видѣть изображенное удовольствіе на всѣхъ лицахъ общества, даже что и самый простой народъ, самыми простыми и свойственными его идеямъ выраженіями сихъ дѣвицъ и данное имъ воспитаніе выхвалялъ (?). Но люди разсуждающіе, при семъ пріятномъ зрѣлищѣ, болѣе чувствовали въ сердцахъ своихъ удовольствіе и благодарности къ нашей всемилостивѣйшей и премудрой Матери Россіянъ».

«Сіи насажденныя Монархинею воспиталища возростятъ Россіи хорошихъ женъ, попечительныхъ матерей, рачительныхъ хозяекъ; въ мужскомъ полѣ произведутъ хранящихъ истину судей, остроумныхъ министровъ, славныхъ героевъ, вѣрныхъ друзей и сыновъ, прямо любящихъ отечество».

Выходило, словомъ, по наглядным и умозрительнымъ наблюденіямъ автора, что упомянутое «воспиталище», имѣвшее цѣлью, по мысли учредителя, произвести «новыхъ» идеально-совершенныхъ женщинъ и гражда-

нокъ, вполнѣ достигало своей задачи и вполнѣ оправдывало возлагавшіяся на него надежды. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ лѣтописцемъ, писавшимъ для своихъ современниковъ:—передъ нами печатный отчетъ хроникера того времени, который иначе писать и не могъ, еслибы даже не раздѣлялъ внутренно выраженныхъ имъ хвалебныхъ восторговъ.

Впрочемъ, несомнѣнно, что окончившая курсъ смольнянка того времени представляла извнѣ вполнѣ пріятное зрѣлище. Даже болѣе компетентный въ дѣлѣ просвѣщенія судья—Карамзинъ былъ отъ нея въ восхищеніи. Ему нравилось въ «монастырскихъ воспитанницахъ» «какое-то невинное добродушіе, искренность, благонравіе, *сверхъ знаній* и талантовъ»...

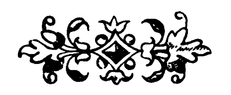
Да, «сверхъ знаній», потому что, дѣйствительно, серьезныхъ знаній отъ смольнянокъ нечего было спрашивать. Послѣ двѣнадцалѣтняго курса, онѣ выходили, обыкновенно, совершенно «невинными» относительно самыхъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, и только преуспѣвали въ изученіи языковъ, преимущественно, а чаще—исключительно французскаго, да въ танцахъ, въ пѣніи и музыкѣ.

Все вниманіе воспитателей институтокъ было тогда обращено на усовершенствованіе въ нихъ внѣшнихъ, салонныхъ талантиковъ и достоинствъ, и—нужно отдать справедливость, въ этомъ отношеніи дѣло шло такъ успѣшно, что вскорѣ смольнянокъ стали повсюду отличать въ обществѣ, за ихъ особенную элегантную выправку, за ихъ изящныя манеры. Съ той поры сталъ

складываться въ тогдашнемъ обществѣ типъ русской женщины — *институтки*, этого прелестнаго созданія, ангела во плоти, на паркетѣ и въ салонной обстановкѣ, но который въ обыденной жизни оказывался, къ сожалѣнію, нерѣдко плохой матерью и женою, расточительной и неопытной хозяйкой, да, и вообще, существомъ, ни къ какому труду и ни къ какой дѣятельности неспособнымъ.

Но въ тѣ времена—времена сластолюбиваго сентиментализма, жеманства и куртизанства, заполнявшихъ праздную, сытую жизнь свѣтской среды, обезпеченной крѣпостнымъ трудомъ народа, такія-то лилейно-кисейныя женщины и нравились, такая-то выправка и считалась высшей задачей «рачительнаго воспитанія!»

Впрочемъ, каковы были въ дѣйствительности результаты школьнаго воспитанія екатерининскихъ временъ, въ какой степени образовало оно «хорошихъ женъ, попечительныхъ матерей и рачительныхъ хозяекъ» — это мы увидимъ ближе при дальнѣйшемъ знакомствѣ съ нашей героиней и съ ея исторіей.

VII.

Дѣвичество.

Восемнадцатый вѣкъ, благодаря вліянію псевдо-классицизма, любилъ риторическую символику и миѳическія, въ древне-эллинскомъ вкусѣ, аллегоріи, примѣнительно къ различнымъ явленіямъ и отправленіямъ обыденной жизни. Конечно, это былъ не болѣе какъ художественно-классическій гарниръ, скользившій по одной внѣшности.

Нѣкоторыя изъ этихъ подражаній не были лишены, впрочемъ, своего рода поэтичности. Это можно сказать, между прочимъ, о практиковавшейся тогда весьма изящной, по мысли и по формѣ, аллегоріи ознаменованія совершеннолѣтія дѣвушки. Обрядъ этотъ—разумѣется, заимствованный съ Запада,—былъ у насъ въ употребленіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. По крайней мѣрѣ, о практикѣ его въ позднѣйшее время извѣстій не имѣется.

Дѣвушка, въ періодъ отрочества, являлась въ общество, носила за плечиками изящно сшитыя крылышки, на подобіе тѣхъ, какими украшенъ античный купидонъ. Крылышки эти символизировали чистоту и невинность,

уподобляли дѣвочку небесному ангелу, порхающему по землѣ и ежеминутно готовому улетѣть въ горній, божественный эфиръ. Идея красивая, а еще болѣе кокетливая, если можно такъ выразиться...

Когда наступало совершеннолѣтіе, срокъ котораго, какъ мы уже знаемъ, былъ тогда очень ранній, отроческія крылышки торжественно обрѣзывались у дѣвушки, но не сразу. Нѣкоторое время она продолжала носить ихъ концы подъ шнуровкой, какъ-бы въ знакъ того, что ангелъ только что спустился на землю и, поэтому, сложилъ свои подрѣзанныя крылья съ тѣмъ, чтобъ ужъ больше не летать. Съ этого момента онъ дѣлался полнымъ достояніемъ грѣховной земли, земныхъ страстей, печалей и радостей. Изъ ангела—отроковицы дѣлалась дѣвица—невѣста.

Обрядъ этотъ производился довольно церемоніально. Вотъ, напр., какимъ образомъ совершенъ былъ онъ по описанію очевидца надъ Елизаветой Петровной, когда ей исполнилось 13 лѣтъ.

Праздновался день рожденія молодой принцессы (27-го января 1722 г.). По этому поводу императоръ Петръ далъ во дворцѣ роскошный пиръ всей знати. Собственно празднованіе происходило 28-го января въ соединеніи съ чествованіемъ годовщины Нейштадскаго мира. Послѣ обѣда и раздачи золотыхъ медалей въ честь мира, послѣдовало торжественное объявленіе Елизаветы совершеннолѣтней.

«Императоръ, взявъ ее за руку, вывелъ изъ покоя императрицы въ смежную комнату, гдѣ передъ тѣмъ обѣдали духовенство, самъ государь и всѣ вельможи;

здѣсь поднесли ему ножницы, и онъ, въ присутствіи государыни, ея высочества старшей принцессы, его к. в. герцога, придворныхъ кавалеровъ, дамъ и духовенства, отрѣзалъ крылышки, которыя принцесса носила до тѣхъ поръ сзади на платьѣ, передалъ ихъ бывшей ея гувернанткѣ и объявилъ, что принцесса вступила въ совершеннолѣтіе, нѣжно поцѣловалъ ее, за что она цѣловала руки ему и императрицѣ, а всѣмъ присутствовавшимъ подносила сама или приказывала кавалерамъ подносить по стакану вина».

Обрядъ этотъ совершался, безъ сомнѣнія, и въ частныхъ семьяхъ, но только съ меньшей оффиціальностью и не съ такой торжественностью. Съ этого момента дѣвушка становилась въ положеніе взрослой, правоспособной женщины и члена общества; но какіе же права давало ей это столь церемонное и скороспѣлое признаніе совершеннолѣтія?

Дѣвушку освобождали отъ опеки воспитателей, шили ей, вмѣсто дѣтскаго, дамскій, болѣе или менѣе роскошный, гардеробъ, вывозили въ свѣтъ—на балы, вечера и въ публичныя общественныя собранія, и, главнымъ образомъ, предоставляли ей право нравиться кавалерамъ и искать жениха, съ разборомъ и съ аппробаціи маменьки. Съ одобренія маменьки, она могла даже и влюбиться... Какихъ же больше правъ?

Вотъ какъ характеризуетъ карьеру свѣтской дѣвушки XVIII столѣтія одинъ современный моралистъ.

«Се обогащенная прельстительными дарованіями является въ свѣтъ разряженная невѣста! Обращаетъ на себя глаза всѣхъ молодыхъ людей, и такъ-же зависть

сверстницъ, пересуды матерей ихъ, холодное привѣтствіе отцовъ, ѣздитъ на всѣ собранія, на всѣ балы, въ спектакли, въ клубы, вакгалы, маскарады, на рауты; повсюду провождаема родительницею своею, вездѣ чинна, разумна, но всегда занята красотою своею, дарованіями, нарядами, знатностью породы. Уже весь городъ узналъ дѣвицу; одни замѣтили въ ней нескромность, другіе легкомысліе, третьи вертопрашество. Холостые мущины проникли въ разумъ ея, во нравъ, во склонности; уже никому она не въ диковину, уже всякъ ищетъ предмета новаго, а къ сей еще никто не сватается, да ежели и дерзнетъ кто либо изъявить желаніе на счастье обладать толикими совершенствами, то первое вниманіе обращаютъ родители ея на женихово богатство, на чинъ, на породу. Разумъ, достоинства, благоповеденіе молодаго человѣка рѣдко поставляются наравнѣ съ оными дарами случая; ибо и невѣста. привыкшая въ домѣ родительскомъ къ изобилію, къ великолѣпію, къ роскошѣ, а паче всего, выѣзжая всюду на цугѣ шорныхъ и въ каретѣ англинской, поставляетъ себѣ въ крайнее несчастіе быть возима четвернею, а и того ужаснѣе—парою. Родители не уповаютъ на будущее жениха возхожденіе; дочь расщитываетъ, можетъ-ли она имѣть за мужемъ такой же домъ, услугу, столъ, каковы, при отцѣ живучи, имѣетъ»...

Къ этой характеристикѣ нечего прибавить, если говорить о среднемъ, нормальномъ типѣ молоденькой великосвѣтской дѣвушки того времени, объ ея идеалахъ и стремленіяхъ, образѣ жизни и карьерѣ. Суетность поглощала ее всецѣло, не давала ей ни надъ чѣмъ задуматься, да въ большинствѣ случаевъ, не бывало къ тому

и никакого внутренняго побужденія. Это была хорошенькая, нѣжная, расфуфыренная, въ кружевахъ и атласѣ, куколка, съ совершенно пустой головкой, но уже избалованная, тщеславная, испорченная и кокетливо-чувственная, не смотря на свой ранній, почти дѣтскій еще возрастъ. Если, вдобавокъ, была она институтка, то еще поражала жеманной сентиментальностью, болѣе или менѣе искренними наивностями, незнаніемъ свѣта, а подчасъ пресерьезно спрашивала: «гдѣ то дерево, на которомъ ростетъ бѣлый хлѣбъ?» Это прелестное, въ своемъ родѣ, институтское простодушіе трогало чувствительныя сердца, другихъ забавляло, а какой-то зоилъ осмѣялъ эту тепличную генерацію нашихъ барышень и ихъ воспитателя въ довольно язвительной эпиграммѣ.

Вообще, намѣченный здѣсь типъ барышни того времени не отличался особеннымъ развитіемъ и интеллектуальностью, даже если мѣрять на самый снисходительный аршинъ. Тотъ-же выше цитированный моралистъ весьма сѣтуетъ о крайней пустотѣ современной ему знатной дѣвушки, о ея полной неподготовленности къ семейной жизни, «къ искусству жить съ мужемъ въ согласіи, въ умѣренности»; говоритъ, что она не способна ни къ воспитанію дѣтей, ни къ веденію хозяйства, даже въ смыслѣ нехитрыхъ знаній «кроенія и шитья платья и бѣлья, дѣланія для себя головныхъ и прочихъ уборовъ.»

Все это считалось не только лишнимъ для свѣтской благородной дѣвушки, но хорошій тонъ и изящное воспитаніе побуждали ее относиться съ брезгливостью ко всякому труду и практическому занятію, такъ какъ для

ихъ исполненія существовали черныя руки холоповъ и холопокъ. Эту черту зло осмѣялъ «Трутень», между прочимъ, въ слѣдующемъ «письмѣ» *щеголихи* къ издателю, жалующейся ему на то, что отецъ не далъ ей приличнаго, моднаго воспитанія.

«Онъ воспиталъ меня,—пишетъ она,—такъ худо, какъ хуже трудно и придумать. Я знала только, какъ и когда хлѣбъ сѣютъ, когда садятъ капусту, огурцы, свеклу, горохъ, бобы и все то, что нужно знать дураку прикащику. Ужасное знаніе, а того, что дѣлаетъ нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной пріѣхала въ Москву и увидѣла, что я была совершенная дура. Я не умѣла ни танцовать, ни одѣваться, и совсѣмъ не знала, что такое *мода*. Вотъ до какой глупости отцы, подобные моему, дѣтей своихъ доводятъ! Повѣришь ли г. издатель? мнѣ стыдно тебѣ признаться: я такъ была глупа, что по пріѣздѣ только моемъ въ Москву узнала, что я хороша».

Далѣе она разсказываетъ, какъ московскія щеголихи и кокетки осмѣяли ее простоту и невѣжество, какъ она, чтобъ сравняться съ ними въ свѣтскости, наняла французскую мадамъ, которая не болѣе какъ въ три мѣсяца научила ее искусству по модѣ одѣваться и сдѣлала ее совершенной щеголихой по всей формѣ.

Этотъ типъ «щеголихи» и «кокетки», у которой всѣ знанія исчерпываются умѣньемъ выражаться, да «волосоподвивательной наукой», по выраженію «Трутня», а вся молодость посвящается игрѣ въ любовь и куртизанство и опять таки по модѣ, по которой надлежало «увидѣть, влюбиться, получить склонность, и тотчасъ сдѣлаться

невѣрнымъ; а еще моднѣе—влюбляться и измѣнять разъ по сту въ день»,—этотъ типъ, говоримъ, много разъ осмѣянный сатирой прошлаго столѣтія, былъ въ тѣ времена господствующимъ среди свѣтскаго общества и, безъ сомнѣнія, въ него отливалось большинство дѣвушекъ, вступающихъ въ жизнь. Для нихъ это былъ единственный, одобренный и маменькой, и тетеньками, и всѣмъ общественнымъ мнѣніемъ, идеалъ, выше котораго ничего желать и искать не оставалось.

Таковъ былъ въ прошломъ столѣтіи прямой, естественный результатъ всего нашего образованія, «шествовавшаго», главнымъ образомъ, по выраженію кн. Щербатова «къ *поправленію внѣшностей*», такъ какъ «шествовать» вглубь оно начало и могло начать только впослѣдствіи, осѣвшись сперва и упрочившись.

Въ тѣ же времена просто «пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться,—какъ разсуждаетъ тотъ же Щербатовъ,—всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удовольствіе учинило, что могли прежде видѣть съ кѣмъ на вѣкъ должны соединиться, и что лица жениховъ и мужей уже не покрыты стали колючими бородами»...

Это была, въ сущности, безхитростная, дѣтски-наивная, невзыскательная радость жизни юнаго, неразвитаго и неизбалованнаго существа, которое только что распеленали изъ тѣсныхъ, давно тяготившихъ его пеленокъ, предоставивъ ему хотя маленькую, но никогда еще не испытанную, свободу движеній, наклонностей и вкусовъ.

Натурально, что такое существо, на первыхъ порахъ руководимое одними чувственными инстинктами, должно было броситься прежде всего на суетныя блестки и «лакомства», открывшіяся его жаднымъ глазамъ, должно было, съ слѣпотою бабочки, кидающейся на пламя, безоглядно закружиться въ вихрѣ свѣтской, разсѣянной жизни, забыться въ опьяняющемъ чаду сластолюбиваго поклоненія, кумиромъ котораго оно вдругъ сдѣлалось.

Нужно было длинному ряду женскихъ поколѣній перегорѣть и истаять безплодно въ этой наркотически-знойной, удушливой атмосферѣ свѣтской, суетной жизни, чтобы набить къ ней оскомину и выработать, путемъ опыта и пріобрѣтенія знаній, серьезное ея отрицаніе. И нельзя сказать, чтобы процессъ этотъ завершился окончательно, по крайней мѣрѣ, хоть въ наши дни. Оглянитесь: развѣ вышенамѣченный типъ «щеголихи» и «кокетки» прошлаго столѣтія не встрѣчается въ избыткѣ среди современныхъ намъ свѣтскихъ барышень? Развѣ нѣтъ и теперь «прельстительныхъ дарованіями невѣстъ», только лишь о томъ и помышляющихъ, чтобы выудить на примапку своихъ прелестей и кокетства богатаго жениха и, съ выходомъ замужъ, предаться всецѣло роскоши, блеску, щегольству и всевозможнымъ наслажденіямъ, безъ оглядки на мораль и здравый смыслъ?

Еще очень недавно Бѣлинскій писалъ, что «русская дѣвушка—не женщина въ европейскомъ значеніи этого слова, не человѣкъ—она ничто другое, какъ *невѣста*. Еще ребенкомъ она называетъ своими женихами всѣхъ мужчинъ, которыхъ видитъ въ своемъ домѣ; еще въ колыбели ей говоритъ весь окружающій ее людъ, что

она невѣста, что у ней должны быть женихи. Удивительно ли послѣ этого, что она не умѣетъ, не можетъ смотрѣть на себя, какъ на человѣка, и видитъ въ себѣ только невѣсту? Удивительно ли, что съ раннихъ лѣтъ до поздней молодости, иногда до глубокой старости, всѣ думы, всѣ мечты, всѣ стремленія, всѣ молитвы ея сосредоточены на одной idée fixe—на замужествѣ, что выйти замужъ—ея единственное желаніе, цѣль и смыслъ ея существованія».

Эти желчныя строки написаны нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, но нельзя сказать, чтобы онѣ совершенно ужъ утратили современность и для нашихъ дней. Несомнѣнно одно только, что въ наши дни должно быть изъято отъ этого приговора гораздо большее число русскихъ дѣвушекъ, выростающихъ до полнаго роста *человѣка*, чѣмъ ихъ когда нибудь бывало прежде. Но будемъ справедливы и къ нашей героинѣ—женщинѣ XVIII столѣтія!

Попадались и среди ея представительницъ не однѣ «щеголихи» и «кокетки», не однѣ сахарныя куколки, созданныя и приспособленныя воспитаніемъ для одного лишь «пантомима любви».

Эта унизительная роль, въ соединеніи съ духовнымъ и матеріальнымъ рабствомъ, которое тяготѣло надъ куколками и въ родительскомъ домѣ, и въ замужествѣ, и въ обществѣ, нерѣдко сбрасывалась и въ тѣ времена съ неменьшей энергіей, какую видимъ въ героинѣ современныхъ романовъ.

Экземпляры вполнѣ независимыхъ дѣвушекъ, не подчинявшихся никакому игу и боровшихся за женскую

свободу, вовсе не составляли рѣдкости среди русскаго культурнаго общества тѣхъ временъ, и ихъ образы тѣмъ рельефнѣе выдѣляются на его историческомъ фонѣ, что въ тогдашнихъ нравахъ еще сильно преобладали старые предразсудки и традиціи, поддерживавшіе семейный гнетъ надъ женщиной и ея грубую подчиненность мужской волѣ. Примѣры семейнаго деспотизма попадались на каждомъ шагу. Дѣвушка, въ большинствѣ случаевъ, воспитывалась въ самомъ унизительномъ порабощеніи, особенно въ средѣ мелкопомѣстнаго провинціальнаго «шляхетства».

Образецъ такого воспитанія художественно описанъ въ «Семейной хроникѣ» С. Т. Аксакова, разсказывающаго въ какомъ трепетѣ держалъ его дѣдушка своихъ дочерей. Трепетъ этотъ поддерживался кулачной расправой, а расправы бывали такія, что жертвы ихъ, случалось, по цѣлому году ходили потомъ съ пластырями на головѣ, и по прошествіи тридцати лѣтъ вспоминали объ этомъ времени, дрожа отъ страха. Были жестокіе отцы, но не болѣе милостивыя случались и матери. Довольно сказать, что попадались среди дворянокъ матери, которыя продавали своихъ дочерей въ крѣпостное подданство, какъ это дѣлалось тогда съ холопками.

Тѣмъ ярче,—повторяемъ,—въ виду такихъ фактовъ, бросаются въ глаза проявленія женской эмансипаціи. Правда, эмансипація эта выражалась, большею частью, въ эксцентрическихъ, рѣзкихъ, полныхъ какой-то мальчишеской удали, а нерѣдко и въ довольно скандалезныхъ формахъ, — тѣмъ не менѣе она должна быть признана явленіемъ общимъ и вполнѣ естественнымъ. Въ ней

выразилась неизбѣжная реакція долгому періоду замкнутой, подневольной теремной жизни нашей героини въ допетровскіе дни.

Какъ птица, которой отворили клѣтку, русская женщина въ лицѣ своихъ наиболѣе энергическихъ представительницъ, выйдя изъ терема, рванулась далеко за предѣлы свободы, отмежеванные ей ходячей моралью, и, разъ выпорхнувъ изъ клѣтки, понятно, покончила съ нею, чтобъ ужъ никогда въ нее не возвращаться, даже отдаленнымъ образомъ. Это былъ протестъ долгой унизительной неволѣ и, какъ всякій искренній протестъ, —онъ отличался страстностью, увлеченіемъ и неминуемыми крайностями. Признаки его, пожалуй, мы могли бы найти даже и въ старо-московскомъ обществѣ, задолго до формальнаго уничтоженія терема.

Замѣчательная, при этомъ, вещь, что этотъ страстный женскій протестъ, эта нерѣдко разнузданная эмансипація всего шире и рѣзче проявлялись именно въ Москвѣ—въ той самой Москвѣ, общество которой было такъ еще близко и такъ, повидимому, крѣпко доброй старинѣ!

«Правнуки степныхъ княгинь и боярынь, рѣдко покидавшихъ свои терема, пользовались въ Москвѣ совершенной свободой, смѣю прибавить, даже излишнею,—говоритъ одинъ наблюдатель московскихъ барынь конца прошлаго столѣтія.—Сбросивъ иго старинныхъ предразсудковъ, онѣ часто не хотѣли повиноваться и законамъ приличія. Тридцать или сорокъ лѣтъ спустя родился коммунизмъ (?) и показались *львицы*, но тогда никто не могъ имѣть объ нихъ понятія; однако-же названіе

бойкихъ московскихъ дамъ и барышень и тогда вселяло страхъ и уваженіе въ провинціалкахъ, не смѣвшихъ имъ подражать».

Въ Москвѣ попадались «во времена очаковскія и покоренія Крыма» такія «бойкія» и независимыя барыни, которыя внушали страхъ и уваженіе не только какимъ нибудь робкимъ провинціалкамъ, но и видавшимъ всякіе виды мужчинамъ. По словамъ того же мемуариста, въ Москвѣ того времени лѣтъ сорокъ славилась нѣкая «знаменитая законодательница гостинныхъ», которой впослѣдствіи побаивался, кажется, даже могущественный и еще болѣе знаменитый Растопчинъ, судя по тому, что онъ удостоилъ увѣковѣчить ее своимъ перомъ въ сатирическомъ образѣ московской вѣстовщицы Маремьяны Бобровны Набатовой, въ извѣстной комедіи: «Вѣсти или живой убитый» (1807 г.). «Она была,—говоритъ нашъ авторъ,—воплощенная неблагопристойность, ругала дамъ въ глаза, толкала мущинъ кулаками въ грудь, и была грозой женщинъ зазорнаго поведенія, пока онѣ совершенно ей не покорялись; тогда брала ихъ подъ свою защиту и покровительство. По этому можно судить о тонѣ тогдашнихъ московскихъ обществъ».

Но попадались и въ провинціи замѣчательные въ этомъ родѣ экземпляры. Въ Пензѣ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія славилась своей эмансипированностью одна дѣвица, Катерина Алексѣевна Б., вышедшая замужъ за очень смирнаго помѣщика, который ходилъ у нея по стрункѣ и въ хозяйствѣ по имѣнію довольствовался ролью послушнаго прикащика у полновластной супруги.

Эта Катерина Алексѣевна, по описанію Вигеля, отличалась дебелостью тѣлосложенія, удальствомъ, твердостью воли, совершенно мужскою, и остроумнымъ злоязычіемъ.

«Паче всего любила она упражненія нашего пола: сколько разъ видѣли ее по дорогѣ, стоймя на телѣгѣ, съ шапкою на бекрень, погоняющую тройку лихихъ коней, съ ямскою приговоркой: съ горки на горку, дастъ баринъ на водку!»

Въ родительскомъ домѣ судьба послала ей съ такими же вкусами и въ такой же степени эмансипированную подругу въ лицѣ француженки-гувернантки ея младшихъ сестеръ. Обѣ онѣ «чрезвычайно любили играть на билліардѣ, курить трубку» и, вообще, вели жизнь на мужскую ногу, къ ужасу и на соблазнъ благочестивыхъ сосѣдокъ.

Такое подражаніе мужчинамъ и усвоеніе мужскихъ привычекъ, вкусовъ и даже излишествъ, на холостецкую ногу, были вполнѣ естественны въ тогдашнихъ женщинахъ, неудовлетворявшихся своимъ стѣсненнымъ положеніемъ, придавленнымъ гнетомъ теремныхъ условій, и стремившихся къ равенству съ мужчиной и полноправію. Жизнь еще тогда не успѣла выработать и расчистить поприще для истинной женской эмансипаціи, и не указала еще прямаго пути, на которомъ женщина, оставаясь женщиной, могла бы завоевать себѣ индивидуальную самостоятельность и общественное значеніе, какъ гражданка. Это пришло послѣ; пока—молодыя, энергическія натуры, опьяненныя жаждой протеста и свободы, съ увлеченіемъ кидались подражать мужчинамъ, соперни-

чать съ ними въ непринужденности манеръ и образа жизни, даже въ разгулѣ, потому, что этотъ способъ эмансипаціи былъ пока единственный, былъ всегда подъ рукою и не требовалъ изобрѣтательности. Какъ протестъ, какъ конкретное отожествленіе уравненія правъ женщины съ мужскими правами, на первый случай, онъ достигалъ цѣли, по своей яркой наглядности и убѣдительности, и, несомнѣнно, имѣетъ историческое значеніе въ развитіи русской женщины вообще.

Одна писательница, наблюдавшая нашу героиню на изломѣ двухъ вѣковъ—восемнадцатаго съ девятнадцатымъ, чрезвычайно вѣрно и остроумно замѣтила, что эта женская вольница описываемыхъ нами временъ составляла, въ сущности, «веселую, разгульную авангардную шеренгу», за которой выступаютъ ряды серьезно-самостоятельныхъ, современныхъ намъ, русскихъ женщинъ «съ лекціями въ рукахъ».

Это не мѣшало бы принять къ свѣдѣнію кое-какимъ нынѣшнимъ мудрецамъ, считающимъ такъ называемый «женскій вопросъ» на русской почвѣ эфемернымъ, отыскивающимъ его начало чуть не во вчерашнемъ днѣ и приписывающимъ его возбужденіе всецѣло вольнодумной журналистикѣ 60-хъ годовъ. Если бы на то пошло, можно бы осязательно доказать, на основаніи неотразимыхъ фактовъ, несомнѣнное присутствіе этого вопроса въ жизни нашего общества прошлаго вѣка и отсюда вывести его совершенную историческую законность.

Ошибочно было бы думать, что вышепредставленныя нами явленія бывали въ нашей старинѣ рѣдкими на диво исключеніями и аномаліями— результатами одной

случайности. Напротивъ, это были вполнѣ законнорожденные продукты родной почвы. Освободительный духъ волновалъ тогда многія молодыя головки наиболѣе живыхъ и впечатлительныхъ женщинъ, вкусившихъ отъ запретнаго плода свободы. Выражалось это большею частію въ тѣхъ именно формахъ эксцентрическаго подражанія мужчинамъ, на которыя мы указывали выше, а здѣсь ихъ дополнимъ.

Извѣстно, что Елизавета Петровна въ молодости чрезвычайно любила наряжаться въ мужской костюмъ, который, говорятъ, очень къ ней шелъ. Ставъ императрицей, она устраивала иногда при дворѣ маскарады, въ которыхъ всѣ дамы наряжались въ мужской костюмъ, а мужчины—въ женскій. Екатерина II тоже очень часто одѣвалась по-мужски. Анна Ивановна была страстная любительница мужскихъ развлеченій—ружейной стрѣльбы въ цѣль и верховой ѣзды.

Пассекъ разсказываетъ объ одной молоденькой дамѣ, которая «надѣвала по утрамъ мужской халатъ и съ чаемъ курила длиннѣйшій чубукъ». Она же «носила мужскіе сапоги, стригла волосы, ходила въ платьѣ мужскаго покроя, а вечеромъ прогуливалась въ военной шинели и на окликъ: «Кто идетъ?»—отвѣчала: «Солдатъ!»

Второвъ повѣствуетъ о своей сестрѣ—дѣвушкѣ, что она въ Симбирскѣ, въ 1792 г., вмѣстѣ съ нимъ, ходила въ театръ, переодѣвшись въ мужское платье, тайкомъ, изъ боязни матери и дурныхъ толковъ. Онъ причисляетъ ее къ *новому поколѣнію* и восклицаетъ: «о, еслибъ не бѣдность и не полъ ея, то можетъ быть въ

семъ человѣкѣ увидѣло бы отечество непосредственнаго гражданина!»

И такихъ смѣлыхъ живчиковъ «новаго поколѣнія» можно было встрѣтить тогда всюду. Чаще всего дѣвическій протестъ, напр., родительскому деспотизму, выражался въ романическомъ бѣгствѣ изъ отеческаго дома и бракосочетаніи съ любимымъ человѣкомъ, вопреки воли родителей и даже безъ ихъ благословенія, «на вѣки нерушимаго». Бѣгство дѣвушекъ, особенно во второй половинѣ прошлаго столѣтія, стало самымъ заурядпымъ явленіемъ. Добронравный Болотовъ свидѣтельствуетъ, что «недозволенныя женитьбы» въ его время, да еще нерѣдко «на близкихъ родственницахъ», а случалось даже «отъ живыхъ мужей и женъ, сдѣлались весьма обыкновенными и умножились такъ, что и слышать о томъ было дурно». Само правительство вынуждено было смотрѣть снисходительно на подобные законопротивные браки.

Когда Императрицѣ Екатеринѣ II «жаловались на увозъ дочерей, то она приказывала подъ рукой справиться: если открывалось, что дѣвушка по согласію своему давала увозить себя, то она, не подвергая огласительному стыду и строгости законовъ, матерински всегда умѣла,—какъ говоритъ Державинъ,—обиды и раздоры прекращать семейнымъ миролюбіемъ».

Встрѣчались даже такія богатырскаго пошиба дѣвицы, которыя не только находили въ себѣ энергію противустать деспотической волѣ родителей и смѣло отдаться, по своему личному выбору, любимому человѣку

посредствомъ бѣгства, но сами похищали себѣ мужей и насильственно принуждали ихъ вѣнчаться съ ними.

Во времена екатерининскія былъ такой фактъ, записанный Марковымъ. Одна помѣщица — дѣвица лѣтъ подъ тридцать—познакомилась однажды съ сосѣдомъ—помѣщикомъ, молодымъ офицеромъ. Разъ она позвала его къ себѣ въ гости, угостила обѣдомъ, а послѣ обѣда пригласила прогуляться. На пути имъ встрѣтилась церковь и барышня самымъ естественнымъ образомъ просила гостя войти туда. Въ церкви ихъ неожиданно встрѣтилъ священникъ съ крестомъ и евангеліемъ, и гостепріимная хозяйка объявила молодому человѣку, что они должны сейчасъ же обвѣнчаться. Пораженный такимъ сюрпризомъ, офицерикъ сталъ было отбиваться и руками и ногами отъ предложеннаго счастья; но мужественная барышня указала ему на стоявшихъ сзади нея вѣрныхъ холопей съ плетьми и предложила ультиматумъ: или идти съ нею подъ вѣнецъ, или ложиться подъ плети... Нечего было дѣлать—повѣнчались!

Рядомъ съ смѣлыми героинями романовъ, кончавшимися похищеніями и бѣгствами изъ родительскаго дома, встрѣчался типъ еще болѣе интересный, въ противоположномъ родѣ, какой, обыкновенно, является въ наиболѣе горячіе моменты данной борьбы. Бывали дѣвушки, которыя доводили свою эмансипированность до аскетическаго отрицанія брака, ради сохраненія своей независимости и свободы. Извѣстная Волкова разсказываетъ о себѣ и о своей подругѣ, какой-то Полинѣ, что обѣ онѣ единодушно «возненавидѣли замужество», видя на глазахъ несчастныя супружества, грубость и тиранію

мужей. Эта Полина, въ своемъ страстномъ протестѣ брачному игу, сердечно жаждала, чтобы «всѣ, кого она любитъ, оставались въ дѣвкахъ» всю жизнь, и горячо проповѣдывала подругамъ суровое безбрачіе весталокъ.

Конечно, такія весталки, по убѣжденію, представляющія, во всякомъ случаѣ, весьма знаменательное явленіе для восемнадцатаго вѣка, были рѣдки, особенно въ великосвѣтской, аристократической средѣ, гдѣ женщина, обыкновенно, удовлетворяла жажду свободы и самостоятельной жизни нѣсколько инымъ способомъ эмансипаціи. Тамъ, чаще всего, дѣвушка стремилась выдти поскорѣе замужъ, чтобы развязать себѣ руки, потому что, въ большинствѣ случаевъ, и въ особенности во второй половинѣ прошлаго столѣтія, великосвѣтскій бракъ поддерживался, какъ говоритъ Державинъ, «*моднымъ* искусствомъ давать другъ другу свободу», т. е., между супругами и, конечно, въ фривольномъ смыслѣ.

Великосвѣтскія львицы доводили свою эмансипированность въ этомъ направленіи нерѣдко до крайней скандалезности. «Изъ раззолоченныхъ гостинныхъ, изъ бальныхъ залъ, выступилъ цѣлый рядъ вакханокъ въ рестораны, гдѣ, среди оргій, со стаканами шампанскаго въ аристократическихъ рукахъ, презирая всѣ приличія, сбросивъ всѣ маски и вуали», онѣ «подражали разгулу и кутежамъ мужчинъ»... Понятно, что «онѣ не освобождались, а только разнуздывались, *не зная, гдѣ воля,* внѣ кутежа». Тѣмъ не менѣе, источникомъ этого разгула являлась живая и сильная жажда «воли», независимости и дѣятельности.

Къ сожалѣнію, очень немногія изъ тогдашнихъ пылкихъ искательницъ «воли» знали и умѣли находить истинный родникъ ея и прочную опору женской самостоятельности. Какъ на счастливый и наиболѣе рельефный примѣръ, въ этомъ отношеніи, мы можемъ указать на знакомую уже намъ княгиню К. Р. Дашкову, которая умѣла завоевать себѣ полную свободу и выдающееся общественное положеніе, благодаря своей личной энергіи, своему уму и образованію, по объему котораго она стояла цѣлой головой выше многихъ своихъ культурнаго слоя современниковъ не только женскаго, но и мужскаго пола.

Дѣвичество княгини Катерины Романовны, въ этомъ отношеніи, чрезвычайно назидательно для исторіи русской женщины вообще.

Она очень рано была предоставлена самой себѣ и не знала съ дѣтства никакихъ почти стѣсненій своей личной свободы. Въ тринадцать лѣтъ она представляла собой живую, впечатлительную, бойкую и гордую дѣвочку, отличавшуюся непринужденностью, переходившею въ нѣкоторую рѣзкость, и самоувѣренностью въ обращеніи со всѣми. Часто обращаясь, въ домѣ своего отца и дяди, въ обществѣ солидныхъ мужчинъ, людей государственныхъ, ученыхъ и дипломатовъ, она свободно вмѣшивалась въ ихъ бесѣды, озадачивала многихъ остроумными вопросами и поражала всѣхъ своимъ умомъ и начитанностью. Мы уже упоминали раньше, что княгиня еще въ дни первой молодости проглотила всю тогдашнюю нашу литературу и всѣхъ французскихъ классиковъ, не переставая и потомъ жадно пополнять, безъ

разбора, свои весьма обширныя для того времени, хотя нѣсколько безпорядочныя познанія.

Можно было бы предположить, что изъ нея станетъ формироваться такъ называемый «синій чулокъ», съ его педантичностью, сухостью и безсердечіемъ. Но, на самомъ дѣлѣ, Катерина Романовна, не смотря даже на лишеніе въ раннемъ дѣтствѣ смягчающаго вліянія матери, сохранила всю женственность натуры и всю нѣжность сердца, скрывавшіяся у нея подъ нѣсколько черствой оболочкой. Княгиня не обладала внѣшней красотой,—ея черты лица были болѣе мужескаго, чѣмъ женскаго склада, и, притомъ, въ манерахъ ея обнаруживалась нѣкоторая угловатость и порывистость, и очень мало женской граціи. Это, безъ сомнѣнія, имѣло вліяніе и на складъ ея характера, отличавшагося рѣзкостью и строптивостью.

«Въ моей натурѣ, — говоритъ она о своемъ дѣвичествѣ въ извѣстныхъ своихъ мемуарахъ,—была значительная доля гордости, соединенная съ необыкновенною нѣжностью сердца, и я питала самое сильное желаніе, чтобъ всѣ окружающіе любили меня съ такою же горячностью, съ какою я ихъ любила. Это стремленіе до такой степени преобладало во мнѣ около тринадцатилѣтняго возраста, что я, тщетно стараясь пріобрѣсти расположеніе тѣхъ, къ которымъ влекло меня юное восторженное сердце, вообразила наконецъ, будто бы не могу нигдѣ найти сочувствія, а потому стала смотрѣть на себя, какъ на существо одинокое, покинутое всѣми».

Въ этой исповѣди, безъ сомнѣнія, многія наши современницы прочтутъ, какъ бы, страничку собственной

своей юности—того ея періода, когда свѣжую, впечатлительную душу охватываетъ неопредѣленное томленіе и пламенная жажда любви, добра и счастья не для себя одной, но для всего живаго—даже, вотъ, для той крошечной букашки, весь міръ которой сосредоточился на одномъ осиновомъ листкѣ.

Къ довершенію этой душевной тоски, этого неудовлетвореннаго чувства любви, Катерина Романовна въ описываемый періодъ своей молодости была осуждена на довольно продолжительное одиночество въ деревнѣ, среди грубыхъ людей, не имѣвшихъ съ нею ничего общаго. На тринадцатилѣтнемъ возрастѣ ее постигла корь, и такъ какъ ея родные имѣли сообщеніе съ дворомъ, то, въ силу указа императрицы Елизаветы Петровны, воспрещавшаго пріѣзжать ко двору лицамъ, въ домахъ которыхъ случались прилипчивыя болѣзни, молоденькую дѣвушку и сослали въ деревню.

Это вынужденное одиночество еще болѣе усилило ея страсть къ книгамъ, въ которыхъ она находила то, въ чемъ ей отказывала жизнь.

«Съ тѣхъ поръ, — пишетъ она, — вмѣсто прежняго стремленія отыскивать сочувствіе у другихъ людей, я начала сосредоточиваться въ самой себѣ и старалась развивать въ особенности тѣ силы своего духа, которыя помогаютъ намъ стать выше обстоятельствъ».

Въ эту сторону еще болѣе толкнуло ее одно сердечное лишеніе: нѣжно любимый и отвѣчавшій ей такой же любовью братъ уѣхалъ въ это время надолго въ Парижъ.

«Такимъ образомъ,—говоритъ она,—я лишилась его дорогаго общества, и грустила тѣмъ болѣе, что равнодушіе лицъ, окружавшихъ меня, составляло печальную противоположность съ нѣжнымъ вниманіемъ брата. Впрочемъ, я была спокойна и довольна посреди моихъ книгъ, развлекая себя музыкою, и чувствовала нѣкоторую неловкость только тогда, когда покидала свою комнату».

Она проводила за чтеніемъ цѣлыя ночи напролетъ и зачитывалась до серьезнаго нервнаго разстройства; но болѣзненное состояніе скоро прошло, а внутренняя работа надъ собою—сосредоточенность духа остались и опредѣлили характеръ молодой дѣвушки въ твердыхъ ясныхъ чертахъ, разъ навсегда. Благодаря этимъ условіямъ и недостатку той теплоты и того сочувствія въ окружающихъ людяхъ, которыя такъ жадно искала Катерина Романовна, ея гордая энергичная душа съ тою же страстностью отдается другимъ высшимъ интересамъ—интересамъ умственнымъ и общественно-политическимъ. Политика, наука и искусство всецѣло поглощаютъ ее съ раннихъ лѣтъ; но однимъ салоннымъ диллетанствомъ она не удовлетворяется. Ея живая, пылкая и честолюбивая натура требуетъ борьбы и практической дѣятельности на широкой общественной аренѣ. Скоро ей представился случай испытать свои силы на этой аренѣ, въ опасномъ и смѣломъ предпріятіи, и—она отдается ему безъ оглядки, съ огненнымъ увлеченіемъ и самоотверженіемъ. Мы говоримъ о государственномъ переворотѣ 1762 года, результатомъ котораго было воцареніе Екатерины II. Катерина Романовна, принявъ сторону молодой императрицы, дѣлается самымъ рѣшительнымъ и

дѣятельнымъ участникомъ задуманнаго переворота, мало того—дѣлается его нервомъ, если можно такъ выразиться: вербуетъ сторонниковъ государыни, объединяетъ ея партію, поддерживаетъ колеблющихся и всѣхъ одушевляетъ; она вся поглощена заговоромъ, всюду является, пропагандируетъ, горитъ, какъ въ огнѣ, не зная ни отдыха, ни покоя, а въ рѣшительную минуту является всенародно на конѣ, въ военномъ мундирѣ, со шпагой въ рукахъ, въ боевой готовности, точно, какой нибудь лихой корнетъ, рвущійся въ сраженіе...

И этой отважной, рѣшительной женщинѣ, выступившей въ роли политическаго дѣятеля и вождя, едва исполнилось тогда восемнадцать лѣтъ!.. Личность княгини Дашковой и ея общественная дѣятельность у насъ мало изслѣдованы со стороны ея значенія и того мѣста, которое она имѣетъ въ исторіи собственно развитія русской женщины, а, между тѣмъ, этимъ путемъ можно было бы придти ко многимъ чрезвычайно важнымъ и интереснымъ историческимъ сближеніямъ и сопоставленіямъ, для уразумѣнія современныхъ фазисовъ женскаго вопроса на русской почвѣ, со всѣми его характеристическими феноменами, которые у насъ часто такъ узко и ложно истолковываются.

Такіе положительные, твердо очерченные женскіе характеры, умѣвшіе выдвинуться изъ рядовъ безцвѣтныхъ, слабыхъ и ничтожныхъ представительницъ прекраснаго пола, какихъ во всѣ времена бывало много, умѣвшіе возвыситься надъ своимъ приниженнымъ положеніемъ, завоевать себѣ независимость и пріобрѣсть вліяніе и значеніе въ семьѣ и въ обществѣ, встрѣчались среди

русскихъ дѣвушекъ прошлаго столѣтія даже въ глухой провинціи.

Образъ такой прекрасной дѣвушки, разцвѣтшей въ провинціальной глуши и самой себѣ обязанной закаленностью своего благороднаго характера и своимъ умственнымъ развитіемъ, увѣковѣчилъ для насъ, въ живыхъ краскахъ, талантливый С. Т. Аксаковъ. Это—его мать, урожденная Софья Николаевна Зубина. Она въ дѣтствѣ лишилась матери, много вынесла горя и преслѣдованій отъ мачихи, но потомъ, когда послѣдняя умерла,—сдѣлалась въ домѣ отца своего полной хозяйкой, заботливой воспитательницей своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ, и незамѣнимымъ другомъ больного и слабаго отца.

«Софья Николаевна сдѣлалась предметомъ всеобщаго уваженія и удивленія (дѣло происходило въ Уфѣ, во второй половинѣ прошлаго вѣка). Умудренная годами тяжкихъ страданій, семнадцатилѣтняя дѣвушка вдругъ превратилась въ совершенную женщину, мать, хозяйку и даже официальную даму, потому что по болѣзни отца принимала всѣ власти, всѣхъ чиновниковъ и городскихъ жителей, вела съ ними переговоры, писала письма, дѣловыя бумаги, и впослѣдствіи сдѣлалась настоящимъ правителемъ дѣлъ отцовской канцеляріи».

Въ то же время, она находила еще досугъ пополнять свое образованіе и, впослѣдствіи, извѣстный Новиковъ, случайно познакомившись съ ея перепиской, «до того плѣнился краснорѣчивыми письмами неизвѣстной барышни съ береговъ рѣки Бѣлой, изъ Башкиріи, что присылалъ ей всѣ замѣчательныя сочиненія въ рус-

ской литературѣ, какія тогда появлялись, что очень много способствовало ея образованію».

«Всѣ, по тогдашнему, умные и образованные люди, попадавшіе въ Уфу, спѣшили познакомиться съ Софьей Николаевной, плѣнялись ею и никогда не забывали». Ученые и путешественники, посѣщавшіе Уфимскій край, «непремѣнно знакомились съ Софьей Николавной и оставляли письменные знаки удивленія ея уму и красотѣ». Какой-то иностранный графъ Ментейфель написалъ ей стихи, въ которыхъ называлъ ее и Венерой, и Минервой. «Все, что имѣло право влюбляться, было влюблено въ Софью Николаевну, но любовью самою почтительной и безнадежной, потому что строгость ея нравовъ доходила до крайнихъ размѣровъ».

Мы могли бы еще пополнить собранные здѣсь облики и портреты замѣчательныхъ русскихъ дѣвушекъ прошлаго столѣтія, но и сказаннаго довольно для доказательства проводимаго нами взгляда, что героиня наша въ описываемую эпоху, говоря вообще, была гораздо выше той дурной и презрительной славы, которая у насъ составилась о ней съ легкой руки нѣкоторыхъ историковъ-пессимистовъ.

VIII.

Любовь и сватовство.

«Я не имѣла такой привычки, чтобъ сегодня любить одного, а завтра другаго, въ нонѣшній вѣкъ такая мода, а я доказала свѣту, что я въ любви вѣрна»,—говоритъ въ своихъ запискахъ княгиня Наталья Долгорукова, вспоминая дни своей молодости—первыя главы своего трогательнаго романа.

Дѣйствительно, княгиня дала классическій образецъ высокой, самоотверженной любви, столько разъ воспѣтой потомъ нашей поэзіей и наглядно опровергающей доктринерское мнѣніе, что будто-бы «русская любовь тогда и въ старину имѣла грубый, *исключительно* животный характеръ» и лишена была благородныхъ чертъ человѣчности. Несомнѣнно, что она была такою въ большинствѣ случаевъ; но развѣ не то же ли самое представляетъ собою, въ массѣ, любовь—русская ли, нѣмецкая ли и всякая иная—и въ болѣе просвѣщенное время, даже хотя бы въ наши дни? Примѣры такой благородной самоотверженной любви, какую обнаружила кня-

гиня Долгорукова, во всѣ времена и во всякомъ обществѣ встрѣчаются не часто; но, какъ бы ни были они рѣдки, ихъ необходимо принимать во вниманіе для оцѣнки женщины данной эпохи и для измѣренія глубины и свойствъ ея сердца. Даже болѣе: такіе примѣры должны быть приняты, какъ правило, какъ историческое свидѣтельство, вѣрно опредѣляющее уровень нравственныхъ идеаловъ взятой эпохи.

Во времена Натальи Долгоруковой, говоря вообще, любовь могла быть «грубой и животной», но тогда же существовалъ, значитъ, идеалъ и болѣе высокой, болѣе нравственной любви, и идеалъ не мертвенно-отвлеченный, если являлись женщины, возвышавшіяся до его живаго, реальнаго воплощенія въ самихъ себѣ. Игнорировать подобные факты историкъ не долженъ.

Мы уже указывали на то, что женщины типа Натальи Долгоруковой ея времени принадлежали въ сущности двумъ вѣкамъ—старому, дореформенному, и новому, петровскому. Онѣ явились на рубежѣ ихъ и соединяли въ себѣ основныя черты родной старины, въ воспитаніи, въ нравахъ, съ европейскимъ просвѣщеніемъ и свободой. Мы знаемъ, что такое соединеніе давало въ большинствѣ случаевъ неудачные результаты; но въ то же время существованіе женщинъ вышеупомянутаго прекраснаго типа опять-таки отнимаетъ у насъ право безусловнаго отрицанія и порицанія какъ женской школы до-петровскаго періода, такъ и послѣдующаго ея обновленнаго состоянія. Несомнѣнно, что тѣ плѣнительныя и симпатичныя черты, которыми блещутъ въ нашихъ глазахъ эти женщины, были привиты къ нимъ генетиче-

ски, съ дѣтства, добрыми началами и традиціями старорусской семейной школы, тогда еще прочно державшейся, едва тронутой новаторствомъ, въ дворянскихъ домахъ петровскаго общества. Чуткія, счастливо одаренныя натуры, онѣ съумѣли воспитать въ себѣ и сохранить все добро, какое только могла завѣщать имъ, изъ нѣжныхъ материнскихъ рукъ, далекая старина, и на его фундаментѣ воспринять культивирующую наслойку западнаго образованія. Условія эти создавали, случалось, замѣчательныхъ личностей.

Наталья Борисовна четырнадцати лѣтъ осталась сиротою и «всѣхъ компаній лишилась», по ея выраженію, т. е., была предоставлена самой себѣ. Какъ же она ведетъ себя въ эти лѣта и въ этомъ положеніи, которыя всегда считались и нынѣ считаются столь опасными для дѣвушки?

«Пришло на меня высокоуміе,—пишетъ она:—вздумала я себя сохранять отъ излишняго гулянья, чтобъ не понести мнѣ какого поноснаго слова. Тогда очень наблюдали честь. И такъ я сама себя заключила; и правда, что въ тогдашнее время не такое было обхожденіе въ свѣтѣ; очень примѣчали поступки молодыхъ и знатныхъ дѣвушекъ; тогда не можно было такъ мыкаться, какъ въ нонѣшній вѣкъ»... «Я свою молодость плѣнила разумомъ, удерживала на время свои желанія, въ разсужденіи томъ, что еще будетъ время къ моему удовольствію; заранѣе пріучила себя къ скукѣ. И такъ жила я послѣ матери своей два года»...

Эта строгость къ себѣ и къ сохраненію своего достоинства, своей чести, отличала всѣхъ, современныхъ

Натальѣ Борисовнѣ, благовоспитанныхъ дѣвушекъ изъ хорошихъ семей. Въ этомъ отношеніи онѣ доводили свою щекотливость нерѣдко до крайней рѣзкости и суровости.

Вслѣдствіе этого, на взглядъ иностранцевъ и по замѣчанію одного изъ нихъ (Вебера), наблюдавшаго наше общество въ послѣдніе дни царствованія Петра Великаго, русскія, высшаго класса, дѣвушки казались «въ обращеніи своемъ съ посторонними какими-то дикими и своенравными». Онѣ умѣли при случаѣ сами постоять за свое достоинство какъ нельзя болѣе энергически и были, въ этомъ пунктѣ, очень взыскательны. Тотъ же писатель разсказываетъ, что разъ въ обществѣ какой то элегантный кавалеръ—нѣмецъ разогнался было, въ порывѣ любезности, поцѣловать ручку у одной дѣвицы, но, къ великому своему конфузу, «былъ за это награжденъ ею полновѣсной пощечиной».

У Бассевича записанъ еще болѣе выразительный фактъ, хотя и нѣсколько анекдотическаго свойства.

Описывая прелести, величіе и «неустрашимость» царевны Анны Петровны, Бассевичъ утверждаетъ, что однажды «молодой графъ Апраксинъ осмѣлился открыться ей въ любви, на которую она отвѣчала презрѣніемъ. Въ отчаяніи, онъ выждалъ минуту, когда ему удалось увидѣть ее одну, и бросился къ ея ногамъ, подавая ей свою шпагу и умоляя ее прекратить его страданія вмѣстѣ съ жизнью. «Давайте, сказала она съ гордымъ и холоднымъ видомъ, я вамъ покажу, что дочь вашего государя не имѣетъ недостатка ни въ силѣ, ни въ мужествѣ, чтобъ заколоть дерзкаго, который ее оскорбляетъ». Молодой человѣкъ, боясь, чтобъ она на самомъ

дѣлѣ не оправдала своихъ словъ, не отдалъ шпаги и сталъ умолять ее простить ему безуміе, до котораго онъ былъ доведенъ ея красотою. Она отплатила ему только тѣмъ, что выставляла его въ смѣшномъ видѣ, разсказывая объ этомъ происшествіи.

Позднѣе, точно также удивлялась «щекотливости русскихъ красавицъ» и наблюдательная лэди Рондо, записавшая весьма краснорѣчивое тому доказательство, съ которымъ мы еще встрѣтимся впослѣдствіи.

Вообще ухаживанье за дѣвицами и сватовство, съ внѣшней, формальной стороны, по крайней мѣрѣ, бывали въ тѣ времена нерѣдко дѣломъ довольно деликатнымъ и сложнымъ, обставленнымъ различными требованіями свѣтскости, «добраго воспитанія», соціальнаго положенія и пр. Доступъ къ дѣвушкѣ изъ порядочнаго общества былъ труденъ, и всякое сближеніе съ нею молодаго человѣка, считавшееся сватовствомъ, допускалось не иначе, какъ съ одобренія и разрѣшенія родителей. Сближеніе и заискиваніе вниманія дѣвушки, безъ соблюденія этихъ условій, скандализировало и ее самое, и ея близкихъ.

Чтобы составить себѣ наглядное представленіе объ отношеніи къ дѣвицамъ и сближеніи съ ними въ то «доброе старое время», мы прослѣдимъ здѣсь бѣгло первый по времени, обстоятельно извѣстный намъ, за описываемую эпоху романъ вышеупомянутой царевны Анны Петровны. Романъ ея довольно подробно разсказанъ извѣстнымъ Берхгольцемъ, камеръ-юнкеромъ ея жениха, герцога голштинскаго.

Герцогъ прибылъ въ Петербургъ въ качествѣ искатели руки царевны, съ вѣдома ея родителей. Впервые онъ и его свита увидѣли ее на придворномъ праздникѣ, въ Лѣтнемъ саду, 13 іюня 1721 года. «Взоры наши, —разсказываетъ Берхгольцъ, — тотчасъ обратились на старшую принцессу, брюнетку и прекрасную, какъ ангелъ». Герцогъ и его свита, судя по наблюденіямъ Берхгольца, до мельчайшихъ подробностей запечатлѣли въ своей помяти наружность Анны Петровны, ея манеры, костюмъ, прическу. Но на этотъ разъ герцогу не удалось ни однимъ словомъ перемолвиться съ плѣнительной царевной; только спустя двѣ недѣли, на другомъ придворномъ собраніи, государыня, поговоривъ съ нимъ сама, доставила ему случай завести рѣчь и съ Анной Петровной.

«Оба были довольно застѣнчивы,—разсказываетъ наблюдавшій эту сцену Берхгольцъ,—такъ что, еслибъ на ихъ устахъ не пробѣгала по временамъ легкая улыбка, то нельзя было бы узнать — разговариваютъ они, или нѣтъ». Послѣ этого разговора, когда открылся балъ, герцогъ танцовалъ съ царевною аллемандъ и менуэтъ.

Это, можно сказать, была общая программа, по правиламъ тогдашняго свѣта, перваго сближенія молодыхъ людей и, конечно, танцы служили для начала романа самымъ могущественнымъ цементомъ. Тѣмъ не менѣе, сближеніе, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, шло чрезвычайно туго. Герцогъ, напр., впервые удостоился счастья поцѣловать руку у предмета своихъ исканій только послѣ многихъ встрѣчъ, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ былъ принятъ во дворцѣ. Нѣсколько

мѣсяцевъ потребовалось и на то, чтобы онъ нашелся «смѣло вступить въ длинный разговоръ съ великой княжною, на что прежде никогда не рѣшался», по замѣчанію его камеръ-юнкера. Историческая справедливость требуетъ сказать, что на этотъ «длинный разговоръ» герцогъ отважился послѣ параднаго обѣда, столь изобиловавшаго тогда возліяніями, которыя несомнѣнно оказали ободряющее дѣйствіе и на искателя руки прелестной царевны.

Во всякомъ случаѣ романъ ихъ помаленьку подвигался впередъ. Герцогъ сталъ питать къ Аннѣ Петровнѣ «большое уваженіе и неописанную любовь, которая обнаруживается при всѣхъ случаяхъ, какъ въ ея присутствіи, такъ и въ разговорахъ» съ его приближенными. Съ своей стороны, и царевна, со дня на день хорошѣвшая, «при всякомъ случаѣ бывала необыкновенно любезна съ герцогомъ». Чѣмъ же и какъ выражалась эта любезность, означавшая взаимное сердечное влеченіе? Какъ всегда и вездѣ средствъ для этого было много, хотя нѣкоторыя изъ нихъ показались бы для нашего времени нѣсколько наивными.

Однажды герцогъ, катаясь въ лодкѣ по Невѣ «*пять* разъ имѣлъ удовольствіе, по разсказу точнаго Берхгольца, видѣть и привѣтствовать старшую императорскую принцессу (т. е. Анну Петровну), потому что всякій разъ, когда проѣзжалъ мимо дворца, она отворяла окно и не отходила отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не скрывался у нея изъ виду».

Въ тогдашнюю программу ухаживанья входили разные романтично-художественные сюрпризы, какъ средства

снискать благосклонность приглянувшейся красавицы. Влюбленный кавалеръ подносилъ ей цвѣты и тому подобные дары эстетико-символическаго свойства, сочинялъ и адресовалъ ей сентиментальные мадригалы (за отсутствіемъ собственнаго поэтическаго дара—выписанные изъ книжекъ или нарочито заказанные какому нибудь досужему стихотворцу), устраивалъ передъ ея окнами серенады, доставлялъ какія либо увеселительныя зрѣлища и оказывалъ всяческія галантерейныя услуги.

Герцогъ голштинскій, имѣя въ своей свитѣ порядочный оркестръ, особенно часто заискивалъ вниманія царевны устройствомъ подъ дворцовыми окнами неожиданныхъ серенадъ и днемъ, и ночью. Когда онъ являлся со своимъ оркестромъ и начиналъ серенаду, то, обыкновенно, польщенная этой любезностью Анна Петровна, вмѣстѣ съ младшей сестрою, появлялась у окна, нерѣдко въ нэглиже, очень къ ней шедшимъ. Чтобы показать свое вниманіе и признательность къ герцогу, Анна Петровна все время слушала его музыку, пока она играла, нерѣдко держа тактъ рукою и головою, а герцогъ, съ своей стороны, «часто обращалъ взоры къ ея окну, вѣроятно, не безъ тайныхъ вздоховъ». Когда же случались имянины Анны Петровны, герцогъ устраивалъ въ честь ея пышныя иллюминаціи передъ своимъ домомъ и, вообще, истощалъ всѣ средства выразить свою любовь, не совсѣмъ искреннюю, какъ потомъ оказалось.

Нужно замѣтить, что какъ самая символика любви, такъ и кавалерская изобрѣтательность на вещественные знаки невещественныхъ чувствъ были гораздо богаче и разнообразнѣе въ тогдашнія времена, чѣмъ

нынѣ. Правда, подъ этой внѣшней риторикой любви часто скрывались, далеко не отвѣчавшіе ея пышнымъ формамъ, или грубая чувственность, или безсердечный разсчетъ, но на малоразвитыхъ и неискусившихся еще въ познаніи житейскаго добра и зла женщинъ риторика эта оказывала часто неотразимое дѣйствіе.

Теперь даже нельзя представить себѣ возможность такихъ сувенировъ и сюрпризовъ, въ знакъ любви, какіе расточали своимъ дамамъ сердца блестящіе кавалеры прошлаго вѣка. Особенно отличались въ этомъ отношеніи «баловни счастья» и Сарданапалы, по термину Державина, екатерининскихъ временъ, а между ними, преимущественно, «великолѣпный» князь таврическій, который для выраженія своей любви, по словамъ современника, «расточалъ великолѣпіе, превосходившее всѣ чудеса «Тысячи и одной ночи».

Во время пребыванія своего на югѣ съ арміей, Потемкинъ ухаживалъ за извѣстной въ то время красавицей, княгиней Долгоруковой. Княгиню звали Екатериной, слѣдовательно день ангела ея совпадалъ съ днемъ тезоименитства императрицы. Подъ предлогомъ празднованія сего послѣдняго, Потемкинъ почтилъ княгиню пышнымъ пиромъ. За дессертомъ были поданы хрустальныя чаши, наполненныя бриллiантами, которые раздавались присутствовавшимъ дамамъ цѣлыми ложками. Княгиня, сидѣвшая возлѣ тароватаго хозяина и пораженная этой сарданапальской роскошью, выразила ему свое удивленіе.

— Вѣдь я праздную ваши имянины—чему же вы удивляетесь?—галантно отвѣтилъ князь.

Точно такимъ же образомъ, ухаживая за другой красавицей и желая ей подарить кашемировую шаль «безумно высокой цѣны», Потемкинъ устроилъ у себя на балѣ лотерею для всѣхъ дамъ, которыхъ было у него въ гостяхъ до двухсотъ. Въ результатѣ лотереи каждая дама получила по шали и, конечно, лучшая шаль досталась избранной сердца хозяина, этимъ оригинальнымъ способомъ замаскировавшаго выраженіе своей любви къ ней.

Въ предупрежденіи желаній и капризовъ дамъ своего сердца Потемкинъ ни предъ чѣмъ не останавливался. Разъ, узнавъ, что у вышеупомянутой княгини Долгоруковой не случилось бальныхъ башмаковъ, онъ нарочно послалъ за ними курьера въ Парижъ и—къ назначенному дню парижскіе башмачки явились у княгини, какъ по щучьему велѣнью.

Въ другой разъ онъ устроилъ для нея такой сюрпризъ, поражающій совершенной разнузданностью пресыщенной фантазіи.

Близъ Бендеръ, въ полѣ, была вырыта большая землянка, внутренность которой превратилась, по прихоти Потемкина въ баснословно-роскошный чертогъ. Однажды онъ пригласилъ сюда княгиню Долгорукову, предварительно разставивъ вокругъ землянки, въ видѣ карэ, нѣсколько тысячъ пѣхоты, кавелеріи и артиллеріи. Угощая свою гостью, онъ пожелалъ выпить за ея здоровье и, выйдя изъ землянки, съ кубкомъ въ рукахъ, «приказалъ ударить тревогу, по знаку которой,

какъ полками, такъ и изъ баттареи былъ произведенъ батальный огонь»...

Княгиня, видно, была любительница воинственныхъ сценъ. По крайней мѣрѣ, Потемкинъ, какъ разсказываютъ современники, устроилъ для ея потѣхи нарочно штурмъ Очакова—не примѣрный и увеселительный, а настоящій, хотя онъ по разсчетамъ стратегіи, былъ преждевременный и кончился неудачно. Сюрпризъ этотъ галантнаго полководца своей дамѣ стоилъ только нѣсколькихъ тысячъ жизней — цѣна не особенно дорогая для возвышенной рыцарской любви, и—для насъ становится понятной похвала Петемкину, высказанная однимъ изъ его біографовъ, графомъ Самойловымъ, что «коль скоро желалъ онъ нравиться нѣжному полу, то никто не могъ имѣть ни дара его къ сему, ни способностей, ни пріятности»... Но въ то же время,—замѣтимъ отъ себя,—никто не былъ менѣе постояненъ какъ Потемкинъ и ему подобные современные сердцеѣды.

Вообще, въ ухаживаніи за женщинами, въ любви къ нимъ тогдашнихъ свѣтскихъ кавалеровъ много было грубой чувственности, маскировавшейся напускной сентиментальностью и фатовствомъ, и очень мало уваженія личности и нравственной чистоты. «Мущины не умѣютъ любить и не бываютъ постоянны»,—читаемъ въ мемуарахъ одной наблюдательной и искушенной горькимъ опытомъ женщины прошлаго вѣка. Одинъ серьезный изслѣдователь вывелъ даже такое общее заключеніе, что «въ старину *любили* у насъ, можно сказать, *однѣ* женщины».

Несомнѣнно, что въ этомъ отношеніи героиня наша, говоря вообще, стояла несравненно выше мужчины. Объясняется это, конечно, различіемъ природы женскаго и мужскаго сердца, а главное — различіемъ семейнаго и соціальнаго положенія. Любовь для женщины того времени была господствующей стихіей, главнымъ, почти единственнымъ содержаніемъ всей ея нравственной жизни. Внѣ любви она, можно сказать, не жила, а прозябала, дѣлалась лишней, превращалась въ какой то возбуждавшій жалость пустоцвѣтъ.

За всѣмъ тѣмъ женская любовь была тѣмъ искреннѣе, чище и поэтичнѣе, сравнительно съ мужскою любовью, что ею, обыкновенно, начинался періодъ зрѣлой сознательной жизни дѣвушки, полной свѣжести и невинности и идущей на встрѣчу новому для нея чувству съ чистымъ сердцемъ, съ ясной и горячей вѣрой въ добро и красоту.

«Всѣ мы были очень скромны, не смотря на полную свободу, въ которой насъ воспитывали», — говоритъ о себѣ и о своихъ сверстницахъ—смольнянкахъ Ржевская, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ екатериненскихъ временъ.

Скромность и невинность самой разсказчицы, и въ то же время пылкость ея сердца въ раннемъ дѣвичествѣ, когда она еще была въ институтѣ, выразилась въ ея *первой* любви, предметомъ которой былъ И. И. Бецкій, тогда уже семидесятилѣтній старецъ.

«Я любила Ивана Ивановича съ дѣтскою довѣрчивостью», разсказываетъ она. «Я поддавалась упоительному чувству, составлявшему все мое счастье»... «Три

года пролетѣли, какъ одинъ день, посреди постоянныхъ любезностей, вниманія, ласокъ, нѣжныхъ заботъ, которыя окончательно околдовали меня. Тогда бы я охотно посвятила ему жизнь. Я желала лишь его счастья; любить и быть такъ всецѣло любимою казалось мнѣ верхомъ блаженства»...

Въ этой коротенькой исповѣди, можно сказать, вся исторія *первой* дѣвичьей любви культурныхъ женщинъ того времени. Всѣ онѣ начинали зрѣлую жизнь такой любовью, всѣ любили съ такой «дѣтской довѣрчивостью» и съ такой истинно-женской горячностью, всѣ беззавѣтно отдавали свое юное, незапятнанное сердце въ руки избраннаго человѣка, оказывавшіяся столь нерѣдко грубыми и нечистыми. Въ этой наивной и часто слѣпой любви было, конечно, много незрѣлаго и институтскаго, но между этими нѣжными, «кисейными» созданіями попадались самоотверженныя души, рвавшіяся запечатлѣть свою привязанность подвигами женскаго героизма.

«Или думаешь, что родительскій гнѣвъ истребитъ мое чувство къ тебѣ?—пишетъ любимому человѣку героиня одного изъ несчастныхъ романовъ второй половины прошлаго столѣтія.—Нѣтъ, никакія адскія муки не истребятъ его: оно для меня священно. Ахъ, еслибъ зналъ, сколько я люблю тебя, безцѣнный другъ, и какъ о тебѣ страдаю! Одинъ Богъ тому свидѣтель; но что дѣлать? Научи меня, скажи, какія средства предпринять? Я тебѣ пожертвовать рада моею жизнію. Прошу, научи меня, милый другъ, а я всю надежду потеряла. Жестокія сердца, пагубные предразсудки насъ терзаютъ. Имъ нужны богатство, высокія степени, знатное родство; но

меня, мой другъ, привязали твой умъ и твое доброе сердце. Боже мой! Еслибы зависѣло отъ меня, мы были бы счастливы. Люби и не забудь меня, а я клянусь вамъ, что обожаю, и что одна смерть истребитъ мою любовь къ тебѣ».

Въ данномъ случаѣ, судя по послѣдствіямъ романа, это не были фразы.

Искренность и глубина привязанности, зарождавшейся въ неиспорченномъ дѣвическомъ сердцѣ, не составляли рѣдкости въ русскихъ женщинахъ описываемаго періода. Для многихъ изъ нихъ *первая* любовь была и послѣдней любовью. Онѣ всей душой и на всю жизнь прилѣплялись къ разъ избраннымъ властелинамъ и на нихъ однихъ изливали всю нѣжность и теплоту своихъ сердецъ, не смотря на постигавшія ихъ нерѣдко разочарованія. Княгиня Наталья Борисовна, сказавшая, что она была «въ любви вѣрна» и что въ ея время, вообще дѣвушки не позволяли себѣ — сегодня любить одного, завтра другаго, безошибочно засвидѣтельствовала достовѣрный историческій фактъ. Да и позднѣе, когда нравы поисшатались и развилось куртизантство, то и тогда вѣтренность, испорченность сердца и непостоянство чувства отличали преимущественно замужнихъ женщинъ, искусившихся въ опытѣ суетной жизни и деморализаціи вѣка. Дѣвушки же, чрезмѣрно охраняемыя отъ малѣйшаго прикосновенія житейскаго опыта, теплично воспитываемыя въ цѣломудренномъ невѣдѣніи и непорочности, вступали въ жизнь, какъ и прежде, съ чистымъ сердцемъ, впечатлительнымъ къ добру и горѣвшимъ беззавѣтной вѣрой въ людей и готовностью

всецѣло отдаться любимому человѣку. Мы говоримъ, конечно, о господствующемъ типѣ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что, по тогдашнему обычаю, условный переходъ отъ отрочества къ дѣвичеству былъ для культурной женщины слишкомъ коротокъ. Въ 13, 14 лѣтъ она уже считалась невѣстой и нерѣдко въ этомъ дѣтскомъ возрастѣ выходила замужъ.

Такая искусственная зрѣлость вела нерѣдко къ слишкомъ ранней влюбчивости. Ребяческихъ романовъ бывало тогда множество, не всегда, однако, ребячески кончавшихся. Объ одномъ изъ нихъ интересный разсказъ оставилъ князь И. М. Долгоруковъ въ своей книгѣ: «Капище моего сердца».

Онъ самъ былъ героемъ этого романа. Ему было 16 лѣтъ, *ей*—14. Это была княжна Е. П. Меньшикова, внучатная сестра разсказчика, дѣвушка «отмѣнно острая и затѣйливая». Романъ начался дѣтской игривостью. «Мы, —разсказываетъ князь,— вмѣстѣ привыкли бѣгать, играть, рѣзвиться. Отъ искры загорается пожаръ; открылась между нами взаимная симпатія, и скоро мы другъ въ друга влюбились. Это была, такъ сказать, моя страсть первоученка. Новы оба въ чувствѣ любви, всякая малѣйшая ласковость казалась намъ блаженствомъ, и мы спѣшили имъ наслаждаться». Романъ, однако, сразу принялъ драматическій оттѣнокъ, во-первыхъ, потому, что неодолимымъ препятствіемъ къ союзу являлось близкое родство влюбленныхъ, а во-вторыхъ, потому что героя ревновала родная сестра героини, тоже въ него влюбившаяся. Пришлось хитрить, скрываться.

«Чѣмъ больше тайны въ любви, тѣмъ она больше разгорается»,—резонерствуетъ князь. Велъ онъ, не смотря на свою раннюю юность, довольно сомнительную куртизанскую игру, которой, однако, нимало не стыдился. Онъ ухаживалъ за обѣими сестрами—за одной искренно, а за другой притворно, чтобы усыпить ея ревность. «Милліоны поцѣлуевъ принужденныхъ съ одной сестрою, —разсказываетъ онъ, — и сладострастныхъ съ другой, на которые любовники всегда минуту сыщутъ, насъ соединяли крѣпко, что я готовъ былъ жениться во чтобы ни стало». Одновременно шла дѣятельная любовная переписка, которую переносилъ учитель, обучавшій героя и героиню итальянскому языку.

«Интрига наша шла прекрасно,—продолжаетъ разсказчикъ.—Вотъ что ее разстроило. Однажды случилось мнѣ, стоя за стуломъ у Елены (имя героини), когда она играла на фортепьяно, шепнуть, что я хочу на ней жениться.

— Нельзя, мы родня!—возразила она со вздохомъ.

— Что за нужда!—отвѣчалъ я. — Примѣры бывали: Орловъ женился на двоюродной сестрѣ своей».

«Я,—разсказываетъ князь,—признался въ моей страсти. Мать увидѣла пропасть, въ которую мы оба готовы были устремиться, поворотила все въ шутку, но приняла строгую осторожность въ обращеніи дочерей ея со мною. Такъ разорвались или затруднились наши свиданія, но мы поклялись другъ другу въ вѣрности непреоборимой»...

Разумѣется, «вѣрности» съ обѣихъ сторонъ хватило очень ненадолго, и этотъ дѣтскій романъ такъ ничѣмъ и не кончился.

Главный недостатокъ дѣвушки XVIII столѣтія заключался въ томъ, что она жила исключительно сердцемъ и воображеніемъ, безъ всякаго почти участія разсудочныхъ способностей, которыя, къ тому-жъ, вовсе не развивались, а часто заглушались воспитаніемъ. Недостатокъ этотъ сознавался лучшими людьми уже въ началѣ прошлаго вѣка. Въ академическихъ «Примѣчаніяхъ къ Спб. Вѣдомостямъ», 1732 г., какой-то «Пріятель юныхъ» высказывалъ современнымъ родителямъ упрекъ въ томъ, что они, уча дѣтей, «обыкновенно *исправленіе разума и воли* дѣвицъ пренебрегаютъ». Его возмущало то, что съ дѣвушками «такъ поступаютъ, будто бы онѣ нѣкоторый родъ весьма особливой твари были; однако-жъ надлежало-бы разсудить, —продолжаетъ онъ, — что онѣ половину человѣческаго общества сочиняютъ, и что по необходимой нуждѣ брачнымъ союзомъ съ ними соединиться надлежитъ, и имѣть въ нихъ женъ, матерей, хозяекъ». Между тѣмъ, дѣвушки «съ младыхъ лѣтъ въ смѣшныхъ и суетныхъ предосудительствахъ оставляются, которыя ихъ младость сномъ, а старость мученіемъ дѣлаютъ».

Послѣднее замѣчаніе чрезвычайно мѣткое. Дѣйствительно, молодость тогдашней дѣвушки была *сонъ*—сладкій сонъ, сквозь розовую, обольстительно-призрачную дымку котораго жизнь и люди, а, главнымъ образомъ, *онъ* — избранный сердца, рисовались въ мечтательныхъ, прекрасныхъ чертахъ, далеко не отвѣчавшихъ правдѣ и подлиннику. Понятно, что, когда подобныя мечтательницы становились лицомъ къ лицу съ шероховатой дѣйствительностью, безжалостно, съ перваго шага, разру-

шавшей ихъ идеалы, для нихъ наступали муки разочарованія, нерѣдко окончательно разбивавшія нѣжное впечатлительное сердце и всю жизнь обращавшія въ драму или фарсъ, смотря по темпераменту, степени нравственной устойчивости и внѣшнимъ условіямъ.

Изучая романы русскихъ образованныхъ женщинъ прошлаго вѣка, изумляешься внезапности и безпочвенности ихъ завязокъ, сразу, безъ предварительнаго ознакомленія и сближенія сторонъ, переходившихъ въ самую короткую интимность между героемъ и героиней при посредствѣ брака. Мы упомянули выше, что доступъ къ дѣвушкамъ порядочнаго общества былъ труденъ тогда. Это такъ было и на самомъ дѣлѣ; но, разъ, доступъ открывался, съ вѣдома и одобренія родительской власти, разъ, искатель руки дѣвушки былъ ей не противенъ, романъ завязывался съ необыкновенной скоропостижностью и, почти всегда, глава первая была и главой послѣдней.

Влюбчивость—со стороны дѣвушки, по большей части, горячая и искренняя,—мотивировалась здѣсь исключительно инстинктивностью и удивительно наивными и суетно-ребяческими требованіями сердца и воображенія. Болѣе серьезныхъ запросовъ, моральныхъ и умственныхъ, не предъявлялось почти никакихъ, если не считать слишкомъ элементарныхъ, да и тѣ сбывались съ рукъ безъ строгой провѣрки. Дѣвушка влюблялась и отдавала руку и сердце свои жениху совершенно по-дѣтски или подобно мотыльку, довѣрчиво кидающемуся на пламя. Ее ослѣпляли внѣшность мужчины, его «любезность», молодость, видное общественное положеніе, на-

конецъ, богатство, а каковъ онъ, какъ человѣкъ,—она и не умѣла, и не успѣвала, часто и не могла вглядѣться... Впрочемъ, и мужчина, въ свою очередь, не затруднялся, обыкновенно, изученіемъ дѣвушки съ этой интересной стороны, да такое изученіе и невсегда было возможно. Извѣстный Болотовъ, говоря о своемъ сватовствѣ и о томъ, какъ хотѣлось ему предварительно изучить «душевныя дарованія, склонности и нравъ» своей невѣсты, замѣчаетъ, что на это тогда и разсчитывать нельзя было. «Гдѣ я найду—пишетъ онъ—такую (дѣвушку), которой бы и нравъ, и всѣ душевныя склонности и дарованія могъ бы я узнать коротко, какъ вещи, которыя обыкновенно въ невѣстахъ всего труднѣе безошибочно узнавать можно?».

А трудно узнавать было потому, что между дѣвушкой и молодымъ человѣкомъ, до формальнаго ихъ сближенія на правахъ сговоренныхъ, лежала непроходимая пропасть изъ предразсудковъ, свѣтскаго жеманства и ложной стыдливости, а, главное, изъ блюстительной родительской опеки, недопускавшей не только короткости, но иногда даже простого общенія дѣвушки съ молодыми людьми.

Этими-то условіями объясняется отчасти и указанная выше влюбчивость нашей героини, которую ошибочно было бы считать признакомъ нравственной грубости или испорченности и легкомыслія. Нѣтъ!—это, говоря вообще, былъ просто недостатокъ серьезнаго интеллектуальнаго развитія, полное незнаніе жизни и людей, преждевременная, искусственная зрѣлость—и отсюда очень раннее вступленіе въ роль невѣсты, а, за всѣмъ

тѣмъ, господствовавшая легкость и патріархальность взглядовъ на бракъ, на женщину и на отношеніе двухъ половъ, что̀ обусловливалось уже низкимъ уровнемъ гуманитарной культуры всего общества.

Что такая спѣшная безоглядная влюбчивость не была источникомъ испорченности и легкомыслія нагляднѣе всего доказываютъ романы лучшихъ женщинъ того времени, начиная съ безспорно добродѣтельной и самоотверженной въ любви княгини Натальи Долгоруковой, къ которой мы вынуждены такъ часто обращаться, потому что не находимъ другаго, болѣе полнаго и болѣе приведеннаго въ историческую извѣстность, олицетворенія нашей героини начала прошлаго столѣтія.

Наталья Борисовна была въ свое время завидная невѣста, какъ отрасль богатаго и знатнаго дома. Она обращала на себя взоры всей тогдашней свѣтской молодежи своей красотой, своей вельможной родовитостью и, наконецъ, тѣмъ, что она, по ея выраженію, «плѣнила свою молодость разумомъ». Явились искатели ея руки и сердца, старавшіеся расположить къ себѣ гордую дѣвушку «любезностью», элегантствомъ, знатностью.

«Я очень была счастлива женихами»,—пишетъ она; но Наталья Борисовна была невѣста разборчивая. Она не говоритъ, какія предъявляла она требованія женихамъ; однако же, по ея выбору и по тому, какъ онъ произошелъ, мы можемъ заключить, что въ требованія эти слишкомъ мало входилъ тотъ моральный цензъ, который упрочиваетъ любовь, напримѣръ, современной намъ дѣвушки. Изъ толпы окружавшихъ ее кавалеровъ она остановила благосклонный взоръ свой на самомъ

блестящемъ изъ нихъ, и, главнымъ образомъ, потому только, что онъ былъ самый блестящій.

«Первая персона въ государствѣ нашемъ былъ мой женихъ,—вспоминаетъ она съ гордостью.—При всѣхъ *природныхъ достоинствахъ*, имѣлъ онъ знатные чины при Дворѣ и гвардіи», и—сверхъ того, принадлежалъ къ знатнѣйшей и богатѣйшей фамиліи въ Россіи. То былъ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, фаворитъ Петра II,—несомнѣнно «первая персона» въ моментъ его сватовства къ Натальѣ Борисовнѣ, но что касается, восхваляемыхъ ею, «природныхъ достоинствъ» его, то не считая молодости и внѣшней красоты, они были болѣе, чѣмъ спорныя. Конечно, для любящей дѣвушки князь былъ совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, и она менѣе всего справлялась и знала, каковы, на самомъ дѣлѣ, были «природныя достоинства» этого безнравственнаго «припадочнаго человѣка», какъ тогда называли временщиковъ. Наталья Борисовна чистосердечно повѣствуетъ, какъ легко и беззавѣтно отдалась она, чуть не съ первой встрѣчи, своему суженому.

«Я признаюсь вамъ,—пишетъ она,—что почитала за великое благополучіе его къ себѣ благосклонность. Напротивъ того, и я ему отвѣтствовала, любила его очень, *хотя и никакого знакомства не имѣла съ нимъ прежде, нежели онъ моимъ женихомъ сталъ*".

Признаніе безцѣнное для исторіи сердца нашей героини, и тѣмъ болѣе безцѣнное, что исходитъ изъ непорочныхъ устъ одной изъ прекраснѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ женщинъ, когда либо жившихъ на Руси!

Полюбить человѣка и назвать его женихомъ прежде, чѣмъ познакомиться съ нимъ хотя бы внѣшнимъ образомъ,—это дѣйствительно, могло бы показаться примитивной «животностью», еслибъ въ данномъ случаѣ любовь эта не истекала изъ прелестной непосредственности впечатлительно, довѣрчиваго и дѣвственно-невиннаго сердца, неискушеннаго еще ложью и зломъ, и неотравленнаго разочарованіемъ въ человѣкѣ... Такая любовь, такое сердце, напротивъ того, въ высшей степени женственны, и въ то же время глубоко человѣчны! Такъ, именно, если вспомните, влюбляется въ Ромео шекспировская Юлія--этотъ идеалъ женственности.

«Казалось, ни въ чемъ нѣтъ недостатка,—разсказываетъ княгиня о своей скороспѣлой любви:—милый человѣкъ на глазахъ, союзъ любви будетъ до смерти неразрывнымъ, а притомъ природныя чести, богатство, отъ всѣхъ людей почтеніе, всякой ищетъ милости, рекомендуется подъ мою протекцію; подумайте, будучи дѣвкѣ въ пятнадцать лѣтъ такъ обрадованной, я не иное что воображала, какъ вся сфера небесная для меня перемѣнилась».

Такова была поэзія счастливо начатаго романа—сладкій чадъ невозмутимыхъ дѣвичьихъ надеждъ и мечтаній наканунѣ свадьбы, когда «милый человѣкъ на глазахъ» неизмѣнно старается быть милымъ, оставляя разоблаченіе своей будничной физіономіи до послѣсвадебныхъ «медовыхъ» дней.

Повторяемъ, въ тѣ времена у большинства дѣвушекъ романы начинались такъ-же наивно, съ такою же быстрой перемѣной, если не «всей сферы небесной», то

всей ихъ собственной судьбы, подъ первымъ горячимъ впечатлѣніемъ слишкомъ воспріимчиваго и влюбчиваго сердца. Вотъ, напримѣръ, какимъ романически-внезапнымъ образомъ нашла своего суженаго другая замѣчательная женщина прошлаго столѣтія, княгиня Е. Р. Дашкова.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ 1758 г., когда Екатеринѣ Романовнѣ шелъ всего пятнадцатый годъ, возвращалась она изъ гостей отъ подруги своей Самариной. Хотя у нея былъ экипажъ, но, соблазненная хорошей погодой, она пожелала пройти пѣшкомъ, а сестра хозяйки вызвалась ее проводить. Едва онѣ сдѣлали нѣсколько шаговъ по пустынной улицѣ, какъ на встрѣчу имъ, въ серебристомъ полумракѣ петербургской «бѣлой» лѣтней ночи, показалась высокая статная фигура молодаго офицера, сразу произведшая на пылкое воображеніе дѣвушки сильное и роковое впечатлѣніе. Офицеръ оказался знакомымъ Самариныхъ и завелъ со спутницей Екатерины Романовны разговоръ, выказавшій въ немъ человѣка благовоспитаннаго и любезнаго. Черезъ минуту они разстались. Прощаясь со своей спутницей, Екатерина Романовна шепотомъ спросила у нея имя заинтересовавшаго ея незнакомца. Та назвала его княземъ Дашковымъ. Дѣвушка въ первый разъ слышала это имя, но возвратилась домой окончательно влюбленной и въ него, и въ его обладателя. Съ этого начался романъ, незамедлившій окончиться классически, и Екатерина Романовна, какъ говоритъ ея біографъ, «въ этой нечаянной встрѣчѣ и во взаимномъ благопріятномъ впе-

чатлѣніи видѣла всегда особенное дѣйствіе провидѣнія, которое назначило ихъ другъ для друга».

Такая вѣра въ предопредѣленіе, въ судьбу, заранѣе предрѣшающую выборъ сердца, составляла главный догматъ дѣвушки того времени, была ея руководствомъ и оправданіемъ ея безотчетнаго, спѣшнаго увлеченія. Поэтому-то и вслѣдствіе своего подчиненнаго положенія, дѣвушка очень мало проявляла личной иниціативы въ рѣшеніи своей судьбы. Не она выбирала, а ее выбирали; съ ея стороны оставалось либо подчиниться этому выбору, либо отвергнуть его, поскольку это отъ нея зависѣло. Въ большинствѣ случаевъ, она покорно подчинялась, въ силу вѣры въ предопредѣленіе—«суженаго-де не объѣдешь и конемъ», въ силу воли родительской и, наконецъ, по безотчетному сердечному влеченію.

Весьма поучительнымъ образчикомъ, въ этомъ отношеніи, можетъ служить исторія сватовства Державина, подробно имъ самимъ разсказанная въ своихъ «Запискахъ».

Съ трехъ случайныхъ встрѣчъ, пылкій пѣвецъ «Фелицы» влюбился въ семнадцатилѣтнюю дѣвицу Бастидонову, не будучи съ нею знакомъ, «неизгладимо» запечатлѣлъ ее въ своемъ сердцѣ и рѣшилъ на ней жениться, если она пойдетъ за него. Нашлись сейчасъ сваты, и одинъ изъ нихъ Кириловъ, безъ дальнихъ околичностей, завезъ «будто ненарочно» влюбленнаго пріятеля въ знакомый ему домъ Бастидоновыхъ и отрекомендовалъ. Гостей незванныхъ приняли,—и весь вечеръ онъ «жадными очами пожиралъ всѣ пріятности, его обворожившія», не забывая, при этомъ, изучить окомъ практика «комнату, приборъ, одежду и весь бытъ хозяевъ».

«Смотрины» эти вполнѣ удовлетворили Державина, и онъ въ тотъ же вечеръ, по выходѣ отъ Бастидоновыхъ, упросилъ Кирилова «убѣдительно сдѣлать настоятельное предложенiе матери и дочери». Кириловъ «на другой день то и исполнилъ»; но окончательно отвѣта не получилъ, такъ какъ «мать съ перваго разу не могла рѣшиться, а просила нѣсколько дней сроку по обыкновенiю разспросить о женихѣ», о которомъ до той поры никакого понятiя не имѣла. Между тѣмъ пока мать ѣздила собирать справки, нетерпѣливый женихъ, проѣзжая мимо дома своего предмета и увидѣвъ его въ окнѣ, «рѣшился заѣхать», такъ какъ онъ тутъ только догадался «узнать собственно *ея мысли* въ разсужденiи его». Это считалось послѣднимъ дѣломъ, безъ котораго легко можно было и обойтись.

«А для того,—расказываетъ Державинъ,—подошедши (я) поцѣловалъ, по обыкновенiю, руку и сѣлъ подлѣ нея. Потомъ, не упуская времени, спросилъ, извѣстна-ли она чрезъ Кирилова о исканiи его?

— Матушка мнѣ сказывала,—отвѣчала она.

— Что вы на это думаете?

— Отъ нея зависитъ.

— Но ежели отъ васъ, могу-ли я надѣяться?

— Вы мнѣ не противны,—сказала красавица вполголоса, закраснѣвшись.

«Тогда женихъ, бросаясь на колѣна, цѣловалъ ея руку».

Безъ этого ужъ нельзя: колѣнопреклоненiе обязательно входило въ программу любви.

Вслѣдъ за этой патетической сценой, по возвращеніи матери домой, герой и героиня столь быстраго романа были помолвлены, а вскорѣ и повѣнчаны. Иные романы начинались и заканчивались сплошь и рядомъ еще внезапнѣе и скорѣе. Въ записанномъ Пушкинымъ отрывкѣ «Біографія Н.», разсказчикъ говоритъ, что отецъ его, заблудившись на охотѣ, попалъ нечаянно въ незнакомый домъ родителей своей будущей жены, тогда молоденькой дѣвушки, увидѣлъ ее, мгновенно влюбился и свадьба совершилась на другой день.

Сватовство въ такомъ безхитростномъ родѣ, какой практикуется, впрочемъ, и понынѣ, напримѣръ, въ мѣщанской и купеческой средѣ, въ описываемыя времена было самымъ распространеннымъ и нормальнымъ способомъ заключенія нѣжныхъ узъ Гименея и между представителями интеллигенціи различныхъ половъ. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія, по словамъ современнаго бытописателя, маменьки «благородныхъ російскихъ дѣвицъ», особенно засидѣвшихся въ невѣстахъ, попросту обращались къ профессіональнымъ свахамъ. Онѣ, говоритъ онъ, «засылаютъ свахъ, выставляютъ дочерей повсюду, и даже храмы Божіи обращаютъ въ храмы смотра, и тогда-то, вмѣсто прежней прозорливости, являются на устахъ созрѣвшей дѣвы прельстительная улыбка, въ очахъ задирка нѣжная, на языкѣ разговоръ, къ соотвѣтствованію склонный; уже не отметаетъ, какъ прежде (когда была помоложе) всякого жениха, а въ каждомъ изъ нихъ находитъ мужа достойнаго»...

Особенно въ большомъ употребленіи было такое сватовство въ патріархальной Москвѣ, гдѣ съ-искони «нѣтъ

невѣстамъ переводу», по выраженію Фамусова, и куда въ тѣ времена ихъ свозили на показъ, чтобы составить партію, каждую зиму чадолюбивые родители изъ среды зажиточнаго дворянства чуть не со всѣхъ концовъ Россіи.

Обыкновенно въ Москвѣ, зимою, для выставки и сбыта невѣстъ служило знаменитое «Благородное Собраніе» *), куда еженедѣльно стекалось все московское общество на танцовальные семейные вечера; но если дѣвицѣ не удавалось здѣсь плѣнить подходящаго жениха, тогда ея маменька обращалась къ свахѣ. «Въ старину,—говоритъ Вигель,—существовало въ Москвѣ цѣлое сословіе свахъ; имъ сообщались лѣта невѣстъ, описи приданаго и брачныя условія: къ нимъ можно было прямо адресоваться, и онѣ договаривали родителямъ все то, что въ Собраніи не могли высказать одни то́лько взгляды жениха».

Но кромѣ профессіональныхъ свахъ, этимъ дѣломъ съ любовью занимались просвѣщенные «дядюшки» и «тетушки», изъ родственныхъ чувствъ, и, просто, по страсти. Иные ловкіе люди сватовствомъ составляли себѣ и карьеру и богатство. Графъ Скавронскій влюбился въ красивую племянницу Потемкина, Е. В. Энгельгардтъ,

---

*) Въ провинціи, гдѣ тогда еще въ рѣдкомъ городѣ былъ постоянный клубъ, выставка невѣстъ происходила во время ярмарокъ, во временныхъ „воксалахъ“, гдѣ и совершались, по словамъ Вигеля, „побѣды красоты: статуи, кои, какъ вкопанныя, сидѣли на ярморкѣ, здѣсь одушевлялись, приходили въ сильное движеніе, при блескѣ сальныхъ свѣчъ и звукахъ громкой музыки“.

и за устройство свадьбы съ нею подарилъ Гурьеву 3000 душъ крестьянъ за удачное исполненіе въ этомъ случаѣ роли свата.

Сватовство, можно сказать, было въ тогдашнихъ нравахъ.

«Вездѣ, гдѣ ни бывалъ я у моихъ родственниковъ и знакомцевъ,—разсказываетъ Болотовъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ, когда онъ былъ еще холостымъ,— твердили мнѣ все то же, что говорено мнѣ было уже въ деревнѣ отъ моихъ сосѣдей и знакомцевъ, а именно, что мнѣ *надобно жениться* и помышлять уже о сысканіи себѣ невѣсты».

Причемъ, разумѣется, у каждаго родственника и знакомца имѣлась на примѣтѣ невѣста, и онъ доброхотно сулилъ ее, всячески нахваливая жениху. Если же тотъ не противорѣчилъ, то сейчасъ же, безъ дальнихъ околичностей, сватовство пускалось въ ходъ. Жениха хватали, везли въ домъ невѣсты, представляли, показывали ему «товаръ лицомъ», самого его аттестовали верхомъ совершенства и всѣми мѣрами старались состряпать «партію».

Болотовъ—человѣкъ, замѣтимъ, весьма просвѣщенный и даже философъ, по своему,—и тотъ считалъ этотъ патріархальный способъ сватовства вещью нормальной и «философическому искусству» не противорѣчащей. Онъ охотно позволялъ услужливымъ родственникамъ и знакомцамъ возить себя на «смотрины» въ совершенно незнакомыя ему семейства и прежде, чѣмъ нашелъ себѣ суженую, перебывалъ во множествѣ домовъ, гдѣ водились невѣсты. Устраивалось это чрезвычайно просто,

иногда—до цинизма. Везутъ его, напримѣръ, въ Москвѣ въ одинъ небогатый домъ, гдѣ имѣлся цѣлый выводокъ невѣстъ.

«...Нашли мы,—разсказываетъ онъ,—самого хозяина, лежащаго въ разслабленіи... Онъ былъ радъ нашему пріѣзду и посадилъ насъ подлѣ себя. Между тѣмъ, покуда мы съ нимъ говорили, искалъ я съ любопытными глазами дѣвицъ, дочерей его, и за темнотою комнаты и сумерекъ, на силу усмотрѣлъ ихъ, сидящихъ, всѣхъ рядышкомъ, въ черномъ платьѣ, и подлѣ противуположной стѣны и въ нарочитомъ отъ насъ отдаленіи».

Словомъ, настоящая выставка: любую выбирай! «Нарочитое отдаленіе», кажется, являлось въ данномъ случаѣ результатомъ тонкаго стратегическаго разсчета, ибо, по замѣчанію Болотова, дѣвицы были плохи, и ни одна изъ нихъ «не могла сколько нибудь привлечь на себя особенное вниманіе»—даже и вблизи.

«И потому, заключаетъ онъ, мигнувъ товарищу своему, побудилъ его поспѣшить окончаніемъ нашего визита».

Въ другомъ домѣ невѣста встрѣтила его, такъ сказать, во всеоружіи, въ полной боевой готовности. «Была она впрахъ разряжена, разбѣлена и разрумянена и оказывала себя наиревностнѣйшею подражательницею всей модной московской свѣтской жизни, и въ поступкахъ своихъ, разговорахъ и поведеніи столь вольною, что я, увидѣвъ все сіе, даже содрогнулся».

Ловля жениховъ въ такомъ вкусѣ составляла въ тѣ времена цѣлое искусство, въ разработкѣ и примѣненіи котораго упражнялись, впрочемъ, не столько сами дѣвушки—невѣсты, сколько ихъ маменьки. «Дочери знали

только что любить, а матери, забывая, что сами тоже дѣлали», распоряжались ихъ судьбою», говоритъ одинъ современный писатель. При этомъ, родительское распоряженіе участью дочери, подчиняемое честолюбивымъ и корыстнымъ разчетамъ, весьма нерѣдко было самодурское и деспотическое, по внушенію невывѣтрившихся еще изъ нравовъ домостроевскихъ началъ. Многіе родители безаппеляціонно, по собственному усмотрѣнію, рѣшали выборъ жениха для дочери, вовсе не спрашивая ея согласія и тѣмъ менѣе допуская малѣйшій съ ея стороны протестъ. Выдача замужъ по принужденію, насильственно, было тогда вещью обыкновенной, какъ нерѣдки бывали случаи родительскаго жестокаго противодѣйствія сердечной склонности дочери къ милому ей человѣку, но почему-либо не понравившемуся папенькѣ или маменькѣ. И такъ какъ тогдашняго закала родителей трудно было разубѣждать и смягчать, то несчастные романы случались сплошь и рядомъ—несомнѣнно, въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ ныньче. По той-же причинѣ, чаще теперешняго происходили тогда также и романы скандалезные, съ бѣгствомъ невѣстъ изъ родительскаго дома, съ похищеніемъ ихъ и увозомъ. Бывали даже случаи открытаго, средь бѣлаго дня, «умыканія» благородныхъ дѣвицъ силою изъ лона родительскаго.

«На сихъ дняхъ,—читаемъ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» за 1731 годъ (№ 39),—случилось здѣсь (въ Москвѣ) зѣло рѣдкое приключеніе. А именно: нѣкоторой кавалегардъ полюбилъ недавно нѣкоторую россійскую, шляхетской породы, дѣвицу. Но понеже онъ ея инымъ образомъ по-

лучить не могъ, какъ силою, что онъ ее увезти намѣрился, то нашелъ онъ къ тому на сихъ же дняхъ сей случай какъ помянутая дѣвица съ ея бабкою выѣхала, *взялъ онъ ее отъ ея бабки изъ карѣты силою, и поѣхалъ въ церковь*, въ которой онъ попу тоя церкви себя съ оною дѣвицею немедленно обвѣнчать велѣлъ, и потомъ домой поѣхать, ради совершенія сего начатаго законнаго брака. Между тѣмъ, учинилось сіе при Дворѣ извѣстно, и тогда въ домъ новобрачныхъ того-жъ числа нѣкоторая особа отправлена... Онъ (мужъ) взятъ того-жъ числа съ попомъ и со всѣми, которые ему въ томъ помогали, подъ караулъ, и нынѣ всякъ зѣло желаетъ вѣдать, какимъ образомъ сіе куріозное и любительное приключеніе окончится».

Это могло быть еще вопросомъ, послѣ того какъ «любительное приключеніе» было уже санкціонировано церковнымъ обрядомъ.

Современникъ позднѣйшей эпохи,—эпохи сентиментализма,—и восторженный жрецъ послѣдняго, Второвъ, авторъ любопытныхъ мемуаровъ, оставилъ намъ описаніе такого-же скоропостижнаго романа, съ тою лишь разницей, что въ немъ уводъ невѣсты произошелъ тайно, безъ насилія, да и послѣ вѣнца молодому не пришлось попасть въ кордегардію подъ каралулъ. Нравы тогда стали уже значительно мягче.

Героемъ этого романа былъ самъ Второвъ. Повѣсть его любви для насъ особенно драгоцѣнна, какъ характеристическая страничка въ исторіи сердца нашей героини, вообще, за данный моментъ. Мы сказали, что это была эпоха сентиментализма, который, несомнѣнно,

оказалъ благодѣтельное гуманитарно-воспитательное вліяніе на понятія и нравы всего русскаго общества конца прошлаго столѣтія. Особенно важную заслугу сдѣлалъ онъ по отношенію къ русской женщинѣ: облагородивъ ее и украсивъ возбужденіемъ въ ней человѣчныхъ стремленій къ идеаламъ красоты, поэзіи и добра, сентиментализмъ въ то-же время возвысилъ ее въ глазахъ мужчины, преклонилъ его передъ нею и, слѣдственно, раздвинулъ права ея личности и объемъ ея моральнаго значенія.

Въ то время, когда еще въ началѣ XVIII столѣтія печатно преподавались такія, напр., истины, что «отъ одеждъ исходитъ моль, а отъ женъ—лукавство женско», что «лучше лукавство мужа, нежели благотворная жена», что «посредь женъ не бесѣдуй», и т. под.; когда позднѣе образованнѣйшій человѣкъ своего времени, Татищевъ, поучалъ своего сына при выборѣ невѣсты, не увлекаться чувствомъ любви къ умнымъ и красивымъ женщинамъ, ибо въ такихъ «продерзости находятся», а предпочесть «посредственныя» и даже «безобразныя», потому что онѣ «многократно въ супружествѣ любовь твердо съ удовольствіемъ супруга хранятъ», — въ наступившую, вслѣдъ затѣмъ, эпоху сентиментализма лучшіе русскіе люди начали исповѣдывать уже такіе взгляды на женщинъ:

«Женщинамъ, — писалъ «Покоющійся Трудолюбецъ» Новикова,—мы обязаны нашими добродѣтелями; безъ нихъ мы были-бы самственники (эгоисты), пожирающіе людей, и алчные тигры, имѣя вмѣсто боговъ единственно жажду и голодъ, и замѣняя когти, коихъ мы не

имѣемъ, грубѣйшимъ понятіемъ, если-бы женщины насъ не исправили. Безъ женщины мы не имѣли-бы другого свойства, какъ грубость безъ живости, чувствительность нашла-бы тройной панцырь около нашей груди а подлый страхъ занялъ-бы открытые входы нашей души»...

Въ другомъ своемъ журналѣ, Новиковъ устами отца, дающаго наставленіе дочерямъ, говоритъ своимъ современницамъ: «Я не почитаю васъ домашними работницами или невольницами страстей нашихъ, но признаю васъ равными намъ и нашими сопутницами, опредѣленными по вліянію въ сердца наши нѣжныхъ чувствованій, къ утонченію нашихъ нравовъ, къ возвышенію нашихъ добродѣтелей, къ одушевленію счастія человѣческой жизни и къ услажденію трудностей оной».

Эти строки и множество имъ подобныхъ въ прозѣ и въ стихахъ, продиктовалъ сентиментализмъ. Сентиментализмъ безпощадно осмѣянъ и — дѣйствительно — подъ его вліяніемъ, нерѣдко фальшиво воспринятымъ и ложно понятымъ, русскіе люди прошлаго столѣтія творили много смѣшныхъ нелѣпостей и даже гнусностей, замаскированныхъ сентиментальной оболочкой; но, чтобы быть справедливымъ, нужно отдѣлить весь этотъ внѣшній мусоръ отъ истиннаго блага, внесеннаго сентиментализмомъ въ русское сознаніе, и—тогда эта полоса въ исторіи нашего интеллектуальнаго развитія несомнѣнно пріобрѣтетъ и вѣсъ, и цѣну.

Второвъ былъ воспитанъ на сентиментализмѣ. Онъ воображалъ себя Эрастомъ Карамзина, ходилъ искать хижину, гдѣ жила «Бѣдная Лиза»; найдя свою «Лизу», въ

лицѣ такой—же, какъ и онъ, сентиментальной дѣвушки, онъ обставляетъ свой романъ съ нею разными странностями и ребячествами.

«Между нами,—разсказываетъ онъ, происходили страшныя клятвы въ вѣчной вѣрности передъ образомъ, потомъ мы разрѣзывали пальцы на лѣвой рукѣ и пили кровь другъ у друга».

Чувство свое они возводятъ въ какую-то божественную, высшую «связь», обмѣниваются нѣжнѣйшими и пространнѣйшими письмами довольно риторическаго свойства; онъ пріучаетъ свою богиню вести дневникъ, читать книжки повѣствовательнаго содержанія, стихи, и даже пробовать писать сіи послѣдніе. Когда-же счастливому окончанію ихъ романа явились препятствія, они начинаютъ страдать, наслаждаясь этимъ страданіемъ: вздыхаютъ, томятся, принимаютъ меланхолическій видъ, льютъ обильныя слезы, наконецъ, онъ непремѣнно хочетъ умереть, она—уйдетъ на вѣки въ монастырь; но жить другъ безъ друга они не могутъ!

Соединиться имъ такъ и не удалось; тѣмъ не менѣе—онъ не умеръ, она—не постриглась... Отъ всего романа осталась только пачка любовныхъ писемъ, залитыхъ слезами до того, что біографъ Второва не могъ въ нихъ ни слова разобрать. Спустя кратчайшее время сентиментальный юноша уже вздыхаетъ по другой «Лизѣ»... Романъ опять съ препятствіями и опять съ тою-же процедурою вздоховъ, стенаній, клятвъ, краснорѣчивыхъ посланій и проч. Вѣроятно, и онъ также кончился-бы, какъ и первый, еслибъ на этотъ разъ героиня не оказалась дѣвушкой пылкой, энергической и

серьезной. Въ то время, какъ онъ изнывалъ и таялъ, она поставила вопросъ ребромъ: прямо заявила «жестокимъ родителямъ» о своемъ чувствѣ, а когда они отвѣтили ей гнѣвомъ и запретомъ, она первая хватается за мысль о бѣгствѣ и диктуетъ ее своему нерѣшительному и вялому другу. Второву эта идея пришлась по вкусу, ибо «бѣгство» и «похищеніе» какъ нельзя болѣе романтичны. Онъ готовъ; но....

«...Но если,—пишетъ онъ, случится какая неожиданная *измѣна* (безъ «измѣны»—какой-же романъ?), какое важное *препятствіе* (безъ котораго порядочный романъ еще менѣе мыслимъ) къ исполненію намѣреній нашихъ... Боже мой! Одна секунда превратитъ меня въ бездушный трупъ»...

Ни «измѣнъ» ни «препятствій» не случилось никакихъ, и бѣгство совершилось, по всей формѣ, какъ нельзя болѣе благополучно.

Для насъ теперь это забавно и—оно забавно, дѣйствительно; но ненужно забывать, что любовь, какъ и всѣ стороны человѣческаго духа, имѣетъ свою культуру. Культура имѣетъ свои ступени прогрессивнаго развитія. Чтобъ научиться любить нравственной, разумной любовью XIX вѣка, общество должно было пережить прежде любовь сентиментальную XVIII вѣка. Карамзинская «Бѣдная Лиза»—равноправная гражданка на этой лѣстницѣ съ тургеневской Еленой Инсаровой. Безъ первой не было-бы послѣдней.

IX.

Свадьба.

Свадьба въ нашемъ культурномъ обществѣ прошлаго столѣтія отличалась, со стороны обрядности и внѣшности, странной смѣсью «французскаго съ нижегородскимъ». Впрочемъ, преобладалъ все таки старинный русскій классическій стиль.

Свадьбы бывали очень церемонныя, пышныя, «толстотрапезныя», иногда зѣло хмѣльныя, съ многодневными пирами и гостьбой на весь міръ.

Мы здѣсь, конечно, не станемъ обстоятельно ихъ описывать, а лишь коснемся постольку, поскольку это относится къ нашей героинѣ и къ ея роли въ этомъ матримоніальномъ торжествѣ.

Роль эта было далеко не легкая и невсегда пріятная. Пожалуй, современная дѣвица—невѣста пришла-бы въ ужасъ отъ одной перспективы того изнурительнаго церемоніала, который приходилось испытывать новобрачной на своей свадьбѣ въ тѣ отдаленныя времена.

Особенно тягостно бывало положеніе невѣстъ высокопоставленныхъ. Чѣмъ знатнѣе была дѣвушка, выходившая замужъ, тѣмъ церемоннѣе, длительнѣе и томительнѣе бывала свадьба.

Напримѣръ, свадьба принцессы Анны Леопольдовны, племянницы Императрицы Анны, тянулась цѣлую недѣлю. Цѣлую недѣлю изо дня въ день съ утра до поздней ночи шли разные парадные выѣзды, выходы, пріемы, обѣды, балы, концерты и пр. Можно представить себѣ положеніе бѣдной новобрачной, обязанной вездѣ фигурировать, быть постоянно у всѣхъ на виду и продѣлывать весь церемоніалъ безъ упущеній.

Къ этому надобно еще прибавить тягость, стѣснительность и неудобство тогдашняго моднаго параднаго костюма, состоявшаго изъ тѣснаго корсажа, покрытаго жесткой златотканной матеріей, который, какъ броня, заковывалъ талію, изъ огромной, безобразно вздутой юбки, сшитой изъ плотной парчи, которая почти не гнулась и стояла, какъ лубокъ, и, наконецъ, изъ обременительной прически, представлявшей собою цѣлое архитектурное сооруженіе парикмахерскаго искусства. Мы говоримъ о модѣ первой половины прошлаго столѣтія.

Свадьба начиналась, разумѣется, церковнымъ обрядомъ, торжественность котораго согласовалась съ знатностью бракосочетавшихся.

Вѣнчанію предшествовало не менѣе торжественное обрученіе въ домѣ невѣсты. Затѣмъ свадебный поѣздъ церемоніально отправлялся въ церковь. На царскихъ свадьбахъ этотъ поѣздъ состоялъ изъ безчисленнаго

ряда экипажей, придворныхъ и частныхъ, необыкновенно пышно разубранныхъ. Каждый экипажъ сопровождался цѣлой свитой разряженныхъ придворныхъ чиновъ и слугъ.

Всего пышнѣе и показнѣе былъ, конечно, экипажъ невѣсты. Такъ, Анна Леопольдовна ѣхала подъ вѣнецъ съ императрицей въ огромной, художественно расписанной живописью и раззолоченной, раскидной каретѣ, запряженной восемью бѣлыми великолѣпными лошадьми, въ бархатной съ золотымъ наборомъ сбруѣ, съ страусовыми плюмажами на головахъ. Экипажъ сопровождали камергеры и дворяне верхами, сорокъ восемь лакеевъ въ золотыхъ ливреяхъ, двѣнадцать скороходовъ, двадцать четыре пажа и проч.

Свадьба принцессы происходила лѣтомъ. Стояла ясная погода, поэтому невѣста и всѣ дамы ѣхали прямо въ платьяхъ-декольте съ ненакрытыми головами и, какъ языческіе божки, сверкали на солнцѣ множествомъ бриллiантовъ и иныхъ драгоцѣнныхъ камней.

Принцесса—невѣста ѣхала къ вѣнцу въ бѣломъ парчевомъ платьѣ, съ затканнымъ серебромъ и унизаннымъ бриллiантами корсажемъ. Ея пышные завитые волосы спускались на грудь и плечи четырьмя косами, перевитыми бриллiантовыми нитками. На головѣ ея возвышалась небольшая великокняжеская корона, вся усѣянная бриллiантами.

Подвѣнечная процессiя началась въ девять часовъ утра и—«уже пробило восемь часовъ вечера,—записалъ одинъ изъ ея участниковъ,—когда мы сѣли наконецъ обѣдать».

Процессія тянулась, значитъ, одинадцать часовъ вподрядъ. И это было только начало свадебныхъ церемоній и празднествъ.

Безъ сомнѣнія, свадьбы частныхъ лицъ, хотя бы и очень знатныхъ, бывали менѣе церемонны и пышны.

Интересное описаніе одной изъ такихъ свадебъ находимъ у Берхгольца. Дѣло происходило въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія еще при жизни Петра В.

Выходила замужъ княжна Лобанова за молодаго графа Пушкина.

По тогдашнему обычаю, для распоряженій на свадьбѣ избирался изъ почетныхъ лицъ «маршалъ», вооруженный жезломъ, и ему подчинялись, въ качествѣ помощниковъ, шафера.

По пріѣздѣ изъ церкви «маршалъ» встрѣчалъ молодыхъ при звукахъ музыки, велъ ихъ и усаживалъ за пиршественный столъ подъ балдахинами. Балдахинъ невѣсты украшался вѣнкомъ изъ цвѣтовъ, который осѣнялъ головы ея и ея дружекъ.

Въ настоящемъ случаѣ было два пиршественныхъ стола — жениха особо, за которымъ пировали мужчины, и невѣсты особо, за которымъ сидѣли однѣ дамы; но это не всегда такъ бывало. Чаще мужчины и дамы садились вмѣстѣ другъ противъ друга или въ перемежку, но всегда въ порядкѣ чинопочитанія.

Когда гости усѣлись за столы, «маршалъ съ 12-ю шаферами торжественно ввелъ, — разсказываетъ Берхгольцъ, — обѣихъ подругъ невѣсты, которыя до тѣхъ поръ оставались въ сосѣдней комнатѣ и тамъ прикрѣ-

пили банты къ рукавамъ маршала и шаферовъ, въ знакъ ихъ должностей».

Послѣ молитвы стали пить водку, которая была поднесена услужливымъ маршаломъ не только жениху, но и невѣстѣ. Послѣ водки начался безконечный обѣдъ съ провозглашеніемъ маршаломъ безконечныхъ тостовъ, «причемъ маршалъ, — пишетъ разсказчикъ, — долженъ былъ пить сперва самъ съ шаферами и потомъ подавать стаканы жениху, невѣстѣ, родственникамъ и всѣмъ остальнымъ, наблюдая, чтобы всѣ стаканы наливались и выпивались одинаково полно».

Сейчасъ-же послѣ стола начались танцы, въ которыхъ принимали участіе всѣ гости, не исключая стариковъ и старухъ.

Балъ открывался полонезомъ, въ которомъ маршалъ велъ невѣсту въ первой парѣ. «По окончаніи церемоніальныхъ танцевъ, — разсказываетъ Берхгольцъ, — всѣ получили свободу танцовать по желанію, и тогда его высочество (герцогъ голштинскій) началъ съ невѣстою менуэтъ».

Балъ оканчивался въ 11 часовъ также церемоніальными танцами, заключавшимися проводами молодыхъ. «Маршалъ, какъ всегда, впереди, за нимъ женихъ и невѣста, потомъ всѣ родственники и сторонніе гости (за исключеніемъ холостыхъ), сдѣлавъ нѣсколько туровъ съ музыкою, отправились съ зажженными факелами въ спальню невѣсты, гдѣ всѣхъ угощали сластями. Тамъ, — добавляетъ Берхгольцъ, — обыкновенно, за особымъ столомъ жениха поятъ окончательно до-пьяна».

На другой день свадебный пиръ возобновился въ томъ-же порядкѣ съ тою лишь разницей, что молодой былъ посаженъ за дамскій столъ вмѣстѣ съ новобрачной, но, прежде чѣмъ сѣсть, долженъ былъ встать на столъ и сорвать висѣвшій надъ ея головою вѣнокъ. Въ слѣдующіе дни молодые дѣлали визиты и въ честь ихъ давались обѣды и балы ближайшими родственниками.

Изъ старинныхъ русскихъ свадебныхъ обычаевъ сохранялся обычай дарить новобрачную деньгами и цѣнными вещами. Дарили всѣ, кто сколько могъ, главнымъ образомъ родственники, причемъ бывали подарки чрезвычайно цѣнные. Происходило это сейчасъ-же послѣ обрученія. Дарили ювелирныя вещи и всякую галантерею. «Мои-бъ руки не могли-бы всего забрать, когда-бы мнѣ непомогали принимать»,—разсказываетъ княгиня Н. Б. Долгорукова о полученныхъ на ея свадьбѣ подаркахъ. Пожалуй, тутъ въ пору была-бы цѣлая телѣга. Братъ невѣсты подарилъ ей, напр., шесть пудовъ серебра столоваго, «старинные великіе кубки и фляши золоченыя».

Обычай даренья невѣсты соблюдался и въ царскихъ свадьбахъ. Для этой цѣли при Петрѣ В., напр., спеціально, по указу, собирались «презентныя деньги со всякаго чина людей».

X.

Жена и мать.

Зная уже, съ какимъ скуднымъ запасомъ опыта и знаній и съ какой слабой моральной выправкой героиня, наша вступала въ бракъ, притомъ вступала часто въ юномъ, почти отроческомъ возрастѣ, мы, понятно, заранѣе можемъ ожидать встрѣтить въ ней, на поприщѣ самостоятельной семейной жизни, плохую хозяйку дома, незначительную и пассивную, въ интеллектуальномъ отношеніи, жену и неумѣлую, безпорядочную мать, вовсе неподготовленную къ воспитательской роли.

Такъ это чаще всего бывало и на самомъ дѣлѣ, но и въ этомъ случаѣ указанные недостатки нашей героини въ значительной долѣ искупались и восполнялись тѣми прекрасными свойствами ея сердца, свѣжести и неиспорченности натуры, которыми она такъ нерѣдко блистала и очаровывала насъ въ своемъ дѣвичествѣ.

Конечно, такъ называемые «счастливые браки» бывали тогда, какъ и въ наше, какъ и во всякое другое время, не особенно часты и тѣмъ рѣже, чѣмъ выше мы станемъ подниматься по общественной лѣстницѣ, восходя къ верхушкамъ «большого свѣта», гдѣ со второй половины

XVIII столѣтія, по мѣрѣ распространенія и усвоенія легкихъ нравовъ французской аристократіи того времени, стало все болѣе и болѣе входить въ обычай между супругами «модное искусство давать другъ другу свободу», по выраженію современнаго моралиста.

Извѣстный Порошинъ записалъ подъ 1765 годомъ, что однажды воспитатель великаго князя Павла Петровича, Н. И. Панинъ, счелъ долгомъ разсказать своему питомцу, какъ о рѣдкомъ поучительномъ примѣрѣ, «про одного человѣка, о которомъ зналъ, что весьма хорошо жилъ со своею женою, любили другъ друга и угождали другъ другу. Говорили тутъ, что такая горячность весьма рѣдка *нынѣ* между мужемъ и женою», но также вспомнили, какъ и въ доброе старое время «поступали мужья съ женами, какъ ихъ бивали и за волосы привязывали»...

Бывали примѣры такого-же дикаго и жестокаго обращенія съ женами и въ это новѣйшее время. Какія ужасныя истязанія и страданія выпали, напр., на долю жены прадѣда Пушкина, А. П. Ганнибала! Знаменитый, опоэтизированный своимъ правнукомъ, «Арапъ Петра В.» женился на молодой дѣвушкѣ, Евдокіи, дочери капитана Діопера, противъ ея желанія. Она была влюблена въ другого, а къ Ганнибалу питала отвращеніе, «понеже,— говорила она,—арапъ и не нашей породы». Выдали ее насильно. Вскорѣ, по выходѣ замужъ, она имѣла неосторожность увлечься однимъ молодымъ человѣкомъ, подчиненнымъ своего мужа. Ганнибалу стало это извѣстно и въ немъ проснулся неистовый Отелло. Онъ заперъ несчастную подъ замокъ и устроилъ домашній застѣнокъ, въ которомъ жестоко истязалъ ее по всѣмъ правиламъ за-

плечнаго мастерства. Одновременно онъ началъ преслѣдовать ее судомъ по обвиненію въ прелюбодѣяніи, за что, по тогдашнимъ законамъ, полагалась страшная кара. Дѣло тянулось цѣлыхъ двадцать лѣтъ, втеченіи которыхъ бѣдная женщина вынесла столько ужасныхъ физическихъ и нравственныхъ мученій и испытаній, что надо дивиться—какъ ее на это хватило! Подъ конецъ ее заточили въ монастырь, гдѣ она и умерла.

Въ описанномъ случаѣ не было вовсе любви, и жена провинилась передъ мужемъ; но нерѣдко выпадала не лучшая доля на женщинъ, ни въ чемъ неповинныхъ, вышедшихъ по любви, какъ это можно судить по воспроизведенной художественнымъ перомъ С. Т. Аксакова, въ его «Хроникѣ», картинѣ семейной жизни Куролесовыхъ. И у сколькихъ женщинъ того времени, выходившихъ замужъ по любви, нѣжные, сентиментальные до свадьбы мужья оказывались въ семейной жизни неукротимыми Куролесовыми!

Лицо, передавшее Пушкину свою біографію, разсказываетъ, что его отецъ, баринъ екатерининскихъ временъ, «очень любилъ свою жену», но содержалъ ее въ строгости. Много вытерпѣла она отъ его причудъ. Напримѣръ, она боялась воды. Отецъ въ волновую погоду сажалъ ее въ рыбачью лодку и каталъ по Волгѣ. Иногда, чтобъ пріучить ее къ военной жизни, «сажалъ онъ ее на пушку и палилъ изъ нея». А между тѣмъ это была «женщина знатнаго происхожденія, воспитанная въ нѣгѣ и очень образованная».

Какую затѣмъ полную драматизма повѣсть оставила намъ извѣстная Хвостова о своей несчастной матери!

Образованная, свѣтская, прекрасная женщина, знатнаго происхожденія, дѣлается предметомъ безумнаго, бѣшенаго преслѣдованія со стороны распутнаго мужа, который въ припадкахъ слѣпой злобы кидается на нее съ ножомъ, выгоняетъ вонъ изъ дома и, наконецъ, разлучаетъ ее съ дѣтьми, запрещаетъ имъ имѣть съ нею какія бы ни было сношенія, т. е., наноситъ самый тяжелый ударъ материнскому сердцу и въ то же время лишаетъ своихъ дѣтей незамѣнимой опеки и отрады материнства.

Правда, крутые люди, съ буйнымъ характеромъ, прибѣгающіе къ кулачной расправѣ съ женою, становятся рѣже, благодаря смягчающему вліянію образованія; но остается богатый выборъ мелкихъ орудій для проявленія деспотизма и самодурства, весьма достаточныхъ, чтобы, и безъ участія домостроевскихъ насилій, превратить жизнь женщины въ непрерывный адъ.

О типѣ такого мужа-тирана повѣствуетъ, между прочимъ, знакомый уже намъ Второвъ. Это—нѣкто Ефебовскій, супругъ сестры автора, женившійся по любви, но послѣ женитьбы превратившійся въ отвратительнаго самодура. Ненавидя и преслѣдуя жену, онъ въ то же время бѣшено ревновалъ ее до преклонныхъ лѣтъ, даже тогда, когда несчастная, забитая и загнанная женщина, «изсохшая въ чахоткѣ, близка была ко гробу». Кончилось тѣмъ, что онъ хотѣлъ заставить ее написать письменное признаніе въ «небываломъ» грѣхопаденіи и присягнуть въ соборѣ передъ царскими вратами, что больше грѣшить не станетъ.

Не краше оказалась жизнь семейная и самаго Второва, на которой для насъ особенно интересно остано-

виться, такъ какъ въ своемъ мѣстѣ мы видѣли начало его романа, видѣли, какими нѣжно-любящими, сентиментальными голубками чувствовали себя супруги этого брака до свадьбы. Подобныя превращенія и переходы отъ нѣжности и согласія къ холодности и вѣчному раздору въ супружеской жизни были тогда заурядныиъ явленіемъ, какъ бываетъ это и теперь.

Трудно разобрать, кто изъ Второвыхъ—мужъ или жена—былъ правъ и кто виноватъ въ происходившихъ между ними дрязгахъ. Вѣроятно, оба равномѣрно разрушали семейный очагъ, по несходству, какъ говорится, характеровъ.

«Дай Богъ,—пишетъ она ему, спустя уже много лѣтъ послѣ свадьбы, — чтобы мы поумнѣли съ тобой подъ старость и узнали цѣну семейственной жизни. Признаюсь тебѣ, какъ другу, что это одна мечта и я жду лучшаго. Твой характеръ таковъ, что ничего не стоитъ огорчить меня. Ты великій деспотъ и эгоистъ, не только противъ меня, и хочешь до гробовой доски пріучить меня къ нуждамъ и терпѣнію».

Затѣмъ, она сама передъ собой исповѣдуется, что «ужасная пустота затемняетъ ея сердце». «Мужъ уѣхалъ, —записываетъ она,—я, кажется, довольна: я его болѣе не люблю, всегдашнія обиды отвратили меня отъ него. Боже мой, какъ онъ язвительно ругаетъ! Я—злая, мстительная, упрямая, словомъ фурія! Но я же должна хозяйничать, распоряжаться всѣмъ. Никто меня не уважаетъ. Я должна быть бережлива, хранить всякую крошку, потому что мужъ наживаетъ. Мнѣ нельзя взыскать, а взыщу бѣда! Я была нѣсколько разъ обругана, за что

же? Когда я носила послѣднюю беременность и была въ такомъ состояніи, что не могла сидѣть и обѣдала на ногахъ, была ужасно разругана за то, что положенъ былъ лукъ во щи. Ни увѣренія мои, что я не приказывала, ни молчаніе, ни шутки, ни что не остановило»... «Писать не могу, кружится голова. Я одна, дѣтей выслала и какъ будто не имѣю никакихъ обязанностей. Боже мой! я и этого счастья лишена: дѣти не утѣшаютъ меня, а тяготятъ. Боже, какъ я несчастна!»

Эта исповѣдь, живо рисующая пустоту супружеской жизни, отравленной мелочами, дрязгами и придирчивостью мужа-«деспота и эгоиста», можетъ служить вѣрной картиной того страдательнаго, неудовлетвореннаго состоянія, въ которое попадали многія женщины описываемой эпохи, съ выходомъ замужъ. Дѣвическія грезы о счастьи съ милымъ, о «раѣ въ шалашѣ», — всѣ эти сентиментально-мечтательные воздушные замки разбивались въ пухъ и прахъ на первыхъ же шагахъ знакомства съ дѣйствительностью, съ черствой прозой практики, хозяйственныхъ, неопрятныхъ заботъ на кухнѣ и въ «дѣтской», но всего болѣе — съ разочарованіемъ въ предметѣ любви, казавшемся до брака такимъ совершенствомъ, а теперь обнаруживающемъ въ себѣ безъ стѣсненія самые грубые и низменные инстинкты.

Переходъ былъ до того рѣзокъ и отрезвленіе отъ мечтаній настолько сильное и жестокое, что вовсе неподготовленное къ нимъ, неопытное, теплично-нѣжное сердце молодой женщины падало съ болью, осужденное на неизлечимое хроническое нытье. Умъ, слабый и малоразвитый, не находилъ ни выхода изъ труднаго по-

ложенія, ни какой-нибудь опорной точки въ окружающей жизни. Женщина опускалась, погрязала въ пошлости и дрязгахъ, и—изъ розовой, кисейно-воздушной нѣкогда дѣвушки, сотканной, какъ бы, изъ однихъ поэтическихъ грезъ и восторговъ, выходила окислившаяся, вѣчно ноющая, плаксивая и капризная, вялая и рыхлая барыня-мѣщанка.

Въ лучшихъ случаяхъ, болѣе энергическія женскія натуры, не поладивъ съ мужемъ, отвоевывали себѣ извѣстнаго рода независимость и самостоятельный уголокъ дѣятельности въ области, напр., домашняго хозяйства. Тутъ этого типа барыня, какъ воспѣлъ ее Пушкинъ,—

> .... ѣзжала по работамъ,
> Солила на зиму грибы,
> Вела расходы, брила лбы,
> Ходила въ баню по субботамъ,
> Прислугу била, осердясь,—
> Все это мужа не спросясь...

Это былъ типъ Простаковыхъ и Чудихиныхъ, выработывавшійся въ среднемъ дворянскомъ классѣ. Мы къ нему еще возвратимся, когда будемъ говорить о женщинѣ *хозяйкѣ* описываемаго періода.

Нужно сказать вообще, что въ большинствѣ несчастныхъ браковъ были виноваты чаще всего мужья, тогда какъ жены представляли только страдательную сторону и, покорно перенося свою горькую судьбу, оставались неизмѣнно вѣрными своему долгу и супружескому обѣту:—продолжали любить своихъ легкомысленныхъ, недобрыхъ мужей, великодушно прощали имъ безпутство, грубость и оскорбленія, были прекрасными матерями и

умѣли сохранить, не смотря на ни что, семью отъ разрушенія и деморализаціи.

Образцомъ такой благородной жены и матери можетъ служить графиня Е. М. Румянцева, жена знаменитаго фельдмаршала, стяжавшаго своими побѣдами титулъ «задунайскаго».

Урожденная княжна Голицына, Екатерина Михайловна вышла замужъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ—ей было 34 года и она была 11-ю годами старше мужа. Конечно, это обстоятельство и послужило главной причиной скораго охлажденія къ ней со стороны мужа. Супруги жили въ согласіи всего шесть лѣтъ, прижили трехъ сыновей, а затѣмъ графъ, бывшій постоянно въ разъѣздахъ по службѣ, бросилъ жену и всячески сталъ уклоняться отъ сожительства съ нею. На всѣ ея мольбы о возвратѣ, онъ отвѣчалъ грубымъ и бранчивымъ отказомъ. Кромѣ полной остуды къ женѣ, графъ успѣлъ завестись на сторонѣ новыми сердечными привязанностями. Графиня объ этомъ знала; ее это, конечно, мучило и оскорбляло, но она остается неизмѣнно вѣрной, преданной и любящей женой.

«Ты будешь, — пишетъ она мужу въ 1762 г. въ одномъ изъ своихъ интересныхъ писемъ, изданныхъ гр. Д. А. Толстымъ («Письма гр. Е. М. Румянцевой», Спб. 1888 г.),—ѣздить съ своею полюбовницей да веселиться, а я здѣсь плакать да кручиниться, да въ долги входить. Такъ, воля твоя, тяжело—я уже шесть лѣтъ иго на себѣ ношу... Вотъ по волѣ вашей коротко скажу: буде надобно и хочешь жить такъ, какъ живали прежде, а не титулярною женою, и пріѣдешь сюда или мнѣ къ

себѣ быть велишь, все забываю, люблю и теперь душою, и увидя тебя къ себѣ попрежнему неинако, какъ вѣрность любви и дружбы еще болѣе докажу и до конца пребуду непоколебима, и ниже происшедшее вспомню когда, а буде не любишь и видѣть меня болѣе въ жизни уже не хочешь, такъ исполняй свои желанія, поѣзжай къ водамъ, а меня не считай уже инако, какъ, удалясь свѣту, уѣду въ деревню. Только невинность свою (т. е. дѣтей) къ ногамъ вашимъ подвергаю, чтобы они, бѣдные, не пострадали, сдѣлайте съ ними милость, ради Бога одного вспомня, что они отъ тебя рождены, чтобы они во мнѣ непогибли — сдѣлайте имъ какое опредѣленіе, что въ чемъ бы ихъ могла послать въ чужіе краи на воспитаніе».

Озабоченная судьбою и воспитаніемъ дѣтей и продолжая «душою любить» мужа, графиня постоянно пишетъ къ нему, выказывая въ своихъ письмахъ трогательную покорность своей участи и всевозможныя заботы объ интересахъ и благополучіи невѣрнаго супруга. «Буде,—пишетъ она мужу въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ, — жалости никакой не имѣешь, и я противна тебѣ—и въ томъ не нудь себя, Бога ради, лишь дѣтей помни, я съ охотою жертвовать собой готова, лишь будь ты спокоенъ и дѣти бѣдныя благополучны. Не сердись, Бога ради, я сіе истинно, безъ сердца пишу, но слезами горькими»...

Въ этихъ строчкахъ вылилась вся ея любящая, всепрощающая женская душа.

Съѣзжались они очень рѣдко и не на радость.

«Право скажу, — пишетъ она послѣ одного изъ свиданій съ мужемъ, — я болѣе ни о чемъ не хотѣла совѣтовать для того, что такъ была пренебрежена отъ тебя и худо трактована, что николи ни о чемъ и не говаривалъ»...

Графиня до конца жизни осталась вѣрна себѣ, до конца была преданной женой, всю себя посвятила дѣтямъ, и, благодаря ея заботамъ, они получили блестящее воспитаніе и вышли въ люди.

Въ зажиточныхъ и великосвѣтскихъ верхушкахъ общества неудачные браки разрѣшались, обыкновенно, нѣсколько иначе: тамъ разладившая съ мужемъ жена, имѣя въ большинствѣ случаевъ свое независимое состояніе, принесенное въ приданное, имѣя сильныхъ и знатныхъ родственниковъ, не могла попасть или, по крайней мѣрѣ, рѣдко попадала въ роль подчиненной, страдательной жертвы самодурства и помыканья со стороны мужа. Самыя условія и правила «большого свѣта» исключали возможность такой тирапіи и такихъ непріятныхъ, бранчивыхъ отношеній между супругами.

За то здѣсь имѣло мѣсто другое отрицательное явленіе, ронявшее личность нашей героини. Безхарактерная и плохо воспитанная, она разнуздывалась и, несдерживаемая ни вліяніемъ постылаго мужа, ни инымъ какимъ либо авторитетомъ, безотчетно отдавалась порочнымъ наклонностямъ и легкомыслію. Нравы въ ту эпоху, особенно, что касалось супружескихъ и семейныхъ отношеній, далеко не отличались чистотой и строгостью. Обѣтъ вѣрности нарушался сплошь и рядомъ свѣтскими мужьями и женами. Напротивъ, бывало этимъ

тщеславились. Не только мужчины, но и дамы, по словамъ наблюдательнаго Белькура, «старались оглашать свои любовныя похожденія», и всѣ говорили о предосудительныхъ связяхъ открыто. Это было въ модѣ. Свѣтскіе супруги, не сговариваясь, усердно поддерживали, какъ свидѣтельствуетъ Державинъ, «искусство давать другъ другу свободу».

Благодаря такой легкости нравовъ, семейное начало пришло въ упадокъ. Бракъ не уважался и считался пустой внѣшней формальностью, которую не стѣснялись нарушать по первому капризу. По этой причинѣ «самовольные разводы, какъ говоритъ Болотовъ, браки на близкихъ родственницахъ, также отъ живыхъ мужей и женъ были весьма обыкновенны». Такъ, между прочимъ, при живыхъ женахъ поженились вторично прадѣдъ и дѣдъ Пушкина—уже упоминавшійся здѣсь А. П. Ганнибалъ и его сынъ О. А. Ганнибалъ. У послѣдняго вышелъ изъ за этого весьма скандалезный процессъ съ женою.

Извѣстенъ не менѣе громкій въ свое время процессъ по разводу князя Куракина съ женою, урожденной Нарышкиной, прекраснѣйшей женщиной по отзыву князя И. М. Долгорукова. Несчастная въ бракѣ, она не нашла счастья и въ своей преступной любви.

Еще обыкновеннѣе были случаи, что неполадившіе супруги «разъѣзжались», предоставляя другъ другу жить какъ и съ кѣмъ угодно. Скандалезная хроника екатерининскаго общества чрезвычайно богата подобными фактами. «Соломенные вдовцы и вдовы» встрѣчались во множествѣ среди избраннаго великосвѣтскаго общества.

Это была реакція старинному домостроевскому быту, выразившаяся въ своеобразной «эмансипаціи».

Эта печальная черта тогдашнихъ нравовъ была предметомъ многочисленныхъ обличеній, осужденій и сатирическихъ осмѣяній въ журналахъ и театральныхъ произведеніяхъ того времени.

Сама императрица Екатерина, въ своей комедіи «О, время!», упрекала современныхъ ей русскихъ «боярынь» въ томъ, что онѣ, «дерзко противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются».

Въ комедіи Клушина «Смѣхъ и горе», находимъ, на счетъ образа мыслей тогдашнихъ «модныхъ» женъ о бракѣ и объ отношеніяхъ къ мужу, слѣдующій выразительный діалогъ.

Модная дама *Вздорова* даетъ наставленіе дѣвушкѣ *Пріятѣ*, собирающейся выдти замужъ, какъ она должна будетъ вести себя съ мужемъ. Она совѣтуетъ ей «не быть страстной» къ мужу и—

..........чтобы себя отмѣнной не казать,
Такъ съ модныхъ женъ должна въ любви примѣры брать.
Пріята. Но многихъ правила безчестны и презрѣнны.
Вздорова. Когда ихъ всѣ хранятъ, тогда они священны...
Пріята. Коль къ мужу нѣтъ любви—та гнусная жена!
Вздорова. Да, такъ казалося въ старинны времена;
А какъ теперь мужья насъ любятъ подъ рукою,
Тѣмъ платитъ и жена, чтобы не быть смѣшною...

Въ сатирической литературѣ того времени осмѣяніе такого рода «модныхъ женъ»—ихъ вѣтренности и легкомысленно-порочнаго отношенія къ супружескимъ обя-

занностямъ—составляли безсмѣнную тему. Въ современныхъ журналахъ разсѣяно по этому щекотливому предмету множество эпиграммъ.

Такая легкая философія выставлялась безпрерывно въ журнальныхъ сатирахъ и, притомъ, нерѣдко съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ, который не мыслимъ былъ бы въ современномъ, сколько нибудь приличномъ, журналѣ. Ювеналы того времени не любили истину «въ полъ-открыта».

Безъ сомнѣнія, въ обличеніяхъ этихъ была своя доля правды и, вѣроятно, современный моралистъ имѣлъ основаніе, говоря съ пріятелемъ о бракѣ и выборѣ жены, дать ему такой благой совѣтъ:

Пріятель говоритъ, что онъ желалъ бы найти такую жену, съ которой могъ бы сохранить «покой».

Такъ лучше не бери, пожалуй, никакой. -

отвѣчаетъ ему авторъ-моралистъ («Трудолюб. Пчела»).

Само собой разумѣется, что такія суетныя и порочныя жены не могли быть и добрыми матерями. Въ среднемъ классѣ мелкаго дворянства и чиновничества онѣ являлись въ большинствѣ случаевъ грубыми и безтолковыми Простаковыми и воспитывали Митрофановъ. Въ высшей аристократической средѣ свѣтскія матери, занятыя собою и салонными развлеченіями, предоставляли своихъ дѣтей на произволъ наемныхъ воспитателей и воспитательницъ.

«Мое *воспитаніе* было одно *питаніе*»—говоритъ княгиня Халдина въ «Письмѣ Стародума» Фонвизина.—«Лучшую мою молодость,—продолжаетъ она,—провела я въ

Москвѣ, и такая была пречудная, что многія матери запрещали дочерямъ своимъ имѣть со мною знакомство».

Сорванцовъ—типъ свѣтскаго человѣка, приведенный въ томъ же «письмѣ» и такой же «пречудной», какъ и его пріятельница-княгиня, слѣдующимъ образомъ характеризуетъ свою тетку г-жу Лицемѣру, какъ мать-воспитательницу.

Она, вздумавъ дѣтей своихъ учить по-французски, поручила ихъ какому-то заѣзжему Шевалье Какаду, къ которому сама «получила симпатію».

«Тетушка моя,—говорилъ Сорванцовъ,—выдавала себя въ свѣтѣ за чадолюбивую мать и вѣрную супругу, за добрую хозяйку и набожную женщину. Посмотримъ, такова ли она была въ самомъ дѣлѣ».

«Въ учрежденіи комнатъ первое вниманіе она обращала на то, чтобы дѣтская была гораздо далѣе ея спальни; ибо крикъ дѣтей ей нестерпимъ, хотя она ни мало не скучаетъ лаяньемъ трехъ болонскихъ собаченокъ и болтаньемъ сороки... Вотъ доказательства ея чадолюбія!..

«На столъ тратитъ очень много, а ѣсть нечего. Дѣти ходятъ оборванныя и почти босыя. Добрая хозяйка!.. Въ церкви никогда никто ее не видитъ, но ни одного клуба, ни спектакля не пропускаетъ. Набожная женщина!»

Конечно, такихъ хозяекъ и матерей было не мало, но среди нихъ встрѣчаются симпатичныя, истинно-женственныя личности, на которыхъ мы теперь и остановимся.

Не смотря на испорченность нравовъ и на то, что въ массѣ счастливые браки бывали рѣдки, исторія,

однако-жъ, сохранила намъ изъ этой эпохи не мало образцовъ прекрасныхъ женъ и мужей, составлявшихъ замѣчательно-благополучные союзы, которые можно поставить въ примѣръ человѣчности и семейственности на высоко-нравственныхъ началахъ.

Женщины, самоотверженно посвящавшія себя мужьямъ и дѣтямъ, какъ напр., посвятила себя мужу хорошо знакомая намъ княгиня Наталья Долгорукова, не составляли рѣдкости. Сколько изъ нихъ, подобно ей, раздѣлили, напр., тяжелую ссылку и опалу мужей своихъ, становившихся жертвой гоненій во время столь частыхъ въ прошломъ столѣтіи дворцовыхъ переворотовъ! Передъ нами встаетъ цѣлый рядъ женщинъ-страдалицъ за грѣхи мужей, безропотно покорявшихся судьбѣ. Встаютъ такія даже самоотверженно любящія существа, которыя не переживали гибели мужей и предпочитали добровольную смерть, чѣмъ вдовью, мучительную жизнь.

Образецъ хорошей счастливой семьи, озаренной свѣтлой женской личностью, мы находимъ въ запискахъ и мемуарахъ лучшихъ людей того времени.

«Моя мать,—разсказываетъ Фонвизинъ въ своемъ «Признаніи»,—имѣла разумъ тонкій и душевными очами видѣла далеко. Сердце ея было сострадательно и никакой злобы въ себѣ не вмѣщало: жена была добродѣтельная, мать чадолюбивая, хозяйка благоразумная и госпожа великодушная. Можно сказать, что домъ моихъ родителей былъ тотъ, отъ котораго за добродѣтели ихъ благодать Божія никогда не отнималась».

Державинъ тоже не нахвалится своею матерью и своимъ отцомъ, котораго рано лишился. «При всемъ не-

достаткѣ (матеріальномъ), были они,—пишетъ онъ,—благонравные и добродѣтельные люди», и «съ взаимною нѣжностью старались его (сына) воспитывать», имѣя «непрестанный присмотръ» за дѣтьми. Оставшись потомъ, за смертью мужа, вдовою, мать Державина, не смотря на разныя «напасти» и будучи сама женщиной малоразвитою, «никогда не забывала о воспитаніи дѣтей своихъ, но прилагала всевозможное попеченіе, какое только можно доставить». Поэтъ всю жизнь относился къ матери съ величайшимъ почтеніемъ и безпрекословно подчинялся ея волѣ, будучи уже самъ взрослымъ человѣкомъ.

«Первое мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ принадлежитъ матери,—говоритъ другой замѣчательный русскій человѣкъ.—Святая тѣнь ея проститъ дерзновенныя странствованія мечты моей... Отрадно и теперь, по истеченіи 35 лѣтъ, перенестись ожесточенною опытомъ мыслью къ чистому сосуду любви и самоотверженія. Съ 18-ти лѣтъ она промѣняла Москву на убогую хату въ смоленской губерніи, и 18 другихъ лѣтъ провела безвыѣздно въ деревнѣ, вскармливая 12 дѣтей, заботясь о нихъ до одичалости. Дѣйствительно, мать одичала въ свѣтскомъ смыслѣ, чувствовала себя неловкою въ обществѣ и едва ли что-нибудь шила себѣ послѣ приданаго. За то, въ семействѣ, въ кружкѣ истинныхъ друзей, сіяніе радости не сходило съ ея чуднаго, томнаго образа. Спокойное, самодовольное лицо говорило окружающимъ: «смотрите, какъ я счастлива, никому не завидую, ничего не желаю, не возбуждаю ничьей злобы и ни на кого

не ношу ее въ моемъ сердцѣ. Всѣ ея помыслы сосредоточивались на воспитаніи дѣтей».

Читая эти горячія, полныя благороднаго чувства воспоминанія о матеряхъ и ихъ нѣжной опекѣ у лучшихъ людей того времени, становится понятной та тоска и то сожалѣніе, которыя испытывалъ, напр., Карамзинъ, лишившійся матери въ очень раннемъ возрастѣ и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ почтившій ея память такими задушевными стихами:

„Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ судьбою!
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобою!
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли,
А я въ пустынныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный, милый,
Въ груди моей запечатлѣнъ,
И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство;
Твой духъ всегда со мной.
Невидимой рукой
Хранила ты мое безопытное дѣтство;
Ты въ лѣтахъ юности меня къ добру влекла,
И совѣстью моей въ часъ слабостей была.
Я часто тѣнь твою съ любовью обнимаю,
И въ вѣчности тебя узнаю!“.

Таковъ былъ образъ матери, таковы были впечатлѣнія материнства у лучшихъ людей XVIII столѣтія! Быть можетъ, Карамзина въ этомъ случаѣ можно заподозрить въ нѣкоторой сентиментальной идеализаціи; но что онъ былъ близокъ къ правдѣ, что «священный образъ» ма-

тери сіялъ реально въ тогдашней дѣйствительности, сіялъ во многихъ русскихъ семьяхъ—это подтвердилъ намъ исторически-точный и художественно-правдивый С. Т. Аксаковъ.

Кто, читая его «Семейную хронику», не восхищался глубокой человѣчностью, душевной красотой и неувядаемой теплотой сердца его матери, какъ матери и какъ женщины! Возможность появленія и существованія въ прошломъ столѣтіи такого прекраснаго женскаго типа въ состояніи примирить историка-пессимиста съ отрицательными, несимпатичными отступленіями отъ этого типа въ лицѣ женщинъ испорченныхъ и вѣтренныхъ, какъ велико ни было бы ихъ число.

Мы остановимся, поэтому, на образѣ Софьи Николаевны Багровой нѣсколько подолѣе.

Она не представляла собой безутѣшной святоши и какого-нибудь полувоздушнаго идеала, чуждаго увлеченій и слабостей. Это была энергическая, пылкая женщина, съ живымъ практическимъ умомъ, уже въ раннемъ дѣвичествѣ тонко понимавшая людей и житейскія отношенія. Уже въ самомъ выборѣ мужа—въ ней сказалось практическое чутье и тактъ, явившійся результатомъ наблюдательности и знанія людей. Изъ всѣхъ претендентовъ на ея руку она остановилась на самомъ неблестящемъ изъ нихъ. Казалось, они были совсѣмъ «не пара», какъ говорится.

«Невѣста—чудо красоты и ума; женихъ, правда, бѣлый, розовый, нѣжный (что, именно, и не нравилось Софьѣ Николаевнѣ), но простенькій, не дальній, по мнѣнію всѣхъ, деревенскій дворянчикъ; женихъ робокъ

и вялъ; невѣста по тогдашнему образованная, чуть не ученая дѣвица, начитанная, понимавшая всѣ высшіе интересы; женихъ совершенный невѣжда».

Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ—полный контрастъ! Единственно, что приносилъ юный Багровъ на алтарь брачнаго союза—это безграничную любовь и поклоненіе женѣ, съ пылкой готовностью «всѣ ея желанія считать для себя закономъ». Положимъ, Софья Николаевна очень хорошо знала, что такъ говорятъ обыкновенно всѣ женихи передъ свадьбой; но, приглядѣвшись къ Багрову— къ его простотѣ, недальности и мягкости характера, испытавъ прочность его чувства, она поняла, что отдавшись такому человѣку, она не рискуетъ попасть въ рабство, сдѣлаться жертвой самодурства и тираніи мужа, примѣры чего она видѣла вокругъ себя... «Любовь къ власти была тайною причиною ея рѣшимости» выдти замужъ за Багрова, къ которому она не питала страсти. Такъ объясняетъ побужденіе Софьи Николаевны ея сынъ —авторъ «Хроники».

Можетъ быть, это было и такъ, но несомнѣнно также, что въ этомъ побужденіи проявилось замѣчательное и рѣдкое въ женщинахъ того времени стремленіе къ личной независимости и самостоятельности. Не вина была нашей героини, что для достиженія этой высокочеловѣчной цѣли она не находила другого болѣе правильнаго, болѣе прямого пути, и должна была выбирать только одинъ изъ двухъ исходовъ—либо подчиненіе себя волѣ мужа, болѣе сильнаго духовно, чѣмъ она, либо—наоборотъ—подчиненіе своей волѣ несравненно ея слабѣйшаго мужа. Она останавливается на послѣд-

немъ исходѣ, одушевленная «плѣнительной картиной постепеннаго пробужденія и воспитанія дикаря, у котораго не было недостатка ни въ умѣ, ни въ чувствахъ, погруженныхъ въ непробудный сонъ,—который еще болѣе будетъ любить ее, въ благодарность за свое образованіе».

Положимъ, «плѣнительная картина» въ этомъ педагогическомъ смыслѣ не осуществилась, но, во всякомъ случаѣ, Софья Николаевна навсегда сохранила вліяніе надъ мужемъ и господствующую роль въ домѣ, у семейнаго очага. Бракъ ихъ вышелъ вполнѣ счастливый, не смотря на старанія злыхъ сестеръ Багрова разстроить молодыхъ.

Еще интереснѣе и симпатичнѣе является передъ нами эта типическая женщина въ роли матери.

Когда у Софьи Николаевны родился ребенокъ, она «такъ предалась своему новому чувству, такъ была охвачена новымъ міромъ материнской любви, что даже не замѣтила признаковъ неудовольствія свекра» (недовольнаго тѣмъ, что она родила не сына, а дочь)... «Скоро надъ люлькой своей дочери забыла молодая мать весь окружающій ее міръ! Всѣ интересы, всѣ другія привязанности поблѣднѣли предъ материнской любовью, и Софья Николаевна предалась своему новому чувству съ безуміемъ страсти. Ничьи руки, кромѣ ея собственныхъ рукъ, не прикасались къ малюткѣ. Она сама подавала свою Парашеньку кормилицѣ, сама поддерживала ее у груди и не безъ огорченія смотрѣла, какъ другая, чужая, женщина кормила ея дочь.

Парашенька однако, не смотря на нѣжный уходъ, не долго жила. Смерть ея нанесла ужасный ударъ чадолюбивой матери и, только благодаря здоровой, крѣпкой натурѣ, она не обезумѣла отъ горя и не отправилась вслѣдъ за дочерью. Вскорѣ эта сердечная рана была окончательно исцѣлена рожденіемъ у Софьи Николаевны втораго ребенка—сына, доставившаго ей «упоеніе и блаженство, которое не всѣмъ дается на землѣ».

Тою же безграничною нѣжностью окружила Софья Николаевна своего сына (автора «Хроники»), какую изливала, какъ мы видѣли, на своего перваго ребенка. Любовь ея къ нему была страстная, пламенная, но—не слѣпая. Когда пришло время отдавать его въ ученье, въ гимназію, Софья Николаевна помирилась съ разлукой съ нимъ, хотя это стоило ей страшной жертвы. Сынъ, также безгранично привязанный къ ней, когда узналъ о своей участи, впалъ въ неутѣшное горе.

«Наконецъ,—разсказываетъ онъ,—слезы матери, ея просьбы, ея разумныя убѣжденія, сопровождаемыя нѣжнѣйшими ласками, горячность ея желанія видѣть во мнѣ образованнаго человѣка, были поняты моей дѣтской головой, и съ растерзаннымъ сердцемъ я покорился ожидающей меня участи».

Вообще материнское вліяніе Софьи Николаевны на сына было чрезвычайно сильное и благотворное.

«Умъ мой,—разсказываетъ онъ,—былъ развернутъ не по лѣтамъ; я много прочелъ книгъ для себя и еще болѣе прочелъ ихъ вслухъ для моей матери... Надобно при этомъ замѣтить, что все мое общество составляла мать, а извѣстно, какъ общество взрослыхъ развиваетъ

дѣтей. И такъ она могла говорить со мной о преимуществахъ образованнаго человѣка передъ невѣждой, и я могъ понимать ее. Будучи необыкновенно умна, владѣя рѣдкимъ даромъ слова, страстнымъ, увлекательнымъ выраженіемъ мысли, она безгранично владѣла всѣмъ моимъ существомъ и вдохнула въ меня такую бодрость, такое рвеніе скорѣе исполнить ея пламенное желаніе, оправдать ея надежды, что я, наконецъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ отъѣзда въ Казань (въ гимназію). Мать моя казалась бодрою и веселою, но чего стоили ей эти усилія! Она худѣла и желтѣла съ каждымъ днемъ, никогда не плакала, и только болѣе обыкновеннаго молилась Богу, запершись въ своей комнатѣ. Вотъ гдѣ было настоящее торжество безграничной, безкорыстной, полной самоотверженія материнской любви! Вотъ гдѣ оказала мнѣ мать любовь свою! Я былъ нѣкогда больной ребенокъ, и она проводила цѣлые годы безотлучно у моей дѣтской кровати; никто не зналъ, когда она спала; ничья рука, кромѣ ея, ко мнѣ не прикасалась. Впослѣдствіи она перешла весною, въ растополь, страшную посинѣвшую рѣку Каму, уже ни для кого непроходимую, ежеминутно готовую взломать свои льды,—узнавъ, что тоска меня одолѣла, и что я лежу въ больницѣ... Но это ничего не значитъ въ сравненіи съ рѣшимостью—отдать въ гимназію свое ненаглядное, слабое, изнѣженное, буквально обожаемое дитя, по девятому году, на казенное содержаніе, за четыреста верстъ, потому что не было другихъ средствъ доставить ему образованіе».

Признаться, мы не знаемъ болѣе плѣнительнаго, болѣе прекраснаго образа матери, и — не знаемъ — что можно прибавить, для его полноты, къ художественно набросанному очерку его въ цитированной «Хроникѣ»! И образъ этотъ всецѣло принадлежитъ XVIII-му вѣку, въ которомъ мы привыкли искать, обыкновенно, однѣ дурныя стороны.

Здѣсь кстати будетъ привести отзывъ по занимающему насъ предмету одного выдающагося умомъ и образованіемъ сына этого вѣка, пользующагося авторитетнымъ именемъ въ русской литературѣ. Это—князь П. А. Вяземскій, который высказалъ слѣдующія правдивыя слова о русской семьѣ и о русскомъ воспитаніи XVIII столѣтія.

«Тогдашнее воспитаніе,—говоритъ онъ,—при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣло и хорошую сторону; ребенокъ долѣе оставался на русскихъ рукахъ, былъ окруженъ русскою атмосферою, въ которой ранѣе знакомился съ языкомъ и обычаями русскими. Европейское образованіе, которое уже въ возмужаломъ возрастѣ довершало домашнее воспитаніе, исправляло предразсудки, просвѣщало умъ»... «Болѣе домосѣдства въ жизни родителей, болѣе приверженности къ исправленію частныхъ обязанностей и соблюденію обрядовъ русскаго православія, можетъ быть—менѣе суетности, но въ семейномъ кругу болѣе живого участья въ дѣлахъ общественныхъ и, между тѣмъ, болѣе независимости въ нравахъ, способствовали тогда къ нѣкоторому практическому гражданскому воспитанію; оно имѣло свои недостатки и весьма важные; но, какъ замѣчено выше,

имѣло въ себѣ что-то положительное, дѣйствовавшее въ народномъ смыслѣ».

Истинность этого замѣчанія подтверждается тѣмъ, какъ припомнимъ, фактомъ, что изъ русской семьи XVIII столѣтія вышелъ рядъ замѣчательнѣйшихъ нашихъ дѣятелей: Новиковъ, Карамзинъ, Жуковскій, Крыловъ, Пушкинъ, Грибоѣдовъ и мног. другіе.

XI.

Хозяйка и помѣщица.

Въ области домашняго хозяйства—весьма сложнаго и обширнаго въ помѣщичьемъ быту въ старину—русская женщина искони бывала полновластной госпожей. Эта отрасль дѣятельности принадлежала ей по обычаю, и самъ «Домострой» не оспаривалъ ни правъ ея, ни способностей, какъ хозяйки и домоправительницы. Кромѣ того, какъ обычай, такъ и юридическое право въ старину не противились расширенію и усложненію дѣятельности женщины въ этой области вѣдѣніемъ и управленіемъ всѣмъ вообще помѣщичьимъ хозяйствомъ. Совершенно на равныхъ правахъ съ мужчиной женщина могла быть «вотчинницей»—владѣть помѣстьемъ и крестьянами, управлять ими по своему усмотрѣнію, благопріобрѣтать и отчуждать на законномъ основаніи. Словомъ, въ этомъ отношеніи русская женщина пользовалась полнымъ просторомъ и гражданскимъ равенствомъ съ мужчиной и даже—значительно превосходила своими правовыми прерогативами западную женщину.

Оттого-то типъ русской барыни-хозяйки и помѣщицы сложился исторически въ весьма яркихъ и рельефныхъ чертахъ. Мы не знаемъ и не въ состояніи представить себѣ въ законченномъ образѣ женщину-общественную дѣятельницу, женщину-профессора, женщину-писательницу, женщину-администратора, и т. д.; но прекрасно знаемъ и живо представляемъ себѣ въ опредѣленныхъ чертахъ женщину-хозяйку и барыню-помѣщицу. Это можно сказать не только относительно прошлыхъ временъ, но, отчасти, и новѣйшихъ, потому что формирующіеся нынѣ на нашихъ глазахъ новѣйшіе типы, напр., женщины-доктора, женщины-писательницы, женщины учительницы сельской школы и проч.,—пока еще очень молодые, свѣжіе культурные типы, находящіеся въ процессѣ броженія и назрѣванія, поэтому не вполнѣ выработавшіеся и не законченные. Передъ нами пока эскизы и начальная «подмалевка» грунтовыхъ бликовъ, по которымъ нельзя еще составить ясное представленіе, каковъ выйдетъ образъ и въ какомъ сочетаніи лягутъ на немъ краски послѣ окончательной отдѣлки. Культурные типы вообще формируются и складываются медленно, путемъ цѣлыхъ поколѣній.

Старо-московская Русь завѣщала XVIII столѣтію, въ числѣ другихъ, не отжившихъ еще своего вѣка, достояній, типъ русской женщины-домоправительницы и барыни-помѣщицы, и, быть можетъ, это было одно изъ наиболѣе солидныхъ и прочныхъ наслѣдій. По крайней мѣрѣ, типъ этотъ, съ весьма малыми измѣненіями и уклоненіями отъ своего первообраза, благополучно прожилъ у насъ все минувшее столѣтіе, а отчасти его хва-

тило и на добрую половину текущаго. Типъ тщательно отчеканенный, крѣпкій и живучій! Живучесть его объясняется не только присущей женщинѣ консервативностью вообще, а отсюда—консервативной устойчивостью всего нравственнаго и хозяйственнаго порядка въ межѣ «домашняго очага», обыкновенно всего медленнѣе перекладывающагося на новый ладъ и съ новыми кирпичами; но и тѣмъ, что самый-то типъ русской женщины-хозяйки заключалъ въ себѣ много жизненнаго, здороваго и симпатичнаго. И какую блестящую высокую роль судила исторія съиграть этому типу!

Дѣло въ томъ, что, начиная со смерти Петра Великаго, въ Россіи, какъ извѣстно, на протяженіи трехъ четвертей столѣтія, почти безъ перерывовъ на императорскомъ престолѣ сидѣла женщина и въ лицѣ, напр., императрицъ Анны и Елизаветы, женщина чисто-русская не только по крови, но по характеру и по всему умственному складу. Даже, вѣрнѣе сказать,—въ лицѣ этихъ двухъ государынь всего ощутильнѣе выказывались черты не *новой* русской, петровскаго режима женщины, а старо-московской. Это выразилось не только въ ихъ частной, личной жизни, но и въ ихъ правленіи государствомъ, т. е. въ манерѣ и способѣ этого управленія. На престолѣ онѣ были напросто боярынями-хозяйками, помѣщицами, распоряжавшимися своей властью съ той патріархальностью и простотою, съ какими правила своей вотчиной какая нибудь дворянка временъ Алексѣя Михайловича. Разница была только въ размѣрѣ вотчины и власти надъ нею и надъ подданными —слугами; но сами государыни эти смотрѣли на свою

власть именно какъ на власть помѣщичью, «господскую, а на государство, какъ на свою «вотчину». Это можно было бы доказать, если бы было нужно, цѣлымъ рядомъ историческихъ данныхъ. Замѣчательно при этомъ, что даже не русскія по происхожденію и воспитанію женщины-государыни, какъ Екатерины I и II, совершенно усвоивали себѣ такое-же патріархально-боярское отношеніе къ царской власти и во всемъ были настоящими русскими помѣщицами. Екатерина II въ особенности хорошо усвоила себѣ эту роль (хотя въ то же время она была истинной государыней и на европейскій аршинъ) и любила въ интимной бесѣдѣ съ приближенными представлять себя запросто госпожей «маленькаго хозяйства»—не болѣе.

Явленіе это объясняется вовсе не одними только личными качествами фигурировавшихъ на престолѣ женщинъ, а тѣмъ важнымъ обстоятельствомъ, что практика женскаго управленія государствомъ была совершенно новой на Руси, что русская жизнь не выработала типа женщины-правительницы, женщины-государя. За то у нея былъ готовый, прекрасно сформировавшійся типъ хозяйки-помѣщицы, притомъ хорошо извѣстный и симпатичный народу; отсюда естественно было отожествленіе этого типа и въ лицѣ государынь, которыя, по своимъ способностямъ и воспитанію (какъ Екатерина I, Анна и Елизавета), не выдвигались изъ ряда обыкновенныхъ женщинъ и ранѣе вовсе не готовились спеціально къ наукѣ управленія государствомъ. Мы впослѣдствіи увидимъ, что указанное здѣсь обстоятельство своеобразно проявлялось въ характерѣ нашей ге-

роини и на другихъ поприщахъ дѣятельности общественной, на которыя она начала вступать со дней петровской эмансипаціи.

Барыня, домоправительница и помѣщица, дѣловитая, практичная и энергически (иногда даже слишкомъ энергически) державшая въ своихъ слабыхъ, нѣжныхъ ручкахъ бразды правленія и субординаціи у себя дома и въ имѣніи,—встрѣчалась въ прошломъ столѣтіи заурядъ, повсюду, но преимущественно въ провинціи. Въ столицѣ, въ высшемъ свѣтѣ, типъ этотъ постепенно вытѣснялся барыней-маркизой, тепличнымъ созданіемъ моднаго французскаго салоннаго воспитанія, весь кругъ жизнедѣятельности которой ограничивался будуаромъ, гостиной, бальной залой, гдѣ она призвана была царить своими прелестями и «любезностью», своими модными костюмами и эстетико-диллетантскими талантиками. Этой категоріи женщины всецѣло принадлежали «свѣту» и не только не входили въ хозяйственныя заботы по своему дому и имѣнію, но относились къ нимъ съ брезгливостью и съ гордымъ пренебреженіемъ, какъ существа высшія и неземныя.

Между тѣмъ, даже среди женщинъ, пользовавшихся высокимъ положеніемъ—членовъ царской семьи, слѣдовательно, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства и всю возможность для такого брезгливаго отчужденія отъ хозяйственныхъ хлопотъ,—мы встрѣчаемъ въ прошломъ столѣтіи очень хорошихъ и попечительныхъ хозяекъ, до мелочей озабочивавшихся благоустройствомъ въ своихъ домахъ и имѣніяхъ.

Извѣстно, что императрица Екатерина I была образцовой домашней хозяйкой. Осталась ея «комнатная» приходо-расходная книга за 1723 1725 годы, гдѣ довольно подробно выведена вѣдомость не только денежныхъ получекъ и издержекъ императрицы, но и ея хозяйственныхъ занятій. То она посѣщаетъ свой «огородъ», принимаетъ тамъ отъ садовниковъ цвѣты, огурцы и фрукты, то заходитъ на конюшенный дворъ «смотрѣть» экипажи и лошадей, то смотритъ на псарнѣ «суки Левины дѣтей», то является въ кухню и нерѣдко сама, собственноручно принимается стряпать, то входитъ въ разныя подробности по приведенію въ порядокъ и лучшій видъ домашней утвари, столовой сервировки, гардероба и проч. Но особенно ярко заявила она свои разностороннія хозяйственно-творческія способности основаніемъ и устройствомъ «Сарской дачи», явившейся пріятнымъ сюрпризомъ для Петра и изъ которой впослѣдствіи выросло Царкое Село. Дача эта была построена и обставлена съ такимъ вкусомъ и съ такой предусмотрительностью, что Петръ, проведя въ ней первый день, въ качествѣ гостя у своей «чернобровой жены»—хозяйки, назвалъ его однимъ изъ лучшихъ дней въ своей жизни.

Такими же основательными, знающими хозяйками были царицы Прасковья Ѳеодоровна и ея дочери. Сохранились письменныя свидѣтельства ихъ хозяйской опытности и распорядительности по управленію имѣніями. Какъ помѣщицы-хозяйки, онѣ входили во всѣ подробности сельскаго домоводства и экономіи, знали счетъ денежкѣ и вели обстоятельныя вѣдомости доходамъ натурою и оброками со своихъ вотчинъ. Передъ

нами лежатъ «указы» царевенъ Екатерины Ивановны и Прасковьи Ивановны, за собственноручными ихъ подписями, управителямъ и старостамъ. «Указы» эти пестрятъ цифрами и касаются различныхъ сторонъ хозяйства и управленія имѣніями.

Особенно участливо и скрупулезно входила въ веденіе хозяйствомъ Прасковья Ивановна. Извѣщая управителя Осѣченской волости, Ивана Калмыкова, въ «указѣ» отъ 6 Іюня 1726 г., о полученіи денегъ «за живность», царевна выговариваетъ ему, что въ его рапортѣ не обозначено—«за сколько какой живности порознь и на которой годъ выслано»; «и ты-бъ,—обращается она къ управителю,—впредь о такихъ высылкахъ писалъ имянно съ подлиннымъ обстоятельствомъ». Здѣсь шла рѣчь собственно о сборахъ съ крестьянъ, вмѣсто «живности»—натурою, деньгами. Царевну-хозяйку эта статья очень занимала. Въ другомъ позднѣйшемъ «указѣ» тому же Калмыкову она сама обозначаетъ подробно размѣръ сбора, а именно: «за гуся по 13 алтынъ по 2 деньги, за утку 6 алтынъ и 4 деньги, за индѣйку по 10 алтынъ» и т. д. Каждый такой «указъ» заканчивается стереотипнымъ напоминаніемъ: «и тѣ деньги конечно выслать безъ доимки все сполна...» Напоминаніе и забота объ этомъ не лишены были нѣкотораго основанія. Случалось, что оброкъ собирался и доставлялся неисправно самими управителями; случалось, что деньги и припасы не довозились сполна по назначенію посыльными. Разъ тотъ же Калмыковъ не выслалъ сполна положенной суммы, ссылаясь на пропажу поставленныхъ для сбереженья на кабакъ денегъ (оказывается, что въ тѣ времена ка-

бакъ служилъ чѣмъ-то въ родѣ сохранной казны). Прасковья Ивановна весьма огорчилась этой «пропажей» и предписала управителю «тѣхъ кабатчиковъ допрашивать и, по допросу, ежели оные кабатчики являются къ тому приличны (т. е. виновны), и ты-бъ оныя покраденныя деньги отыскивалъ и чинилъ о томъ по указу». Въ другой разъ староста Новгородской волости, Фирсовъ, въ «отпискѣ» царевнѣ показалъ посылку «окладныхъ денегъ» 50 рублей, а доставилъ на лицо всего 30. Аккуратная хозяйка не могла не разгнѣваться.

Учитывая съ такой внимательностью и точностью денежные доходы, царевна была не менѣе взыскательна и разсчетлива и относительно доставлявшихся въ ея домъ деревенскихъ припасовъ натурою. Въ одномъ изъ «указовъ» она даетъ подробное наставленіе, какъ и съ кѣмъ слѣдуетъ доставлять эти припасы.

«Какъ получишь сей указъ,—пишетъ она изъ Петербурга управителю,—и ты-бъ прислалъ сюды быки и бараны, и живность и косцовъ на сроки, какъ повелѣно и написано тебѣ въ *наказѣ* нашемъ, безъ упущенія времени немедленно, дабы въ чемъ ономъ не учинилось здѣсь какой остановки и не постигла бы какая нужда. А вышеуказанную живность отправить тебѣ съ добрыми проводниками изъ крестьянъ, чтобъ дорогою не поморили, а ежели нерадѣніемъ своимъ что оной живности поморятъ, то безо всякаго упущенія на нихъ взыскано будетъ».

Когда живность прибывала на мѣсто, царевна производила ей осмотръ и—бдительнымъ окомъ опытной хо-

зяйки—подмѣчала всякій изъянъ въ ней, всякую недоброкачественность.

«А быки и бараны отъ тебя,—неоднократно попрекаетъ она управителя,—высланы худые (иногда—«весьма худые»), и впредь тебѣ выслать быки и бараны на кушанье годные, опасаяся отъ насъ гнѣву».

«А солоды: ржаной и ячной,—пишетъ она въ другой разъ,—высылать по окладу конечно добрые, а не такой, какъ отъ тебя висланъ солодъ худой и не на какую потребу негоденъ»...

Живя постоянно въ столицѣ, среди блестящаго общества и высшихъ салонныхъ интересовъ, царевна не перестаетъ зорко слѣдить за своимъ деревенскимъ хозяйствомъ и за всѣми благопріятными и неблагопріятными для него условіями.

«Увѣдомились мы,—пишетъ она въ 1726 г. управителю,—что въ Новгороцкомъ уѣздѣ хлѣбà родились весьма хорошіе»... Изъ этого «увѣдомленія», политично предупреждающаго злоупотребленія и плутни управителя, вѣроятно, не разъ оправдывавшагося въ своихъ упущеніяхъ неурожаями, царевна логически заключаетъ, чтобъ «на указной срокъ припасы, мука и прочее» были высланы «во дворецъ къ намъ, самые добрые».

Словомъ, во всемъ видна здѣсь опытная практичная хозяйка, пристально слѣдящая за веденіемъ дѣлъ въ своихъ помѣстьяхъ и которая не даетъ себя провести какому нибудь плутоватому старостѣ или управителю.

Выше, въ одномъ изъ цитированныхъ «указовъ» Прасковьи Ивановны упоминается о составленномъ ею

ı данномъ въ руководство «наказѣ». Къ сожалѣнію, саıый «наказъ» этотъ не сохранился. Но намъ извѣстны 'акого-же рода современные «наказы» другихъ помѣщиковъ. Это были подробныя программы и руководства ;ля веденія домоваго и сельскаго хозяйства, рядомъ съ іравилами и, какъ бы, законоположеніями по управленію крестьянами и дворовыми, и сохраненію среди нихъ ıира, порядка и благонравія. «Наказы» такіе составлялись обыкновенно наиболѣе рачительными и дѣльными хозяевами-помѣщиками, причемъ всѣ они имѣютъ между собою сходство въ основныхъ чертахъ. Вѣроятно, схожъ съ ними былъ и «наказъ» Прасковьи Ивановны; но зажно не это, а то, что она, какъ помѣщица, и въ данномъ отношеніи не уступала распорядительностью и дальновидностью лучшимъ хозяевамъ-мужчинамъ своего времени.

Эта распорядительность и дѣловитость царевны проглядываютъ ощутительно въ ея цитированной здѣсь переискѣ, на которой мы нарочно остановились подолѣе, чтобы рельефнѣе обрисовать разсматриваемый типъ барыни-помѣщицы прошлаго вѣка. Въ перепискѣ этой встрѣчаемъ заботы не объ однихъ только сборахъ и доходахъ, но также о поведеніи и нравахъ подданныхъ крестьянъ. Царевна извѣстясь о «бездѣльничествѣ» какого-то Петра Филиппова, приказываетъ его «наказать на сходкѣ, дабы впредь другимъ такъ неповадно было дѣлать». Въ другой разъ управитель извѣщаетъ ее, что выборный» Филатъ Григорьевъ «чинится ослушенъ и старосту билъ». Царевна очень близко принимаетъ къ сердцу провинности Филата—приказываетъ «учинить ему

наказаніе», отъ «выбора» устранить и «впредь о такихъ ослушникахъ» творить судъ и расправу по буквѣ «наказа»... Но не всегда изъ «указовъ» царевны шла одна гроза и внушеніе къ слугамъ и «рабамъ», какъ называли тогда крѣпостныхъ; бывали случаи, когда «указъ» приносилъ въ вотчину барскую милость. Такъ, въ 1727 г. царевна писала въ Осѣченскую волость: «Пожаловали мы—за прошлые годы доимки съ крестьянъ брать не указали».

Прасковья Ивановна, какъ и другія дочери царицы Прасковьи Өедоровны, какъ и эта послѣдняя, отличались нѣсколько тяжелымъ характеромъ и вели жизнь по патріархальному у себя дома. Это были настоящія русскія боярыни, подъ внѣшнимъ лоскомъ европейскаго образованія. «Характерныя» нравомъ, бережливыя и ревностныя хозяйки, онѣ очень твердо, а порой круто держали въ рукахъ бразды правленія своей многочисленной домовой челядью и своими крестьянами. Однажды Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская, во время домашняго спектакля, дававшагося въ ея дворцѣ, крайне смутила деликатнаго нѣмца Берхгольца, беззаботно, съ веселой улыбкой, сообщивъ ему, что актеръ, игравшій въ пьесѣ роль короля, передъ этимъ былъ наказанъ, по ея приказанію, двумя стами ударовъ, за какую-то пустую провинность. Актеръ былъ, конечно, крѣпостной человѣкъ. Извѣстна также безчеловѣчная жестокость, обнаруженная Прасковьей Өедоровной въ дѣлѣ стряпчаго Деревнина, котораго она въ своемъ присутствіи подвергала настоящей застѣночной пыткѣ и даже собственноручно била его и жгла ему свѣчкой бороду...

Вообще, барыни-помѣщицы того времени, не уступая мужчинамъ-хозяевамъ въ отношеніи положительныхъ качествъ, являясь въ большинствѣ случаевъ такими-же знающими и дѣятельными въ управленіи и веденіи своихъ имѣній, въ то-же время нерѣдко соперничали съ ними, а случалось, даже и превосходили ихъ въ крутости, самодурствѣ и жестокости съ крестьянами. Кто не знаетъ знаменитую Салтычиху, которая, даже для своего неособенно мягкаго и человѣколюбиваго времени представлялась чудовищемъ и извергомъ по своей свирѣпости и варварству? Къ сожалѣнію, она была не единственная въ своемъ родѣ... Извѣстный Массонъ утверждаетъ даже, что «помѣщицы въ Россіи были вообще кровожаднѣе мущинъ», и объясняетъ это тѣмъ, что онѣ были болѣе невѣжественны, болѣе преданы старымъ предразсудкамъ, чѣмъ послѣдніе. Это, конечно, несправедливо; но нельзя не согласиться, что нѣкоторыя отдѣльныя представительницы прекраснаго пола описываемой эпохи обнаружили такое безсердечіе и такую звѣрскую кровожадность въ отношеніи къ крѣпостнымъ своимъ, до какихъ рѣдко доходили самые свирѣпые помѣщики-мужчины.

Людоѣдка-Салтычиха, напр., собственноручно била своихъ людей (въ особенности женскую прислугу) скалкою, палкою, полѣньями, утюгами, плетью, поджигала волосы на ихъ головѣ, брала за уши раскаленными щипцами, обваривала имъ лица кипяткомъ, била головой объ стѣну. Наказанія розгами и плетьми на конюшнѣ считались ни во что. Салтыкова нерѣдко выставляла босыхъ людей, закованныхъ въ цѣпи и колод-

ки, на морозъ, морила ихъ голодомъ, загоняла ударами кнута въ прудъ и держала по горло въ водѣ. Не было такого звѣрства и такого истязанія, къ которымъ не прибѣгалъ-бы этотъ извергъ въ юбкѣ! Она, забывая свой полъ и всякую тѣнь человѣчности, предавала мучительнымъ истязаніямъ даже беременныхъ женщинъ, вгоняла въ гробъ и ихъ плодъ и ихъ самихъ... Такимъ образомъ она замучила до смерти 38 человѣкъ, по признанію суда, и болѣе 75, по свидѣтельству ея крестьянъ.

Характеристично, что Салтычиха и ей подобныя звѣри-помѣщицы были весьма ретивыми хозяйками. Салтычиха, напр., до педантизма любила чистое бѣлье, чистоту въ комнатахъ и особенно чистые, лоснящіеся полы. Большая часть ея служанокъ были замучены за неисполненіе этихъ требованій въ той степени, въ какой желала взыскательная барыня.

Въ Нерехтскомъ уѣздѣ, въ семидесятыхъ годахъ, помѣщица Бѣднякова изрубила «косаремъ» до смерти дѣвушку-служанку за то, что та сожгла господскій холстъ. Солигалицкая помѣщица Марина наказывала свою 14-лѣтнюю дѣвочку-служанку «верховою ѣзжалою плетью», а однажды, когда въ минуту подобной расправы вошелъ 12-ти лѣтній сынъ Мариной, то она приказала ему бить несчастную дѣвочку пестомъ. Тайная совѣтница Ефремова, въ 1776 г., живя въ Петербургѣ, призвала трехъ солдатъ и засѣкла при ихъ посредствѣ свою горничную «за чинимыя ею провинности, воровства и побѣги». Княгиня Козловская, по словамъ Массона, «олицетворяла въ себѣ всевозможныя неистовства и гнусно-

ти». Не разъ видали, какъ она велитъ раздѣвать мужинъ и сѣчь ихъ при себѣ розгами, считая хладнокровно дары и понукая бить больнѣе. Графиня Н. В. Салтыова, жена фельдмаршала, бывшаго воспитателемъ въ ѣтствѣ императора Александра Павловича, держала у ебя въ спальнѣ въ клѣткѣ своего крѣпостного парикахера, какъ звѣря. Дѣло въ томъ, что графиня, страая плѣшивостью, носила парикъ и, желая изъ кокетства скрыть это въ непроницаемой тайнѣ, сдѣлала паикмахера своего узникомъ. Ему удалось сбѣжать, и рафиня подняла на ноги всю петербургскую полицію, тобы разыскать его. Полиція его дѣйствительно поймала, но когда стала извѣстна ужасная участь несчатнаго, то его не рѣшились выдать жестокосердой барынѣ. Въ дѣло вмѣшался самъ императоръ и, по его олѣ, Салтыковой было объявлено, что тѣло ея парикахера найдено въ Невѣ. «Такимъ образомъ, замѣчаетъ о этому поводу г. Семевскій, авторъ книги «Крестьяне ъ царствованіе Екатерины II», оказалось нужнымъ не аказать графиню за ея злодѣйство, а успокоить ея ревогу относительно возможности раскрытія ея тайны».

Конечно, такія безжалостныя и свирѣпыя барыни оставляли рѣдкость; во всякомъ случаѣ, имъ можно ротивопоставить еще большее число примѣровъ женской оброты, гуманнаго и ласковаго обращенія помѣщицъ о своими крѣпостными. Одна иностранка засвидѣтельтвовала, что, напр., въ имѣніяхъ знакомой намъ княини Дашковой ея подданные «преблагополучно прожиали подъ ея безусловнымъ управленіемъ, и что ниогда человѣческое существо, облеченное подобною вла-

стью, не могло быть добродушнѣе при ея употребленіи». Такихъ «добродушныхъ» барынь было не мало. Можно бы представить много примѣровъ мягкости обращенія барынь со слугами, взаимной ихъ привязанности и интимности отношеній.

Господствующимъ типомъ среди помѣщицъ того времени были женщины вовсе не жестокія, но твердаго нрава, энергическія, дѣятельныя и въ мѣру строгія по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ.

Такою гуманною и хорошею хозяйкою была, между прочимъ, знакомая уже намъ, по своему несчастливому браку, графиня Е. М. Румянцева.

Въ ея письмахъ къ мужу часто идетъ рѣчь о различныхъ распоряженіяхъ по имѣніямъ, которыми она въ отсутствіи мужа управляла.

Въ одномъ она сообщаетъ объ удаленіи со службы садовника-нѣмца за грубость и буйство, за то, что онъ «работниковъ палками билъ, а, пришедъ въ судную избу, Микиту Степаныча (старосту) разругалъ и въ рожу ударилъ».

Очень интересны сообщенія графини о томъ, какъ она учреждала шерстяно-шелковую ткацкую фабрику для выработки чулокъ и ковровъ, какъ улучшала конскій заводъ, какъ приторговывала сходно продававшееся подмосковное имѣніе, какъ заботилась объ оранжереяхъ и т. д. Во всѣхъ этихъ сообщеніяхъ графиня заявляетъ себя очень свѣдущей, дѣльной и разсчетливой хозяйкой. Въ подтвержденіе приведемъ здѣсь въ выдержкахъ одно письмо.

«Пишешь,—обращается она къ мужу въ 1769 г.,—объ подрядѣ вина, что я думаю дѣлать?—Я еще не рѣшилась съ своимъ мнѣніемъ, потому что въ ноябрѣ будутъ контракты заключать. Я не намѣрена больше какъ по рублю за ведро и то на одинъ Алатырь, по способности, а къ Балаху не безъ тяѓости мужикамъ, хотя и рубль съ бочки мнѣ платится. Мнѣ хочется одинъ Алатырь взять и чтобы не больше 10,000 ведеръ... Въ новыхъ кондиціяхъ сей пунктъ тяжелъ, что для перваго года половину поставки должна выставить въ декабрѣ, а другую половину въ іюлѣ. Такъ вѣдь надо считать, что съ генваря по іюль будетъ усышка велика да къ тому же нынѣшній годъ страшитъ, на низу хлѣба худы, ржи, а яровые почти пропали отъ засухъ, а послѣ дожди пошли, такъ новые всходы сдѣлали, а во ржи все трава, зерна почти нѣтъ. Въ Тальзинѣ пишутъ, что нажали всего 130 копенъ, а сто четвертей сѣву, думаютъ сѣмянъ не возьмутъ; пшеницы очень плохи, полба и макъ—все пропало. Вотъ тебѣ какія вѣсти: до Арзамасу хлѣба очень хороши, а отъ Арзамасу до Симбирска очень худы». На этомъ-то основаніи, въ ожиданіи дорогой цѣны на хлѣбъ, графиня и не очень льстилась виннымъ подрядомъ. «Не дадутъ по рублю,—пишетъ она,—то считаю лучше такъ оставить, черезъ четыре года могу и заводъ поправить и опять съ хлѣбами завестися».

Письмо это на нашъ взглядъ очень типично и замѣчательно. Изъ него видно, что графиня не только живо интересовалась сельскимъ хозяйствомъ, имѣла о немъ солидныя свѣдѣнія, и стояла au courant хлѣбнаго рынка

всего мѣстнаго района, но и вела обширныя хозяйственно-промышленныя операціи, съ такой самостоятельностью, съ такой опытностью и торговой сметливостью, какія были-бы въ пору только искушеннымъ дѣльцамъ по этой части.

Г. Шашковъ, въ своей извѣстной книгѣ, совершенно вѣрно замѣчаетъ, что «экономическая роль помѣщицы благотворно дѣйствовала на развитіе женскаго характера. Управленіе имѣніемъ, хозяйственныя работы, торговля и промышленность—все это создавало такія женскія натуры, которыя ни въ чемъ не уступали мужскимъ». Бывали помѣщицы, которыя занимались торговлей, снимали даже винные откупа (какъ напр., нѣкая Оленина), ѣздили по ярмаркамъ, участвовали въ конскихъ бѣгахъ и охотахъ, даже фигурировали, случалось, на военномъ поприщѣ, въ качествѣ полководцевъ. Блудова разсказываетъ въ своихъ запискахъ о своей бабкѣ, которая вооружила въ своемъ имѣніи цѣлую дружину изъ крестьянъ, съ двумя пушками, противъ волжскихъ разбойниковъ, храбро и искусно отбила ихъ шайку, когда они напали на ея усадьбу и деревню, и навела на нихъ такой страхъ, что они не рѣшались больше нападать на нее.

Такою же энергической помѣщицей и прекрасной хозяйкой, къ тому-же высоко просвѣщенной, была княгиня Дашкова.

«Если когда-либо существовало нѣчто самобытное въ мірѣ, то уже конечно это—княгиня Дашкова»,—пишетъ о ней миссъ Вильмотъ въ своихъ «письмахъ въ Ирландію» (Изъ Россіи). «Всѣмъ окружающимъ она внушаетъ

такое благоговѣніе, которое меня даже удивляло». Ея имѣніе, Троицкое—«чудное мѣсто, вполнѣ ею созданное, расположено посреди шестнадцати деревень, ей принадлежащихъ». «Среди этого огромнаго хозяйства, богатства и почета, я желала бы, чтобы вы видѣли княгиню... наблюдающую за своими подданными»... «Она помогаетъ плотникамъ возводить стѣны, она собственными руками участвуетъ въ прокладываніи новыхъ дорогъ, она кормитъ коровъ, сочиняетъ музыкальныя пьесы, пишетъ для печати; она говоритъ громко въ церкви и поправляетъ священника, если онъ невнимателенъ; она громко толкуетъ въ своемъ маленькомъ театрѣ и подсказываетъ актерамъ, если они забываютъ роли; она сама и докторъ, и фельдшеръ, и аптекарь, и кузнецъ, и обойщикъ, и судья, и маклеръ...» «Она мнѣ постоянно внушаетъ мысль, что она—волшебница, и увѣряю васъ, что я говорю это не шутя...» Въ другомъ мѣстѣ миссъ Вильмотъ говоритъ, что княгиня была-бы отличнымъ «главнокомандующимъ» или администраторомъ.

Женщинамъ такого закала, такого характера и такой дѣятельной жизни не оставалось, разумѣется, ничего большаго желать для своей независимости и уравненія своихъ правъ съ правами мужчины. Да на практикѣ женщины, подобныя княгинѣ Дашковой, не только не подчинялись волѣ мужей, но положительно преобладали надъ ними и самовластно почти распоряжались и хозяйствомъ, и имѣніемъ. Такихъ женщинъ-помѣщицъ въ прошломъ столѣтіи было не мало. Вигель разсказываетъ объ одной барынѣ, которая, пользуясь тѣмъ, что мужъ ея былъ «плохой мужичишка», но отличный хозяинъ,—

«опредѣлила его прикащикомъ надъ общимъ ихъ имѣніемъ, предоставивъ себѣ главное надъ онымъ распоряженіе». Онъ же изобразилъ въ яркихъ краскахъ княгиню Голицыну, «во власти которой находились чада и домочадцы, слуги и крестьяне. Горе было тому, кто, возбудивъ ея гнѣвъ, не спѣшилъ покорностью смягчить его!» Княгиня верховодила и въ домѣ, и въ имѣніи, и мужъ безотчетно покорялся такому порядку. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мужья не оставались въ пассивной роли, предоставивъ все хозяйство женѣ, они тѣмъ не менѣе, распредѣляли хозяйственныя занятія такимъ образомъ, чтобы жены-хозяйки имѣли полную самостоятельность въ своей области домоводства.

Образцовый для своего времени помѣщикъ-хозяинъ Лунинъ, начертивъ программу «домоправительства», говоритъ: «Съ божьей помощью начну такимъ образомъ, чтобы все домоправительство было въ глазахъ моихъ, *не мѣшаясь рѣшительно въ женское упражненіе*, которое оставаться должно подъ распоряженіемъ благонравной моей Варвары Николаевны»

Собственно «женское упражненіе» въ зажиточномъ помѣщичьемъ домѣ заключало въ себѣ все, что относится до продовольствія, кухни, домостройства, гардероба и проч. Хозяйкѣ была подчинена вся женская половина многочисленной въ тѣ времена дворни. Хозяйство тогда было очень сложное, потому что помѣщики заводили у себя, при посредствѣ своихъ холопей, всевозможныя мастерства и «художества». Такимъ образомъ, женская прислуга состояла изъ цѣлой толпы портнихъ, бѣлошвеекъ, кружевницъ, прядильницъ, ткачихъ, парикмахершъ и

проч. Конечно, вся женская прислуга находилась подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и управленіемъ хозяйки-помѣщицы. Работы производились правильно, по разъ заведенной системѣ, и каждая мастерица обязана была ежедневно сдѣлать свой «урокъ» подъ страхомъ взысканія. «Уроки» эти бывали иногда обременительны и чрезмѣрны. Находились такія рачительныя барыни-хозяйки, что заставляли работать своихъ горничныхъ даже въ дорогѣ.

Особенная распорядительность требовалась отъ хорошей хозяйки по части продовольствія, кухни и стола, которые занимали много рукъ и кормили много ртовъ. Продовольственные запасы бывали огромные. «Подобно пчеламъ,—говоритъ одинъ современникъ Радищева,— крестьяне сносятъ на дворъ господскій муки, крупы, овса и прочихъ житъ мѣшки великіе, стяги говяжьи, туши свиныя, бараны жирные, дворовыхъ и дикихъ птицъ множество, коровьи масла, яицъ лукошки, сотовъ или медовъ чистыхъ кадки, концы холстовъ, свертки суконъ домашнихъ» и проч. Кромѣ того, запасы эти умножались еще домашнимъ производствомъ помѣщичьяго хозяйства. Все это надлежало учесть, сохранить, приготовить въ прокъ, посредствомъ всякаго рода соленій, вареній, маринованій и пр. Хорошей хозяйкѣ приходилось работать не покладая рукъ.

«Что касается до кушаньевъ,—говоритъ вышецитированный описыватель помѣщичьяго быта,—увидѣли бы мы преизбыточное число приказныхъ яствъ, изъ собственныхъ деревенскихъ припасовъ, русскими домаш-

ними поварами приготовленныя. *Пироги:* изразчатые, марцыфаны, рѣшетчатые, росольные, печерскіе; *караваи:* обращатые, кубащатые, яцкіе, со древки; *курники:* полобовые, въ растворѣ; *хлѣбное:* перепечи, палошники, кашки, коршики, жаворонки, попугаи; *блюда мясныя:* лобъ свиной подъ хрѣномъ, гуси подъ взваромъ луковымъ» и проч.

Авторъ—патріотъ и моралистъ—скорбитъ, что въ его время русская кухня во многихъ домахъ стала вытѣснятьси французской. Простыя русскія кушанья стали замѣняться «съ изящнымъ вкусомъ матонированными и ассезонированными соусами, рагу, фрикассе», съ присовокупленіемъ «перигордскихъ пастетовъ, вестфальскаго окорока, гольштинскихъ устерсовъ, гуммери-трюфелей, сои, корнишоновъ, червивыхъ сыровъ» и проч.

Обыкновенно, барскій столъ состоялъ изъ шести, семи блюдъ, но въ торжественныхъ случаяхъ подавалось на столъ до сорока блюдъ. Иностранцы жаловались на обременительность нашего стола, а нерѣдко на его безвкусіе и неопрятность. Послѣдніе два недостатка встрѣчались нерѣдко въ помѣщичьихъ домахъ того времени и по свидѣтельству русскихъ бытописателей. Это ужъ происходило чаще всего не отъ небрежности хозяйки, а просто отъ неразвитаго вкуса и недостатка культурности. Забота о столѣ и кухнѣ доходила у многихъ хозяекъ до маніи. Взыскательность ихъ проявлялась нерѣдко въ крайне дикихъ и жестокихъ формахъ. Одинъ писатель прошлаго вѣка разсказываетъ про свою родственницу-помѣщицу, которая была «охотница вели-

кая кушать у себя за столомъ щи съ бараниной; только я признаюсь,—говоритъ авторъ,—сколько времени у нея ни жилъ, не помню того, чтобы прошелъ хотя одинъ день безъ драки; какъ скоро примется она свои щи любимыя кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не перестанетъ госпожа щи кушать...» «Видно, ей это нужно было для хорошаго аппетита»,—заключаетъ авторъ.

Такого рода темныхъ сторонъ и пятенъ въ характерѣ и образѣ дѣйствій нашей героини, въ разсмотрѣнной здѣсь области, мы находимъ не мало; но повторяемъ, типъ хозяйки-помѣщицы заслуживаетъ особеннаго вниманія историка по своей цѣльности, законченности и, наконецъ, по своимъ положительнымъ, симпатичнымъ качествамъ, въ которыхъ ему никакъ нельзя отказать. Въ иныхъ положеніяхъ—безправная рабыня, существо ничтожное и бездѣятельное, назначенное для унизительной роли игрушки и услажденія грубыхъ инстинктовъ, оттертая отъ доступа къ цѣлымъ сферамъ общественной дѣятельности,—здѣсь русская жнщина, въ роли хозяйки и помѣщицы-домоправительницы, пользуясь просторомъ, имѣла полную возможность проявить свои силы и способности, свой умъ и свой творческій геній. Этимъ положеніемъ она воспользовалась какъ нельзя лучше, она овладѣла имъ вполнѣ и, какъ мы видѣли, съумѣла доказать на дѣлѣ свое равенство съ мужчиной во всѣхъ отношеніяхъ и—особенно въ положительныхъ. Типъ

этотъ, созданный самой жизнью, типъ женщины независимой и самодѣятельной, по истинѣ, долженъ считаться генетическимъ первообразомъ современнаго намъ, зрѣющаго *новаго* типа русской женщины—*человѣка* и *гражданина*.

XII.

Писательница и ученая.

Въ современномъ смыслѣ слова, женщины-артистки, женщины писательницы и ученой въ допетровской Руси не существовало и существовать не могло,—«для того, —какъ говоритъ Кошихинъ,—что московскаго государства женской полъ грамотѣ неученые, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты... понеже отъ младенческихъ лѣтъ... живутъ въ тайныхъ покояхъ». Осужденная на затворническую жизнь въ узкомъ кругу семейно-домашнихъ интересовъ, отлученная отъ общества, которое само по себѣ было такъ бѣдно въ допетровской Руси интеллектуально-эстетическимъ развитіемъ, русская женщина не имѣла возможности проявить творческія силы своего духа въ области искусства и знанія. Всѣ ея эстетическія потребности, всѣ таланты замыкались въ тѣсныхъ стѣнахъ терема, гдѣ она могла, если въ ней оказывались способности и охота, тѣшить себя и плѣнять своихъ «мамушекъ» и «сѣнныхъ дѣвушекъ» пѣніемъ, игрою на какомъ-нибудь не хитромъ му-

зыкальномъ инструментѣ, пляскою, наконецъ, шитьемъ искусныхъ уборовъ и узорныхъ покрововъ для церкви, отождествлявшихъ въ извѣстной степени живопись. Но все это было, конечно, примитивно, самодѣльно и лишено всякаго развитія, всякой школы, да притомъ-же, женщины высшаго класса, боярыни, брезгали лично участвовать въ этого рода потѣхахъ и художествахъ, предпочитая полное ничегонедѣланье въ роли зрительницъ или распорядительницъ.

Что касается мыслительной дѣятельности и книжной учености, то и въ этомъ отношеніи допетровская русская женщина ничѣмъ себя не заявила. Очень часто она не знала даже грамоты, а большинство боярынь, умѣвшихъ читать и писать, были крайне неискусны въ этой премудрости и кругъ ихъ знаній и умственныхъ интересовъ былъ весьма ограниченный. Это можно провѣрить по сохранившимся немногимъ письмамъ представительницъ старо-московскаго общества. Даже высокопоставленныя изъ нихъ и наиболѣе образованныя въ своей интимной перепискѣ, помимо малограмотности, обнаруживаютъ такое узкое, наивное и простоватое міросозерцаніе, такую патріархальность чувствованій и помысловъ, какія въ наше время можно встрѣтить развѣ въ какой-нибудь мѣщанской бабѣ или купчихѣ, живущей по старинѣ. Возьмите письма, напр., Натальи Кирилловны, развѣнчанной супруги Петра В., Евдокіи Лопухиной, царевенъ—дочерей Алексѣя Михайловича, и въ томъ числѣ даже самой знаменитой Софьи, о которой, какъ увидимъ сейчасъ, сложилось небезосновательное представленіе, какъ объ образованнѣйшей своего

времени женщинѣ. Складъ мыслей, обороты, языкъ, конструкція, фразы—все это здѣсь совершенно примитивное, совершенно *бабье*, если можно такъ выразиться, во вниманіе къ отсутствію всякой *литературности* въ этихъ именно письмахъ.

Вообще въ допетровскомъ обществѣ хорошо образованныхъ женщинъ, даже на тогдашній невысокій масштабъ, почти не было и, во всякомъ случаѣ, онѣ составляли рѣдко встрѣчавшееся исключеніе. Такимъ исключеніемъ была, напр., Ксенія Борисовна Годунова, которая, по свидѣтельству лѣтописцевъ, была «писанію книжному искусна», отличалась краснорѣчіемъ, любила пѣніе «гласы воспѣваемыя любляше», а по словамъ бывшаго тогда въ Россіи англичанина Джемса, и сама складывала пѣсни,—дѣйствительно, весьма поэтическія, тепло и трогательно изображающія горькую судьбу семьи Годунова и самой несчастной Ксеніи. Однако-жъ, признать Ксенію авторомъ этихъ прекрасныхъ пѣсенъ и, слѣдовательно—первою по времени, русской поэтессой довольно рисковано, за неимѣніемъ болѣе достовѣрныхъ историческихъ указаній. Пѣсни, записанныя Джемсомъ,—чисто народныя пѣсни, по складу и характеру и, вѣроятно, приписаны Ксеніи по преданію, въ силу поэтически трогательнаго впечатлѣнія, оставленнаго въ народной памяти симпатичнымъ образомъ этой дѣвушки-страдалицы.

Болѣе ощутительно и несомнѣнно начинаетъ заявлять себя русская женщина въ указанномъ отношеніи только со второй половины XVII столѣтія, въ лицѣ, исторически засвидѣтельствовавшихъ свои способности,

царевенъ Софьи и Натальи Алексѣевенъ, царицы Натальи Кирилловны и друг. Въ это время теремъ, еще изолированный и по прежнему замкнутый, даетъ знать о своемъ существованіи активнымъ и иногда очень вліятельнымъ участіемъ въ дѣлахъ общественныхъ и государственныхъ. Извѣстно, какое большое вліяніе оказывали на мягкаго и благодушнаго, по природѣ, царя Алексѣя Михайловича его жены—сперва Марья Ильинишна Милославская, а потомъ—Наталья Кирилловна Нарышкина. Послѣдняя, напр., положительно была главной виновницей упроченія въ то время при московскомъ дворѣ театральныхъ зрѣлищъ, къ которымъ она питала большое влеченіе въ молодости. Но въ особенности ярко и дѣятельно заявилъ себя теремъ въ дни регентства царевны Софьи. Мы не будемъ касаться здѣсь государственной дѣятельности царевны, въ которой она обнаружила такую порывистую, могучую энергію и такой смѣлый умъ, къ сожалѣнію, дурно направленные, но несомнѣнно выразившіе косвеннымъ образомъ протестъ терема, во имя правъ женской личности, во имя признанія за нею такихъ духовно-умственныхъ способностей, въ которыхъ ей до тѣхъ поръ отказывали.

«Теремъ,—остроумно замѣчаетъ по этому поводу г. И. Забѣлинъ,—какъ бы въ отмщеніе за свое удаленіе отъ живой жизни, перемудряетъ мудрость цѣлыхъ вѣковъ, выступаетъ на сцену исторіи и мутитъ царствомъ, производитъ въ государевомъ дворѣ революцію...» «И теремъ самъ чувствуетъ, что такое положеніе ему по плечу, что достанетъ у него силы удержать за собою это положеніе.»

Но, помимо роли политической и государственой, теремъ, въ дни царевны Софьи, становится также центромъ умственнаго движенія, конечно, въ тѣсномъ кругу церковнаго схоластицизма. Въ 1682 г. Москва увидѣла небывалое явленіе: царевны-женщины ходятъ въ Грановитую палату на публичныя пренія о дѣлахъ вѣры съ расколоучителями и сами принимаютъ въ нихъ дѣятельное участіе! Въ это время весь московскій ученолитературный мірокъ, съ Симеономъ Полоцкимъ и Сильвестромъ Медвѣдевымъ во главѣ, сосредоточивался около терема царевенъ. Симеонъ Полоцкій является туда, въ качествѣ учителя и собесѣдника. Онъ посвящаетъ царевнѣ Софьѣ свои книги и, въ посвященіи («Вѣнецъ Вѣры»), такимъ образомъ воздаетъ дань хвалы мудрости ея и учености:

О, благороднѣйшая царевна Софія,
Ищеши премудрости силу небесныя.
По имени твоему (Софья—мудрость) жизнь свою ведеши:
Мудрая глаголеши, мудрая дѣеши...
Ты церковныя книги обыкла читати
И въ отеческихъ святцѣхъ мудрости искати...

Далѣе Полоцкій свидѣтельствуетъ, что царевна, заинтересованная его книгой, «возжелала сама ее созерцати и еще въ черни бывшу прилежно читати».

Точно также превозноситъ царевну и Сильвестръ Медвѣдевъ, и во «врученіи» ей (т. е. посвященіи книги) возлагаетъ на нее надежду, что она совершитъ въ Россіи введеніе просвѣщенія:

Тебѣ-бо слично науки начати,
Яко премудрой оны совершати,—

заключаетъ онъ свой панегирикъ, уподобляя Софью Семирамидѣ, Елизаветѣ Британской и пр.

Конечно, въ похвалахъ этихъ было немало льстиваго преувеличенія, но уже самое обращеніе ученыхъ того времени къ терему и къ его царственной представительницѣ убѣждаетъ въ томъ, что послѣдніе, дѣйствительно, были тогда центромъ умственной жизни. «Церковная начитанность была,—говоритъ г. И. Забѣлинъ,—насущной потребностью того времени и *особенно для терема*, ставшаго во главѣ тогдашнихъ общественныхъ движеній, получившаго въ свои руки царскую власть и тѣмъ самымъ сосредоточившаго около себя все то, что по своему образованію стояло тогда впереди.»

Но кромѣ церковной начитанности, теремъ въ тѣ дни не остался безучастнымъ и къ зарождавшимся тогда на Руси свѣтской изящной словесности и искусству. Сохранилось извѣстіе, со словъ Штелина, Дмитревскаго и друг., что «въ теремахъ просвѣщенной европейскимъ ученіемъ царевны Софьи Алексѣевны представляли не только духовныя трагедіи, написанныя другими, но и *собственныя ея сочиненія и переводы*». Къ числу такихъ произведеній Софьи относятъ переводъ ея мольеровской комедіи «Le médecin malgré lui» (Врачъ по неволѣ), а также «баснословную комедію *Русалки или славянскія нимфы*, съ пѣснями и танцами».

Хотя извѣстія эти повторены многими писателями и занесены отчасти даже въ такой солидный трудъ, какъ «Словарь» свѣтскихъ писателей митрополита Евгенія, но они менѣе, чѣмъ правдоподобны и имѣютъ цѣну, лишь какъ преданіе. Уже читая малограмотную пере-

писку Софьи Алексѣевны, никакъ нельзя представить себѣ, чтобы набрасывавшее ее перо было способно къ какой ни на есть литературной работѣ. Ниже мы увидимъ, что и на самомъ дѣлѣ, по свидѣтельству историческихъ фактовъ, драматическое авторство приписано Софьѣ ошибочно; но для насъ,—повторяемъ,—цѣнно самое преданіе объ этомъ, сложившееся, очевидно, подъ обаяніемъ, произведеннымъ выдающейся личностью царевны на современниковъ и ближайшее потомство. Быть можетъ, Софья вовсе не возвышалась надъ своими современницами, по степени образованія и приспособленности къ умственному труду, но въ ея лицѣ всего краснорѣчивѣе и сильнѣе выразился протестующій порывъ терема и къ тому и къ другому, рядомъ съ стремленіемъ завоевать для русской женщины право равенства съ мужчиной на дѣятельную роль въ области умственной и политической.

Такимъ же, лишеннымъ достовѣрности, но характеристическимъ преданіемъ остается и извѣстіе о томъ, что въ представленіи вышеупомянутыхъ и другихъ театральныхъ пьесъ въ теремѣ участвовала сама царевна Софья съ приближенными боярышнями и царедворцами. Преданіе это утвердилось, между прочимъ, со словъ князя А. Шаховскаго.

«Мнѣ извѣстно, по семейнымъ преданіямъ,—разсказываетъ онъ,—что прабабка моя Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царевны Софьи Алексѣевны, представляла лицо Екатерины Мученицы въ трагедіи, написанной самой царевной (такъ она сказывала своей дочери, а моей бабкѣ), и что Петръ Великій, бывая

всегда при театральныхъ зрѣлищахъ въ теремахъ своей сестры, прозвалъ Татьяну Ивановну «Екатериной мученицей—большiе глаза». Шаховской добавляетъ, что представленiя въ теремѣ Софьи Алексѣевны завелись въ 1690 г. То-же самое повторяетъ и Штелинъ, но есть вѣроятiе, что въ извѣстiи этомъ произошла нѣкоторая путаница въ именахъ. То, что говорится здѣсь о *сестрѣ* Петра Великаго, должно быть отнесено не къ Софьѣ Алексѣевнѣ, а къ Натальѣ Алексѣевнѣ, которая въ концѣ прошлаго столѣтiя является тоже выдающейся, въ интеллектуальномъ отношенiи, женской личностью, какъ по своему литературному развитiю, такъ и по влiянiю, которое оказывала она на окружающихъ, въ особенности же на нѣжно любившаго ее брата. Наталья Алексѣевна была страстная любительница театра, устраивала въ своихъ хоромахъ спектакли и—есть вѣроятiе — сама участвовала въ нихъ, а также сочиняла драматическiя пьесы. О спектакляхъ въ ея хоромахъ сохранились извѣстiя современныхъ хроникеровъ. Объ этомъ упоминается даже въ походномъ «Юрналѣ» Петра Великаго. Веберъ указываетъ, что уже въ Петербургѣ Наталья Алексѣевна «заставляла играть драматическiя пьесы, которыя смотрѣть воленъ былъ всякiй. Для помѣщенiя театра избрали огромный пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи...» Въ этомъ-то театрѣ, по словамъ Вебера, ставились и сочиненныя по-русски Натальей Алексѣевной «трагедiи и комедiи» съ сюжетами «изъ библiи или изъ обыкновенныхъ повседневныхъ приключенiй». Такъ, въ одной изъ этихъ пьесъ, какъ ему объяснили современники, царевной-авторомъ «было выведено на

цену одно из послѣднихъ стрѣлецкихъ возмущеній». кадемикъ Пекарскій открылъ самую эту пьесу: она азвана—«Стефанотокосъ» и въ ней аллегорически предгавленъ заговоръ Шакловитаго.

Авторство Натальи Алексѣевны подтверждаетъ въ воихъ запискахъ и извѣстный Бассевичъ. «Принцесса аталья, младшая и любимая сестра императора,—говоитъ онъ,—сочинила незадолго до своей смерти (1716 г.) вѣ пьесы, расположенныя по очень умному плану и въ оторыхъ были подробности, не лишенныя красоты, но едостатокъ въ актерахъ помѣшалъ представить ихъ а сценѣ».

Свидѣтельствуетъ также о меломаніи Натальи Алекѣевны и объ ея значительномъ для того времени литеатурномъ развитіи оставшаяся послѣ ея смерти доольно обширная библіотека, состоявшая преимущегвенно изъ рукописныхъ «комедіантскихъ книгъ».

Такимъ образомъ, какъ можно заключить по привеэннымъ здѣсь фактамъ, наша героиня, еще задолго до ормальнаго упраздненія ея теремнаго невольничества затворничества, довольно вѣско и краснорѣчиво заяила себя, въ лицѣ нѣсколькихъ своихъ выдающихся редставительницъ, на поприщѣ умственно-литературой производительности, если не самимъ дѣломъ, то гоячимъ стремленіемъ къ нему.

При этомъ нужно отмѣтить только одну весьма хаактеристическую черту активнаго участія въ области азванной производительности русской женщины какъ) времена Симеона Полоцкаго, такъ и впослѣдствіи— а протяженіи всего XVIII, а отчасти и XIX столѣтій.

Втеченіе означеннаго періода мы встрѣтимъ не мал женщинъ-писательницъ и даже ученыхъ, но всѣ он упражняются въ сочинительствѣ, въ наукахъ и искус ствахъ не по профессіи, а исключительно, какъ «люби тельницы»-диллетантки. Это все хорошо обезпеченныя ма теріально барыни, прекрасно образованныя, начитанны нерѣдко талантливыя, исполненныя искренней любви к наукѣ, къ литературѣ и искусству, но занятія сими по слѣдними—для нихъ не болѣе, какъ забава, развлечені или предметъ суетнаго тщеславія. Тутъ нѣтъ мѣста ни системѣ, ни серьезнымъ цѣлямъ, ни сознанію общественнаго долга, какъ не можетъ быть имъ мѣста во всякой личной, хотя-бы и очень изящной и остроумной прихоти. Оттого-то такъ тощи и ничтожны въ итогѣ плоды умственно-художественной производительности русской образованной женщины за времена минувшія. И оттого-то возбужденный въ послѣднее время и столько вызывавшій рѣзкихъ осужденій и грубыхъ насмѣшекъ «вопросъ *о женскомъ трудѣ*»—вовсе не пустая фраза, не выдумка кабинетныхъ «либераловъ».

Труда, именно, и не хватало предшествовавшимъ генераціямъ русской образованной женщины, пробовавшей свои творческія силы на поприщѣ литературы, науки и искусства! Мы говоримъ о *профессіональномъ трудѣ*, подчиняющемся духовнымъ потребностямъ общества и одушевленномъ общественными идеалами. Отсутствіе такого труда низводитъ самое прилежное, самое утонченное занятіе наукой и искусствомъ на степень эстетическаго переливанія изъ пустого въ порожнее. Къ сожалѣнію, таковъ былъ, въ большинствѣ слу-

левъ, результатъ женской производительности въ поянутой области до послѣдняго почти времени.

Впрочемъ, необходимо сдѣлать изъ этого правила дно важное и существенное исключеніе—для русской ктрисы и, вообще, для сценической артистки. У насъ еатръ долгое время былъ единственной, узаконенной школой и для женскаго интеллектуальнаго труда, и для ыработки на практикѣ женской правовой самостоятельости. Въ этомъ отношеніи русская женщина-артистка а цѣлое столѣтіе опередила русскую женщину-писательницу, русскую женщину-доктора, русскую женщину-хуожницу и т. д.; но на ней мы остановимся въ слѣдуюцей главѣ. Обратимся теперь къ нашимъ барынямъ-иллетанткамъ въ наукѣ и литературѣ.

Въ какой степени нашъ отечественный пантеонъ ѣденъ вообще русскими знаменитыми женщинами, чѣмъ ибудь прославившимися, это можно заключить изъ лѣдующаго простого вычисленія. Беремъ извѣстный Словарь достопамятныхъ людей русской земли» Баныш-Каменскаго.

Въ немъ приведено до пятисотъ чѣмъ нибудь прославившихся русскихъ людей, начиная съ легендарнаго Бояна и кончая вполнѣ достовѣрнымъ и весьма «достоамятнымъ» графомъ Аракчеевымъ. И что-же?—На все то число весьма снисходительный и тароватый на лавовые вѣнки Бантышъ-Каменскій едва набралъ *двѣнадатъ* женскихъ именъ, изъ коихъ, къ тому-жъ, нѣколько такихъ, заслуги и даже бытіе которыхъ болѣе, ѣмъ сомнительны. Обращаемся къ неменѣе извѣстному Словарю русскихъ свѣтскихъ писателей», митрополита

Евгенія, и—на все ихъ число находимъ, съ начала существованія россійской словесности чуть не по наши дни, только *четыре* писательницы, въ томъ числѣ царевну Софью, авторство которой, какъ мы уже знаемъ, вовсе не доказано исторически.

Положимъ, списокъ митрополита Евгенія можно значительно пополнить, но отъ увеличенія числа именъ, къ сожалѣнію, женская литературная производительность прошлыхъ временъ очень мало выиграетъ въ нашихъ глазахъ, въ качественномъ отношеніи, ибо, строго говоря, до нашихъ почти дней мы не имѣли ни одной сколько нибудь замѣчательной русской писательницы, которая оставила бы послѣ себя какой нибудь, хотя бы скромный, «памятникъ нерукотворный».

Это опять-таки слѣдуетъ объяснить не недостаткомъ талантливости и умственнаго развитія въ средѣ образованныхъ русскихъ женщинъ минувшаго столѣтія, а тѣмъ, что женщинамъ даровитымъ, умнымъ и развитымъ, которыя могли-бы, при другихъ условіяхъ, прославить свои имена плодотворной творческой дѣятельностью, совершенно чужда была тогда самая идея женскаго профессіональнаго труда на какомъ-бы ни было поприщѣ и всего болѣе—на научно-литературномъ. Вслѣдствіе этого, дарованія и знанія либо заглушались въ выдающихся, богато одаренныхъ природой женскихъ натурахъ суетной свѣтской жизнью, либо растрачивались на диллетантскіе пустяки.

Мы знаемъ, что, по правиламъ тогдашняго свѣтскаго «добраго воспитанія», отъ женщины требовалась обязательно нѣкоторая художественность, нѣкоторые са.

лонные талантики и кое-какое поверхностное знакомство съ искусствами. Словомъ, по тогдашнимъ идеаламъ, каждая благовоспитанная женщина, особенно въ молодости, должна была быть немножко музыкантшей и пѣвицей, немножко танцовщицей, немножко—художницей, умѣющей набросать альбомный пейзажикъ, немножко—поэтессой... Всего понемножку, въ мѣру требованій салона; но свѣтская женщина, которая всецѣло отдалась-бы какому-нибудь искусству или наукѣ и сдѣлалась-бы профессіональной артисткой, ученой или писательницей—скандализировала-бы весь «бо-мондъ» и стала-бы предметомъ общаго осужденія и насмѣшекъ, какъ «синій чулокъ», какъ «семинаристъ въ желтой шали» или «философъ въ чепцѣ», выставленные въ такомъ комическомъ свѣтѣ въ самой литературѣ, подъ остроумнымъ перомъ лучшихъ нашихъ поэтовъ.

Вспомнимъ, что не только въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ, но и теперь еще въ кое-какихъ чопорно-фешенебельныхъ сферахъ нашего общества и даже въ извѣстной части учено-литературной среды очень косо посматриваютъ на интеллигентныхъ женщинъ-труженицъ, посвятившихъ себя какой нибудь, такъ называемой «либеральной» профессіи. Наша свѣтская публика, въ массѣ, до сихъ поръ еще въ этомъ отношеніи благосклонна лишь къ женщинѣ-артисткѣ, актрисѣ, пѣвицѣ, балеринѣ, отчасти художницѣ; но женщина-ученая, писательница, журналистка, женщина-врачъ далеко еще не завоевали себѣ въ общественномъ мнѣніи полнаго права гражданства. Понятно, что въ прежнее время это предубѣжденіе къ интеллектуальному жен-

скому труду, въ области науки и литературы, было гораздо распространеннѣе, нетерпимѣе и раздѣлялось, какъ мы упомянули, дажи лучшими передовыми умами.

Эта барская, аристократическая брезгливость къ женскому труду, къ женской интеллектуальной профессіи, особенно рельефно выражалась и выражается отчасти по сіе время въ томъ странномъ отношеніи къ артистической дѣятельности женщины, которое низводило эту дѣятельность на степень чего-то позорнаго и унизительнаго.

Свѣтская дама высшаго круга, если Богъ надѣлилъ ее какимъ-нибудь сценическимъ талантомъ, который она ктому-жъ основательно культивировала, дѣлалась украшеніемъ своего салона и предметомъ поклоненія своихъ знакомыхъ, но—сохрани Богъ, еслибъ ей пришла идея послужить своимъ даромъ всему обществу и выступить на публичвую сцену: опа погибла бы въ мнѣніи «бо-монда», и онъ отрекся бы отъ нея, какъ отъ прокаженной! Тотъ же «бо-мондъ» въ театрѣ восторженно встрѣчалъ, а нерѣдко боготворилъ ту или другую талантливую артистку, но его двери для нея всегда были плотно закрыты, и ея появленіе въ какомъ-нибудь свѣтскомъ салонѣ, на правахъ гостьи, было-бы принято за величайшій скандалъ, за униженіе аристократической привиллегированности великосвѣтскаго паркета. Мы увидимъ впослѣдствіи, до какой иногда дикости доходилъ этотъ предразсудокъ по отношенію къ женщинѣ-артисткѣ, для которой даже поклоненіе свѣтскихъ меломановъ носило оскорбительный отпечатокъ барскаго снисхожденія и меценатскаго покровительства свысока.

Вслѣдствіе указанныхъ здѣсь причинъ, восемнадцатый вѣкъ создалъ у насъ своеобразные типы женщинъ-любительницъ наукъ и искусствъ. Въ верхушкахъ большаго свѣта завелись тогда у насъ свои Рамбулье и Роланъ—изящныя, литературно развитыя, умныя и любезныя покровительницы ученыхъ и художниковъ, тонкія и благосклонныя цѣнительницы ихъ знаній и талантовъ, сосредоточивавшія въ своихъ роскошныхъ салонахъ сливки интеллигенціи.

Прототипомъ такого салона былъ знаменитый Эрмитажъ временъ императрицы Екатерины II, какъ съ другой стороны, сама государыня эта служила образцомъ такой любительницы наукъ и искусствъ и покровительницы ученыхъ, литераторовъ и артистовъ. Кому неизвѣстны особенная внимательность и меценатски-тароватая благосклонность Екатерины къ Ломоносову, Сумарокову, Фонвизину, Державину и къ другимъ, современнымъ ей, знаменитымъ русскимъ писателямъ и ученымъ, не говоря уже о ея любезностяхъ и царственныхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ тогдашнимъ свѣтиламъ науки и литературы на Западѣ. Вотъ, напр., какую восторженную оцѣнку этой черты Екатерины дѣлаетъ извѣстный Гриммъ, въ своемъ первомъ письмѣ къ ней:

«Государыня!—пишетъ онъ.—Съ тѣхъ поръ, какъ ваше императорское величество осыпали щедротами одного изъ знаменитѣйшихъ философовъ Франціи (Вольтера), всѣ занимающіеся литературой и мыслящіе люди, въ какой-бы части Европы они не жили, начали считать себя вашими подданными. Самые темные изъ нихъ, какъ и самые извѣстные, осмѣлились увѣриться, что и

они прямые участники въ покровительствѣ вашего императорскаго величества«.

Карамзинъ въ своемъ «похвальномъ словѣ» Екатеринѣ, вычисляя ея заслуги и труды, говоритъ, что «словесность была предметомъ особеннаго ея благоволенія и покровительства; ибо она знала ея сильное вліяніе на образованіе народа и счастіе жизни. Всякое истинное дарованіе было правомъ на лестное отличіе—и славная «Россіяда» въ ея время украсила нашу поэзію. Державинъ въ русскихъ стихахъ оживилъ «Горація». Богдановичъ своими цвѣтами осыпалъ «Лафонтенову сказку»... «Многіе другіе стихотворцы явились—и Екатерина, дерзну сказать, была для нихъ музою: душа ихъ пылала ея славою и, хваля Премудрую, они боялись казаться льстецами».

Это, именно, стремленіе «стать музою» для поэтовъ и художниковъ одушевляло всѣхъ тогдашнихъ великосвѣтскихъ меценатокъ, какъ искреннихъ, дѣйствительно любившихъ науки и искусства, такъ и тѣхъ, которыми руководили въ этомъ случаѣ мода, прихоть и суетное тщеславіе. Съ своей стороны, сами поэты, ученые и артисты, «не боясь казаться льстецами», льнули къ такимъ великосвѣтскимъ меценаткамъ, искали ихъ вниманія и славословили ихъ, какъ своихъ вдохновительницъ.

Сентиментальный Карамзинъ, въ своемъ «Посланіи къ женщинамъ» (1795 г.), говоритъ, между прочимъ, что онъ взялся за бумагу и «чернильницу съ перомъ» лишь для того, «чтобъ стать писателемъ, творцомъ», для «красавицъ пріятнымъ», чтобъ,—продолжаетъ онъ,—

...слогомъ чистымъ, сердцу внятнымъ,
Оттѣнки вамъ (т. е. красавицамъ) изображать
Страстей счастливыхъ и несчастныхъ,

То кроткихъ, то ужасныхъ,
Чтобъ вы могли сказать:
„Онъ, право, мило и вѣрно переводитъ
Все темное въ сердцахъ на ясный намъ языкъ"...

Удивляясь далѣе «острому понятію женщинъ, которое Лафатеръ называетъ чувствомъ истины», Карамзинъ говоритъ, что ихъ «совѣтъ философу нуженъ«, какъ для поэта онѣ служатъ музой, и—вліяніе женщины, въ этихъ случаяхъ, ничѣмъ незамѣнимо, по своей плодотворности.

Большой свѣтъ, особенно въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, имѣлъ не мало такихъ очаровательныхъ, просвѣщенныхъ меценатокъ, служившихъ музами для поэтовъ и совѣтницами для философовъ. Графини М. Г. Разумовская, А. К. Воронцова, М. А. Нарышкина, княгиня Голицына, З. А. Волконская, Долгорукова, въ особенности же Дашкова, прозванная современниками «россійской Минервой», и другія знатныя дамы создали у насъ въ то время художественно-литературный салонъ и, несомнѣнно, оказали свою долю вліянія на развитіе талантовъ и на процвѣтаніе отечественной словесности.

Этой категоріи женщины, по признанію одного современника, «обладали въ обществѣ силою и властью —западныя женщины завидовали имъ»... «Это былъ золотой вѣкъ для женщины и золотой вѣкъ для образованнаго общества», говоритъ онъ о первыхъ годахъ

царствованія Александра I. «Женщина царствовала в салонахъ не однимъ могуществомъ тѣлесной красоты но еще болѣе тайнымъ очарованіемъ внутренней, так сказать, благоухающей прелести своей». Объ этомъ ж свидѣтельствуютъ и тѣ восторженныя похвалы тогдаш нимъ царицамъ салоновъ, которыми увѣковѣчили их наши поэты.

Державинъ, величая М. А. Нарышкину Аспазіей, к которой «мудрецы вздыхаютъ, а Периклъ (Александр I) въ нее влюбленъ», говоритъ далѣе, что

Угождаютъ ей науки,
Дань художества даютъ;
Мусикійски сладки звуки
Въ взгляды томность ей ліютъ...

Княгинѣ З. А. Волконской, въ салонѣ которой со бирался избранный кружокъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ, которая сама была прекрасной музыкантшей Пушкинъ воздалъ такую пламенную похвалу, какъ «ца рицѣ музъ»:

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Апполона,
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній...

Дѣйствительно, княгиня владѣла этимъ скипетромъ вполнѣ, судя по множеству посвященныхъ ей мадрига ловъ тогдашними поэтами отъ Пушкина до Мицкевича

Безъ сомнѣнія, самой достопамятной и наиболѣе вліятельной представительницей этого культурнаго женскаго типа, созданнаго восемнадцатымъ столѣтіемъ, является, послѣ императрицы Екатерины II, княгиня Дашкова, призванная ex oficio «устроить русскимъ музамъ сѣнь», какъ выразился Княжнинъ по поводу «открытія Академіи Россійской», учрежденной стараніемъ Дашковой и порученной ея начальству. Впрочемъ, въ княгинѣ Дашковой совмѣщались два типа—и вышеочерченный типъ великосвѣтской покровительницы наукъ и искусствъ, и—самостоятельной дѣятельницы въ этой области, какъ писательницы и ученой. Въ послѣднемъ отношеніи она значительно опередила свой вѣкъ и, по истинѣ, можетъ назваться ***первой***, по времени, русской писательницей и журналисткой.

Сказать къ слову, компетентный біографъ княгини Дашковой, г. Иловайскій, отказывается признать, что она стояла выше своего вѣка. «Мы,—говоритъ онъ, между прочимъ—смѣло причисляемъ Екатерину Романовну къ тѣмъ мнимымъ либераламъ, которые требуютъ свободу —только для самихъ себя»... «Героиня наша не привыкла задумываться надъ вопросами о народномъ благѣ, ея не волновали самые существенные интересы общества»...

Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи, а также по своему крайне честолюбивому и эгоистическому характеру, по своимъ личнымъ недостаткамъ, въ родѣ скупости, хвастовства и т. д., Екатерина Романовна не представляла счастливаго исключенія изъ окружающей ее среды; но, во-первыхъ, много-ли найдемъ мы истинныхъ

либераловъ, задумывавшихся въ тѣ времена надъ «родным благомъ», даже въ ряду знаменитѣйшихъ р скихъ писателей и другихъ дѣятелей? Самъ-же г. И вайскій, начавъ счетъ такимъ русскимъ либерал XVIII вѣка, привелъ Радищева и Новикова, да на н и обчелся. Во-вторыхъ, отрицать тотъ фактъ, что Д кова, по умственному развитію, по своимъ знаніям ученo-литературнымъ трудамъ, вовсе не возвышал надъ среднимъ уровнемъ русскихъ женщинъ сво времени,—явная несправедливость и передъ нею и редъ исторіей. Впрочемъ, въ этомъ пунктѣ г. Илов скій самъ себя опровергаетъ, признавая въ другомъ стѣ, что Дашкова «владѣла чудными способностями», « вымъ, блестящимъ остроуміемъ, теплымъ, сосредоточ нымъ чувствомъ» и т. д. Но самымъ вѣскимъ и не разимымъ доказательствомъ недюжинности способнос и развитія Екатерины Романовны, а также, отверг мыхъ г. Иловайскимъ, заслугъ ея, въ пользу «су ственныхъ интересовъ общества», можетъ служить дѣятельность въ области науки и литературы.

Дашкова, лично, не обладала большимъ, выдающи литературнымъ талантомъ и, хотя писала очень много

---

*) Первымъ произведеніемъ пера кн. Дашковой былъ пе водъ „Опыта о эпической поэзіи“ Вольтера. Затѣмъ, она оч много писала прозой и стихами въ современныхъ журнала особенно-же въ „Собесѣдникѣ любителей Рос. Сл.“; сочин нѣсколько комедій („То-и-сіаковъ или человѣкъ безхаракт ный“, „Свадьба Фабіана“ и др.), и уже въ 1806 г. издала дѣльной книгой (кажется послѣднее) сочиненіе свое: „Плуг Соха“.

но изъ всего ею написаннаго одни только любопытныя и замѣчательныя, по своему историческому значенію, «Записки» ея пережили автора и остаются до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ памятниковъ русской мемуарной литературы XVIII столѣтія. За то, обладая живымъ, дѣятельнымъ умомъ, кипучей энергіей и обширными знаніями, она являлась неоцѣнимымъ, для своего времени, организаторомъ и руководителемъ въ дѣлахъ учено-литературнаго міра. Это доказало ея плодотворное управленіе академіей наукъ. Уже одинъ этотъ фактъ ставитъ ее чрезвычайно высоко надъ ея современницами и даже надъ многими современниками.

Небывалый, нигдѣ неслыханный примѣръ! Женщина, слабое, «кисейное» созданіе, назначается на высокій, чрезвычайно отвѣтственный, по своему умственному цензу, постъ президента академіи наукъ, и что же? Эта женщина сразу успѣваетъ встать на высоту своего призванія, съ достоинствомъ и съ блестящимъ успѣхомъ выдерживаетъ трудный искусъ и своей умной просвѣщенной дѣятельностью вызываетъ общее одобреніе... Неужели это было дѣломъ заурядным и обыкновеннымъ?!

Уже вступленіе Екатерины Романовны въ должность директора ученаго ареопага заставляетъ насъ удивляться ея просвѣщенному такту, уму и твердой выдержанности характера. Она начала съ того, что пригласила въ первое, открываемое ею, академическое засѣданіе заслуженнаго, тогда уже дряхлаго и ослѣпшаго Эйлера, стяжавшаго европейскую славу. Въ немъ Дашкова хотѣла почтить заслуги предъ наукой, а между тѣмъ первое мѣсто въ засѣданіи академиковъ занималъ сомни-

тельной знаменитости Штелинъ. Новый директоръ съумѣлъ ссадить напыщеннаго Штелина съ перваго мѣста для Эйлера такимъ деликатнымъ и остроумнымъ образомъ. Когда Эйлеръ вошелъ въ собраніе, Екатерина Романовна сказала ему торжественно:

— Садитесь, гдѣ вамъ угодно, и мѣсто, которое вы изберете, конечно, *будетъ первымъ между всѣми*.

Такая дань уваженія къ таланту и заслугамъ была встрѣчена съ удовольствіемъ всѣми, исключая, разумѣется, Штелина, претенціозности котораго былъ нанесенъ такой тонкій и жестокій ударъ, и кѣмъ же?—Женщиной!

Въ своей вступительной рѣчи Екатерина Романовна скромно и съ сожалѣніемъ созналась въ бѣдности своихъ научныхъ познаній, но за то высказала свое глубокое уваженіе къ наукѣ и горячее желаніе содѣйствовать ея процвѣтанію въ стѣнахъ академіи. Затѣмъ, она немедленно и энергически принялась за приведеніе въ порядокъ запущенныхъ дѣлъ и хозяйства академіи, изыскивая способы оживить ея дѣятельность и поднять ея ученую производительность на пользу общества. Мы не будемъ вычислять здѣсь всего, что ею было сдѣлано на этомъ поприщѣ; но не можемъ не отмѣтить оказанную ею тогда, важную, вполнѣ патріотическую услугу русскому слову, которая уже одна могла бы обезсмертить ее.

Прежде всего, въ интересѣ процвѣтанія русской литературы, княгиня Екатерина Романовна основала при академіи и на ея средства лучшій того времени журналъ—«Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова», къ участію въ которомъ она привлекала всѣхъ нашихъ тог-

дашнихъ литературныхъ знаменитостей. Въ числѣ сотрудниковъ «Собесѣдника» была и императрица, но больше всѣхъ работала въ этомъ журналѣ сама княгиня, какъ редакторъ и какъ сотрудникъ. (Въ 1786 г., вмѣсто закрывшагося «Собесѣдника», Екатерина Романовна предприняла другое академическое русское повременное изданіе: «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія»). Наконецъ, ревнуя все о большемъ развитіи русскаго слова, Дашкова пришла къ мысли основать россійскую академію. Эта мысль, чрезвычайно счастливая и новая для того времени, какъ и приведеніе ея въ исполненіе, положительно ей принадлежатъ, чтó признаютъ, впрочемъ, и самые предубѣжденные біографы Дашковой. Случилось это такимъ образомъ.

Въ 1783 году, гуляя какъ-то лѣтомъ въ царскосельскомъ саду съ кн. Дашковой, императрица стала говорить о красотахъ и богатствѣ русскаго языка. Мгновенно въ пылкой головѣ Екатерины Романовны блеснула идея. Она тутъ же замѣтила, что, если государыня, сама будучи писательницей, такъ основательно цѣнитъ и любитъ русскій языкъ, то неудивительно-ли, что въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ спеціально русской академіи?

Екатерина была поражена этимъ неожиданнымъ и остроумнымъ замѣчаніемъ.

— Удивляюсь,—сказала она,—какъ эта мысль, до сихъ поръ, не приведена въ исполненіе!

Тутъ же княгиня Дашкова была уполномочена составить проектъ Россійской академіи и уже осенью того же года ея идея воплотилась въ дѣло: въ октябрѣ княгиня, въ качествѣ президента въ открываемой академіи,

царствованія Александра I. «Женщина царствовала въ салонахъ не однимъ могуществомъ тѣлесной красоты, но еще болѣе тайнымъ очарованіемъ внутренней, такъ сказать, благоухающей прелести своей». Объ этомъ же свидѣтельствуютъ и тѣ восторженныя похвалы тогдашнимъ царицамъ салоновъ, которыми увѣковѣчили ихъ наши поэты.

Державинъ, величая М. А. Нарышкину Аспазіей, по которой «мудрецы вздыхаютъ, а Периклъ (Александръ I) въ нее влюбленъ», говоритъ далѣе, что

Угождаютъ ей науки,
Дань художества даютъ;
Мусикійски сладки звуки
Въ взгляды томность ей ліютъ...

Княгинѣ З. А. Волконской, въ салонѣ которой собирался избранный кружокъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ, которая сама была прекрасной музыкантшей, Пушкинъ воздалъ такую пламенную похвалу, какъ «царицѣ музъ»:

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Апполона,
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній...

Дѣйствительно, княгиня владѣла этимъ скипетромъ вполнѣ, судя по множеству посвященныхъ ей мадригаловъ тогдашними поэтами отъ Пушкина до Мицкевича.

Безъ сомнѣнія, самой достопамятной и наиболѣе вліятельной представительницей этого культурнаго женскаго типа, созданнаго восемнадцатымъ столѣтіемъ, является, послѣ императрицы Екатерины II, княгиня Дашкова, призванная ex oficio «устроить русскимъ музамъ сѣнь», какъ выразился Княжнинъ по поводу «открытія Академіи Россійской», учрежденной стараніемъ Дашковой и порученной ея начальству. Впрочемъ, въ княгинѣ Дашковой совмѣщались два типа—и вышеочерченный типъ великосвѣтской покровительницы наукъ и искусствъ, и—самостоятельной дѣятельницы въ этой области, какъ писательницы и ученой. Въ послѣднемъ отношеніи она значительно опередила свой вѣкъ и, по истинѣ, можетъ назваться *первой*, по времени, русской писательницей и журналисткой.

Сказать къ слову, компетентный біографъ княгини Дашковой, г. Иловайскій, отказывается признать, что она стояла выше своего вѣка. «Мы,—говоритъ онъ, между прочимъ—смѣло причисляемъ Екатерину Романовну къ тѣмъ мнимымъ либераламъ, которые требуютъ свободу —только для самихъ себя»... «Героиня наша не привыкла задумываться надъ вопросами о народномъ благѣ, ея не волновали самые существенные интересы общества»...

Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи, а также по своему крайне честолюбивому и эгоистическому характеру, по своимъ личнымъ недостаткамъ, въ родѣ скупости, хвастовства и т. д., Екатерина Романовна не представляла счастливаго исключенія изъ окружающей ее среды; но, во-первыхъ, много-ли найдемъ мы истинныхъ

либераловъ, задумывавшихся въ тѣ времена надъ «народнымъ благомъ», даже въ ряду знаменитѣйшихъ русскихъ писателей и другихъ дѣятелей? Самъ-же г. Иловайскій, начавъ счетъ такимъ русскимъ либераламъ XVIII вѣка, привелъ Радищева и Новикова, да на нихъ и обчелся. Во-вторыхъ, отрицать тотъ фактъ, что Дашкова, по умственному развитію, по своимъ знаніямъ и учено-литературнымъ трудамъ, вовсе не возвышалась надъ среднимъ уровнемъ русскихъ женщинъ своего времени,—явная несправедливость и передъ нею и передъ исторіей. Впрочемъ, въ этомъ пунктѣ г. Иловайскій самъ себя опровергаетъ, признавая въ другомъ мѣстѣ, что Дашкова «владѣла чудными способностями», «живымъ, блестящимъ остроуміемъ, теплымъ, сосредоточеннымъ чувствомъ» и т. д. Но самымъ вѣскимъ и неотразимымъ доказательствомъ недюжинности способностей и развитія Екатерины Романовны, а также, отвергаемыхъ г. Иловайскимъ, заслугъ ея, въ пользу «существенныхъ интересовъ общества», можетъ служить ея дѣятельность въ области науки и литературы.

Дашкова, лично, не обладала большимъ, выдающимся литературнымъ талантомъ и, хотя писала очень много *),

---

*) Первымъ произведеніемъ пера кн. Дашковой былъ переводъ „Опыта о эпической поэзіи" Вольтера. Затѣмъ, она очень много писала прозой и стихами въ современныхъ журналахъ, особенно-же въ „Собесѣдникѣ любителей Рос. Сл."; сочинила нѣсколько комедій („То-и-сіаковъ или человѣкъ безхарактерный", „Свадьба Фабіана" и др.), и уже въ 1806 г. издала отдѣльной книгой (кажется послѣднее) сочиненіе свое: „Плугъ и Соха".

но изъ всего ею написаннаго одни только любопытныя и замѣчательныя, по своему историческому значенію, «Записки» ея пережили автора и остаются до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ памятниковъ русской мемуарной литературы XVIII столѣтія. За то, обладая живымъ, дѣятельнымъ умомъ, кипучей энергіей и обширными знаніями, она являлась неоцѣнимымъ, для своего времени, организаторомъ и руководителемъ въ дѣлахъ учено-литературнаго міра. Это доказало ея плодотворное управленіе академіей наукъ. Уже одинъ этотъ фактъ ставитъ ее чрезвычайно высоко надъ ея современницами и даже надъ многими современниками.

Небывалый, нигдѣ неслыханный примѣръ! Женщина, слабое, «кисейное» созданіе, назначается на высокій, чрезвычайно отвѣтственный, по своему умственному цензу, постъ президента академіи наукъ, и что же? Эта женщина сразу успѣваетъ встать на высоту своего призванія, съ достоинствомъ и съ блестящимъ успѣхомъ выдерживаетъ трудный искусъ и своей умной просвѣщенной дѣятельностью вызываетъ общее одобреніе... Неужели это было дѣломъ заурядным и обыкновеннымъ?!

Уже вступленіе Екатерины Романовны въ должность директора ученаго ареопага заставляетъ насъ удивляться ея просвѣщенному такту, уму и твердой выдержанности характера. Она начала съ того, что пригласила въ первое, открываемое ею, академическое засѣданіе заслуженнаго, тогда уже дряхлаго и ослѣпшаго Эйлера, стяжавшаго европейскую славу. Въ немъ Дашкова хотѣла почтить заслуги предъ наукой, а между тѣмъ первое мѣсто въ засѣданіи академиковъ занималъ сомни-

царствованія Александра I. «Женщина царствовала въ салонахъ не однимъ могуществомъ тѣлесной красоты, но еще болѣе тайнымъ очарованіемъ внутренней, такъ сказать, благоухающей прелести своей». Объ этомъ же свидѣтельствуютъ и тѣ восторженныя похвалы тогдашнимъ царицамъ салоновъ, которыми увѣковѣчили ихъ наши поэты.

Державинъ, величая М. А. Нарышкину Аспазіей, по которой «мудрецы вздыхаютъ, а Периклъ (Александръ I) въ нее влюбленъ», говоритъ далѣе, что

Угождаютъ ей науки,
Дань художества даютъ;
Мусикійски сладки звуки
Въ взгляды томность ей ліютъ...

Княгинѣ З. А. Волконской, въ салонѣ которой собирался избранный кружокъ литераторовъ, ученыхъ и артистовъ, которая сама была прекрасной музыкантшей, Пушкинъ воздалъ такую пламенную похвалу, какъ «царицѣ музъ»:

Среди разсѣянной Москвы,
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Апполона,
Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній...

Дѣйствительно, княгиня владѣла этимъ скипетромъ вполнѣ, судя по множеству посвященныхъ ей мадригаловъ тогдашними поэтами отъ Пушкина до Мицкевича.

Безъ сомнѣнія, самой достопамятной и наиболѣе вліятельной представительницей этого культурнаго женскаго типа, созданнаго восемнадцатымъ столѣтіемъ, является, послѣ императрицы Екатерины II, княгиня Дашкова, призванная ex oficio «устроить русскимъ музамъ сѣнь», какъ выразился Княжнинъ по поводу «открытія Академіи Россійской», учрежденной стараніемъ Дашковой и порученной ея начальству. Впрочемъ, въ княгинѣ Дашковой совмѣщались два типа—и вышеочерченный типъ великосвѣтской покровительницы наукъ и искусствъ, и—самостоятельной дѣятельницы въ этой области, какъ писательницы и ученой. Въ послѣднемъ отношеніи она значительно опередила свой вѣкъ и, по истинѣ, можетъ назваться *первой*, по времени, русской писательницей и журналисткой.

Сказать къ слову, компетентный біографъ княгини Дашковой, г. Иловайскій, отказывается признать, что она стояла выше своего вѣка. «Мы,—говоритъ онъ, между прочимъ—смѣло причисляемъ Екатерину Романовну къ тѣмъ мнимымъ либераламъ, которые требуютъ свободу —только для самихъ себя»... «Героиня наша не привыкла задумываться надъ вопросами о народномъ благѣ, ея не волновали самые существенные интересы общества»...

Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи, а также по своему крайне честолюбивому и эгоистическому характеру, по своимъ личнымъ недостаткамъ, въ родѣ скупости, хвастовства и т. д., Екатерина Романовна не представляла счастливаго исключенія изъ окружающей ее среды; но, во-первыхъ, много-ли найдемъ мы истинныхъ

либераловъ, задумывавшихся въ тѣ времена надъ родным благомъ», даже въ ряду знаменитѣйшихъ скихъ писателей и другихъ дѣятелей? Самъ-же г. вайскій, начавъ счетъ такимъ русскимъ либера XVIII вѣка, привелъ Радищева и Новикова, да на и обчелся. Во-вторыхъ, отрицать тотъ фактъ, что кова, по умственному развитію, по своимъ знаніям учено-литературнымъ трудамъ, вовсе не возвыша надъ среднимъ уровнемъ русскихъ женщинъ св времени,—явная несправедливость и передъ нею и редъ исторіей. Впрочемъ, въ этомъ пунктѣ г. Ило скій самъ себя опровергаетъ, признавая въ другомъ стѣ, что Дашкова «владѣла чудными способностями», вымъ, блестящимъ остроуміемъ, теплымъ, сосредото нымъ чувствомъ» и т. д. Но самымъ вѣскимъ и разимымъ доказательствомъ недюжинности способно и развитія Екатерины Романовны, а также, отве мыхъ г. Иловайскимъ, заслугъ ея, въ пользу «с ственныхъ интересовъ общества», можетъ служит дѣятельность въ области науки и литературы.

Дашкова, лично, не обладала большимъ, выдающ литературнымъ талантомъ и, хотя писала очень мно

---

*) Первымъ произведеніемъ пера кн. Дашковой былъ водъ „Опыта о эпической поэзіи“ Вольтера. Затѣмъ, она много писала прозой и стихами въ современныхъ журна особенно-же въ „Собесѣдникѣ любителей Рос. Сл.“; сочи нѣсколько комедій („То-и-сіаковъ или человѣкъ безхара ный“, „Свадьба Фабіана“ и др.), и уже въ 1806 г. издал дѣльной книгой (кажется послѣднее) сочиненіе свое: „Пл Соха“.

но изъ всего ею написаннаго одни только любопытныя и замѣчательныя, по своему историческому значенію, «Записки» ея пережили автора и остаются до сихъ поръ однимъ изъ лучшихъ памятниковъ русской мемуарной литературы XVIII столѣтія. За то, обладая живымъ, дѣятельнымъ умомъ, кипучей энергіей и обширными знаніями, она являлась неоцѣнимымъ, для своего времени, организаторомъ и руководителемъ въ дѣлахъ ученолитературнаго міра. Это доказало ея плодотворное управленіе академіей наукъ. Уже одинъ этотъ фактъ ставитъ ее чрезвычайно высоко надъ ея современницами и даже надъ многими современниками.

Небывалый, нигдѣ неслыханный примѣръ! Женщина, слабое, «кисейное» созданіе, назначается на высокій, чрезвычайно отвѣтственный, по своему умственному цензу, постъ президента академіи наукъ, и что же? Эта женщина сразу успѣваетъ встать на высоту своего призванія, съ достоинствомъ и съ блестящимъ успѣхомъ выдерживаетъ трудный искусъ и своей умной просвѣщенной дѣятельностью вызываетъ общее одобреніе... Неужели это было дѣломъ заурядньшъ и обыкновеннымъ?!

Уже вступленіе Екатерины Романовны въ должность директора ученаго ареопага заставляетъ насъ удивляться ея просвѣщенному такту, уму и твердой выдержанности характера. Она начала съ того, что пригласила въ первое, открываемое ею, академическое засѣданіе заслуженнаго, тогда уже дряхлаго и ослѣпшаго Эйлера, стяжавшаго европейскую славу. Въ немъ Дашкова хотѣла почтить заслуги предъ наукой, а между тѣмъ первое мѣсто въ засѣданіи академиковъ занималъ сомни-

тельной знаменитости Штелинъ. Новый директоръ съумѣлъ ссадить напыщеннаго Штелина съ перваго мѣста для Эйлера такимъ деликатнымъ и остроумнымъ образомъ. Когда Эйлеръ вошелъ въ собраніе, Екатерина Романовна сказала ему торжественно:

— Садитесь, гдѣ вамъ угодно, и мѣсто, которое вы изберете, конечно, *будетъ первымъ между всѣми.*

Такая дань уваженія къ таланту и заслугамъ была встрѣчена съ удовольствіемъ всѣми, исключая, разумѣется, Штелина, претенціозности котораго былъ нанесенъ такой тонкій и жестокій ударъ, и кѣмъ же?—Женщиной!

Въ своей вступительной рѣчи Екатерина Романовна скромно и съ сожалѣніемъ созналась въ бѣдности своихъ научныхъ познаній, но за то высказала свое глубокое уваженіе къ наукѣ и горячее желаніе содѣйствовать ея процвѣтанію въ стѣнахъ академіи. Затѣмъ, она немедленно и энергически принялась за приведеніе въ порядокъ запущенныхъ дѣлъ и хозяйства академіи, изыскивая способы оживить ея дѣятельность и поднять ея ученую производительность на пользу общества. Мы не будемъ вычислять здѣсь всего, что ею было сдѣлано на этомъ поприщѣ; но не можемъ не отмѣтить оказанную ею тогда, важную, вполнѣ патріотическую услугу русскому слову, которая уже одна могла бы обезсмертить ее.

Прежде всего, въ интересѣ процвѣтанія русской литературы, княгиня Екатерина Романовна основала при академіи и на ея средства лучшій того времени журналъ—«Собесѣдникъ любителей Россійскаго Слова», къ участію въ которомъ она привлекала всѣхъ нашихъ тог-

дашнихъ литературныхъ знаменитостей. Въ числѣ сотрудниковъ «Собесѣдника» была и императрица, но больше всѣхъ работала въ этомъ журналѣ сама княгиня, какъ редакторъ и какъ сотрудникъ. (Въ 1786 г., вмѣсто закрывшагося «Собесѣдника», Екатерина Романовна предприняла другое академическое русское повременное изданіе: «Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія»). Наконецъ, ревнуя все о большемъ развитіи русскаго слова, Дашкова пришла къ мысли основать россійскую академію. Эта мысль, чрезвычайно счастливая и новая для того времени, какъ и приведеніе ея въ исполненіе, положительно ей принадлежатъ, что̀ признаютъ, впрочемъ, и самые предубѣжденные біографы Дашковой. Случилось это такимъ образомъ.

Въ 1783 году, гуляя какъ-то лѣтомъ въ царскосельскомъ саду съ кн. Дашковой, императрица стала говорить о красотахъ и богатствѣ русскаго языка. Мгновенно въ пылкой головѣ Екатерины Романовны блеснула идея. Она тутъ же замѣтила, что, если государыня, сама будучи писательницей, такъ основательно цѣнитъ и любитъ русскій языкъ, то неудивительно-ли, что въ Россіи до сихъ поръ нѣтъ спеціально русской академіи?

Екатерина была поражена этимъ неожиданнымъ и остроумнымъ замѣчаніемъ.

— Удивляюсь,—сказала она,—какъ эта мысль, до сихъ поръ, не приведена въ исполненіе!

Тутъ же княгиня Дашкова была уполномочена составить проектъ Россійской академіи и уже осенью того же года ея идея воплотилась въ дѣло: въ октябрѣ княгиня, въ качествѣ президента въ открываемой академіи,

на ея освященіи, торжественно высказывала предъ собраніемъ благодарность Екатеринѣ за «новое отличіе покровительства россійскому слову, толь многихъ языковъ повелителю». Послѣ этого, она въ теченіи одиннадцати лѣтъ, пламенѣя «безпредѣльнымъ усердіемъ, истекающимъ изъ любви къ любезному отечеству», прилагала неусыпныя старанія поставить прочно на ноги основанное ею учрежденіе и достигла цѣли, не щадя для его упроченія ни силъ, ни средствъ своихъ. Упомянемъ только, что для упроченія и преуспѣянія россійской академіи княгиня пожертвовала капиталъ въ 49,000 рублей, принесла въ даръ ей свою обширную библіотеку. предприняла академическій словарь и сама въ немъ сотрудничала.

Можно-ли, въ виду этихъ фактовъ, утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Иловайскій, что княгиня Дашкова была безучастна къ «самымъ существеннымъ интересамъ» русскаго общества?!

Старикъ Бантышъ-Каменскій справедливѣе къ ней. «Услуги, оказанныя княгиней Дашковой просвѣщенію— говоритъ онъ о ней въ своемъ «Словарѣ»,—останутся незабвенными: основанная ею Россійская академія, побуждаемая попеченіемъ ея и примѣромъ, успѣла въ двѣнадцать лѣтъ кончить и издать *Россійскій этимологическій словарь*, между тѣмъ, какъ французская академія съ большими пособіями около осьмидесяти лѣтъ употребила на составленіе своего словаря, гораздо меньшаго при первомъ изданіи въ сравненіи съ Россійскимъ».

Чтобы вполнѣ очертить и оцѣнить какъ академическую, такъ и вообще всю учено-литературную дѣя-

тельность княгини Дашковой, все ея значеніе въ исторіи умственной жизни русскаго общества прошлаго столѣтія, и, въ частности, ея огромное значеніе въ исторіи нашей героини,—слѣдовало-бы написать цѣлый томъ. Мы здѣсь схватываемъ только наиболѣе характеристическія черты личности и дѣятельности этой замѣчательной женщины, и, разставаясь съ ней, отмѣтимъ еще одну ея типичную особенность.

Остроумный графъ Сегюръ замѣчаетъ, что Дашкова «по ошибкѣ природы больше походила на мужчину, чѣмъ на женщину», что въ ней всѣ наклонности и самый характеръ больше мужскія, чѣмъ женскія. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, Екатерина Романовна, по свойствамъ своего ума и сердца, была женщиной въ полномъ смыслѣ этого слова; но нельзя отрицать, что она, дѣйствительно, обнаруживала въ своемъ обращеніи, въ обстановкѣ, въ самой своей дѣятельности много мужскихъ чертъ, даже до пересола. Напр., разсказываютъ, что по воцареніи Екатерины она добивалась производства ея въ рангъ полковника гвардіи, любила носить мужской костюмъ и, какъ-бы для увѣнчанія ея мужеподобія, получила мужскую должность президента академіи. Какъже объяснить это противорѣчіе?

Намъ кажется, что такое стремленіе въ энергической женщинѣ къ мужеподобію вытекало изъ того фальшиваго, традиціонно-«дамскаго» положенія, которое замыкало весь кругъ женской самодѣятельности кухней, дѣтской и салономъ. Мы выше указывали, что женщина, которая рѣшалась выдти изъ этого, охраняемаго предразсудками, круга, на какое нибудь поприще широкой

общественной дѣятельности—скандализировала свѣтское общество и даже отвергалась имъ, какъ нарушительница его правилъ и приличій. Она переставала быть «дамой» и, естественнымъ порядкомъ, должна была сама стремиться обособиться въ новую типичную разновидность женщины — общественной дѣятельницы, и этимъ путемъ завоевать себѣ право гражданства; но такъ какъ культурные типы и ихъ разновидности создаются не вдругъ, а усиліями многихъ поколѣній, то женщинамъ-реформаткамъ первыхъ генерацій ничего не оставалось, какъ воспринимать мужской обликъ. Разорвавъ съ предразсудками и съ положеніемъ «дамы», выступивъ на арену мужской дѣятельности, женщина этимъ самымъ отождествлялась внѣшнимъ образомъ съ мужчиной, и другаго выхода пока ей не было.

Явленіе это повторяется въ исторіи нашей героини много разъ, и внимательный изслѣдователь можетъ найти очень близкую, въ этомъ отношеніи, аналогію между мужеподобной княгиней Дашковой и современной намъ, такъ называемой, «новой» женщиной «либеральныхъ» профессій. Княгиня Дашкова не составляла большаго исключенія, въ данномъ случаѣ, и для своего времени. Въ тѣхъ же своеобразныхъ чертахъ и тогда уже попадались женщины ученыя и писательницы, увѣковѣченныя поэтомъ насмѣшливыми эпитетами «семинаристовъ въ желтой шали или философовъ въ чепцѣ».

Такого «философа въ чепцѣ» зналъ, между прочимъ, въ концѣ прошлаго столѣтія Вигель. Это была, извѣстная въ свое время, дѣвица Турчанинова—истая «нигилистка», какъ ее изображаетъ Вигель.

«Не имѣя еще двадцати лѣтъ отъ роду, — разсказываетъ онъ о ней,—она избѣгала общества, одѣвалась неряхою, занималась преимущественно математическими науками, знала латинскій и греческій языки, сбиралась учиться по-еврейски и даже пописывала стихи, хотя весьма неудачно». «Я не нашелъ въ ней и тѣни педантства: всегда веселая, часто шутливая, она объяснялась съ дѣтской простотой». «Разговоры ея были для меня чрезвычайно привлекательны: она охотно разсказывала мнѣ про связи свои съ почтенными учеными мужами, профессорами московскаго университета, хвалилась любовію и покровительствомъ Хераскова, дружбою Кострова» и т. д. Турчанинова ко всему отличалась «странностью наряда», ея «черные, прекрасные, мутные и блуждающіе глаза горѣли жаромъ, черныя нечесанныя космы выбивались изъ подъ черной скуфьи». Турчанинова увѣковѣчила себя необычайно смѣлымъ для ея пола и для ея времени поступкомъ, внушеннымъ быть можетъ эксцентричностью.

Она *первая* въ Россіи отважилась подняться на аэростатѣ. Событіе это описалъ князь И. М. Долгоруковъ. Оно произошло въ концѣ прошлаго столѣтія.

Въ Москву пріѣхала воздухоплавательница Гаркерель. Въ первый же ея полетъ съ нею сѣла въ воздушный шаръ Турчанинова. «Зрѣлище, — разсказываетъ князь, — было всенародное; путешествіе удачно кончилось. Такая отвага сдѣлала Турчанинову извѣстной повсюду... Я и понынѣ не могу безъ особеннаго удивленія представить себѣ такой рѣдкій опытъ неустрашимости въ женщинѣ».

Турчанинова, какъ повѣствуетъ Вигель, хвалилась покровительствомъ и дружбой «ученыхъ мужей» и знаменитыхъ писателей. Дѣйствительно, среди послѣднихъ находилось и тогда уже не мало друзей высшаго женскаго образованія. Въ числѣ такихъ друзей былъ, повидимому, и Карамзинъ, судя по слѣдующему факту. Братъ знаменитаго исторіографа, В. М. Карамзинъ, человѣкъ образованный, замѣтивъ у одной дѣвочки необыкновенныя способности, занялся ея воспитаніемъ, и потомъ изъ нея вышла настоящая ученая. «Эта рѣдкая женщина выучилась даже латинскому языку и считалась ученѣйшею во всемъ околодкѣ, не выѣзжая изъ предѣловъ Симбирской губерніи». Она питала уваженіе ко всему роду Карамзиныхъ, «въ особенности же къ Н. М. Она изучала всѣ его произведенія, восхищалась его славой» и хотѣла «хоть разъ въ жизни видѣть исторіографа. Употребивъ всѣ средства, она прибыла, наконецъ, въ Петербургъ, но исторіографа не было уже на свѣтѣ». Къ сожалѣнію, г. Старчевскій, сообщающій эти свѣдѣнія въ своей біографіи Карамзина, не указываетъ ихъ источника и не называетъ даже имени этой «рѣдкой женщины»—ученой.

Точно также, позднѣе, Жуковскій, своимъ теплымъ участіемъ, содѣйствовалъ литературному развитію другой извѣстной «рѣдкой женщины»—русской писательницы А. П. Елагиной. Елагина, впрочемъ, принадлежала къ другому типу культурныхъ женщинъ разсматриваемой здѣсь категоріи. Это типъ — писательницы-дилletантки, свѣтской женщины, посвящающей литературѣ и искусству свои досуги, которыхъ у нея было такъ много.

Съ этимъ типомъ свѣтъ охотно мирился и даже преклонялся передъ нимъ, какъ передъ изящнымъ украшеніемъ салона. Дамскій литературный диллетантизмъ собенно начинаетъ процвѣтать у насъ съ дней Екатеины II, которая сама явилась въ этомъ случаѣ образомъ и примѣромъ для своихъ современницъ. Хорошо звѣстны литературные труды этой государыни, хотя сѣ они ничто иное, какъ продуктъ диллетантизма. Екаерина не обладала литературнымъ талантомъ и, при омъ, во всѣхъ ея вкладахъ въ русскую литературу начительно присутствуетъ анонимное сотрудничество ея татсъ-секретарей, о чемъ можно заключить по «дневику» одного изъ нихъ—Храповицкаго.

Не блестятъ выдающимися талантами и другія свѣткія барыни-писательницы прошлаго столѣтія, такъ что амыя имена ихъ давнымъ давно забыты и сдѣлались остояніемъ однихъ лишь кропотливыхъ библіографовъ. Мы выше указали на тотъ примѣчательный въ данномъ тношеніи фактъ, что трудолюбивый митрополитъ Евгеій въ своемъ «словарѣ» русскихъ писателей привелъ сего лишь четыре женскія имени. Не менѣе трудолюивый библіографъ князь Н. Голицынъ (Книжникъ) значительно дополняетъ этотъ счетъ въ своемъ «Словарѣ усскихъ писательницъ» (1759—1859 гг.); но славы для ашей героини прибавляется отъ этого немного. Въ его пискѣ приведено до *шестидесяти* именъ русскихъ пиательницъ, писавшихъ въ прошломъ столѣтіи, но изъ ихъ нѣтъ ни одного, за исключеніемъ Екатерины II и нягини Дашковой, которое вошло и имѣло бы право ойти въ исторію русской словесности. Въ большинствѣ,

вся литературная производительность этихъ писательницъ ограничивалась однимъ, другимъ переводомъ какой нибудь безделушки съ французскаго языка или же несколькими стихотвореніями. Упомянемъ здесь бегло о техъ изъ нихъ, которыя пользовались большей или меньшей известностью у современниковъ, следуя хронологическому порядку.

Княжнина Е. А., — дочь поэта Сумарокова и жена поэта Княжнина. Она сотрудничала въ журнале своего родителя «Трудолюбивая Пчела» (1759 г.), въ которой помещала довольно плюховатыя элегіи. Однакожъ, кн. Голицынъ признаетъ ее почему-то «*первою* у насъ, по времени, писательницею въ литературномъ смысле».

Вельяшева-Волынцева, Е. А.,—авторъ многихъ переводовъ, въ томъ числе «Сказокъ перуанскихъ» (1766—1767).

Урусова, княжна Е. С.,—считалась въ свое время замечательной поэтессой и вдохновлялась все больше высокоторжественными случаями и высокопоставленными особами, которымъ посвящала «Сердечныя чувства благодарствія» (съ 1772 по 1820 г.).

Волкова, А. А., одописательница, посвящавшая свои стихи коронованнымъ особамъ, поэтамъ, генераламъ, «древнему столичному городу Москве», «Наводненію», «Путешествію за-границу» и т. д. Весьма также похвалялась чувствительными читателями за свои «Утренніе беседы слепаго старца со своею дочерью» (1781—1824 г.).

Меньшикова, княгиня Е. С.,—авторъ перевода комедіи «Развратное семейство» и многихъ драматическихъ произведеній французскаго репертуара.

Поспѣлова — весьма плодовитая одописательница (1796—1824 г.).

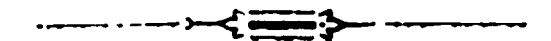
Сушкова, М. В.,—авторъ разныхъ «гишпанскихъ повѣстей», итальянскихъ идиллій, французскихъ оперъ и пр. (1752—1803).

Ржевская, А. Ѳ.,—урожденная Каменская (р. 1740 г. умерла 1769 г.). «Она упражнялась,—говоритъ о ней митрополитъ Евгеній,—въ стихотворствѣ, живописи и музыкѣ, знала хорошо свой природный языкъ, а также французскій и итальянскій». Стихотворенія ея печатались въ современныхъ журналахъ; наконецъ, она сочинила книгу, подъ названіемъ *Кабардинскихъ Писемъ* во вкусѣ *Перувіанскихъ;* но книга сія не издана».

Г. Шубинскій нашелъ на Александро-Невскомъ кладбищѣ монументъ Ржевской, съ весьма пространной эпитафіей, начинающейся такъ:

„Здѣсь Ржевская лежитъ, пролейте слезы музы:
Она любила васъ, любезна вамъ была,
Для васъ и для друзей на свѣтѣ семъ жила,
А нынѣ смерть ее въ свои пріяла узы“...

Бунина, А. П. (р. 1774 г. ум. 1829 г.), поэтесса, авторъ «Сельскихъ вечеровъ» и «Сафическихъ стихотвореній». Слыла русской Сафо, была въ дружбѣ со многими писателями и пользовалась уваженіемъ. «Ни одна женщина,—сказалъ о ней Карамзинъ,—не писала у насъ такъ сильно, какъ Бунина».

XIII.

Артистка.

Въ предшествовавшей главѣ нашихъ очерковъ, говоря объ участіи и значеніи русской женщины минувшаго вѣка въ области литературно-художественной, мы указали на тотъ характеристическій и важный для нашей задачи фактъ, что изъ всѣхъ, такъ называемыхъ, «либеральныхъ» профессій героинѣ нашей удалось тогда ранѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, и съ наибольшей прочностью занять вполнѣ самостоятельное положеніе равноправной съ мужчиной дѣятельницы и во всемъ объемѣ проявить свои творческія силы — въ профессіи, именно артистической, въ особенности же сценической. Теперь мы постараемся подтвердить фактически это указаніе, какъ указаніе на одинъ изъ самыхъ рельефныхъ и существенныхъ результатовъ развитія женской индивидуальности въ русской жизни.

Видѣвъ до сихъ поръ нашу героиню въ другихъ сферахъ почти неизмѣнно въ положеніи безсилія, неразвитости, неумѣлости и подчиненности, здѣсь мы ее

встрѣтимъ творчески-дѣятельною, увѣренною въ себѣ, въ свои силы и опытъ, независимою и торжествующею жрицею искусства, покоряющей умы и сердца властью таланта и вдохновенія. Изслѣдователь исторіи русской женщины, такъ бѣдной яркими страницами, не можетъ не остановиться съ особенной отрадой на образѣ русской женщины-артистки, запечатлѣнномъ въ памяти потомства столькими славными именами, и такъ твердо и свѣтло, въ прекрасныхъ типичныхъ чертахъ, выступающемъ на историческомъ полотнѣ среди блѣдныхъ, робкихъ тѣней представительницъ женской личности въ иныхъ сферахъ общественной дѣятельности.

Причину того, что женщина какъ у насъ, такъ и въ другихъ болѣе культурныхъ странахъ,—можно сказать, повсюду и во всѣ времена—получала свободный доступъ на артистическое поприще ранѣе, чѣмъ на всякое другое въ области общественной, и завоевывала себѣ здѣсь полное и непререкаемое право гражданства, нужно искать прежде всего въ коренныхъ, естественныхъ требованіяхъ самаго искусства.

Съ одной стороны, искусство, какъ стихія непосредственнаго творчества человѣческаго духа, не можетъ быть ограничено въ своихъ проявленіяхъ, не можетъ стать чьей бы ни было привиллегіей, рядомъ съ лишеніемъ права кого нибудь другаго на служеніе ему, на творчество, на способность творить. Оно свободно по самой натурѣ, и, строго говоря, не подчиняется никакимъ внѣшнимъ путамъ, пока не перестаетъ быть жизнедѣйствующей силой, т. е. быть самимъ собою. Съ другой стороны, искусство, какъ художественный культъ

человѣческой жизни и человѣческой личности, во всей ихъ полнотѣ, немыслимо при исключеніи того или другаго изъ основныхъ элементовъ, составляющихъ эту личность, въ ея стройной цѣлокупности, — менѣе же всего оно мыслимо, разумѣется, при изъятіи женской-ли, или мужской индивидуальности, и какъ содержанія для искусства, и какъ дѣйствующей его силы.

Извѣстно, что высшимъ и самымъ полнымъ, всестороннимъ выраженіемъ художественной стихіи человѣка служитъ драма; но возможно-ли, напр., представить себѣ драму, какъ отраженіе жизни человѣческой, при отсутствіи въ ней женской личности? Это такой же абсурдъ, какимъ могло-бы быть, напр., представленіе семейнаго союза безъ идеи жены, матери, или, наоборотъ, безъ идеи—мужа, отца. Впрочемъ, къ удивленію, человѣкъ, подъ наитіемъ разныхъ аскетическихъ ученій, умудрялся создавать подобныя химерическія фикціи; но зато одновременно онъ ужъ отрицалъ всю сполна жизнь человѣческую, а съ нею, конечно, и искусство, полагая свой идеалъ въ смерти, въ загробной жизни.

Гдѣ не соблюдены указанныя сейчасъ условія и требованія искусства—тамъ нѣтъ и не можетъ быть искусства, въ настоящемъ смыслѣ слова. Оно мертво, безжизненно-сухо, бѣдно и рутинно-пошло всюду, гдѣ почему либо женская личность подавлена въ своихъ духовныхъ силахъ и вытолкнута съ общественной арены въ тѣсныя стѣны терема или гарема; и, наоборотъ, оно тѣмъ полнѣе и ярче, тѣмъ жизненнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ полнѣе и независимѣе развивается во всѣхъ отношеніяхъ та-же женская личность. Излишне говорить,

какую огромную, можно сказать, господствующую роль играетъ женщина во всей художественной области, начиная съ самаго основнаго понятія красоты, чувство которой составляетъ коренную точку отправленія каждаго искусства, и—это превосходно понимали древніе греки, пластически олицетворивъ всѣ стороны духовно-эстетическаго творчества человѣка въ прекрасныхъ женскихъ образахъ музъ.

Въ допетровскомъ русскомъ обществѣ, исповѣдывавшемъ аскетическіе идеалы и въ силу этого отрицавшемъ, какъ соблазнъ и грѣхъ, всякую «эллинскую прелесть», содержавшемъ женщину въ подчиненіи и взаперти, внѣ круга общественной жизни,—въ этомъ мало развитомъ и грубо матеріальномъ обществѣ не было, строго говоря, никакого искусства, никакой художественно-творческой дѣятельности. То, что называютъ археологи древне-московскимъ искусствомъ, — не болѣе, какъ тощій, односторонній и весьма скудный плодъ условнаго, неподвижнаго полумонастырскаго «художества» очень спорной самобытности, да и то—въ узкихъ предѣлахъ лишь духовной письменности, церковной живописи и архитектуры, застывшихъ на разъ принятыхъ и освященныхъ мертвенныхъ образцахъ, лишенныхъ красоты и изящества.

Извѣстно также, что въ московской Руси не было театра и, въ принципѣ, театральныя зрѣлища изгонялись и преслѣдовались, какъ діавольская «хитрость» на пагубу душъ христіанскихъ. Легко сказать объ обществѣ, о національности, что они втеченіи многовѣковой жизни не имѣли и вовсе не создали своего театра! Въ

этомъ одномъ фактѣ заключенъ такой безпощадный приговоръ бѣдности культуры, неправильности и извращенности самаго умственнаго развитія, если не полному интеллектуальному застою даннаго общества,—что тутъ нѣтъ нужды копаться въ историчеекихъ матеріалахъ для точнаго опредѣленія уровня его духовной нищеты и, въ частности, для доказательства печальной истины. что въ немъ отсутствовала, въ сущности, и всякая художественная дѣятельность, вообще. Театръ, служа наиболѣе полнымъ, всестороннимъ отожествленіемъ національнаго искусства и національнаго духа, справедливо считается какъ-бы масштабомъ самымъ нагляднымъ и самымъ вѣрнымъ умственно-духовнаго развитія страны. Что-же сказать о степени этого развитія въ той странѣ, гдѣ нѣтъ еще даже въ зародышѣ самаго объекта для приложенія указаннаго масштаба?

Если въ такомъ запустѣніи находилась художественная область въ московской Руси вообще, то уже само собой понимается, что тутъ всего менѣе могло быть мѣсто для сколько нибудь ощутительнаго проявленія художественно-творческихъ силъ собственно русской женщины, хотя-бы только вслѣдствіе ея затворнической жизни. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи русская женщина допетровскаго періода не оставила по себѣ почти никакого слѣда, никакого памятника. Немногимъ запечатлѣла она себя, съ этой стороны, въ памяти потомства и въ началѣ новѣйшихъ временъ, по выходѣ своемъ изъ терема и послѣ того, какъ ей открылся свободный доступъ къ дѣятельной роли во вновь насажденномъ или, точнѣе сказать, пересаженномъ изчужа

саду россійскихъ музъ. Притомъ, женщина высшаго, дворянскаго круга и не торопилась, на что мы указывали въ своемъ мѣстѣ, заявлять свои артистическіе таланты путемъ профессіональнымъ, къ услугамъ современниковъ и потомства, видя въ этомъ униженіе себѣ и профанацію своего благородства. Это былъ общій предразсудокъ, раздѣлявшійся дворянскимъ сословіемъ не только у насъ, но и на западѣ, и ему равно причастны были какъ мужчины, такъ и женщины. С. Т. Аксаковъ разсказываетъ, что, когда онъ въ юности выказалъ сценическій талантъ, то одна изъ его поклонницъ, «страстная любительница театра», Кутузова, изъявляла ему «искреннее сожалѣніе, *что онъ дворянинъ*, что такой талантъ, поэтому, не получитъ дальнѣйшаго развитія на сценѣ публичной». Такъ думали «страстные любители театра» уже въ нынѣшнемъ столѣтіи; какъ же могли относиться къ этой «матеріи» равнодушные къ театру дворяне?

Само собой разумѣется, что, вслѣдствіе такихъ взглядовъ, артисты и артистическія профессіи не пользовались большимъ уваженіемъ въ обществѣ; но диллетантское занятіе искусствами для собственнаго развлеченія, а также для увеселенія людей близкихъ своего круга въ предѣлахъ салона, считалось почти обязательнымъ для благовоспитанныхъ представителей свѣта, въ особенности — для его прекрасныхъ представительницъ, служа для нихъ въ то же время школой для выработки изящнаго вкуса и для пріобрѣтенія всего того, что могло возвышать ихъ красоту. Такимъ образомъ, и у насъ въ прошломъ столѣтіи каждая свѣтская благовоспитанная барышня непремѣнно должна была, по мѣрѣ силъ, изу-

чать практически салонныя искусства, которыя, поэтому, и вошли тогда же въ систему женскаго образованія. Изъ искусствъ этихъ считались наиболѣе обязательными танцы и музыка, безъ которыхъ впослѣдствіи дѣвушкѣ нельзя было шагу ступить въ свѣтѣ и разсчитывать на какой нибудь салонный успѣхъ, какъ одинъ изъ залоговъ успѣха матримоніальнаго, въ смыслѣ составленія приличной и выгодной «партіи».

Одинъ наблюдатель нашего стариннаго свѣтскаго общества уже въ нынѣшнемъ столѣтіи, описывая балы и встрѣчи на нихъ свѣтской молодежи обоего пола, замѣчаетъ, что обыкновенно кавалеръ, пожелавшій познакомиться съ дѣвицей, приглашалъ ее на контрадансъ и разговоръ между ними почти неизбѣжно начинался такимъ стереотипнымъ діалогомъ:

— Aimez vous la musique, mademoiselle?

— Oui, monsieur!

Музыка, танцы, театръ составляли единственную почти почву для обмѣна мыслей на паркетѣ между благовоспитанными молодыми людьми и въ тоже время служили имъ для артистическаго соревнованія личными талантами. Мы говоримъ и о театрѣ, потому что, не взирая на презрительное отношеніе къ публичнымъ актерамъ, свѣтскіе люди вовсе не брезгали сами подвизаться на сценѣ во всѣхъ родахъ театральнаго искусства, въ качествѣ любителей, для забавы интимной, салонной публики.

Эти любительскіе спектакли особенно процвѣтали у насъ въ прошломъ столѣтіи, и въ нихъ принимали участіе представители самыхъ отборныхъ сливокъ большаго

свѣта. Начало этихъ спектаклей относится къ очень раннему времени. Какъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ, сохранилось преданіе, что ихъ устраивала у себя въ терему царевна Софья со своими приближенными. Въ дни Петра В., который лично никогда не былъ большимъ театраломъ, отличались меломаніей царевна Наталья Алексѣевна и Екатерина Ивановна (впослѣдствіи —герцогиня мекленбургская), которыя имѣли свои домашніе театры и принимали весьма дѣятельное участіе въ постановкѣ на нихъ спектаклей, разыгрывавшихся обыкновенно крѣпостными актерами, но, случалось, и любителями—изъ придворныхъ.

Въ послѣдующія царствованія, въ особенности же при Екатеринѣ II, «благородные» или, какъ ихъ называли тогда, «кавалерскіе» спектакли довольно часто входятъ въ программу дворцовыхъ увеселеній, съ участіемъ въ нихъ членовъ императорскаго семейства. То же самое было при Павлѣ, супруга котораго Марія Өеодоровна часто устраивала для него въ Павловскѣ «сюрпризы», состоявшіе въ разнообразныхъ сценическихъ представленіяхъ, исполнявшихся нерѣдко исключительно —одними великими князьями и великими княжнами. Тутъ были и пѣніе, и музыка, и пляски, и сценическая игра. Вотъ какъ описываетъ Шторхъ одинъ изъ этихъ павловскихъ «сюрпризовъ».

«Въ день своего возвращенія въ Павловскъ, 8-го іюня 1798 года, государь направляется гулять въ свою любимую Сильвію. Вдругъ раздается въ лѣсу хоръ поющихъ голосовъ. Какой-то мужчина, будто-бы хозяинъ дома, приглашаетъ государя удостоить его домъ своимъ

посѣщеніемъ. Императоръ недоумѣваетъ; но вотъ его окружаютъ хористы и влекутъ въ домикъ. Здѣсь бросается ему въ объятія его супруга и въ ту-же минуту звуки музыки и слова пѣсни: „Ou peut-on être qu'au sein de sa famille“? Тронутый государь вглядывается въ оркестръ: въ скрипачѣ онъ узнаетъ старшаго сына; въ пѣвицѣ—его супругу; дочери—кто за арфой, кто за фортепьяно».

Вообще, о степени и разносторонности развитія великосвѣтскаго художественнаго диллетантизма того времени можно заключить, между прочимъ, изъ того факта, что въ тогдашнихъ любительскихъ спектакляхъ артисты изъ «благородныхъ» подвизались и въ трагедіи, и въ комедіи, и въ операхъ, и въ балетѣ, даже оркестръ составлялся изъ музыкантовъ-любителей. Конечно, наша героиня принимала весьма дѣятельное участіе въ этой салонной меломаніи, и хроника сохранила даже нѣсколько именъ, особенно талантливыхъ и славившихся въ свое время и въ своей средѣ, артистокъ-любительницъ.

Извѣстный Штелинъ въ своей хроникѣ о состояніи театральнаго искусства въ Россіи въ срединѣ прошлаго столѣтія, говоря о балетномъ искусствѣ, свидѣтельствуетъ, что «вкусъ хорошаго танцованія не только царствовалъ на придворной сценѣ, но распространился тогда также между знатными, въ доказательство чего, къ удивленію всѣхъ знатоковъ и иностранныхъ танцовщиковъ, они съ великимъ искусствомъ исполняли во дворцѣ большіе современные балеты».

Дѣло относится къ первымъ годамъ царствованія Екатерины II, а изъ великосвѣтскихъ дамъ, участвовав-

шихъ въ этихъ балетахъ, «великимъ искусствомъ» особенно отличались графиня О. М. Воронцова, Н. П. Нарышкина, графиня Сиверсъ, княжна Хованская и друг. Объ этихъ придворныхъ балетахъ упоминаетъ и Порошинъ, извѣщая, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ участвовалъ, случалось, самъ великій князь Павелъ Петровичъ (тогда еще отрокъ), съ «сотанцовавшими» съ нимъ «знатными дамами, дѣвицами и кавалерами». Оркестръ въ этихъ балетахъ состоялъ изъ такихъ-же знатныхъ любителей. «И вотъ,—разсказываетъ одинъ изъ музыкантовъ этого оркестра, графъ Чернышевъ,—какъ дошло (на какомъ-то представленіи) до того мѣста, гдѣ танцовала княжна Хованская, тутъ хоть мнѣ и играть было на флейтѣ, однако, я положа ее, глядѣлъ, какъ княжна танцовала». Танцовала, значитъ, съ такимъ «великимъ искусствомъ», что графъ—меломанъ впалъ, какъ-бы, въ очарованіе.

Не меньшимъ искусствомъ щеголяли великосвѣтскія диллетантки екатерининскихъ временъ и въ лирико-драматическихъ спектакляхъ. Русскія трагедіи Сумарокова, легкія французскія комедіи исполнялись знатными меломанами на домашнихъ любительскихъ и на придворномъ театрахъ не хуже, чѣмъ записными актерами. Особенно славилась тогда своимъ домашнимъ любительскимъ театромъ и своей личной сценической даровитостью хорошенькая княгиня К. Ѳ. Долгорукова—великосвѣтская львица, кружившая головы многимъ сильнымъ міра сего. Она возбудила сильное артистическое соревнованіе въ кругу великосвѣтскихъ дамъ. Такъ, завидуя ея успѣхамъ, пустились ставить любительскіе

спектакли и принимать въ нихъ дѣятельное участіе графини: Головкина, Строганова, княгиня Бѣлосельская и друг.

Эти свѣтскія титулованныя меломанки не гнушались иногда пѣть и играть на сценѣ и вмѣстѣ съ наемными артистами по профессіи. По разсказу Виже-Лебренъ, великосвѣтскіе любители играли нерѣдко съ придворными итальянскими пѣвцами въ операхъ, на домашнихъ сценахъ, и—въ ихъ числѣ вышеупомянутая княгиня Долгорукова, наиболѣе отличавшаяся на этомъ поприщѣ, особенно когда пѣла съ знаменитымъ въ то время пѣвцомъ Мандини, въ которомъ всѣ эти дамы души не слышали, какъ за его талантъ, такъ и еще болѣе — за красоту. Такимъ же образомъ нѣсколько ранѣе прославилась, какъ пѣвица и музыкантша, княжна Кантемиръ, нерѣдко пѣвавшая въ обществѣ итальянскіе дуэты съ главнымъ опернымъ пѣвцомъ Марижи. Прекрасной музыкантшей была также хорошо знакомая намъ княгиня Дашкова, лично дирижировавшая своими домашними спектаклями, оркестромъ и пѣвческой капеллой.

Вигель, описывая московское великосвѣтское общество послѣднихъ годовъ прошлаго столѣтія, свидѣтельствуетъ, что его представители, особенно молодежь, наперебой увлекались артистическимъ диллетантизмомъ. Однимъ изъ центровъ для свѣтскихъ театраловъ въ Москвѣ служилъ домъ графини Салтыковой. Графиня и ея дочь, П. И. Мятлева, отличались страстной любовью къ литературѣ и къ искусствамъ. «Мятлева,— говоритъ Вигель,—имѣла великую страсть являться на сценѣ въ домашнемъ театрѣ, разумѣется, во французскихъ пьесахъ».

Тогда свѣтскіе театралы не особенно благоволили къ отечественному репертуару. Въ этомъ-то семействѣ лѣтомъ, въ подмосковномъ селѣ Марфинѣ, собирались литературно-артистическія сливки Москвы, и въ ихъ числѣ Карамзинъ, В. Л. Пушкинъ и др. Гости жили подолгу и все время проходило въ художественныхъ развлеченіяхъ. Устраивались спектакли, концерты, литературныя чтенія и разные въ этомъ вкусѣ «сюрпризы», какъ ихъ тогда называли. Каждый гость заявлялъ себя какимъ нибудь искусствомъ; по талантливости и умѣнью первенствовали, однакожъ, дамы, между которыми особенно сіяла шестнадцатилѣтняя княжна Наталія Х., имѣвшая «удивительный голосъ». Она пѣла и играла, по замѣчанію Вигеля, «какъ записная артистка». Особенно восхищала княжна-артистка зрителей въ оперѣ Поэзіелло „La servante maîtresse“. Для нея и вообще для марфинскихъ артистовъ Карамзинъ нарочно сочинилъ маленькую пьеску въ стихахъ, положенныхъ на музыку, подъ названіемъ: «То́лько для Марфина», которая и была поставлена на домашнемъ театрѣ Салтыковой.

Мы могли бы значительно расширить подборъ фактовъ, указывающихъ на сильное развитіе артистическаго диллетантизма въ средѣ великосвѣтскихъ женщинъ прошлаго столѣтія; но это не входило въ нашу задачу, потому что мы желали воспроизвести здѣсь, главнымъ образомъ, русскую професcіональную артистку того времени, а не диллетантку.

Женскій артистическій диллетантизмъ прошлаго вѣка въ верхушкахъ общества не оставилъ по себѣ почти никакихъ непосредственныхъ слѣдовъ и пріобрѣтеній

въ развитіи собственно отечественнаго искусства. Это былъ пышный, блестящій оранжерейный пустоцвѣтъ въ данномъ отношеніи; но, тѣмъ не менѣе, ему никакъ нельзя отказать въ довольно важномъ историческомъ значеніи, вопервыхъ, какъ одному изъ несомнѣнныхъ факторовъ культурнаго развитія общества и, во вторыхъ, какъ свидѣтельству завоеваній, сдѣланныхъ женской личностью въ сферѣ интеллектуальной,—ея возвышенія и подъема ея нравственнаго вліянія. Все это было, положимъ, односторонне, замыкалось тѣснымъ кругомъ салонной жизни, и — самый диллетантизмъ женщинъ не былъ воодушевленъ какими нибудь широкими гуманитарными и положительными стремленіями, имѣя лишь назначеніе прихоти и наслажденія; но уже самое наслажденіе искусствомъ, усвоеніе его идеаловъ и требованій, несомнѣнно оказывали облагораживающее и умственно-развивающее вліяніе на взятую среду, создавая ту изящную, тонкую, артистически-свѣтскую атмосферу, которою отличались хорошіе старинные салоны выдающихся, обаятельныхъ женщинъ, и вліяніе которыхъ такъ благотворно отразилось эстетически на многихъ талантливыхъ нашихъ дѣятеляхъ искусства и литературы.

Собственно профессіональная артистическая дѣятельность русской женщины начинается у насъ съ основанія театра, но—нужно помнить, что здѣсь мы имѣемъ дѣло исключительно съ представительницей низшей, нерѣдко—«холопской» среды. Есть нѣчто весьма характеристичное и роковое въ томъ обстоятельствѣ, что, въ то время, какъ въ преобразованной петровской Руси, во

всѣхъ сферахъ высшей государственной и придворно-общественной жизни, фигурировали исключительно привиллегированные классы, а руководящая, первенствующая роль во всемъ принадлежала непререкаемо дворянству,—мирный уголокъ науки и искусства сдѣлался достояніемъ, главнымъ образомъ, представителей низшихъ классовъ, нерѣдко вышедшихъ непосредственно изъ народа.

Вспомнимъ первыхъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ дѣятелей на поприщѣ науки и искусства. Ломоносовъ, Тредьяковскій, Посошковъ, Волковъ, Дмитревскій и многіе друг. — всѣ почти вышли изъ народа, изъ низшаго крестьянскаго и мѣщанскаго класса, тогда какъ родовое дворянство одновременно не выставило ни одного сколько нибудь выдающагося дѣятеля на этихъ поприщахъ, т. е. ни одного ученаго, актера, живописца, и только—«россійскій Парнасъ» увидѣлъ на своихъ высотахъ въ позднѣйшее время нѣсколько славныхъ именъ съ родословными коронками. Профессіональное занятіе наукой и искусствомъ въ такой степени было чуждо дворянству и считалось неприличнымъ для него, по принципу, что уже въ 1803-мъ году «Вѣстникъ Европы» счелъ своимъ долгомъ, въ особой статьѣ отмѣтить, какъ небывалый рѣдкостный фактъ, «*первый* примѣръ вступленія въ сословіе ученыхъ русскаго дворянина», въ лицѣ Глинки, занявшаго тогда профессорскую каѳедру въ Дерптѣ.

Но больше всего чуждались и брезгали сценическимъ искусствомъ люди дворянскаго происхожденія, видя въ профессіи артиста нѣчто скоморошеское, шу-

товское и отсюда—унизительное для человѣческаго достоинства, почти позорное. Вслѣдствіе этого, честь первоначальнаго основанія и развитія русскаго театра почти безраздѣльно принадлежитъ незнатнымъ представителямъ низшихъ непривиллегированныхъ классовъ, какъ равно честь имени русской артистки стяжала впервые женщина-крестьянка, мѣщанка и—много, много—дочь какого нибудь разночинца.

По разнымъ причинамъ и требованіямъ вкуса, героинѣ нашей первоначально пришлось завоевать себѣ артистическое гражданство въ царствѣ Терпсихоры—на балетномъ поприщѣ. Театральное училище было основано впервые въ дни Анны Ивановны, но исключительно для образованія балетныхъ танцовщиковъ. Въ немъ вначалѣ воспитывалось всего шесть мальчиковъ и шесть дѣвочекъ, выбранныхъ самою государыней изъ дѣтей придворныхъ конюховъ. Эта-то школка и послужила главнымъ родникомъ для созданія русскихъ артистокъ, преимущественно балетныхъ, втеченіе всего прошлаго столѣтія.

Уже въ дни Анны Ивановны русскія балерины оказались, по общему признанію, достойными соперницами лучшихъ заѣзжихъ иностранныхъ танцорокъ, и съ этой поры все болѣе и болѣе входятъ въ славу. По времени, первой замѣчательной балериной была Авдотья Тимофѣева, ученица славной итальянской танцовщицы Джуліи Фузано, находившейся въ Петербургѣ и, по выраженію современнаго хроникера, «обучившей до совершенства» нѣсколько питомицъ театральной танцовальной школы. Къ сожалѣнію, свѣдѣній о нихъ не сохранилось

никакихъ. Уцѣлѣло только нѣсколько современныхъ афишекъ, и въ одной изъ нихъ, относящейся къ 40-мъ годамъ прошл. ст. въ программѣ балета значатся роли и имена ихъ исполнительницъ, какъ-то: «Венера—*Аксинья*, Гименъ—*Аѳдотья*, Граціи—*Мадамъ Коломба*, *Наталья* и *Аграфена*», и т. д. Афишка эта весьма характеристична тѣмъ, что въ то время, какъ иностранные артистки и артисты поименованы въ ней по фамиліямъ, а нѣкая Коломба титулована даже «мадамой»,—русскіе обозначены одними личными именами. Таковъ былъ обычай, державшійся у насъ почти втеченіе всего XVIII столѣтія и основанный на барскомъ презрительномъ отношеніи къ русскимъ людямъ «подлаго состоянія» (т. е. не дворянамъ), а отчасти и ко всему, вообще, артистическому классу. Нужно при этомъ замѣтить, что на афишахъ еще русскіе артисты и артистки назывались, по крайней мѣрѣ, полными именами, между тѣмъ, въ обыденномъ разговорѣ тогдашнихъ театраловъ ихъ «кликали» просто уменьшительными и уничижительными; Афоня, Ваня, Дуня, Лиза, или, чаще—Дунька, Лизка и т. п.

Точно также неизмѣримо ниже, сравнительно съ иностранными заѣзжими артистами, оцѣнивались таланты и труды русскихъ артистовъ въ матеріальномъ отношеніи. Кромѣ именъ вышеупомянутыхъ первыхъ русскихъ артистокъ-балеринъ, сохранилось также извѣстіе и о получавшихся ими отъ казны окладахъ. Такъ, въ то время, какъ иностранные танцовщицы получали по тысячѣ и болѣе рублей, знаменитая Авдотья Тимофѣева получала всего 250 руб. Столько-же получали Аксинья Сергѣева и Аграфена Иванова—лучшія соли-

стки; остальныя-же русскія танцовщицы довольствовались жалованьемъ отъ 100 до 160 руб. Правда, рубль въ половинѣ прошлаго столѣтія значилъ много, такъ что, относительно, приведенные оклады, зарабатываемые нашими героинями, были достаточны и могли быть предметомъ зависти для многихъ чиновныхъ мужчинъ служилаго класса. Это слѣдуетъ сказать тѣмъ болѣе, если вспомнить, что то былъ *первый* опытъ у насъ оплачиванья женскаго труда въ области «либеральныхъ профессій», какъ, съ другой стороны, мы *впервые* видимъ здѣсь русскую женщину, въ качествѣ самостоятельной соперницы на поприщѣ этого труда съ мужчиной.

Соперничество было чрезвычайно удачное для нашей героини даже на простой ариѳметическій счетъ: оклады лучшихъ балеринъ, какъ Авдотья Тимофѣева, получали весьма немногіе современные русскіе танцовщики, и только одинъ изъ нихъ, знаменитый въ свое время Афанасій Топорковъ, получалъ 350 руб. Такимъ образомъ, женскій трудъ, примѣненный къ искусству для служенія обществу, трудъ оплаченный и творчески-самостоятельный, къ которому столько стремится нашихъ современницъ, процвѣлъ у насъ впервые на балетной сценѣ, благодаря внѣшнимъ достоинствамъ нашей героини—ея красотѣ, граціи и способности къ хореграфіи. Неособенно, конечно, высокій и плодотворный успѣхъ, въ моральномъ отношеніи, но все же успѣхъ, потому что онъ открывалъ русской женщинѣ цѣлую артистическую область, которая до той поры была ей недоступна.

Заговоривъ о русскихъ балеринахъ прошлаго столѣтія, мы здѣсь ужъ кстати остановимся на наиболѣе за-

мѣчательныхъ изъ нихъ, насколько сохранились о нихъ свѣдѣнія въ нашихъ историческихъ матеріалахъ. Помимо ихъ значенія чисто-артистическаго въ исторіи театральнаго искусства въ Россіи, нѣкоторыя изъ нихъ заслуживаютъ вниманія еще и по той блестящей, хотя и не весьма лестной, съ моральной точки зрѣнія, роли, которая выпадала нерѣдко на ихъ долю.

Нужно знать, что, какъ во всякомъ малоразвитомъ, проникнутомъ эпикурейскимъ сластолюбіемъ, обществѣ наши свѣтскіе театралы прошлаго вѣка предпочитали всѣмъ зрѣлищамъ и всѣмъ сценическимъ искусствамъ именно балетъ. Балетъ и балерины кружили головы всей «золотой молодежи». Балетоманія была общей слабостью и—самъ Пушкинъ сознается, что онъ прелестямъ всѣхъ музъ предпочиталъ «ножку Терпсихоры» и что, поэтому, «подъ сѣнію кулисъ младые дни его неслись». Въ этой слабости не онъ одинъ изъ современныхъ «златому вѣку» писателей былъ грѣшенъ, судя по словамъ Дениса Давыдова, что въ тѣ времена цѣлый «поэтовъ хоръ»

Россійской Терпсихорѣ
Восторги посвящалъ

«Восторги» посвящали ей, въ лицѣ хорошенькихъ танцовщицъ, не одни легкомысленные поэты. Хроника сохранила имя какой-то танцовщицы Лепушки, удостоившейся благосклоннаго вниманія знаменитаго графа Безбородко, который наградилъ ее истинно по царски: далъ ей въ приданое цѣлый городъ, приносившій 80,000 руб. ежегоднаго дохода, сверхъ того домъ въ Петербургѣ,

стоившій 300,000 руб., а ея мужу исходатайствовалъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Въ какой степени эта сарданопаловская тароватость мотивировалась въ сластолюбивомъ вельможѣ возвышенной любовью къ искусству—пояснять не станемъ.

Впрочемъ, должно замѣтить, что артистическая карьера и сценическіе успѣхи нерѣдко служили тогда нашей героинѣ и для упроченія ея общественнаго и матеріальнаго положенія путемъ вполнѣ благопристойнымъ. Обаяніе таланта и сценической славы на столько возвышали актрису, не смотря на господствующее предубѣжденіе къ ея профессіи, не смотря также на ея нерѣдко темное, незнатное происхожденіе, что предъ ней преклонялись кругомъ всѣ, и—были случаи, что изъ цыганской семьи лицедѣевъ онѣ вступали, посредствомъ брака, въ аристократическую среду, облекаясь, случалось, даже въ княжескую корону (такимъ образомъ, знаменитая актриса Семенова превратилась въ княгиню Гагарину).

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины и въ царствованіе Павла на императорскихъ сценахъ блистали, какъ первоклассныя балерины, Берилова и Е. И. Колосова. Берилову, которую, по словамъ Вигеля, балетоманы «изъ нѣжности» звали просто Настенькой, была «воплощенная грація» и съ успѣхомъ оспаривала пальму первенства у знаменитой тогда заѣзжей балерины Розы Колинетъ. Къ сожалѣнію, «черезъ годъ или два она увяла цвѣткомъ». Колосова, отличавшаяся величавой красотой и статнымъ, граціознымъ сложеніемъ, восхищала знатоковъ въ мужскихъ роляхъ и въ балетныхъ «драмахъ». Она была не только прекрасной танцовщицей,

но и даровитой актрисой. «Съ выразительными чертами лица,—говоритъ о ней одинъ очевидецъ-театралъ,—съ прекрасною фигурой, съ величавой поступью, Колосова лучше, чѣмъ языкомъ умѣла говорить пантомимой, взорами, движеніями; но—продолжаетъ онъ—трагическіе балеты были брошены и нашей Медеѣ ничего не оставалось, какъ, пожимая плечиками, плясать по-русски». На самомъ дѣлѣ, русская пляска была ея истиннымъ призваніемъ, и она въ ней была несравненна. Благодаря Колосовой, русской пляскѣ, презиравшейся дотолѣ нашими салонными европейцами, дано было почетное мѣсто не только на сценѣ, но и на великосвѣтскомъ паркетѣ. Колосова и русская пляска вошли въ моду среди дамъ высшаго петербургскаго свѣта, и Евгенія Ивановна едва успѣвала давать имъ уроки. Въ числѣ ученицъ ея оказалась находившаяся тогда въ Петербургѣ принцесса баденская, нѣмка, которая до того плѣнилась русской въ исполненіи Колосовой, что сама пожелала учиться танцовать по-русски у послѣдней.

Къ сожалѣнію, обо всѣхъ нашихъ артистическихъ знаменитостяхъ того времени сохранились очень скудныя біографическія свѣдѣнія, и кромѣ отрывочныхъ извѣстій объ ихъ сценическихъ успѣхахъ, мы ничего почти не знаемъ объ ихъ личной жизни. Знаемъ, впрочемъ, что имъ, въ большинствѣ случаевъ, въ особенности же нашей героинѣ, весьма не дешево доставались и слава и прочное независимое положеніе, такъ какъ значительная часть ихъ выбивались на артистическую дорогу изъ низшей, темной среды, путемъ борьбы съ бѣдностью, притѣсненіями и насиліями, нерѣдко же и

съ прямымъ рабствомъ. въ видѣ крѣпостнаго права Весьма поучительную и трогательную, въ этомъ отношеніи, повѣсть оставилъ намъ С. Т. Аксаковъ, разсказавъ, по личнымъ воспоминаніямъ, судьбу одной актрисы, попавшей въ лѣтопись русскаго театра конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій, подъ скромнымъ именемъ Ѳеклуши.

Въ то время, подъ вліяніемъ меломаніи, а еще болѣе—страсти къ эпикурейской роскоши и барскому тщеславію, у екатерининскихъ вельможъ и богачей вошло въ моду заводить свои домашніе театры изъ крѣпостныхъ актеровъ. У каждаго богатаго барина непремѣнно былъ свой балетъ, своя опера, своя драматическая труппа и свой оркестръ музыки. Изъ этихъ-то барскихъ труппъ, сказать къ слову, и вышли первыя наши театральныя силы, образовалось, такъ сказать, ядро русскаго артистическаго класса. Въ числѣ такого рода помѣщиковъ-театраловъ процвѣталъ въ описываемое время въ Казани богачъ П. П. Есиповъ, содержавшій мѣстный городской театръ, въ которомъ особенной славой пользовалась его крѣпостная актриса Ѳекла Аникіева на роли первыхъ любовницъ въ комедіяхъ, драмахъ и операхъ. Аксаковъ, за одно съ другими казанскими театралами, признавалъ въ ней большой сценическій талантъ.

«Ѳеклуша—разсказываетъ онъ,—была не хороша собою, но со сцены казалась красавицей; она имѣла черные выразительные глаза, а вечернее освѣщеніе, бѣлила и румяна доканчивали остальное. Въ ея игрѣ, которая не успѣла сформироваться по образцамъ петербургскихъ артистовъ, хотя помѣщикъ два года водилъ въ театръ

своихъ главныхъ актеровъ и актрисъ—было много естественности и неподдѣльнаго внутренняго чувства». Ѳеклушу ея баринъ возилъ и къ Дмитревскому, который ее очень хвалилъ и, почему-то называлъ «mon petit démon». Въ Казани Ѳеклуша пользовалась огромнымъ успѣхомъ, и поклонники закидывали ее кошельками съ деньгами—тогдашній способъ выраженія одобренія актерамъ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро Ѳеклуша оказалась въ бѣгахъ... Баринъ ея очень огорчился и разгнѣвался, но ничего сдѣлать не могъ, потому что за бѣглянку вступилась вся аристократія Казани съ губернаторомъ во главѣ. Дѣло было такъ. Ѳеклуша имѣла много обожателей, но, будучи хорошей, скромной дѣвушкой, отдала свое сердце бѣдному, не важному почтовому чиновнику, неимѣвшему за душой ничего кромѣ молодости. Есиповъ, боясь потерять хорошую актрису, воспротивился этому браку и тѣмъ заставилъ молодыхъ людей бѣжать. Выйдя замужъ и получивъ отъ барина прощеніе за самовольный бракъ, Ѳеклуша, въ жаждѣ славы, отправилась съ мужемъ въ Москву, чтобы поступить на московскую сцену; но здѣсь, не смотря на горячее покровительство знаменитаго въ то время московскаго актера Плавильщикова и немногихъ театраловъ, въ томъ числѣ разсказчика, потерпѣла на двухъ дебютахъ фіаско не столько по неспособности, сколько по интригамъ соперницъ и ихъ покровителей. Ей дали для дебютовъ старыя, плохія пьесы, съ несоотвѣтствующими ея амплуа ролями... Бѣдняжка была ошикана. «Я,—пишетъ Аксаковъ, — старался ободрять этихъ по истинѣ жалкихъ существъ» (т. е. Ѳеклушу и

ея мужа); но, они, повидимому, не унывали, не смотря на неудачи и нищету. «Они, пожалуй, были даже счастливы въ настоящемъ, потому что искренно, горячо любили другъ друга, но ихъ будущность казалась весьма неблагонадежною и даже зловѣщею». Это и сбылось: не принятая на московской сценѣ, Ѳеклуша опредѣлилась на какой-то губернскій театръ и вскорѣ умерла.

Въ какой степени трудно бывало молодой, талантливой и красивой артисткѣ завоевать себѣ положеніе прямымъ, чистымъ путемъ, не поддаваясь искушеніямъ и не торгуя своей благосклонностью, можно видѣть изъ любопытной исторіи знаменитѣйшей въ прошломъ столѣтіи русской лирической актрисы Лизы Сандуновой,

Лиза еще въ театральномъ училищѣ обратила на себя вниманіе своей красотой, талантливостью и прекраснымъ голосомъ. Ею заинтересовалась сама Екатерина и, узнавъ, что она безродная сирота, неимѣющая своего имени, назвала ее Урановой, а для поощренія къ дальнѣйшимъ успѣхамъ пожаловала ей какъ-то, послѣ одного изъ придворныхъ спектаклей, брилліантовый перстень въ 300 р., съ такимъ наказомъ: «что вчерась пѣла Лиза о мужѣ, то-бы иному, кромѣ жениха, не отдавала». Лиза строго послѣдовала этому наставленію, какъ сейчасъ увидимъ.

Лиза была главной силой нарождавшейся тогда у насъ національной оперы и, своимъ талантомъ, много содѣйствовала успѣху первыхъ русскихъ произведеній въ этомъ родѣ. Какъ всегда бываетъ въ судьбѣ выдающихся театральныхъ артистокъ, талантъ Лизы, ея красота и молодость привлекли ей массу поклонниковъ изъ

великосвѣтскихъ «гражданъ кулисъ», причемъ, разумѣется, у большинства поклоненіе это имѣло цѣлью неопрятное куртизанство и—ничего болѣе. Въ рядахъ этихъ поклонниковъ оказался и всесильный вельможа—сластолюбецъ графъ Безбородко, ухаживаніе котораго, низкопоклонно-поддерживаемое деспотическимъ давленіемъ на артистку ея театральнаго начальства, приняло такой грубо-настойчивый видъ, что Лиза вынуждена была искать защиты у государыни. Она была скромная дѣвушка, полюбила актера Сандунова и, встрѣтивъ съ его стороны взаимность, собиралась выдти за него замужъ; но начальство противилось устройству этого брака, изъ угоды графу Безбородко. Преслѣдованія эти довели молодыхъ людей до отчаянія и, однажды, Сандуновъ, въ свой бенефисъ, отважился со сцены «говорить рацею на счетъ дирекціи», въ которой рѣзко осуждалось поведеніе последней относительно Лизы. Этотъ скандалъ дошелъ до свѣдѣнія императрицы, и она, узнавъ, въ чемъ дѣло, высказала свое неудовольствіе театральной дирекціи за ея «несправедливость». Впрочемъ, одной «рацеи» было, вѣроятно, недостаточно для устраненія препятствій къ браку Лизы съ Сандуновымъ, потому что, спустя немного времени, артистка точно также со сцены, въ эрмитажномъ театрѣ, имѣла смѣлость подать жалобу государынѣ, павъ предъ нею на колѣни и продекламировавъ слѣдующее патетическое обращеніе:

Милосерда королева!
Не имѣй на насъ ты гнѣва,
Что тревожимъ твой покой;

Жалобу тебѣ приносимъ
И усердно, слезно просимъ:
Насъ обидѣлъ баринъ злой!

Тронутая и возмущенная Екатерина, послѣ этого, уже лично вступилась за любимую артистку, и—чрезъ нѣсколько дней Сандуновъ и Лиза были повѣнчаны въ придворной церкви съ соизволенія государыни. Торжествующая Лиза, спустя нѣкоторое время, нашла удобный случай кольнуть посрамленнаго въ своихъ исканіяхъ знатнаго ловеласа. Играя въ оперѣ «Рѣдкая вещь», она, по ходу пьесы, вынула кошелекъ и, обратясь съ лукавой усмѣшкой къ сидѣвшему въ ложѣ графу Безбородко, пропѣла находившуюся въ этой оперѣ арію.

Престаньте льститься ложно
И мыслить такъ безбожно,
Что деньгами возможно
Въ любовь къ себѣ склонить.
Тутъ нужно не богатство,
Но младость и пріятство и т. д.

Графъ слушалъ и добродушно улыбался, а публика, хорошо знавшая романическую исторію Лизы, апплодировала ей.

Не всегда, однакожъ, такъ благополучно кончалось для артистокъ столкновеніе съ театральнымъ начальствомъ, которое, вообще, относилось къ нимъ грубо и самоуправно. Театральные директоры не церемонились, случалось, даже и съ иностранными артистками. Такъ по разсказу Арапова, когда въ екатерининскіе дни какъ-то одна итальянская пѣвица сказалась больною, то, быв-

шій тогда директоромъ, князь Юсуповъ, подозрѣвая притворство, подъ видомъ участія, приказалъ не выпускать ее изъ дому и къ ней никого не пускать, кромѣ врача, словомъ, подвергъ ее аресту. Уже въ 800-хъ годахъ управлявшій театрами графъ Милорадовичъ положительно вогналъ въ гробъ талантливую балерину Новицкую. Когда она, обиженная произволомъ дирекціи въ раздачѣ ролей, отказалась играть въ одномъ балетѣ, то графъ призвалъ ее къ себѣ и пригрозилъ, что посадитъ ее въ смирительный домъ, если она не станетъ играть. Угроза и грубость графа такъ потрясли Новицкую, что она слегла въ постель. На несчастье, у нея нашлись сильные покровители, которые дали почувствовать Милорадовичу жестокость его поступка. Графъ поѣхалъ извиняться къ артисткѣ, но, едва ей доложили о его пріѣздѣ, она пришла въ такой ужасъ, что это ее окончательно убило и чрезъ нѣсколько дней она отдала Богу душу. Столь прославленный театралъ князь Шаховской тоже не всегда отличался деликатнымъ обращеніемъ съ артистками, хотя встрѣчалъ иногда энергическій протестъ. Одна талантливая оперная актриса Болина, выйдя замужъ за чиновника и сдѣлавшись такимъ образомъ «барыней», пожелала оставить сцену, но директоръ театровъ Нарышкинъ не согласился дать ей отставку. Болиной прислали роль въ оперѣ «Русалка» и требовали ѣхать на репетицію. Она наотрѣзъ отказалась. Тогда къ ней въ квартиру ворвался театральный чиновникъ, настойчиво требуя, именемъ князя Шаховскаго, немедленно ѣхать въ театръ безъ всякихъ отговорокъ.

Тутъ чиновникъ-супругъ вступился въ дѣло и въ сердцахъ сказалъ посланцу:

— Скажите князю, что жена моя—титулярная совѣтница, и что я въ такомъ только случаѣ позволю ей играть роль русалки, если его сіятельство согласится взять на себя роль Тарабара (одно изъ дѣйствующихъ лицъ оперы)!

Кажется, громкій титулъ «титулярной совѣтницы» оказалъ свое дѣйствіе, потому что дирекція оставила Болину въ покоѣ.

Рядомъ съ такой грубостью и произволомъ по отношенію къ однѣмъ артисткамъ, представители театральной власти весьма нерѣдко рабски подчинялись другимъ, болѣе счастливымъ «театральнымъ павамъ», какъ называлъ современный поэтъ-сатирикъ начальническихъ фавориткъ. Эти «павы», пользуясь вліяніемъ на начальниковъ сцены, вносили за кулисы протекціонизмъ и женскую интригу, тѣсня и не давая ходу своимъ, болѣе талантливымъ, соперницамъ. Это зло, впрочемъ, неискоренимо въ театральномъ мірѣ, и въ описываемое время рѣдкій изъ директоровъ театра не поддерживалъ его изъ угодничества фавориткамъ. Вышеописанный трагическій случай съ балериной Новицкой произошелъ именно изъ-за предпочтенія, оказаннаго, при раздачѣ ролей, графомъ Милорадовичемъ красивой, но гораздо менѣе, чѣмъ Новицкая, даровитой артисткѣ Телешовой, пользовавшейся благоволеніемъ графа. Точно также несправедливъ бывалъ, изъ угоды своимъ фавориткамъ, и пресловутый князь Шаховской. Такъ, онъ всѣми правдами и неправдами старался выдвинуть посредственную актрису Его-

рову, давая ей первыя роли, къ ущербу самихъ пьесъ и другихъ болѣе талантливыхъ артистокъ. Въ другой разъ онъ изъ всѣхъ силъ старался доставить преимущество своей фавориткѣ-ученицѣ Валберховой надъ знаменитой въ то время трагической актрисой Семеновой, не смотря на то, что Валберхова не имѣла для того никакихъ средствъ.

Собственно блестящимъ временемъ для нашей героини, когда она вполнѣ овладѣла артистической профессіей и начала собирать на русской сценѣ обильные лавры, является конецъ минувшаго и начало нынѣшняго столѣтій. Многія знаменитыя русскія артистки начали свою дѣятельность, именно, на рубежѣ двухъ вѣковъ и одинаково принадлежатъ и тому и другому. Это можно сказать, между прочимъ, о знаменитыхъ сестрахъ Семеновыхъ, Екатеринѣ и Нимфодорѣ. Екатерина—трагическая актриса, долгое время не имѣла соперницъ на драматической сценѣ и пользовалась огромной популярностью. Пушкинъ вѣренъ исторически, сказавъ, что въ русскомъ театрѣ того времени очень долго

...Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій,
Съ младой Семеновой дѣлилъ...

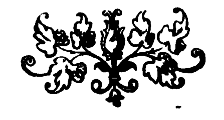
Обладая прекрасной наружностью, звучнымъ органомъ и рѣдкой талантливостью, Е. Семенова находила въ себѣ силы съ успѣхомъ соперничать съ знаменитой тогда французской трагической актрисой Жоржъ, во время ея бытности въ Россіи, и—была театральная «партія», которая отдавала русской Федрѣ предпочтеніе.

Младшая Семенова, Нимфодора, «выполнявшая, по словамъ Вигеля, всѣ условія русской красоты», играла въ операхъ и комедіяхъ. Большимъ голосомъ она не обладала, но—«быть милѣе ея въ игрѣ было трудно». Обѣ Семеновы были воспитанницами театральнаго училища, и старшая была любимой ученицей Дмитревскаго. Ранѣе ихъ и одновременно славились еще слѣдующія артистки: пѣвица А. Михайлова—примадонна на русскія оперы, съ чудеснымъ голосомъ, неподражаемо исполнявшая русскія пѣсни; московскія первыя пѣвицы Соколовская и Синявская; драматическія актрисы Воробьева, Каратыгина и друг.

Въ матеріальномъ и служебномъ отношеніи, положеніе русской «казенной» артистки сравнено было еще въ штатѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія съ положеніемъ артистовъ—мужчинъ. Она пользовалась одинаковыми правами по службѣ и получала, равномѣрное съ мужскимъ, жалованье—на ничтожную только часть меньше. Такъ, по штату получали, соотвѣтственно амплуа: «первая трагическая и комическая любовница»—700 р., «вторая»—600 р.; «первая служанка»—600 руб.; «старуха»—400 р. и т. д.

Что касается интеллектуальнаго развитія русской артистки описываемой эпохи, то нельзя сказать, чтобы оно было высоко, но оно не было тогда выше и у русскихъ артистовъ. Вкусъ эстетическій у нихъ не всегда былъ чутокъ и тонокъ. Въ этомъ современники упрекали даже знаменитую Е. Семенову, которая въ трагедіи черезъ-чуръ «пѣла» или, говоря вульгарнѣе, «завывала», придерживаясь рутинной декламаціи. Театральное

училище мало чему выучивало артистокъ, а—случалось—не выучивало даже ихъ ремеслу. По отзывамъ современниковъ, напр., наши оперные пѣвцы и пѣвицы очень часто не знали музыки, были даже такіе, что не знали нотъ и разучивали свои партіи по слуху, какъ канарейки. Литературное образованіе артистовъ русскихъ тоже было очень не высокое и, въ большинствѣ, кромѣ своего репертуара они ничего не знали и ничего не читали. Но, повторяемъ, важенъ былъ первый шагъ, такъ успѣшно и прочно сдѣланный русской женщиной на артистическомъ поприщѣ, впервые дававшемъ ей и личную самостоятельность, и общественное значеніе и просторъ для ея художественно-творческихъ силъ.

XIV.

Благотворительница.

Благотворительность—добродѣтель по преимуществу женская — была отличительной чертой нашей героини съ незапамятныхъ временъ. Въ старину она выражалась главнымъ образомъ въ нищелюбіи и въ щедрыхъ лептахъ на церкви и монастыри, какъ и понынѣ глубоко лежащее въ русской натурѣ чувство милосердія проявляется въ средѣ купечества и крестьянства. Безъ всякаго мудрствованія, по установившимся обычаямъ, въ извѣстные дни и при извѣстныхъ случаяхъ подавалась «милостыня» каждому, кто протягивалъ за ней руку. Организація благотворительности и болѣе правильная ея утилизація — плодъ уже позднѣйшаго времени, вполнѣ созрѣвшій у насъ опять таки благодаря женщинѣ въ лицѣ незабвенной, по своей филантропической дѣятельности, Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Нужно замѣтить, впрочемъ, что, по степени и размѣру участія въ благотворительности, русская женщина допетровскаго періода была, говоря вообще, несравненно

продуктивнѣе и дѣятельнѣе свѣтской дамы XVIII столѣтія. Объясняется это тѣмъ, что для московской боярыни-затворницы молитва и милостыня составляли, какъ говоритъ Забѣлинъ, «главное, коренное, неизмѣнное *дѣло* всей жизни», единственно достойное благочестивой христіанской души. Въ этомъ смыслѣ поучалъ и Домострой.

«Церковниковъ и нищихъ,—поучаетъ онъ,—и маломощныхъ, и бѣдныхъ, и скорбныхъ, и странныхъ пришельцевъ призывай въ домъ свой, и по силѣ накорми, и напой, и согрѣй; и милостыню давай отъ своихъ праведныхъ трудовъ и въ дому, и въ торгу, и на пути: тою-бо очищаются грѣси, тѣ-бо ходатаи Богу о грѣсѣхъ нашихъ... Чадо, люби мнишескій чинъ, и странніи пришельцы всегда-бы въ дому твоемъ питалися; и въ манастыри съ милостынею и съ кормлею приходи; и въ темницахъ, и убогихъ, и больныхъ посѣти и милостыню по силѣ давай».

Такова была программа старомосковской филантропіи, которой съ особеннымъ усердіемъ слѣдовали женщины, во-первыхъ, потому, что женщина, по самой натурѣ, сердечнѣе, человѣколюбивѣе мужчины, а, во-вторыхъ, потому, что въ тѣ времена благотворительность была для нея единственно доступнымъ поприщемъ гражданской дѣятельности и единственной, можно сказать, отдушиной въ теремной жизни для соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ.

Такъ или иначе, но московскія боярыни искони отличались широкимъ милосердіемъ и благотворительной щедростью, въ весьма нерѣдкихъ случаяхъ смягчая своимъ теплымъ, гуманнымъ участіемъ ко всему обездо-

ленному, сирому и убогому, суровыя, жесткія отношенія между сильными и слабыми, имущими и неимущими. Это весьма краснорѣчиво засвидѣтельствовалъ, между прочимъ, извѣстный протопопъ Аввакумъ. Нельзя безъ умиленія читать его разсказы о томъ трогательномъ вниманіи, которое ему оказывали, нерѣдко втайнѣ отъ мужей, сострадавшія его горькой судьбѣ боярыни. «Помогала намъ по Христѣ,—разсказываетъ онъ, напр., о времени своего тяжкаго заточенія въ Сибири,—болярыня, воеводская сноха Евдокія Кириловна, да жена его (воеводы Пашкова, крайне жестоко обращавшагося съ бѣднымъ протопопомъ) Ѳекла Семеновна; онѣ намъ отъ смерти голодной тайно давали отраду: безъ вѣдома его (т. е. воеводы) иногда пришлютъ кусокъ мясца, иногда колобокъ, иногда мучки и овсеца, сколько сойдется»... «Дочка моя, бѣдная горемыка Аграфена бродила втай къ ней подъ окно. И горе и смѣхъ! Иногда ребенка погонятъ отъ окна безъ вѣдома боярынина, а иногда и многонько притащитъ».

Особенно много дѣлали добра московскія царицы, въ жизни которыхъ благотворительность была и долгомъ сердца, и обязанностью религіозной, которую онѣ, въ большинствѣ случаевъ, исполняли съ горячностью и безграничной щедростью. Катошихинъ свидѣтельствуетъ, что царицы ходили по тюрьмамъ, по богадѣльнямъ съ милостынею, надѣляя ею также всѣхъ убогихъ и нищихъ «по рублю и по полтинѣ и меньше человѣку. И тѣхъ денегъ расходится множество тысячъ». Еще краснорѣчивѣе выражалось милосердіе царицъ и царевенъ въ ихъ предстательствѣ передъ царемъ за обиженныхъ,

униженныхъ и оскорбленныхъ. «И такихъ дѣлъ, говоритъ Катошихинъ, множество бываетъ, что царица, и царевичи, и царевны, многихъ людей отъ напрасныхъ и не отъ напрасныхъ бѣдъ и смертей освобождаютъ»...

Такимъ образомъ русская женщина, даже при самыхъ неблагопріятныхъ для проявленія ея индивидуальности условіяхъ, всегда стремилась занять ту прекрасную роль благодѣтельницы и покровительницы сирыхъ, убогихъ, гонимыхъ и страдающихъ, которая, возвышая ее самое нравственно и давая содержаніе ея затворнической жизни, доставляла-бы ей почетное, вліятельное мѣсто въ обществѣ, какъ представительницѣ начала любви, блага и мира во Христѣ.

Вообще, чувство жалости и милосердія, которымь отличаются, напр., наши крестьянки, находясь даже на самой примитивной степени духовнаго развитія, составляло преобладающую черту въ характерѣ нашей героини допетровскаго періода. Черта эта, конечно, перешла наслѣдственно и къ послѣдующей генераціи русскихъ женщинъ пореформенной эпохи, выражаясь часто въ той-же наивной формѣ, какъ это мы видимъ понынѣ у купчихъ, мѣщанокъ и простыхъ деревенскихъ бабъ.

Въ этомъ случаѣ не составляли исключенія даже женщины-государыни—по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которыя были воспитаны въ понятіяхъ и традиціяхъ старорусской морали. Извѣстная леди Рондо разсказываетъ объ императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, которая—нужно замѣтить—вовсе не отличалась слабонервностью и сентиментальностью, что не разъ видѣла, «какъ печальные разсказы вызывали на ея глазахъ слезы». По увѣренію

Рондо, Анна Ивановна «обнаружила врожденный страхъ ко всему, что имѣетъ оттѣнокъ жестокости; сердце ея одарено такими хорошими качествами, какихъ мнѣ, говоритъ разсказчица, не удавалось видѣть у кого бы то ни было, и это—принимая въ соображенiе ту власть, которая ей принадлежитъ,—кажется особеннымъ знаменiемъ божественной благости»... Рондо, какъ иностранка, могла, конечно, не знать, что личная чувствительность Анны не простиралась на общество и народъ, для которыхъ ея царствованiе было однимъ изъ самыхъ крутыхъ и суровыхъ; но это кажущееся противорѣчiе между личной жалостливостью императрицы и жесткостью ея правленiя, всецѣло почти находившагося, притомъ, въ рукахъ всесильнаго фаворита Бирона, вовсе не составляетъ психическаго противорѣчiя и вовсе не можетъ назваться исключительнымъ явленiемъ. Извѣстно, что Анна Ивановна точно такъ же плакала, подписывая смертный приговоръ Волынскому, хотя отъ ея усмотрѣнiя зависѣло даровать ему жизнь.

Подобныя противорѣчiя, особенно часто встрѣчающiяся въ женщинахъ,—весьма естественный результатъ преобладанiя сердца надъ разсудочной способностью, какъ это всегда бываетъ у малоразвитыхъ представительницъ прекраснаго пола. Сердечность—качество, можно сказать, стихiйное, находящееся въ полной зависимости отъ темперамента и его настроенiй; не руководимая и не сдерживаемая высшей человѣческой способностью—разумомъ и продиктованными имъ принципами, сердечность колеблется одними порывами и, подъ ихъ влiянiемъ, дѣлается весьма обоюдоострой въ своихъ исхо-

дахъ. Оттого не рѣдкость даже въ наши дни и даже въ культурной средѣ наталкиваться на женщинъ—одновременно и добрыхъ и злыхъ, и чувствительныхъ до способности плакать надъ горькой долей цыпленка, обреченнаго на жаркое, и жестокихъ до безчеловѣчности.

Въ описываемый нами періодъ, разумѣется, такихъ двойственныхъ натуръ встрѣчалось среди русскихъ женщинъ гораздо болѣе, чѣмъ нынѣ, вслѣдствіе преобладанія сенсуализма надъ раціонализмомъ въ самомъ воспитаніи и развитіи женщины XVIII столѣтія, говоря вообще. Этимъ-же объясняется и указанное противорѣчіе въ характерѣ, напр., Анны Ивановны, которая въ данномъ отношеніи вовсе не составляла исключенія. Елизавета Петровна точно также, если не болѣе еще, поражаетъ параллельностью въ своемъ характерѣ чувства милосердія, доброты и сентиментальной мягкости, съ одной стороны, и, съ другой, страстной злобы и жестокости, такъ краснорѣчиво обнаруженныхъ ею, напр., въ извѣстномъ процессѣ Лопухиныхъ, возбужденномъ едва-ли не изъ-за мелочнаго женскаго соревнованія въ красотѣ и щегольствѣ съ несчастной Натальей Ѳедоровной Лопухиной.

И такъ, доброта добротѣ рознь: есть доброта сознательная, руководимая разумомъ и опредѣленнымъ принципомъ, и есть доброта непосредственная, стихійная, и, вслѣдствіе этого, неровная въ своихъ проявленіяхъ и слѣпая въ своихъ стремленіяхъ. Различіе это необходимо помнить при оцѣнкѣ благотворительной дѣятельности тѣхъ или другихъ индивидуумовъ, такъ какъ, очевидно, самая плодотворность и дѣйствительность этой

дѣятельности находятся въ прямой зависимости отъ внутренняго качества ея источниковъ, т. е., въ какой степени сіи послѣдніе освѣщены истиннымъ пониманіемъ человѣколюбія и подчинены широкимъ общественнымъ задачамъ.

Чт҃о толку, напр., въ тароватой благотворительности какой-нибудь, по своему благочестивой, но темной замоскворѣцкой купчихи, гостепріимно открывающей двери своего дома разнымъ тунеяднымъ проходимцамъ — ханжамъ, блаженнымъ и странникамъ, и пригоршнями разсыпающей грошики уличной нищей братіи? Что пользы, вообще, въ той внѣшней, формальной благотворительности, хотя бы и внушенной искреннимъ милосердіемъ, которая расточаетъ свои лепты зря и, вмѣсто радикальнаго цѣленія и предупрежденія нужды и бѣдности, деморализуетъ ихъ только, питая тунеядцевъ, изувѣровъ и бродягъ, сдѣлавшихъ себѣ изъ нищенства прибыльный промыселъ?

А такова именно была часто сердечная и истинно христолюбивая по намѣреніемъ, но плачевная по результатамъ, старомосковская филантропія, что, конечно, слѣдуетъ сказать и въ частности о филантропіи русской женщины того времени. Правда, эта примитивная форма благотворенія преобладаетъ у нашихъ сердобольныхъ барынь отчасти и въ XVIII столѣтіи; но рядомъ съ этимъ являются уже попытки систематизаціи и раціональной утилизаціи общественной помощи, являются также, въ лицѣ лучшихъ, энергичнѣйшихъ представительницъ высшаго общества, просвѣщенныя дѣятельницы правильно-организованной, разумной филантропіи,

съ которыми мы вскорѣ здѣсь встрѣтимся. Теперь-же остановимся на фактахъ патріархальной благотворительности нашей героини; фактовъ такихъ исторія домашней жизни прошлаго столѣтія представляетъ не мало.

Примѣромъ женскаго нищелюбія, по завѣтамъ Домостроя, могъ служить въ дни Петра домъ царицы Прасковьи Ѳедоровны, который былъ наполненъ всевозможными юродивыми, калѣками, блаженными и просто — приживальцами. Вся эта тунеядная тля служила не только объектомъ человѣколюбія царицы, но и предметомъ ея развлеченія и забавы. Подобный видъ благотворительности не составлялъ большой рѣдкости и въ позднѣйшее время среди нашихъ прабабушекъ, судя по тому, что онъ даже нашелъ себѣ мѣсто въ русской сатирической литературѣ уже екатерининскихъ дней. Въ остроумной «Всякой Всячинѣ», издававшейся въ 70-хъ годахъ, весьма живо и, конечно, въ комическомъ свѣтѣ, воспроизведенъ домъ страннопріимной барыни—благотворительницы. Эта жанровая картина даетъ отчетливое понятіе, вообще, о патріархальной женской филантропіи добраго стараго времени.

«На сихъ дняхъ, любезный читатель,—разсказываетъ авторъ-сатирикъ, — вамъ въ угодность съѣздилъ я къ теткѣ своей, барынѣ лѣтъ семидесяти, прощаться... Не успѣлъ я войти въ двери и ей поклониться, какъ она закричала на меня: басурманъ, какъ ты въ комнаты входишь, да не крестишься? Я извинялся, говоря, что я столь спѣшилъ къ ней подойти, что позабылся... Я старался подойти поближе къ кровати, на коей она сидѣла, чтобъ поцѣловать у нея руку; но почти непре-

оборимыя препятствія между нами находились... У самой двери направо стоялъ превеликій сундукъ... налѣво множество ящиковъ, ларчиковъ, коробочекъ и скамѣечекъ барскихъ барынь. При концѣ сего узкаго прохода сидѣла на землѣ рядомъ *слѣпая* между двумя *карлицами* и двѣ *богадѣльницы*. Передъ ними, ближе къ кровати лежалъ *мужикъ*, который сказки сказывалъ; одна нѣкая *странница*, двѣ *внуки* ея родныя, дѣвушки невѣсты. Странница да внуки отъ прочихъ были тѣмъ отмѣнены, что онѣ лежали на перинахъ... Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у стѣнъ для услугъ». Желая добраться до тетки, разсказчикъ рѣшился перескочить черезъ слѣпую, но неудачно: шпагой зацѣпилъ за карлицу, а одною ногой угодилъ въ карманъ слѣпой съ пирогомъ. Поднялся крикъ. «Тетушка очень осердилась и сказала: что ты, шалунъ, пріѣхалъ ко мнѣ моихъ домашнихъ передавить? На слѣпую напалъ. Бѣдная такъ радовалась давича пирогамъ, и сколько имъ укладыванья было, а дуракъ раздавилъ ихъ своимъ бѣшенствомъ!» За первой неловкостью гостя, послѣдовала другая; кто-то, при этомъ, зацѣпилъ за лампаду передъ образами. «Тутъ монахиня прогласила: аминь, аминь, аминь, разсыпься! Тетушка вышла изъ терпѣнія и закричала: подай плетей! Какъ я услышалъ сіе, заканчиваетъ свой разсказъ авторъ,—ударился бѣжать и скакать черезъ всѣхъ».

Такого рода странопріимство и нищелюбіе практиковались русскими сердобольными женщинами зажиточныхъ классовъ повсемѣстно въ описываемое время, да практикуются кое-гдѣ и понынѣ, и не только однѣми

неразвитыми ханжами—купчихами, но, случается, и культурными дамами высшаго круга. Прыжовъ въ своей книгѣ о нищихъ, изданной въ 1862 г., описываетъ одну современную намъ, московскую княгиню, блиставшую нѣкогда въ свѣтѣ, которая обратила свой огромный домъ въ пріютъ для всякаго сорта ханжей, юродивыхъ, идіотовъ и странниковъ, истративъ на нихъ все свое состояніе.

Въ какой-же степени подобная филантропія была въ нравахъ русскихъ женщинъ восемнадцатаго столѣтія можно видѣть, между прочимъ, изъ того факта, что даже императрица Екатерина I была ей причастна, не смотря на то, что не была лично воспитана въ домостроевскихъ понятіяхъ, и что самъ Петръ терпѣть не могъ какихъ-бы то ни было тунеядцевъ. Между тѣмъ, Екатерина, подобно стариннымъ русскимъ царицамъ, хотя въ меньшей степени, также оказывала гостепріимство и покровительство разнымъ «блаженненькимъ» и юродивымъ.

Такъ, роль юродивой приживалки при ней исполняла, между прочимъ, княгиня Настасья Петровна Голицына, на которую государыня обильно изливала свои щедроты, по такимъ, напр., возбуждавшимъ состраданіе поводамъ, какъ объ этомъ записано въ сохранившейся счетной книжкѣ дворцоваго оберъ-келлермейстера.

«1722 г., сентября 26 дня, у рѣки Сарлака, *плакала* княгиня Голицына—дано ея 15 червонныхъ».

«1724 г., марта 14-го, изволила ея величество пожаловать княгинѣ Настасьѣ Голицыной 23 червонныхъ для того, чтобы она *плакала по сестрѣ*, и она плакала того-же числа».

«1725 г., 24 апрѣля, ея величество изволила бросить на полъ одинъ червонный для свѣтлѣйшей княгини Настасьи Петровны» (въ видѣ милостыни, конечно).

«Октября 22 дня, подносила ея величеству свѣтлѣйшая княгиня рожденной калачъ (имянинный), за который пожаловала ей 1 червонный».

Изъ той-же счетной книги комнатныхъ расходовъ Екатерины узнаемъ, что она не менѣе щедро одѣляла множество лицъ, по разнымъ поводамъ обращавшимся къ ней за милостыней. Гребцы, матросы, солдаты, рабочіе обращались къ императрицѣ съ просьбою о воспріемничествѣ рождавшихся у нихъ ребятъ; Екатерина не отказывала и каждому крестнику дарила по нѣскольку червонцевъ. Сироты — дѣвушки, выходя замужъ, получали отъ нея приданое. Пострадавшіе отъ увѣчья и болѣзней солдаты получали кормъ и жалованье. Очень много раздавала также Екатерина подаяній священнослужителямъ, монахамъ, пѣвчимъ и разнымъ «славильщикамъ». Затѣмъ, встрѣчаемъ такіе характеристическіе случаи ея благотворительности.

....«Изволила ея величество,—читаемъ въ одномъ мѣстѣ расходной книжки,— пожаловать 2 черв. крестьянину въ огородѣ (т. е. въ саду), который просилъ ея величество, что ему нечѣмъ заплатить подушныхъ денегъ».

«Просила ея величество,—читаемъ далѣ,—оружейническая жена Аѳимья Алексѣева, что нечѣмъ ей окрестить младенца, которой указомъ ея величества дано 2 черв. на Троицкой пристани».

«Дано Кузьмѣ Сидорову на похороны его сына пять червонныхъ», и т. д. Особенно щедро раздавалась милостыня во время поѣздокъ императрицы. Почти ни одинъ случайный проситель, включительно до уличныхъ нищихъ, не отпускался безъ царицыной лепты. Это можно видѣть по слѣдующимъ выдержкамъ изъ того же источника:

«Дано (въ Клину) дворянскимъ женамъ милостыни шести человѣкамъ 6 червонцевъ».

«Въ Клину сказывали ея величеству трое мальчиковъ рацею, Иванъ Кирилловъ съ товарищи, дано 5 черв.»

«На дорогѣ (изъ Переславля Залѣсскаго) дряхлымъ старцамъ дано милостыни три червонца».

«Ея величество изволила ѣхать чрезъ село Святково Троицы-Сергіева монастыря, въ которомъ селѣ выгорѣло шестнадцать дворовъ крестьянскихъ, да пять избъ вдовыхъ, которымъ по указу ея величества дано по рублю на каждый дворъ, да вдовамъ на пять избъ четыре рубля».

Во время поѣздокъ встрѣчались челобитчики, которые довольно оригинальнымъ образомъ снискивали вниманіе и подаяніе у императрицы.

Такъ, однажды, «украинскій крестьянинъ Константинъ Шмелинъ, восьмидесяти лѣтъ, лазилъ на дерево по веревкамъ, которому по указу ея величества дано 10 червонныхъ» — не столько, конечно, за искусство, сколько во вниманіе къ его дряхлости и самоотверженію.

Выписки эти цѣнны въ томъ отношеніи, что даютъ намъ ясное понятіе о размѣрѣ и характерѣ благотвори-

тельности нашей героини описываемаго времени. Очевидно, тутъ не было ни системы, ни руководящаго принципа; благодѣянія изливались совершенно случайно, подъ минутнымъ и поверхностнымъ впечатлѣніемъ, на случайныхъ же просителей, умѣвшихъ во-время подвернуться подъ «руку дающаго» и искусившихся въ наукѣ выклянчиванья подачекъ. За всѣмъ тѣмъ, въ филантропіи этой чувствуется легкій оттѣнокъ женскаго каприза, отчасти сроднаго съ самодурствомъ какого нибудь «шутника» изъ комедіи Островскаго, который щедръ на подачки нищимъ-штукарямъ, увеселяющимъ, изъ благодарности, разными шутовскими колѣнцами. Какъ иначе понять, напр., вышеприведенный экспериментъ восьмидесятилѣтняго старика, щедро награжденнаго за то, что онъ слазилъ на дерево съ рискомъ сломать себѣ шею?

Патріархальность отличаетъ благотворительную дѣятельность даже лучшихъ женщинъ прошлаго столѣтія, милосердіе которыхъ славилось при ихъ жизни и занесено въ исторію для памяти въ потомствѣ. Такую славу заслужила, между прочимъ, одна изъ чистѣйшихъ и добродѣтельнѣйшихъ представительницъ первой половины XVIII вѣка, графиня Екатерина Ивановна Головкина. Когда она, послѣ тяжкихъ испытаній въ своей личной жизни, возвратившись изъ Сибири, поселилась въ Москвѣ, то домъ ея сдѣлался центромъ благотворительности, куда стекались всѣ московскіе нищіе и убогіе. «Заднія крыльца никитскаго дома графини,—говоритъ біографъ Головкиной, Хмыровъ, — разъ навсегда были указаны всѣмъ безъ изъятія нуждающимся и ни одинъ просящій благостыни не выходилъ за ворота съ

пустыми руками и ненакормленный; со многими графиня бесѣдовала лично, навсегда устроила положеніе другихъ. Счастливить чѣмъ можно ближнихъ — было, кажется, продолжительнѣйшимъ изъ увлеченій графини, не прерывавшимся до самой смерти ея, быть можетъ, потому, что собственный опытъ былого горя ближе располагалъ ее къ участію въ чужихъ невзгодахъ». Когда графиня Головкина умерла, то «московскіе бѣдняки потеряли въ ней первѣйшую благодѣтельницу и кормилицу».

Головкина, по времени своего рожденія и по воспитанію, должна быть отнесена къ первому поколѣнію русскихъ образованныхъ людей восемнадцатаго вѣка. Она была современницей Петра В. и въ ней мы видимъ типъ добродѣтельной женщины, сложившійся на рубежѣ двухъ періодовъ—московскаго и петербургскаго. Выше мы упомянули вскользь, что, по отношенію къ благотворительности, русскія женщины этихъ двухъ періодовъ разнятся между собою не только качествомъ своей филантропической дѣятельности, но и ея количествомъ, т. е. степенью участія въ ней. Несомнѣнно, свѣтская дама петровскаго вѣка гораздо менѣе отдавалась дѣламъ благотворенія, нежели московская боярыня XVII столѣтія, если говорить вообще. Это иначе и не могло быть, потому что, помимо измѣненія самой формы благотворительности, для новой русской женщины высшаго круга, освобожденной изъ терема, открылись многочисленныя перспективы разнообразныхъ интересовъ, которые были совершенно чужды и недоступны теремнымъ затворницамъ. Жизнь свѣтской женщины получила такое многостороннее, пестрое, хотя и суетное содержаніе,

что на скучную нищелюбивую возню съ калѣками и убогими, чѣмъ наполняла свои длинные досуги старомосковская боярыня, не было теперь ни времени, ни охоты, да, кромѣ того, у нѣжныхъ, пофранцузски воспитанныхъ, салонныхъ барынь явилась изысканная, аристократическая брезгливость ко всему «мужичьему», грубому и неряшливому.

Вслѣдствіе этихъ перемѣнъ произошло еще то, что въ новѣйшія времена въ высшемъ свѣтѣ филантропія стала дѣлаться профессіей почти исключительно однихъ пожилыхъ барынь, уставшихъ отъ треволненій суетной салонной жизни, имѣющихъ основаніе покаяться въ вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеніяхъ молодости, и ради этого рѣшившихъ украсить свою старость усердной молитвой и дѣлами благотворительности.

Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы истинно-добродѣтельныхъ, человѣколюбивыхъ женщинъ стало меньше въ пореформенномъ русскомъ обществѣ. Напротивъ,— если говорить о человѣколюбіи, вообще, въ широкомъ смыслѣ слова, если разумѣть подъ благотворительностью не одно только формальное нищелюбіе и не одинъ только внѣшній престижъ филантропіи, а всепроникающую гуманность, выражающуюся во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ съ людьми, особенно съ меньшею братіей, то, безъ сомнѣнія, образованная русская женщина XVIII столѣтія, сравнительно съ старомосковской боярыней, представляла собой, въ данномъ случаѣ, явленіе прогрессивное. Главное же ея преимущество въ этомъ отношеніи заключалось въ томъ, что она, просвѣтленная гуманитарнымъ образованіемъ, стала относиться къ задачамъ фи-

лантропіи болѣе сознательно и болѣе утилитарно расточать свои лепты. Это въ особенности нужно сказать о нашихъ «благотворительныхъ дамахъ» второй половины прошлаго столѣтія, въ эпоху царствованія Екатерины Великой, собственнымъ починомъ и рядомъ государственныхъ учрежденій положившей основаніе въ Россіи организованной общественной благотворительности.

Въ эту эпоху мы встрѣчаемъ уже въ средѣ русскихъ женщинъ высшаго общества такихъ благотворительницъ, которыя увѣковѣчили свои имена достопамятными пожертвованіями.

Княгиня Екатерина Дмитріевна Голицына (урожденная Кантемиръ) жертвуетъ двадцать двѣ тысячи рублей съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этой суммы были отправляемы черезъ каждые шесть лѣтъ трое молодыхъ людей въ Страсбургскій университетъ для обученія медицинѣ и хирургіи, по выбору главнаго совѣта воспитательнаго дома, но, притомъ, чтобы, по окончаніи курса и по возвращеніи въ Россію, «пользовались совершенною свободою». Пожертвованію этому отечество было обязано многими замѣчательными врачами въ то время, когда оно въ нихъ особенно нуждалось.

Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1774-й годъ встрѣчаемъ еще болѣе вѣскій примѣръ женской сознательной благотворительной щедрости. Дѣвица Марѳа Дмитріевна Кашкодамова завѣщала все свое имѣніе, состоявшее изъ слишкомъ пятисотъ душъ, воспитательному дому, въ пользу воспитываемыхъ въ немъ сиротъ. На вырученный отъ продажи имѣнія Кашкодамовой капиталъ, въ тридцать двѣ тысячи, стали получать, съ процентовъ,

содержаніе двѣнадцать воспитанниковъ и двѣнадцать воспитанницъ. «Сверхъ сего портретъ Маρθы Дмитріевны поставленъ былъ въ залѣ совѣта, въ знакъ благодарности за ея человѣколюбивый подвигъ».

Мы знаемъ уже о не менѣе щедрыхъ пожертвованіяхъ на дѣло просвѣщенія въ Россіи княгини Дашковой. Примѣровъ такихъ было не мало.

Въ большомъ свѣтѣ встрѣчались, наконецъ, женщины для которыхъ благотворительность была повседневной нравственной потребностью, вытекавшей изъ сострадательной, чуткой къ человѣческимъ бѣдствіямъ, души. Вигель описываетъ одну современницу екатерининскаго вѣка, которая представляетъ собою весьма типичное, въ этомъ отношеніи, явленіе.

«Сострадательность,—говоритъ онъ о ней,—была главною чертою ея характера; денегъ у нея не было, но несчастнымъ она помогала не однѣми только слезами, а неимовѣрною дѣятельностью; мучила друзей, наряжала ихъ преслѣдовать сильныхъ и богатыхъ, дабы исторгнуть у нихъ помощь страждущимъ. Она была великая искусница утѣшать и успокаивать печальныхъ», «ей хотѣлось все любить и она сердилась, какъ ребенокъ, когда ей мѣшали въ семъ привычномъ занятіи».

Свѣтлыя женскія личности въ такомъ родѣ, выработывавшіяся подъ вліяніемъ сентиментальнаго образованія, носившаго въ себѣ глубокое, въ сущности, гуманитарное начало, было не рѣдкостью въ тѣ времена, особенно въ концѣ минувшаго столѣтія, когда въ верхушкахъ русскаго общества стали распространяться массонскія идеи, основаніемъ которыхъ, какъ извѣстно, слу-

жило широкое человѣколюбіе на религіозно-мистической подкладкѣ. Подъ вліяніемъ этихъ-то идей могли складываться такіе, напр., высоко-нравственные, поэтическіе образцы, какимъ, въ яркихъ чертахъ, представлена одна дѣвушка изъ семейства русскаго мартиниста въ «Семейной хроникѣ».

Это была дочь извѣстнаго Рубановскаго, богато одаренная природой, талантливая и высоко развитая старательнымъ образованіемъ. Выдающіеся люди среди мартинистовъ, какъ, напр., А. Ѳ. Лабзинъ, «находили великое удовольствіе и даже душевную пользу бесѣдовать съ этой дѣвицей о самыхъ высокихъ духовныхъ предметахъ»; но въ то же время въ ней не было никакого отшельничества: «она являлась въ свѣтѣ», гдѣ «привлекала къ себѣ толпу молодыхъ людей, которые принимали каждое ея слово съ радостью и благоговѣніемъ». Но особенной популярностью пользовалась она среди простыхъ людей и бѣдняковъ. По невѣдомой причинѣ на зарѣ жизни, она стала, вдругъ, быстро угасать, страдая неизлечимымъ недугомъ; но не смотря на это, «всегда чудный ея голосъ получилъ въ это время необыкновенную силу, и торжественные его звуки разносились по цѣлой улицѣ, такъ что толпы народа собирались передъ растворенными окнами»... «Народъ, зная, что поетъ умирающая, плакалъ отъ умиленія и молился; а множество облагодѣтельствованныхъ ею нищихъ стояли день и ночь на колѣняхъ, возсылая горячія мольбы къ Богу о возстановленіи здравія болящей. Вся набережная (гдѣ помѣщался домъ Рубановскихъ) была до такой степени

полна народа, что полицiя должна была разгонять его для проѣзда экипажей».

Въ образованной женщинѣ конца восемнадцатаго столѣтiя особенно ярко выступала, правда, нерѣдко искусственная и фальшивая, черта «чувствительности»,— предметъ восхищенiя ея поклонниковъ и громкихъ похвалъ поэтовъ. «Чувствительностью» называлась тогда сердечная воспрiимчивость, чуткая ко всякому страданiю, хотя нерѣдко она оставалась крайне невпечатлительной къ явному попиранiю и гнету личности человѣческой, въ лицѣ напр., крѣпостныхъ рабовъ. Не хватало этой «чувствительности» очень часто глубины и послѣдовательности, вытекающей изъ способности къ анализу, но поверхностность была слабой стороной всего тогдашняго вѣка, во всѣхъ отношенiяхъ, и въ характерахъ людей, и въ ихъ дѣйствiяхъ.

«Чувствительностью» отличалась и знаменитѣйшая представительница своего вѣка и своего пола — Екатерина II... «Великая въ герояхъ, — говоритъ о ней Карамзинъ,—она сохранила на тронѣ нѣжную чувствительность своего пола, которая вступалась за несчастныхъ, за самыхъ винныхъ; искала всегда возможности простить, миловать; смягчала всѣ приговоры суда и служила совершеннѣйшимъ образцомъ той высокой добродѣтели, которую могутъ имѣть одни Небеса и Государи: милосердiя!»

Менѣе краснорѣчивый, но не менѣе восторженный панегиристъ Екатерины, П. И. Сумароковъ, говоритъ въ своемъ о ней сочиненiи, что «благодѣтельная ея десница покоила всѣ роды» и что «твердость, великодушiе

не заглушили въ ней чувствительности, которой она была преисполнена».

Нельзя не указать мимоходомъ на весьма характеристическое противупоставленіе въ этихъ похвалахъ великодушія, твердости, геройства — чувствительности, какъ еслибъ эти душевныя качества находились въ противорѣчіи между собою, такъ что, напр., для великодушнаго героя вовсе необязательно питать въ себѣ чувства милосердія и человѣчности. Эта маленькая подробность освѣщаетъ нѣсколько ту схоластическую риторичность, которая господствовала въ тогдашнихъ воззрѣніяхъ на мораль, на духовную сущность человѣка.

Воздавая хвалу Екатеринѣ за то, что она «покоила всѣ роды», Сумароковъ разумѣлъ ея «чувствительность» не только къ людямъ, но и къ животнымъ, которыя съ своей стороны, по отношенію къ ней, «кротость предъ кротостью изъявляли». Въ числѣ изумительныхъ примѣровъ этого, Сумароковъ разсказываетъ, что однажды «голуби, послѣ сильнаго пожара въ Петербургѣ, тысячами слетались къ ея (т. е. императрицы) окнамъ и нашли при великолѣпныхъ чертогахъ спокойное, вѣрное себѣ пристанище. Имъ опредѣлена была пшеница; колокольчикъ созывалъ ихъ къ корму, и она, питая ихъ, утѣшалась».

О «чувствительности» Екатерины къ людямъ анекдотическая исторія разсказываетъ множество болѣе или менѣе достовѣрныхъ преданій, на одномъ изъ которыхъ построена, какъ извѣстно, лучшая въ русской литературѣ историческая повѣсть—«Капитанская дочка», Пушкина. Но мы въ анекдоты вдаваться не станемъ. Досто-

вѣрно, что Екатерина въ отношеніяхъ съ приближенными была чрезвычайно деликатна, милостива, снисходительна и «пріискивала еще, по словамъ Сумарокова, разныя средства, можно сказать, утонченности къ доставленію пріятностей: дарила, одолжала совсѣмъ необыкновеннымъ образомъ, и всегда при неожидаемости». Все это, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ почтенія; но для исторіи нашей героини гораздо цѣннѣе дѣянія Екатерины по развитію и организаціи общественной благотворительности въ Россіи.

Учрежденія «общественнаго призрѣнія», какъ одной изъ функцій государственной дѣятельности, постоянно входили въ ея заботы. Путешествуя по Россіи, императрица въ каждомъ встрѣчномъ городѣ наводитъ справки о состояніи мѣстныхъ благотворительныхъ учрежденій и, въ случаѣ ихъ недостатка или отсутствія, ассигнуетъ деньги и назначаетъ исполнительные органы для ихъ заведенія. Карамзинъ, говоря о законодательствѣ Екатерины, справедливо замѣтилъ, что оно проникнуто желаніемъ внушить «въ сердца любовь къ добру общему, чувство жалости къ несчастному». Всего же краснорѣчивѣе сказалась эта сторона дѣятельности Екатерины въ учрежденіи одного изъ величайшихъ и замѣчательнѣйшихъ памятниковъ человѣколюбія — воспитательнаго дома.

«Сей огромный домъ, который украшаетъ древнюю столицу Россійскую, величественно осѣняя рѣку ея... сей домъ, говоритъ Карамзинъ, предметъ удивленія Европы, всѣхъ любопытныхъ чужеземцевъ, всѣхъ друзей человѣчества — есть храмъ, посвященный Екатери-

ною милосердію! Тамъ несчастные младенцы, жертвы бѣдности или стыда... пріемлются во святилище добродѣтели, спасаются отъ бури, которая сокрушила-бы ихъ на первомъ дыханіи жизни», и т. д.

Цвѣтистая витіеватость «похвальнаго слова» Карамзина воспитательному дому становится понятной въ виду того, что, дѣйствительно, этому благотворительному учрежденію Екатерины удивлялись въ то время всѣ— не только свои, но и иностранцы.

Извѣстный англійскій историкъ Уильямъ Коксъ, посѣтивъ Москву въ 1778 г., обратилъ особенное вниманіе на московскій воспитательный домъ, въ которомъ тогда призрѣвалось уже до 3000 питомцевъ. Кокса «пріятно поразило просторное помѣщеніе и хорошія гигіеническія условія, въ которыя были поставлены дѣти», а также то, что «строго запрещалось качать и пеленать дѣтей, въ противность общепринятому русскому обычаю». Онъ обратилъ вниманіе на учебно-воспитательную часть дома и, подробно ее изучивъ, нашелъ что она была поставлена хорошо. Любознательный англичанинъ посѣщалъ пйтомцевъ воспитательнаго дома въ разное время и, заставая ихъ то за обѣдомъ, то за работой, то во время рекреаціи, «каждый разъ выносилъ отрадное впечатлѣніе: дѣти по его наблюденіямъ, имѣли веселый здоровый видъ, ихъ отношенія къ директору были самыя непринужденныя и дружественныя».

Нельзя не обратить вниманія на то, что, при учрежденіи воспитательнаго дома, исполнитель въ этомъ дѣлѣ намѣреній Екатерины, Бецкій, обращаясь къ обществу за содѣйствіемъ путемъ печатнаго слова, адресовался

главнымъ образомъ къ «любезной читательницѣ», давая понять, что въ данномъ случаѣ благотворительность есть дѣло по преимуществу женское. Онъ старается тронуть «мягкое и нѣжное сердце» читательницъ безпомощнымъ положеніемъ «отъ всѣхъ оставленной родильницы» и еще болѣе жалкимъ видомъ «новорожденнаго младенца, который всякой помощи лишенъ»... Затѣмъ, взывая къ состраданію и человѣколюбію, онъ заключаетъ: «Таковыя, всему человѣческому роду общія, а вашему, любезная читательница, нѣжному полу наипаче свойственныя чувствованія и разсужденія еще сильнѣе должны быть, нежели мои изображенія».

Учрежденіе Екатериной воспитательнаго дома, какъ актъ истиннаго и глубокаго человѣколюбія императрицы, произвело, вообще, глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Угасавшій уже тогда Ломоносовъ встрѣтилъ его одой, прозвучавшей въ цѣломъ хорѣ похвалъ Екатеринѣ другихъ современныхъ поэтовъ и ораторовъ. Обращаясь къ потомству, Ломоносовъ писалъ:

Внемлите съ радостью полезному питомству;
Похвально дѣло есть убогихъ призирать,
Сугуба похвала для пользы воспитать:
Натура то гласитъ, повелѣваетъ вѣра.
Внемлите важности Монаршаго примѣра:
Екатерина васъ предводитъ къ чести сей,
Спѣшите щедростью, какъ вѣрностью за ней...

Слѣдуетъ, однако-же, замѣтить, что полное развитіе воспитательнаго дома, а равно и другихъ филантропическихъ начинаній Екатерины принадлежитъ уже другой государынѣ—императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Гро-

мадная благотворительная дѣятельность Маріи Ѳеодоровны, ея обширныя, неусыпныя заботы по организаціи учебно-воспитательнаго дѣла составляютъ, смѣло можно сказать, эпоху въ исторіи внутренней, общественной жизни Россіи. Хотя дѣятельность Маріи Ѳеодоровны относится больше уже къ нынѣшнему столѣтію, но сама она, по характеру, воспитанію и, наконецъ, хронологически несомнѣнно принадлежитъ къ поколѣнію женщинъ XVIII столѣтія. Въ виду всего этого, мы намѣрены посвятить ея личности и ея дѣятельности особый очеркъ вслѣдъ за настоящимъ.

XV.

Императрица Марія Θеодоровна.

„Добромъ безсмертна ты“...

Карамзинъ.

Трудно найти историческое имя, которое было-бы болѣе популярно и болѣе безсмертно на Руси — имени императрицы Маріи Θедоровны, а что касается знаменитыхъ женщинъ вообще, гдѣ-бы ни появлявшихся во всемірной исторіи, то, безъ сомнѣнія, въ ряду ихъ очень немного найдется такихъ, которыя, какъ Марія Θедоровна, запечатлѣли свое имя въ памяти потомства столь свѣтлой, благотворной и широкой человѣколюбивой дѣятельностью. Слава ея не блещетъ яркими, героическими дѣяніями и не захватываетъ своими лучами авансцены міровой комедіи: въ сторонѣ отъ главныхъ героевъ исторіи и дѣйствія государственно-политическихъ событій, она сіяетъ мирнымъ, кроткимъ грѣющимъ свѣтомъ любви и милосердія, вытекающихъ изъ прекраснаго, нѣжнаго женскаго сердца.

Мѣтко и превосходно опредѣлилъ личность Маріи Өедоровны и ея дѣятельность нашъ знаменитый духовный витія, митрополитъ Филаретъ, сравнивъ императрицу съ «тихою зарею», «проницающею аки утро». Несомнѣнно, для многихъ отверженныхъ, обреченныхъ безжалостной судьбою на бѣдствіе и гибель, человѣческихъ существованій Марія Өедоровна отождествляла собою такую, именно, спасительную, радостную «зарю» — зарю жизни!

«Если-бъ возможно было,—говорилъ К. П. Ширинскій-Шихматовъ въ своемъ похвальномъ словѣ Маріи Өедоровнѣ, — призвать всѣхъ облагодѣтельствованныхъ ею для принесенія ей справедливой жертвы благодаренія: сколь восхитительная картина, сколь величественное зрѣлище, сколь многолюдное и торжественное собраніе представилось-бы изумленному взору нашему! Стѣны Петрополя не вмѣстили бы собравшихся множества. Мы увидѣли-бы людей разнаго званія, состоянія, пола и возраста, отъ нищихъ, носящихъ рубища, до вельможъ, блистающихъ златыми одеждами».

И это количество облагодѣтельствованныхъ не перестаетъ возростать и по наши дни. За всѣмъ тѣмъ, какъ ни похвальна благотворительность, сама по себѣ, но превращеніе ея изъ патріархальнаго нищелюбія въ могучій органъ общественнаго призрѣнія, воспитанія и доставленія способовъ честнаго, полезнаго существованія тысячамъ обойденныхъ фортуной людей,—такое превращеніе, исполненное инициативой и стараніемъ, главнымъ образомъ, Маріи Өедоровны, является уже великимъ дѣломъ гражданственности, продуктомъ не одной

только филантропіи, но и творчески-организаторской мудрости.

О Маріи Өедоровнѣ имѣется цѣлая, обширная литература. Ее много разъ, и при жизни и по кончинѣ, прославляли и въ стихахъ, и въ прозѣ, и устно и печатно. Державинъ величалъ ее «посланницей и другомъ небесъ», а въ другомъ стихотвореніи даетъ ей имя—

...благодатныя, неблазныя Добрады,
Богини всякаго добра,
Царицы тьмы щедротъ.

Далѣе поэтъ заставляетъ явиться къ Добрадѣ, съ выраженіемъ признательности, слѣдуя одинъ за другимъ: «*хоръ сиротъ*», которыхъ она «воспитала, воскормила» и которымъ «просвѣщеніе дала»; *хоръ дѣвицъ*, прославляющихъ ее за то, что она ихъ «разумъ озарила и украсила ихъ нравъ»; *хоръ вдовъ*, которыхъ она щедрой «дланію покрыла»; *хоръ ремеслъ* и т. д. Затѣмъ, слѣдуетъ *хоръ общій*, воздающій Добрадѣ «общу благодарность».

Крыловъ, обласканный и облагодѣтельствованный Маріей Өедоровной, воспѣлъ ее въ прекрасномъ стихотвореніи «Василекъ». Сравнивъ императрицу съ благодатнымъ солнцемъ, онъ говоритъ далѣе:

Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно
Былинкѣ-ль, кедру-ли—благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
За то и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

Карамзинъ, Жуковскій, Нелединскій-Мелецкій, Шишковъ, Оленинъ, лично на себѣ испытавшіе не разъ доброту императрицы, популяризировали въ громкихъ хвалахъ ея благотворительность. Наконецъ, Пушкинъ уже въ 1836 г., въ издаваемомъ имъ тогда «Современникѣ», посвятилъ Маріи Ѳедоровнѣ цѣлую статью, въ которой, между прочимъ, было сказано, что «если-бы возможно было собрать въ одно цѣлое разнообразныя черты умилительно-трогательной ея (т. е. императрицы) попечительности о каждомъ лицѣ, которое состояло въ какомъ-нибудь къ ней отношеніи, эта картина человѣколюбія, благости и мудрости была-бы орошаема сладкими слезами всего человѣчества». «Въ духѣ истинно-христіанскомъ она образовала царство любви, которая въ каждомъ сердцѣ составляла одно главное побужденіе»...

Сильные міра сего, положимъ, всегда обильно были окуриваемы хвалебнымъ ѳиміамомъ впечатлительныхъ лириковъ и ораторовъ, состоявшихъ при дворѣ и на государственной службѣ; но въ данномъ случаѣ менѣе, чѣмъ когда нибудь и гдѣ нибудь, можно было-бы упрекнуть панегиристовъ въ излишней лести и въ преувеличеніи похвалъ. Сами факты благотворной дѣятельности Маріи Ѳедоровны говорятъ въ этомъ случаѣ гораздо громче и краснорѣчивѣе всякихъ одъ и панегириковъ.

Что особенно цѣнно для біографа въ личности и дѣятельности Маріи Ѳедоровны, такъ это —искренность и сердечная глубина призванія. Въ одну изъ торжественныхъ минутъ она сама замѣтила, въ назиданіе своимъ подчиненнымъ, что благотворительность, вообще,

тогда только можетъ приносить «истинную пользу, когда проистекаетъ изъ сердца, исполненнаго любви». И Марія Θедоровна подкрѣпляла это личнымъ примѣромъ. Она посвящала себя филантропіи по дѣйствительной, внутренней, горячей потребности творить добро людямъ, какъ можно больше добра, въ особенности-же тѣмъ, кто нуждался въ помощи и милосердіи. У нея не было тутъ никакой arrière pensée, ею не руководили никакіе дальновидные, макіавелистическіе разсчеты и стороннія тонкія соображенія, какъ это часто бываетъ. Близко знавшая ее М. С. Муханова свидѣтельствуетъ, что она «была чужда всякаго властолюбія». Подъ императорской порфирой она оставалась женщиной въ лучшемъ значеніи этого слова,—женщиной, полной любви и горѣвшей неутомимой жаждой добра. Высокое положеніе, власть и возможность распоряжаться большими средствами служили ей только для развитія своей благотворительной миссіи, для возможно большаго распространенія дѣйствія основанныхъ ею человѣколюбивыхъ учрежденій. Овдовѣвъ, она должна была получать, по положенію, 200,000 руб. «карманныхъ денегъ». Императоръ Александръ Павловичъ просилъ мать — государыню принять милліонъ. Она согласилась, но «изъ этого милліона она тратила, какъ удостовѣряетъ Муханова, на свои прихоти и туалетъ только 17,000; все прочее раздавалось бѣднымъ, а прежде всего она составляла капиталъ на свои заведенія. Великимъ князьямъ она имѣла привычку дарить по 10,000 руб. на имянины; но въ 1812 г. она пріостановила свои подарки, представляя на видъ, что нужно помогать раненымъ и сиротамъ». «Можно сказать,—гово-

ритъ Н. Д. Быковъ,—что Марія Өедоровна, съ своею христіанскою любовью, жила для всѣхъ бѣдныхъ и добродѣтелямъ ея не было конца».

Замѣчательно при этомъ, что Марія Өедоровна не ограничивалась однимъ съ высоты своего положенія расточеніемъ щедротъ черезъ другія руки и однимъ лишь высшимъ управленіемъ въ созданномъ ею вѣдомствѣ. Она лично входила въ непосредственныя сношенія съ тѣми, кто былъ предметомъ ея «умилительно-трогательной попечительности». Какъ заботливая мать, она знала, по личнымъ наблюденіямъ, своихъ питомцевъ, знала ихъ нужды, ихъ положеніе, ихъ радости и печали, и непрерывно, съ неостывающей теплой участливостью, входила во всѣ частности ихъ жизни и судьбы. Какъ рачительная хозяйка, она точно также старательно и хлопотливо входила во всѣ распоряженія и во всѣ подробности многосложной махинаціи основанныхъ ею обширныхъ учрежденій. Свой глазъ былъ у нея всюду —глазъ матери и хозяйки.

Мы говоримъ—матери, потому что императрица не только въ сферѣ управленія съ истинно-материнскимъ чувствомъ пеклась о своихъ питомцахъ, но даже въ личныхъ съ ними сношеніяхъ проявляла материнскую ласку и кротость. Ей было отрадно, когда дѣти называли ее, безъ титуловъ, просто матерью. Ишимова вспоминаетъ, что Марія Өедоровна «во многихъ заведеніяхъ позволяла воспитанницамъ называть себя *maman*». По ея-же словамъ, въ воспитательномъ домѣ прежде робкія малютки, «ободряемыя неподражаемою снисходительностью императрицы, веселыя отъ того счастія, которое она

проливала на нихъ, они не боялись подходить къ ней, и радостно бѣжали на встрѣчу, чтобы скорѣе увидать свою милую, ненаглядную. Такою, именно, была она для всякаго заведенія, находившагося подъ ея начальствомъ, такою, именно, называло ее сердце каждаго и каждой изъ воспитанниковъ и воспитанницъ ея». Это-же подтверждаетъ и другая современница Маріи Өедоровны, говоря, что «все было придумано ея нѣжнымъ сердцемъ для пользы, радости и покоя всѣхъ, отъ нея зависѣвшихъ. Это было не сухое, безжизненное покровительство, но материнское попеченіе. За то пріѣздъ ея въ институтъ,—продолжаетъ разсказчица,—былъ настоящимъ праздникомъ. «Maman, maman! Mutterchen!» слышалось отовсюду. Бывало, за большимъ обѣдомъ, она приказывала снимать дессертъ и отсылать его въ который нибудь институтъ поочередно. А какъ просила она въ своемъ завѣщаніи опекуновъ помнить, что первымъ основаніемъ всѣхъ дѣйствій должно быть благодѣяніе!»

Профессоръ академіи художествъ А. Г. Варнекъ, передавая свои воспоминанія о Маріи Өедоровнѣ въ «Русской Старинѣ», говоритъ, что она «была всеобщая мать дѣтей. Бывало, когда она посѣщала академію, будучи еще великой княгиней, то не было возможности,—продолжаетъ разсказчикъ,—удержать насъ въ классахъ: всѣ бѣжали къ ней на встрѣчу, цѣловали ея руки, платье и платокъ, и она, для исполненія дѣтскихъ привѣтовъ, останавливалась на лѣстницѣ по нѣсколько минутъ. и просила дѣтей, чтобы дали ей войти въ залу»

П. М. Дараганъ, служившій два года камеръ-пажемъ при Маріи Θедоровнѣ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что она была «особенно милостива къ своимъ камеръ-пажамъ. При выпускѣ въ офицеры, они получали отъ нея золотые часы въ награду. Она интересовалась ихъ семейнымъ положеніемъ и успѣхами въ наукахъ. Выходя изъ кабинета, она любила заставать камеръ-пажа за книгой или тетрадью; часто спрашивала, а иногда и сама смотрѣла, что читается, прибавляя:

— C'est bien, c'est très bien. Etudiez toujours, mais lisez pas de bêtises, pas de romans.

Камеръ-пажъ Шепелевъ долго не могъ выдержать выпускнаго экзамена. Это знала императрица. Передъ послѣднимъ экзаменомъ она спрашиваетъ, надѣется-ли онъ нынѣшній годъ выдержать экзаменъ. Шепелевъ отвѣчаетъ, что надѣется, только боится математики. Императрица приказываетъ ему каждое дежурство привозить аспидную доску, добавляя, что сама будетъ просматривать его математическія задачи. И Шепелевъ каждый разъ на дежурство отправлялся съ аспидной доской и курсомъ Войцеховскаго.

Фактъ этотъ показываетъ, что доброта и человѣколюбіе Маріи Θедоровны не были, какъ это часто случается у филантроповъ высшаго круга, сухой, отвлеченной абстракціей—принципіальнымъ, одной головою сознаннымъ «долгомъ». Въ ней это было живое, не преднамѣренное, беззавѣтное дѣло сердца, неостывавшаго чувствомъ активной, горячей любви, равно чуткой и внимательной ко всѣмъ окружавшимъ ее существамъ. Вслѣдствіе этого, такъ и плѣнительна ея личность, отличав-

шаяся какой-то, если можно такъ выразиться, женственно-граціозной гармоніей намѣреній и поступковъ, чуждыхъ рисовки. Она всегда, вездѣ и со всѣми была, по свидѣтельству Дарагана, «ровная, милостивая, добрая». «Она не умѣла сердиться,—говоритъ другой ея современникъ,—и, если была кѣмъ-нибудь недовольна, то нѣкоторое время не говорила съ провинившимися, но это молчаніе было тягостнѣе для нихъ всякаго выговора». Можно поэтому повѣрить Ишимовой, что «не было счастливѣе людей, какъ особы, находившіяся въ службѣ» Маріи Ѳедоровны. Всего-же трогательнѣе и очаровательнѣе была въ ней истинно-гуманная способность сердцемъ угадывать положеніе каждаго, чѣмъ-нибудь несчаст. іваго и неудовлетвореннаго лица, и, какъ-бы само по себѣ, лицо это ни было незначительно и ничтожно, ка ъ-бы ни были малы и мелочны, съ высшей точки з ѣнія, его нужды, лишенія и страданія,—Марія Ѳедоровна съ неизмѣнно-теплымъ участіемъ, безъ всякой брезгливости, просто и искренно входила въ непосредственныя сношенія съ подобными лицами, дѣлая все, чтобы доставить имъ утѣшеніе, порадовать и осчастливить.

«Императрица,—говорится въ «Современникѣ»,—постигала величайшую тайну, какъ властвовать сердцами»... «Она изучала человѣка во всѣхъ его возрастахъ, подъ вліяніемъ всякой страсти, во всякомъ состояніи, во всѣхъ отношеніяхъ». И цѣлью такого изученія было, именно, желаніе кстати и въ пору оказать каждому какое нибудь добро, какое нибудь благодѣяніе, сообразно данному положенію и лицу.

Примѣровъ такой, по опредѣленію другого біографа, «дальновидной и изобрѣтательной любви» императрицы Маріи сохранилось множество, хотя—«кто могъ-бы, какъ замѣчаетъ Муханова, исчислить добрыя дѣла *той*, у которой всякая минута дня была имъ посвящена?»

Всего нѣжнѣе любила она дѣтей и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которыя были обойдены судьбою и несчастны. Поэтому, наибольшимъ вниманіемъ императрицы пользовались покинутые матерями питомцы Воспитательнаго дома. «Однажды отецъ мой,—разсказываетъ Муханова,—почти всегда сопровождавшій Марію Ѳедоровну при посѣщеніяхъ ею заведеній, выразилъ удивленіе, что она такъ нѣжно цѣловала этихъ несчастныхъ, осматривала бѣлье на кормилицахъ и проч.

— Ахъ,—отвѣчала государыня,—всѣ эти брошенныя дѣти теперь мои и во мнѣ должны находить попеченіе, котораго они лишены!

Внимательная и благосклонная ко всѣмъ воспитанникамъ и воспитанницамъ своихъ учебныхъ заведеній, Марія Ѳедоровна относилась съ особенной нѣжностью и заботливостью къ больнымъ дѣтямъ. Она посѣщала ихъ, привозила имъ цвѣты, лакомства, игрушки, картинки и все, что могло ихъ развлечь. Видъ всякаго страданія и немощи возбуждалъ въ ней съ особенной силой чувство любви и потребность благотворить. Вотъ, напр., какимъ образомъ, благодаря этой впечатлительной отзывчивости императрицы, положено было основаніе одного изъ прекраснѣйшихъ ея человѣколюбивыхъ учрежденій —училища глухонѣмыхъ. Объ этомъ разсказалъ въ «Рус-

скомъ Архивѣ», по личнымъ воспоминаніямъ, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ этого училища, А. Меллеръ.

Дѣло происходило въ 1806 г. Разсказчикъ, тогда еще ребенокъ, проживалъ въ Павловскѣ у тетки своей —жены генерала Ахвердова, бывшаго воспитателемъ великихъ князей. Однажды въ павловскомъ паркѣ, во время прогулки, императрица, встрѣтивъ госпожу Ахвердову съ ея племянникомъ, заинтересовалась послѣднимъ, такъ какъ дѣти всегда и вездѣ привлекали на себя особенное ея вниманіе. Узнавъ изъ разговора, что онъ— глухонѣмой отъ рожденія и что въ семьѣ генерала Меллера въ числѣ шести дѣтей—трое глухонѣмые, Марія Ѳедоровна, — говоритъ разсказчикъ, — «серьезно задумалась, и, принявъ положеніе семьи нашей близко къ сердцу, съ свойственнымъ ей состраданіемъ сказала:

— Заграницей на участь подобныхъ дѣтей давно уже обращено вниманіе правительства; тамъ для образованія ихъ учреждены спеціальные институты, а у насъ, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи ничего не сдѣлано.

«При этомъ, императрица, потрепавъ меня по щекѣ, продолжаетъ разсказчикъ,—дала мнѣ нѣсколько конфектъ, которыя она во время обычныхъ прогулокъ всегда имѣла при себѣ для раздачи дѣтямъ». Она предложила отправить его на свой счетъ заграницу учиться, но родные его не рѣшались съ нимъ разстаться.

На другой день встрѣча повторилась.

— Вашъ племянникъ, — сказала Марія Ѳедоровна, госпожѣ Ахвердовой,—не далъ мнѣ цѣлую ночь уснуть; я до утра думала объ участи его и ему подобныхъ дѣтей, и сегодня, лишь только одѣлась, послала за секре-

таремъ Виламовымъ и поручила ему выписать изъ заграницы одного изъ болѣе извѣстныхъ профессоровъ, чтобъ учредить въ Петербургѣ училище глухонѣмыхъ, въ которое и будутъ помѣщены первыми дѣти вашего брата.

Дѣйствительно, человѣколюбивое предпріятіе императрицы не замедлило исполниться. Вскорѣ прибылъ патеръ Сикаръ-Сигмундъ, спеціалистъ по организаціи училищъ для глухонѣмыхъ, и таковое, при его помощи, было въ томъ же году учреждено въ Павловскѣ, подъ ближайшимъ наблюденіемъ и попеченіемъ Маріи Ѳедоровны.

Разсказчикъ, поступивъ тогда-же въ это училище, вскорѣ оказалъ такіе успѣхи въ ученіи, что императрица, счастливая осуществленіемъ своей идеи, подарила ему въ награду золотые часы. Впослѣдствіи, государыня устроила и дальнѣйшую судьбу своего питомца. Какъ-то, послѣ того, какъ онъ уже вышелъ изъ училища, ему случилось вмѣстѣ съ теткой встрѣтить императрицу въ Петербургѣ.

— Ты забылъ меня, Александръ,—сказала она ему:— я давно тебя не видала и не получала отъ тебя, какъ прежде, рисунковъ.

«Слова эти, говоритъ Меллеръ, запали въ самую глубину моей души и очень меня взволновали. Указывая на небо, я, черезъ свою тетку, старался выразить своей августѣйшей благодѣтельницѣ, что еслибы я забылъ ее, тогда-бы и Богъ меня забылъ! Здѣсь онъ сталъ просить о принятіи его на службу, что государыня и исполнила охотно, зачисливъ его чиновникомъ въ свое вѣдомство. Вообще, Марія Ѳедоровна не пере-

ставала покровительствовать своимъ воспитанникамъ и воспитанницамъ и послѣ того, какъ они выходили изъ ея заведеній и вступали въ свѣтъ. При каждомъ выпускѣ имъ объявляли, чтобы они, въ случаѣ нужды или какого нибудь несчастья, обращались къ императрицѣ чрезъ начальство того заведенія, въ которомъ воспитывались, и—«нѣжное сердце государыни, говоритъ по этому поводу Ишимова, всегда находило средства помочь имъ и отвратить отъ семействъ ихъ, по крайней мѣрѣ, тѣ несчастья, которыя происходятъ отъ бѣдности и недостатковъ». Для этой-же цѣли при каждомъ заведеніи былъ основанъ, изъ пожертвованныхъ Маріей Ѳедоровной суммъ, особый фондъ, съ процентовъ котораго назначались вспоможенія, приданныя для бѣдныхъ воспитанницъ, награды и пенсіи для наставниковъ и наставницъ и пр.

Эта попечительная заботливость Маріи Ѳедоровны распространялась на всѣхъ ее окружавшихъ и покровительствуемыхъ ею, выражаясь въ разнообразныхъ, всегда чрезвычайно гуманныхъ, деликатныхъ и матерински-сердечныхъ формахъ. Она, напр., очень часто посѣщала покровительствуемыя ею больницы, лично обходила палаты, участливо осматривая и разспрашивая больныхъ, входя въ малѣйшія ихъ нужды и являясь для нихъ, по выраженію одного біографа «ангеломъ-хранителемъ». Мало того; она присутствовала нерѣдко при трудныхъ, невыносимыхъ для многихъ, операціяхъ, ради того, чтобы облегчить страданія подвергавшихся имъ и утѣшить ихъ. Нѣкоторые больные соглашались на операціи только подъ условіемъ, чтобы императрица при этомъ присут-

ствовала, и—она охотно исполняла ихъ желаніе. Разъ врачи сказали ей, какъ повѣствуетъ Муханова, что отставная ея камеръ-юнгфера «сильно страдаетъ отъ рака въ груди, что ее можно спасти, но она не соглашается на операцію иначе, какъ если, во время производства ея, будетъ находиться сама императрица.

— Ну, что-же?—сказала Марія Ѳедоровна:—если только отъ этого зависитъ ея выздоровленіе, то я исполню ея желаніе.

Она поѣхала къ больпой и во время операціи держала ей голову.

Въ послѣдніе годы жизни Маріи Ѳедоровны государь просилъ ее принять подъ свое покровительство Обуховскую больницу умалишенныхъ, находившуюся до толѣ въ крайне жалкомъ и запущенномъ видѣ. Она исполнила желаніе государя съ радостью и, по свидѣтельству очевидца, «многіе изъ помѣщенныхъ тамъ больныхъ выздоровѣли, благодаря кроткому съ ними обращенію». Императрица «вступая въ ихъ кругъ, давала цѣловать имъ свою руку, что немало пугало» сопровождавшихъ ее, а помѣшанные называли ее «благодѣтельная мадамъ». Она сдѣлала для несчастныхъ, дѣйствительно, большое благодѣяніе, задумавъ устроить загородную окруженную садами, больницу умалишенныхъ, которая не имѣла бы въ себѣ ничего казарменно-больничнаго и была-бы снабжена всевозможными удобствами. Предположеніе это и было вполнѣ осуществлено въ непродолжительномъ времени.

Мы не будемъ говорить о щедрости, добротѣ и никогда неизмѣнявшейся благосклонности Маріи Ѳедоровны

къ ея подчиненнымъ и близкимъ, начиная отъ главныхъ повѣренныхъ и исполнителей въ веденіи дѣлъ по ея обширнымъ учрежденіямъ и кончая послѣднимъ придворнымъ служителемъ. «Императрица, какъ говоритъ ея біографъ въ «Современникѣ», всякое лицо вступавшее въ область ея попечительности, признавала равно достойнымъ своего вниманія,» и—по этой-то причинѣ—«не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ подчиненныхъ ея не предавался всей ревности къ исполненію долга, къ какой только былъ способенъ по душѣ своей». Всѣхъ она одушевляла своимъ высокимъ примѣромъ и желаніемъ стать достойнымъ ея милостей.

Болѣе цѣнно и важно для насъ то обстоятельство, что Марія Ѳедоровна была также популярна и въ народѣ. Н. Д. Быковъ разсказываетъ въ подтвержденіе этого, такую, имъ самимъ видѣнную, прекрасную сцену.

Вскорѣ послѣ страшнаго наводненія въ 1824 г. въ Петербургѣ, на Васильевскомъ островѣ былъ устроенъ заботами Маріи Ѳедоровны «домъ призрѣнія бѣдныхъ». Марія Ѳедоровна пріѣхала посмотрѣть на это учрежденіе. «Не прошло получаса,—пишетъ разсказчикъ,—какъ улица наполнилась народомъ и нетолько проѣхать—пройти нельзя было; никакая полиція не могла-бы удержать стремленіе народа къ экипажу государыни». Народъ стоялъ съ открытыми головами и—«картина была такая, какую только можно видѣть при крестномъ ходѣ».

«Императрица, выйдя изъ дома, остановилась на нѣсколько минутъ и смотрѣла на народъ съ улыбкою радости, но въ то же время и сквозь слезы отъ чувства умиленія, въ виду любви и преданности къ ней

народа. Она раскланивалась съ народомъ, провожавшимъ ее до Невы».

Зналъ народъ Марію Өедоровну не въ одномъ Петербургѣ. Когда она, по словамъ Мухановой, посѣтила Ростовъ, то «народъ былъ до того обрадованъ ея пріѣздомъ, что женщины разстилали свои шелковыя фаты въ грязь и просили ее встать на нихъ. Одна женщина подошла къ ея каретѣ.

— Матушка,—сказала она,—у меня къ тебѣ просьба!

— Что такое, милая?—спросила императрица.

— Мой сынокъ служитъ у твоего въ гвардіи солдатомъ—поклонись ему отъ меня и скажи, что я посылаю ему мое благословеніе, и—вотъ рубликъ гостинца отвези ему.

— Непремѣнно, непремѣнно все исполню!

Дѣйствительно, тотчасъ-же, по пріѣздѣ въ Петербургъ, Марія Өедоровна велѣла отыскать названнаго солдата, лично передала ему материнское благословеніе и материнъ подарокъ, прибавивъ къ нему своихъ 25 рублей и похваливъ молодаго воина за то, что онъ—добрый сынъ.

Еще болѣе вѣскимъ и краснорѣчивымъ доказательствомъ популярности Маріи Өедоровны въ народѣ можетъ служить слѣдующій замѣчательный фактъ. Въ то время, когда завѣтнымъ желаніемъ крѣпостныхъ крестьянъ во всей Россіи было выписаться на волю, въ деревняхъ Маріи Өедоровны замѣчалось совершенно противное: мѣщане и, вообще, *вольные* люди приписывались къ числу ея крестьянъ. Въ книгѣ «Очеркъ исторіи Павловска» (Спб. 1877 г.) записано нѣсколько та-

кихъ разительныхъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ до какой степени императрица, «какъ помѣщица, ставила интересы своихъ крестьянъ выше собственныхъ», и до какой степени была упрочена въ народѣ увѣренность въ ея великодушіе и покровительство. Вообще, для своихъ крестьянъ Марія Өедоровна была, по-истинѣ, благодѣтельницей и не щадила ни средствъ, ни стараній, чтобы доставить имъ полное довольство, хорошую организацію и всевозможныя сельскія воспитательно-благотворительныя учрежденія. Помимо всего этого, она любила непосредственно сближаться съ крестьянами, часто устраивала имъ праздники въ своемъ паркѣ, гдѣ, въ ея присутствіи, молодежь пѣла пѣсни и водила хороводы и гдѣ предоставлялось сельскому люду обильное угощеніе. «Эти сельскіе праздники, говорится въ выше названной книгѣ, тѣмъ болѣе доставляли удовольствія императрицѣ, что наряды крестьянокъ (штофные сарафаны, дорогія серьги и проч.) ясно свидѣтельствовали объ ихъ достаткахъ и привольномъ житьѣ».

Вѣнцомъ благотворительности Маріи Өедоровны и главнымъ поприщемъ всей ея дѣятельности была, разумѣется, ея учебно-воспитательная система, до сихъ поръ существующая въ своихъ главныхъ основахъ, подъ именемъ «учрежденій императрицы Маріи». Сюда входили, во-первыхъ, пріюты и дома призрѣнія для дѣтей, и, во-вторыхъ, учебно-воспитательныя заведенія преимущественно женскія.

Предметомъ главнѣйшей, самой неусыпной заботливости императрицы былъ воспитательный домъ, доведенный ею до огромныхъ размѣровъ и ея щедростью по-

ставленный въ возможность не оскудѣвая тратить сотни тысячъ рублей на призрѣніе и воспитаніе тысячъ брошенныхъ дѣтей. Все, что только касалось ихъ, было ею преобразовано и доведено до возможной степени совершенства. Самый пріемъ младенцевъ былъ обставленъ такимъ образомъ, чтобы они не терпѣли ни холода, ни голода, ни малѣйшаго неудобства. Стараніемъ Маріи Ѳедоровны во всѣхъ частяхъ города были устроены пріемныя для нихъ ясли, куда они приносились матерями. Въ то-же время были приняты всѣ мѣры для обезпеченія здороваго питанія грудныхъ младенцевъ кормилицами, для раціональнаго ухода за ними, съ соблюденіемъ гигіеническихъ требованій, а также для организаціи надзора за состояніемъ питомцевъ, отдаваемыхъ на выкормленіе въ деревни крестьянкамъ. Марія Ѳедоровна, не ограничиваясь строгимъ выборомъ инспекторовъ, объѣзжавшихъ деревни, гдѣ имѣлись питомцы воспитательнаго дома, сама лично просила крестьянокъ—воспитательницъ поберечь ея дѣтокъ и поощряла ихъ денежными наградами и подарками.

Мы, впрочемъ, не будемъ здѣсь касаться собственно организаціи самихъ учрежденій императрицы Маріи—это слишкомъ далеко завлекло-бы насъ, да это и не входитъ въ нашу задачу. Цѣль наша указать только на факты личнаго отношенія къ этому дѣлу Маріи Ѳедоровны, чтобы охарактеризовать ее именно, какъ благотворительницу.

Для этого лучшимъ матеріаломъ можетъ служить намъ ея дѣловая переписка, касавшаяся учрежденныхъ ею заведеній и наглядно рисующая ея *внутреннее* отно-

шеніе къ этому дѣлу. Эта переписка, вовсе не предназначавшаяся для печати, для гласности, краснорѣчиво убѣждаетъ насъ въ высказанномъ выше заключеніи, что у Маріи Ѳедоровны благотворительность была неутолимой потребностью человѣколюбиваго сердца, что она дѣлала добро не для тщеславія, какъ это часто бываетъ, и не для одной внѣшности.

Марія Ѳедоровна вела обширную переписку по дѣламъ своего вѣдомства, значительнѣйшая часть которой до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не опубликована. Передъ нами лежатъ ея письма, съ 1800 по 1818 г., къ почетному опекуну Московскаго Воспитательнаго дома Н. И. Баранову, къ которому императрица относилась съ большимъ довѣріемъ и переписывалась почти еженедѣльно. Письма эти полны изумительной предусмотрительности, заботливости и попечительности Маріи Ѳедоровны. Она входитъ во всѣ части хозяйства воспитательнаго дома до самыхъ мелочей; но въ особенности поразительны ея чисто материнскія заботы объ уходѣ и воспитаніи питомцевъ. Это лучше всего покажутъ выдержки изъ ея писемъ.

Московскій воспитательный домъ доставлялъ, какъ видно, весьма частыя вѣдомости о своей «внутренности» къ докладу императрицѣ. Оказывается, что она ихъ очень внимательно просматривала, судя по слѣдующему примѣру.

«Усмотрѣвъ, — пишетъ императрица Баранову въ 1800 г.,—въ вѣдомости по внутренности Дома, показующей состояніе обоего пола питомцевъ отъ 19-го мая, что младенецъ, рожденный въ Домѣ Михайло Алексѣевъ,

подъ № 897, сего года, отданъ на воспитаніе въ деревню *на другой день*, нахожу нужнымъ Вамъ примѣтить, что сіе тѣмъ болѣе *меня удивило*, что однодневный младенецъ не можетъ даже брать груди и что, посылая его въ столь короткое время въ деревню прежде, нежели онъ грудью питаться можетъ, подвергаютъ его крайней опасности».

Какой-то крошечный № 897, ничтожная капелька человѣчества, но для Маріи Өедоровны судьба этого крошки составляетъ предметъ живѣйшей заботы и огорченій въ такой степени, что изъ-за него возбуждается цѣлая переписка! Но такимъ примѣрамъ въ обозрѣваемой перепискѣ нѣтъ конца.

13 декабря 1801 г., императрица пишетъ Баранову собственноручно: «Сегодняшнимъ рапортомъ я видѣла, что пенсіонеръ Петръ (такой-же, едва увидѣвшій Божій свѣтъ, крошка!) умеръ натуральною оспою, *о чемъ я очень сожалѣю*, ибо мы имѣемъ въ рукахъ средство спасти ихъ отъ сей заразительной болѣзни, и такъ прошу Васъ, батюшка, не терять времени и прививать оспу всѣмъ здоровымъ младенцамъ».

Спустя два мѣсяца послѣ этого письма, Марія Өедоровна усмотрѣла изъ вѣдомости, что двое малютокъ за такими то номерами были отправлены въ деревню, не получивъ предварительно привитія оспы, и—вотъ она снова проситъ Баранова со всевозможною точностью смотрѣть, дабы младенцы никогда безъ сей предосторожности не отсылались».

Каждый выдающійся случай въ жизни того или другаго питомца, каждое постигавшее его несчастье или

тяжелая болѣзнь дѣлались предметомъ особливаго вниманія и попеченія Маріи Ѳедоровны. «Хотя я,—пишетъ она какъ-то Баранову.—съ истиннымъ сожалѣніемъ вижу изъ донесенія вашего, что несчастный воспитанникъ Николай Александровичъ долженъ былъ выдержать вторую операцію, я однако-жъ утѣшаюсь извѣстіемъ о хорошемъ успѣхѣ сей послѣдней, подающемъ надежду къ совершенному его выздоровленію. Усерднѣйше желаю получить вскорѣ подтвержденіе о благополучномъ излѣченіи, я вновь препоручаю сего достойнаго больнаго особливому вашему и медицинскихъ чиновъ попеченію и увѣрена, что ваша о благѣ ввѣренныхъ вамъ питомцевъ заботливость доставитъ ему все то, что только къ облегченію и возстановленію его послужитъ можетъ».

Въ другой разъ одной больной воспитанницѣ Александровскаго училища—«чахоточной дѣвицѣ» Прасковьѣ Яковлевой, доктора предписали лѣченіе «деготнымъ куреніемъ». Тотчасъ-же императрица проситъ Баранова, «ни мало не медля, въ комнатѣ (назначенной для больной) сдѣлать на ея счетъ перегородку до верха, дабы какъ можно скорѣе начать лѣченіе»... «Вы, присовокупляетъ государыня для большей убѣдительности, сами, конечно, сознаете, сколь нужна въ семъ случаѣ поспѣшность, если помыслить только, что оная клонится къ спасенію жизни истекающей больной».

Мы приводимъ только нѣкоторые примѣры милосердія Маріи Ѳедоровны, съ особенной горячностью возбуждавшагося въ ней видомъ всякаго страданія, всякой немощи. Въ этомъ отношеніи она не дѣлала различій и исключеній ни для кого. Умираетъ, напр., при мос-

ковскомъ Екатерининскомъ училищѣ швейцаръ. «Сей несчастный случай подалъ мнѣ мысль,—пишетъ тотчасъ-же императрица, — что нужно-бы при семъ училищѣ, какъ уже при Обществѣ благородныхъ дѣвицъ и при обоихъ воспитательныхъ домахъ учреждены, больницу для пользованія служителей и работниковъ: ибо человѣколюбіе требуетъ, чтобъ, за порядочныя ихъ услуги, они призрѣны были по крайней мѣрѣ въ болѣзняхъ». Съ однимъ учителемъ случился «ипохондрическій припадокъ». Государыня немедленно приказываетъ «стараться о его излеченіи и присматривать за нимъ даже и по выздоровленіи его, чтобъ подобнаго припадка, столь опаснаго для жизни, не могло случиться, не подавая ему самому никакого въ томъ виду». Одну воспитанницу, Ѳеклу Никитину, обезображиваетъ болѣзнь такъ, что она, «хотя и здорова, но ее определить никуда невозможно»... Императрица входитъ въ ея положеніе и даетъ ей пожизненное убѣжище и пропитаніе.

Попечительность Маріи Ѳедоровны была настолько прозорлива и деликатна, что предусматривала даже «мечтательные» случаи страданій и лишеній. По поводу смерти одной классной дамы Екатерининскаго училища, какъ всегда возбудившей въ сердцѣ императрицы сожалѣніе, она пишетъ Баранову: «Я весьма увѣрена, что со стороны врачеванія и другихъ пособій не упущено ничего, что бы могло служить къ ея облегченію, и въ разсужденіи сего я совершенно спокойна; но безпокоюсь только мыслію: не было ли причиною ея болѣзни огорченіе объ увольненіи ея отъ училища, за ненадобностію, послѣ долговременной службы? Сложеніе ея, къ разли-

тію желчи наклонное и родъ болѣзни подаютъ нѣкоторый поводъ сего опасаться, и я душевно желаю, чтобы сія мысль была мечтательна».

Если Марія Ѳедоровна принимала такъ близко къ сердцу интересы, лишенія и страданія одиночныхъ маленькихъ людей, то можно заключить изъ этого, насколько были дѣятельны и «истинны ея привязанность и нѣжное попеченіе о благосостояніи» всѣхъ ея учрежденій, «увѣриться» въ чемъ она, между прочимъ, приглашаетъ не разъ въ цитируемыхъ письмахъ своего корреспондента. Питая сама къ своимъ многочисленнымъ питомцамъ истинно-материнскія чувства, она неоднократно проситъ и Баранова стать для нихъ отцомъ.

Въ попеченіи о московскомъ воспитательномъ домѣ императрица преимущественно обращала вниманіе на состояніе здоровья и довольства его питомцевъ разнаго возраста. Ее постоянно тревожила значительная цифра смертности грудныхъ младенцевъ, и она не перестаетъ внушать Баранову о принятіи всевозможныхъ мѣръ къ сохраненію ихъ жизни и здоровья. Получивъ же какъ-то вѣдомость, въ которой не значилось ни одного умершаго младенца, государыня «спѣшитъ изъявить Баранову совершенное удовольствіе и *радостный крикъ*» (собственное ея выраженіе) по этому поводу, «желая отъ всего сердца, дабы таковые примѣры были впредь многочисленны».

Относительно матеріальнаго довольства воспитанниковъ московскихъ учрежденій Маріи Ѳедоровна также неусыпно попечительна и также не упускаетъ изъ виду самыхъ малѣйшихъ подробностей. Она заботится о томъ,

чтобы помѣщенія для дѣтей хорошо были устроены и исправно вентилировались, чтобы дѣтямъ доставлялась возможность «наслаждаться свѣжимъ воздухомъ» подъ открытымъ небомъ, чтобы они были всячески обезпечены отъ заразительныхъ болѣзней; она входитъ во всѣ подробности ихъ гардероба, стола, даже утвари и посуды. Такъ, она отмѣняетъ оловянную посуду, признавая ее вредной для здоровья. Въ другой разъ она пишетъ длинное письмо о столѣ воспитанницъ Екатерининскаго училища, выражая неудовольствіе его однообразіемъ и безвкусіемъ. «Признаюсь вамъ, обращается она къ Баранову, что я недовольна столомъ воспитанницъ въ помянутомъ училищѣ и примѣчаю иногда такой составъ, что отъ одного чтенія уже тошнится, какъ, напримѣръ, въ постные дни въ одинъ обѣдъ: калья, гречневая каша съ маковымъ масломъ и аладьи съ патокою; весьма часто гречневая каша съ чухонскимъ масломъ, которую я сама очень люблю, но для дѣвушекъ всякій день или такъ часто должно имъ наскучить».

Еще большую, разумѣется, заботливость обнаруживала Марія Ѳеодоровна относительно воспитанія и обученія своихъ «дѣтокъ». Цитируемыя письма переполнены указаніями, справками, совѣтами и замѣчаніями императрицы по этому предмету. Она руководитъ общимъ ходомъ ученія, лично провѣряетъ его результаты, просматривая и оцѣнивая упражненія и работы воспитанниковъ и воспитанницъ, отличаетъ ихъ успѣхи, сама выбираетъ учебники и руководства, наконецъ, указываетъ выборъ спеціальностей для того или другаго изъ своихъ питомцевъ, а, когда они оканчиваютъ ученіе,

отпускаетъ имъ дорогу къ выбору въ полезной себѣ и обществу службѣ.

Государыня, какъ истая хозяйка, была очень бережлива и прилагала всѣ старанія, чтобы въ бюджетѣ ея вѣдомства не было напрасныхъ тратъ, чтобы во всемъ соблюдалась строгая отчетность и разумная экономія. «Николай Петровичъ! — пишетъ она Баранову въ 1803 г. — Чистосердечно вамъ скажу, что я нѣсколько задумалась и *поморщилась*, увидя исчисленіе ваше нужнымъ еще по московскому Дому починкамъ. Прежде, чѣмъ приступить къ ихъ утвержденію, хочу я знать и требую на то честное ваше слово, послѣднія ли сіи починки, и весь ли тогда домъ будетъ въ надлежащей исправности?... Получа въ томъ отъ васъ удостовѣреніе, перо мое будетъ имѣть силу апробовать разсчисленіе».

Такимъ же порядкомъ императрица вникала во всѣ «разсчисленія» издержекъ по ея вѣдомству, тщательно провѣряя ихъ и стараясь сдѣлать ихъ возможно экономными. Съ этой цѣлью, не полагаясь на подчиненныхъ, она сама наводила справки о цѣнахъ тѣхъ или другихъ матеріаловъ и продуктовъ, потребныхъ для ея учрежденій, и, сообразно этому, давала практическія указанія. Напр., замѣтивъ какъ-то значительное пониженіе цѣнъ на хлѣбные продукты, она приказываетъ сдѣлать во время, по возможности, большій запасъ ихъ. Въ другой разъ, она шлетъ Баранову образчики холста — «весьма хорошаго», по ея мнѣнію, и «сходнаго по цѣнѣ», указывая, гдѣ его можно пріобрѣсть, и т. д. Ея взглядъ на хозяйственную часть вѣдомства всего рельефнѣе выразился въ письмѣ отъ 13 марта 1814 г. Передъ этимъ

государынѣ былъ представленъ счетъ издержекъ по передвиженію московскихъ учрежденій во время войны.

«Признаюсь вамъ чистосердечно,—пишетъ она своему корреспонденту, — что, сколько ни чувствую я неизбѣжности большой передержки, однако, содрогнулась, видя расходы экспедиціи о воспитанникахъ. Я въ полной мѣрѣ увѣрена въ ревностномъ стараніи вашемъ о сбереженіи суммъ и умѣреніи издержекъ; но вы сами видите, сколь нужно имѣть строжайшій надзоръ надъ хозяйствомъ при толико возростающихъ расходахъ, дабы уменьшить оные, гдѣ только малѣйшая возможность къ тому предвидится»...

Впрочемъ, вездѣ въ такихъ случаяхъ Марія Ѳедоровна предупреждаетъ, что экономія не должна сопровождаться малѣйшимъ ущербомъ для питомцевъ—«особливо, — поясняетъ она въ одномъ письмѣ,—въ разсужденіи пищи, которая должна быть не только здорова и сытна, но и въ достаточномъ количествѣ». Здѣсь она не знала экономіи. Когда однажды Барановъ, въ видахъ экономіи, предложилъ было уменьшить число блюдъ для воспитанниковъ, —императрица категорически не согласилась на это. Въ другой разъ она предложила ему, чтобы онъ ввелъ для больныхъ дѣвицъ потребленіе вина. «Я знаю изъ разныхъ опытовъ,—добавляетъ государыня,—сколь вино во многихъ случаяхъ полезно, почему и прошу васъ, чтобы было вина въ достаточномъ количествѣ и надлежащемъ качествѣ для употребленія по предписаніямъ лѣкарей».

Еще примѣръ въ томъ-же родѣ.

Въ 1812 г., въ моментъ занятія Москвы французами, многія зеведенія императрицы Маріи должны были во всемъ составѣ перенестись изъ столицы во-внутрь имперіи, къ великой ея заботѣ и огорченію. Вообще, этотъ несчастный годъ былъ тяжелымъ испытаніемъ для Маріи Ѳедоровны не только за Россію и государя, но и за участь московскихъ учрежденій ея вѣдомства. Отправленіе воспитанницъ изъ Москвы во Владиміръ, происшедшее второпяхъ, особенно опечалило императрицу своей безпорядочностью.

«Не могу вспомнить безъ огорченія и почти безъ слезъ,—писала она,—это отправленіе дѣвицъ, особливо дщерей россійскаго дворянства, въ телѣгахъ, и то откуда?—Изъ столицы россійской! Пусть такъ, что необходимость принудила прибѣгнуть къ сему экипажу для воспитанницъ Александровскаго училища, дочерей нижнихъ офицерскихъ чиновъ и подобнаго сему званія или еще ниже онаго людей; но для дѣвицъ изъ лучшаго дворянства неужели-бы не нашлось въ обширной, изобильной Москвѣ способа достать, хотя наймомъ, достаточнаго числа каретъ... И могъ-ли Совѣтъ пожалѣть на то издержекъ?»

Горячее предпочтеніе, выраженное императрицей «дщерямъ россійскаго дворянства», вполнѣ понятно. Въ то время сословныя грани были еще очень выпуклы, рѣзки и непререкаемы въ мнѣніи огромнаго большинства.

До сихъ поръ мы старались возможно полно намѣтить характеристическія черты личности Маріи Ѳедоровны, *какъ благотворительницы*, и сгруппировать наиболѣе яркіе, выдающіеся факты ея обширной, плодотворной дѣя-

тельности и, главнымъ образомъ, ея непосредственнаго *личнаго* участія въ дѣлахъ человѣколюбія. Послѣ этого естественно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ, благодаря какимъ, именно, условіямъ и обстоятельствамъ, могъ сформироваться этотъ замѣчательный историческій женскій характеръ, и, съ другой стороны, насколько самый характеръ этотъ является генетическимъ и общимъ на русской почвѣ, а не исключительнымъ лишь и эпизодическимъ?

Мы не пишемъ біографіи Маріи Ѳедоровны и слишкомъ далеки отъ такой большой задачи. Наша цѣль была только очертить одну сторону ея личности и жизни; но, для полноты и реальности ея образа въ представленіи нашихъ читателей, добавимъ еще нѣсколько бѣглыхъ штриховъ къ ея портрету, въ отвѣтъ, отчасти, на вышепоставленный вопросъ, самъ собой возникающій въ каждомъ при знакомствѣ съ историческими фигурами.

Хотя, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, коренная русская женщина культурнаго общества описываемой эпохи не была чужда человѣколюбія и стремленій къ благотворительности, но Марія Ѳедоровна—ей не родня. Чужестранка, по рожденію и воспитанію, Марія Ѳедоровна не сдѣлалась русской женщиной и послѣ того, какъ Россія стала ея единственнымъ отечествомъ. Она любила Россію, называла ее постоянно «наша милая Россія», усвоила себѣ ея языкъ, ея обычаи, всю себя посвящала интересамъ Россіи и сдѣлала ей такъ много добра, такъ много потрудилась на распространеніе въ ней свѣта, на утоленіе скорби и печали цѣлыхъ тысячъ ея несчастныхъ и убогихъ сыновъ; но не подлежитъ

сомнѣнію, что Марія Ѳедоровна точно также поступала-бы и во всякой другой странѣ, среди всякаго другаго племени, гдѣ ее ни поставила-бы судьба.

Чувство родины и народности, вообще крайне слабо развитое въ культурныхъ людяхъ XVIII столѣтія, было ей совершенно чуждо; *русской* она хотѣла быть, хотѣла казаться, соотвѣтственно своему положенію и, вѣроятно, совершенно искренно, но—это была въ ней напускная, искусственная оболочка. По характеру, темпераменту и привычкамъ, даже по симпатіямъ, она была нѣмка, то есть, какъ типъ; по воспитанію и понятіямъ—французская дама, представительница лучшаго, утонченно-образованнаго аристократическаго круга версальской складки. По своимъ-же морально-философскимъ воззрѣніямъ и по своей гуманности, она была—космополитка. Отечествомъ ея было все человѣчество; горѣвшее неугасаемой, всеобъемлющей любовью сердце ея въ каждомъ человѣкѣ, безразлично, находило образъ Божій, достойный уваженія, вниманія и заботы, и всюду, гдѣ этотъ образъ былъ попираемъ, гдѣ слышались стоны страданія и несчастія, — чуткое сердце ея беззавѣтно стремилось выполнить святую миссію милосердія, участія и помощи во Христѣ. Особымъ счастьемъ Россіи было то, что судьба послала ей этого генія добра въ высокой и всемогущей роли государыни.

Испоконъ вѣку исторія чтила память тѣхъ людей, которые ставили своей задачей достиженіе высшаго идеала общественнаго союза — *братства людей*, основаннаго на мирѣ и любви; на этомъ же основаніи, мы не можемъ не почтить и память Маріи Ѳедоровны, ко-

торая безспорно, такъ или иначе, исповѣдовала, по своему, этотъ идеалъ и очень много положила благотворныхъ усилій на приближеніе къ нему. Мы не обольщаемся филантропіей и хорошо знаемъ ограниченность и безсиліе ея палліативовъ, сколь ни были-бы они, относительно, значительны, въ огромной, вѣковой задачѣ радикальнаго цѣленія глубокихъ соціальныхъ и экономическихъ немощей человѣчества; но разумная, правильно организованная, располагающая большими средствами, филантропія, какою мы, напр., обязаны въ огромной долѣ доброй волѣ и трудамъ Маріи Өедоровны,— все-таки что нибудь значитъ и даже значитъ очень много въ такомъ молодомъ, малодѣятельномъ, апатичномъ и разрозненномъ обществѣ, какъ наше.

Марія Өедоровна въ высшей степени интересна и симпатична для историка и—просто, какъ личность, какъ характеръ. Въ длинной галлереѣ историческихъ портретовъ немного найдется такихъ свѣтлыхъ, прекрасныхъ образовъ и, главное, такихъ чистыхъ и такихъ искреннихъ.

Въ ней все было стройно, гармонично и освѣщено той ровной, мягкой душевной ясностью, которою отличаются истинно-добродѣтельные люди и которая, въ соединеніи съ граціозной женственностью, дѣлала Марію Өедоровну неотразимо привлекательной въ глазахъ всѣхъ, видѣвшихъ ее и сталкивавшихся съ нею. Вотъ, напр., какое впечатлѣніе она произвела, при первомъ знакомствѣ, на свою державную тещу, императрицу Екатерину, которая умѣла цѣнить людей.

«Я, — писала Екатерина, — пристрастилась къ этой очаровательной принцессѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова пристрастилась. Она именно такова, какую желали: стройность нимфы, цвѣтъ лица--цвѣтъ лиліи, съ румянцемъ розы; прелестнѣйшая кожа въ свѣтѣ, высокій ростъ, съ соразмѣрною полнотою, и при этомъ легкость поступи: кротость, доброта сердца и искренность выражаются на ея лицѣ. Всѣ отъ нея въ восторгѣ».

Баронесса Оберкирхъ, подруга юности Маріи Ѳедоровны, оставившая о ней любопытныя записки, изображаетъ ее въ такихъ плѣнительныхъ чертахъ: «Принцесса была очень хороша собою и имѣла превосходное сердце. Хотя она близорука, но глаза ея прелестны и ихъ чудное выраженіе служило какъ-бы отпечаткомъ ея чистой души. Она внушала любовь всѣмъ ея окружавшимъ, и никто болѣе ея не заслуживалъ любви. Естественная, умная, но не желавшая блистать умомъ, чуждая всякаго кокетства, она въ особенности отличалась нѣжною кротостью и добротою».

Дараганъ, состоявшій пажемъ при Маріи Ѳедоровнѣ въ 1819 г., когда она была уже пожилой женщиной, пишетъ: «императрица еще сохранила слѣды прежней красоты. Тонкія, нѣжныя черты лица, правильный носъ и привѣтливая улыбка заявляли въ ней мать Александра. Довольно полная. она любила и привыкла крѣпко шнуроваться, отчего движеніе ея и походка были не совсѣмъ развязны».

Не совсѣмъ счастливая въ супружествѣ, по отзывамъ очевидцевъ, Марія Ѳедоровна была, однако-же, преданной, любящей женой до конца. «Можно безпристрастно

сказать, — писалъ англійскій посолъ въ похвалу Маріи Ѳедоровнѣ, — что нельзя болѣе употреблять терпѣнія и снисхожденія, какъ она употребляла» въ сношеніяхъ съ супругомъ. Мать она была примѣрная, неусыпно-заботливая и нѣжная. Она сама руководила воспитаніемъ своихъ дѣтей, входя во всѣ его подробности съ материнской предусмотрительностью.

Снисходительная, кроткая и милостивая къ другимъ, Марія Ѳедоровна была очень строга къ самой себѣ и вела жизнь трудовую, безъ упущеній, методически-точную и правильную. Покойная одежда, покойная мебель и какія нибудь прихоти въ обстановкѣ и порядкѣ жизни были ей чужды. Она, напр., всегда и вездѣ сидѣла прямо, никогда не опираясь на спинку, и для нея обыкновенно ставили вездѣ простой соломенный стулъ. Занятія, главнымъ образомъ, по управленію учебно-благотворительными учрежденіями, наполняли весь ея день. Утромъ она ежедневно принимала доклады и дѣлала распоряженія. Потомъ, почти каждодневно посѣщала то или другое изъ покровительствуемыхъ ею заведеній, а когда въ послѣднихъ происходили экзамены —императрица методически присутствовала на каждомъ изъ нихъ. Даже во время отдыха, по вечерамъ, во дворцѣ, она являлась съ какою нибудь ручною работою, замѣнявшеюся, обыкновенно, во время войнъ, столь частыхъ тогда, приготовленіемъ корпіи для раненыхъ.

Въ обхожденіи со всѣми окружающими она была всегда ровною, внимательною и милостивою. Гнѣвъ и раздраженіе были ей недоступны и—не было человѣка, который бы имѣлъ когда нибудь причину сѣтовать на

Въ 1812 г., въ моментъ занятія Москвы французами, многія зеведенія императрицы Маріи должны были, во всемъ составѣ перенестись изъ столицы во-внутрь имперіи, къ великой ея заботѣ и огорченію. Вообще, этотъ несчастный годъ былъ тяжелымъ испытаніемъ для Маріи Θедоровны не только за Россію и государя, но и за участь московскихъ учрежденій ея вѣдомства. Отправленіе воспитанницъ изъ Москвы во Владиміръ, происшедшее второпяхъ, особенно опечалило императрицу своей безпорядочностью.

«Не могу вспомнить безъ огорченія и почти безъ слезъ,—писала она,—это отправленіе дѣвицъ, особливо дщерей россійскаго дворянства, въ телѣгахъ, и то откуда?—Изъ столицы россійской! Пусть такъ, что необходимость принудила прибѣгнуть къ сему экипажу для воспитанницъ Александровскаго училища, дочерей нижнихъ офицерскихъ чиновъ и подобнаго сему званія или еще ниже онаго людей; но для дѣвицъ изъ лучшаго дворянства неужели-бы не нашлось въ обширной, изобильной Москвѣ способа достать, хотя наймомъ, достаточнаго числа каретъ... И могъ-ли Совѣтъ пожалѣть на то издержекъ?»

Горячее предпочтеніе, выраженное императрицей «дщерямъ россійскаго дворянства», вполнѣ понятно. Въ то время сословныя грани были еще очень выпуклы, рѣзки и непререкаемы въ мнѣніи огромнаго большинства.

До сихъ поръ мы старались возможно полно намѣтить характеристическія черты личности Маріи Θедоровны, *какъ благотворительницы*, и сгруппировать наиболѣе яркіе, выдающіеся факты ея обширной, плодотворной дѣя-

тельности и, главнымъ образомъ, ея непосредственнаго *личнаго* участія въ дѣлахъ человѣколюбія. Послѣ этого естественно возникаетъ вопросъ: какимъ образомъ, благодаря какимъ, именно, условіямъ и обстоятельствамъ, могъ сформироваться этотъ замѣчательный историческій женскій характеръ, и, съ другой стороны, насколько самый характеръ этотъ является генетическимъ и общимъ на русской почвѣ, а не исключительнымъ лишь и эпизодическимъ?

Мы не пишемъ біографіи Маріи Ѳедоровны и слишкомъ далеки отъ такой большой задачи. Наша цѣль была только очертить одну сторону ея личности и жизни; но, для полноты и реальности ея образа въ представленіи нашихъ читателей, добавимъ еще нѣсколько бѣглыхъ штриховъ къ ея портрету, въ отвѣтъ, отчасти, на вышепоставленный вопросъ, самъ собой возникающій въ каждомъ при знакомствѣ съ историческими фигурами.

Хотя, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, коренная русская женщина культурнаго общества описываемой эпохи не была чужда человѣколюбія и стремленій къ благотворительности, но Марія Ѳедоровна—ей не родня. Чужестранка, по рожденію и воспитанію, Марія Ѳедоровна не сдѣлалась русской женщиной и послѣ того, какъ Россія стала ея единственнымъ отечествомъ. Она любила Россію, называла ее постоянно «наша милая Россія», усвоила себѣ ея языкъ, ея обычаи, всю себя посвящала интересамъ Россіи и сдѣлала ей такъ много добра, такъ много потрудилась на распространеніе въ ней свѣта, на утоленіе скорби и печали цѣлыхъ тысячъ ея несчастныхъ и убогихъ сыновъ; но не подлежитъ

сомнѣнію, что Марія Ѳедоровна точно также поступала-бы и во всякой другой странѣ, среди всякаго другаго племени, гдѣ ее ни поставила-бы судьба.

Чувство родины и народности, вообще крайне слабо развитое въ культурныхъ людяхъ XVIII столѣтія, было ей совершенно чуждо; *русской* она хотѣла быть, хотѣла казаться, соотвѣтственно своему положенію и, вѣроятно, совершенно искренно, но—это была въ ней напускная, искусственная оболочка. По характеру, темпераменту и привычкамъ, даже по симпатіямъ, она была нѣмка, то есть, какъ типъ; по воспитанію и понятіямъ—французская дама, представительница лучшаго, утонченно-образованнаго аристократическаго круга версальской складки. По своимъ-же морально-философскимъ воззрѣніямъ и по своей гуманности, она была—космополитка. Отечествомъ ея было все человѣчество; горѣвшее неугасаемой, всеобъемлющей любовью сердце ея въ каждомъ человѣкѣ, безразлично, находило образъ Божій, достойный уваженія, вниманія и заботы, и всюду, гдѣ этотъ образъ былъ попираемъ, гдѣ слышались стоны страданія и несчастія, — чуткое сердце ея беззавѣтно стремилось выполнить святую миссію милосердія, участія и помощи во Христѣ. Особымъ счастьемъ Россіи было то, что судьба послала ей этого генія добра въ высокой и всемогущей роли государыни.

Испоконъ вѣку исторія чтила память тѣхъ людей, которые ставили своей задачей достиженіе высшаго идеала общественнаго союза — *братства людей*, основаннаго на мирѣ и любви; на этомъ же основаніи, мы не можемъ не почтить и память Маріи Ѳедоровны, ко-

орая безспорно, такъ или иначе, исповѣдовала, по своему, этотъ идеалъ и очень много положила благотворныхъ усилій на приближеніе къ нему. Мы не обольщаемся филантропіей и хорошо знаемъ ограниченность і безсиліе ея палліативовъ, сколь ни были-бы они, относительно, значительны, въ огромной, вѣковой задачѣ адикальнаго цѣленія глубокихъ соціальныхъ и экономическихъ немощей человѣчества; но разумная, правильно организованная, располагающая большими средтвами, филантропія, какою мы, напр., обязаны въ огромной долѣ доброй волѣ и трудамъ Маріи Θедоровны,— се-таки что нибудь значитъ и даже значитъ очень много въ такомъ молодомъ, малодѣятельномъ, апатичомъ и разрозненномъ обществѣ, какъ наше.

Марія Θедоровна въ высшей степени интересна и импатична для историка и—просто, какъ личность, акъ характеръ. Въ длинной галлереѣ историческихъ ортретовъ немного найдется такихъ свѣтлыхъ, прекрасыхъ образовъ и, главное, такихъ чистыхъ и такихъ скреннихъ.

Въ ней все было стройно, гармонично и освѣщено ой ровной, мягкой душевной ясностью, которою отличаэтся истинно-добродѣтельные люди и которая, въ соединеніи съ граціозной женственностью, дѣлала Марію Эедоровну неотразимо привлекательной въ глазахъ всѣхъ, идѣвшихъ ее и сталкивавшихся съ нею. Вотъ, напр., акое впечатлѣніе она произвела, при первомъ знакомтвѣ, на свою державную тещу, императрицу Екатериу, которая умѣла цѣнить людей.

«Я, — писала Екатерина, — пристрастилась къ этой очаровательной принцессѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова пристрастилась. Она именно такова, какую желали: стройность нимфы, цвѣтъ лица--цвѣтъ лиліи, съ румянцемъ розы; прелестнѣйшая кожа въ свѣтѣ, высокій ростъ, съ соразмѣрною полнотою, и при этомъ легкость поступи; кротость, доброта сердца и искренность выражаются на ея лицѣ. Всѣ отъ нея въ восторгѣ».

Баронесса Оберкирхъ, подруга юности Маріи Ѳедоровны, оставившая о ней любопытныя записки, изображаетъ ее въ такихъ плѣнительныхъ чертахъ: «Принцесса была очень хороша собою и имѣла превосходное сердце. Хотя она близорука, но глаза ея прелестны и ихъ чудное выраженіе служило какъ-бы отпечаткомъ ея чистой души. Она внушала любовь всѣмъ ея окружавшимъ, и никто болѣе ея не заслуживалъ любви. Естественная, умная, но не желавшая блистать умомъ, чуждая всякаго кокетства, она въ особенности отличалась нѣжною кротостью и добротою».

Дараганъ, состоявшій пажемъ при Маріи Ѳедоровнѣ въ 1819 г., когда она была уже пожилой женщиной, пишетъ: «императрица еще сохранила слѣды прежней красоты. Тонкія, нѣжныя черты лица, правильный носъ и привѣтливая улыбка заявляли въ ней мать Александра. Довольно полная. она любила и привыкла крѣпко шнуроваться, отчего движеніе ея и походка были не совсѣмъ развязны».

Не совсѣмъ счастливая въ супружествѣ, по отзывамъ очевидцевъ, Марія Ѳедоровна была, однако-же, преданной, любящей женой до конца. «Можно безпристрастно

сказать, — писалъ англійскій посолъ въ похвалу Маріи Ѳедоровнѣ, — что нельзя болѣе употреблять терпѣнія и снисхожденія, какъ она употребляла» въ сношеніяхъ съ супругомъ. Мать она была примѣрная, неусыпно-заботливая и нѣжная. Она сама руководила воспитаніемъ своихъ дѣтей, входя во всѣ его подробности съ материнской предусмотрительностью.

Снисходительная, кроткая и милостивая къ другимъ, Марія Ѳедоровна была очень строга къ самой себѣ и вела жизнь трудовую, безъ упущеній, методически-точную и правильную. Покойная одежда, покойная мебель и какія нибудь прихоти въ обстановкѣ и порядкѣ жизни были ей чужды. Она, напр., всегда и вездѣ сидѣла прямо, никогда не опираясь на спинку, и для нея обыкновенно ставили вездѣ простой соломенный стулъ. Занятія, главнымъ образомъ, по управленію учебно-благотворительными учрежденіями, наполняли весь ея день. Утромъ она ежедневно принимала доклады и дѣлала распоряженія. Потомъ, почти каждодневно посѣщала то или другое изъ покровительствуемыхъ ею заведеній, а когда въ послѣднихъ происходили экзамены —императрица методически присутствовала на каждомъ изъ нихъ. Даже во время отдыха, по вечерамъ, во дворцѣ, она являлась съ какою нибудь ручною работою, замѣнявшеюся, обыкновенно, во время войнъ, столь частыхъ тогда, приготовленіемъ корпіи для раненыхъ.

Въ обхожденіи со всѣми окружающими она была всегда ровною, внимательною и милостивою. Гнѣвъ и раздраженіе были ей недоступны и—не было человѣка, который бы имѣлъ когда нибудь причину сѣтовать на

нее и жаловаться. «Пріятно было всегда свиданіе съ нею, — говоритъ одна ея приближенная, — потому что благосклонность всегда сіяла на ея лицѣ». Однимъ словомъ, «кроткая душа» Маріи Ѳедоровны, какъ было сказано въ манифестѣ по случаю ея кончины въ 1828 г., —была «вмѣстилищемъ всѣхъ нѣжныхъ чувствъ и доблестей»... Это, безъ сомнѣнія, скажетъ о ней и исторія.

XVI.

Отшельница.

…„уневѣстися Христу, любовію Его уязвлена бывше, и Тому работаше день и нощь, въ постѣ и молитвахъ умерщвляюще плоть свою“.

Между монастырской кельей и теремомъ немного было разницы для русской, привиллегированнаго класса женщины допетровскаго времени. Ея жизнь «на міру», по домостроевскому укладу, была такая-же затворническая, смиренная, огражденная отъ всякой «прелести», такая-же почти богомольно-аскетическая, какъ и въ схимѣ, за монастырской стѣной. «Имѣяй особые покои и живуще яко пустынницы, мало зряху людей и ихъ люди, но всегда въ молитвѣ и постѣ пребываху, и лица свои слезами омываху»... Это говоритъ Кошихинъ о царевнахъ, сестрахъ и дочеряхъ государевыхъ, имѣвшихъ, по его выраженію, «удовольство царственное», но такова-же, въ сущности, была жизнь и всѣхъ, вообще, теремныхъ затворницъ высшихъ классовъ.

Вслѣдствіе этого переходъ для женщины того времени изъ терема въ монастырь не представлялся ни

особенно рѣзкимъ, ни чрезвычайнымъ, и самое постриженіе не сопровождалось для нея слишкомъ большимъ самоотреченіемъ, не составляло чрезмѣрной жертвы. Не отъ чего было почти отрекаться, немногимъ приходилось жертвовать для иноческаго житія, въ особенности, когда ему посвящала себя женщина неудачливая въ свѣтской жизни, горемычная, удрученная скорбями. А такихъ было не мало въ старину, хотя и теперь нѣтъ въ нихъ недостатка. Напротивъ,—монастырь для женщины въ подобныхъ положеніяхъ часто бывалъ тогда желаннымъ убѣжищемъ отъ кривды и бездолья. Эта кривда и это бездолье, при безправіи женщины и тогдашей жесткости грубыхъ нравовъ, нерѣдко бывали такъ тяжелы и нестерпимы, что монашеская обитель, дѣйствительно, могла казаться, какъ поется въ духовномъ стихѣ, «прекрасной», отрадной и успокоительной, сравнительно съ жизнью въ мірѣ, среди лихихъ обидчиковъ и при женской безпомощности.

Женскій монастырь въ старину, какъ и не у насъ однихъ, былъ учрежденіемъ не только чисто-религіознымъ, но и общественнымъ, практически отвѣчавшимъ особымъ условіямъ тогдашней общественной и семейной организаціи. Въ числѣ разныхъ другихъ своихъ задачъ, онъ избавлялъ общество отъ всѣхъ лишнихъ для него женскихъ существованій, давая имъ гостепріимно пріютъ въ своихъ стѣнахъ и принимая на себя заботу объ ихъ матеріальномъ и нравственномъ благоденствіи. Лишнихъ, въ смыслѣ непристроенности, безсемейности и сиротства, было тогда много. Ими часто оказывались, напр., одинокія, бездѣтныя вдовы, потерявшія надежду

вторично выдти замужъ; въ положеніе лишнихъ попадали и постылыя жены у своенравныхъ мужей, которые обыкновенно, чтобы сбыть съ рукъ немилую супругу, понуждали ее идти въ монастырь, «а будетъ по доброй его (мужа) волѣ не учинитъ, не пострижется, и онъ ее бьетъ, мучитъ всячески до тѣхъ мѣстъ, что она похочетъ постричься сама». Какъ на совершенно лишнихъ для себя и для свѣта, смотрѣли и родители на своихъ дочерей—дѣвицъ, «которыя бываютъ увѣчны, и стары, а замужъ ихъ взяти за себя никто не хочетъ, —и такихъ дѣвицъ,—заключаетъ бытописатель,—отцы и матери постригаютъ въ монастырѣ»...

Все это были тягостныя положенія, создавшіяся жестокими условіями женской судьбы, которыя могли дѣлать женщину ненужной, лишней обузой для семьи и для общества,—и единственный благополучный исходъ изъ нихъ представляла монашеская ряса. Само собой понятно, что при такомъ порядкѣ, постриженіе далеко не всегда являлось результатомъ свободнаго выбора и особаго религіознаго призванія, но вызывалось необходимостью и безвыходностью—просто потому, что некуда было больше дѣваться и не изъ чего выбирать.

Порядокъ этотъ кореннымъ образомъ измѣняется въ XVIII столѣтіи, и—ни въ чемъ такъ ощутительно не отразилось вліяніе петровскаго переворота на судьбѣ русской женщины, какъ въ разсматриваемомъ отношеніи. Съ той минуты, какъ упали теремные затворы, и женщина была введена въ общество, занявъ подобающее ей, почетное и блестящее положеніе въ салонѣ и въ «свѣтѣ», монашеское отшельничество должно было,

естественно, сдѣлаться въ ея глазахъ чѣмъ-то далекимъ, исключительнымъ, отдѣленнымъ цѣлой пропастью отъ мірской жизни. У нея явились новыя и весьма цѣнныя права, пользованіе которыми льстило ея самолюбію, развивало въ ней чувство личнаго достоинства и возбуждало честолюбивыя стремленія. Рядомъ съ этимъ, у нея явились и новыя обязанности, давшія содержаніе ея жизни, гораздо болѣе полное, богатое и разнообразное, чѣмъ то, какимъ оно было въ четырехъ стѣнахъ терема. Самая роль ея и въ семьѣ, и особенно въ обществѣ, стала интереснѣе, виднѣе и отвѣтственнѣе. Открылся несравненно болѣе широкій просторъ для ея вліянія, для ея нравственной власти, для торжества, наконецъ, ея побѣдоносной красоты и чарующаго обаянія всей ея женской личности. Уже одна тщеславная и вѣтренная суетность, до которой такъ падки многія, особенно малоразвитыя женщины, могла теперь свободно пользоваться такимъ раздольемъ и питаться столькими соблазнами, о какихъ и помышлять не смѣла теремная затворница.

Все это, представляя острый интерессъ новизны и эмансипаціи, должно было, естественно, возвысить чрезвычайно цѣну и прелесть свѣтской жизни въ глазахъ женщины, сравнительно съ узкимъ, аскетически-подневольнымъ прозябаніемъ въ теремѣ, изъ котораго она еще вчера такъ легко, не задумываясь, могла переходить въ монастырскую келью. Теперь уже постриженіе и отшельничество, въ случаѣ добровольнаго ихъ принятія, станутъ для нея большимъ и исключительно-религіознымъ подвигомъ, требующимъ жертвъ и самоотверженія, а въ случаѣ насильственнаго принужденія--су-

ровой казнью и просто-таки гражданской смертью заживо.

Хотя и допетровская эпоха дала нѣсколько прекрасныхъ образовъ русской женщины-отшельницы, «уневѣстившейся Христу» по призванію, по глубокому религіозному чувству и по высокой святости жизни, посвященной молитвѣ и дѣламъ милосердія; но отреченіе отъ свѣта для монастыря культурной женщины XVIII вѣка представляется, несомнѣнно, болѣе труднымъ подвигомъ, потому что для него требовалось больше самоотверженія, требовалось поступаться такими заманчивыми правами и преимуществами, какихъ прежде у теремной женщины не было. Сравнительная цѣна подвиговъ этого рода опредѣляется, именно, мѣрою приносимыхъ для его выполненія лишеній и жертвъ, то есть, чѣмъ больше послѣднихъ, чѣмъ они жизненнѣе и существеннѣе, тѣмъ, стало быть, и самый подвигъ выше, героичнѣе.

Разумѣется, эта коренная перемѣна отношенія къ монастырю и воззрѣній на монашеское отшельничество для женщины произошла не сразу, а постепенно. Въ петровскіе дни она только началась, получила сильный преобразовательный толчекъ, властное узаконеніе. Старина была еще очень живуча, особенно въ семейномъ быту, и долго жила потомъ, иногда подъ оболочкой европейской новизны послѣдняго фасона. Далеко не всѣ русскія женщины обрадовались разрушенію терема, свободѣ и новымъ правамъ, доставлявшимъ имъ видное, лестное положеніе въ обществѣ. Съ другой стороны, сила вѣковаго обычая, воспитанія и наслѣдственныхъ привычекъ теремнаго режима долго сказывалась безсо-

знательно во всемъ поведенiи и во взглядахъ, наперекоръ даже желанiю и не смотря иногда на падкость къ соблазнамъ и льготамъ новаго порядка. Особенно крѣпка бываетъ въ этомъ атавизмѣ женщина, признаваемая, какъ извѣстно, болѣе консервативной вообще, нежели мужчина.

Впрочемъ, и мужчина петровскихъ дней очень часто придерживался въ данномъ отношенiи старозавѣтныхъ воззрѣнiй. Не составлялъ исключенiя въ этомъ пунктѣ и самъ великiй преобразователь. Въ старо-московскомъ юридическомъ укладѣ монастырь служилъ также, между прочимъ, для пенитенцiарныхъ цѣлей, какъ мѣсто заточенiя для провинившихся или просто попавшихъ въ опалу. Это-же значенiе имѣлъ отчасти и женскiй монастырь для тѣхъ горемычницъ, которыя, провинившись-ли, или опостылѣвъ мужьямъ, либо отцамъ, навлекали на себя съ ихъ стороны родственную опалу, тяготили ихъ, дѣлались лишними и становились помѣхой въ достиженiи какой нибудь житейской себялюбивой цѣли.

Такую-то жестокую службу мужскому эгоизму и своенравiю продолжаетъ нерѣдко служить женскiй монастырь и въ петровскую эпоху, особенно въ ея началѣ! Самъ Петръ заточилъ насильственно въ монастырь сперва своихъ сестеръ, потомъ первую жену. Сестры и, главнымъ образомъ, царевна Софья заслужили эту участь своей крамолой; но молодая царица Евдокiя Ѳедоровна, страстно любившая мужа, провинилась передъ нимъ только тѣмъ, что стала ему не мила съ той минуты, какъ его пылкимъ сердцемъ овладѣла бойкая нѣмка, «свѣтъ-Аннушка» Монсъ. Уже, такъ сказать, заднимъ чи-

сломъ, спустя двадцать лѣтъ послѣ постриженія несчастной Евдокіи Ѳедоровны, Петръ оффиціально оправдывалъ ея заточеніе «нѣкоторыми ея противностями»; но эти «противности», въ видѣ косвеннаго прикосновенія къ дѣлу царевича Алексѣя, отношеній къ Глѣбову и проч., явились спустя много времени, послѣ постигшей царицу горькой опалы.

Судьба Евдокіи Ѳедоровны весьма типична въ историческомъ отношеніи. Аналогическая участь постигла тогда цѣлый рядъ современницъ царицы-инокини, которыя также, какъ и она, оказались не подъ пару своимъ мужьямъ—ретивымъ поборникамъ царя-преобразователя и его нововведеній. Не раздѣляя ни новыхъ понятій, ни вкуса къ европейскимъ новшествамъ, не умѣя и не желая приспособиться къ новому порядку и къ новой, предназначенной для нея, роли въ обществѣ, женщина этой категоріи оставалась крѣпкой отжившей старинѣ, была мало развита, суевѣрна, полна предразсудковъ, была неловка, простовата и неинтересна. Она, какъ была, такъ и осталась теремной боярыней, и, конечно, не выдерживала въ глазахъ объевропеившихся мужчинъ никакого сравненія съ новомодной свѣтской «дамой», свободной и доступной въ обращеніи, блиставшей въ кокетливомъ нарядѣ своей красотой, отзывчивой къ новизнѣ и принимавшей дѣятельное участіе въ общественной жизни и ея интересахъ.

Отсюда, естественнымъ порядкомъ, во многихъ семьяхъ, гдѣ въ моментъ петровскаго переворота мужъ увлекался новшествами, а жена консервативно оставалась вѣрна старому теремному режиму, начался непримири-

мый разладъ. Супруги переставали понимать другъ друга, между ними обрывалась духовная связь, смѣнявшаяся взаимной остудой и несогласіями,—кончалось тѣмъ, что жена дѣлалась постылой мужу, и онъ искалъ случая сбыть ее съ плечъ для новой жизни, для новаго брака съ избранницей себѣ подъ пару изъ среды свѣтскихъ салонныхъ дамъ петербургскаго прогрессивнаго типа.

Чрезвычайно рельефный и характеристическій въ этомъ родѣ примѣръ представляетъ недавно извлеченная изъ архивовъ семейная исторія супружеской четы князей Долгоруковыхъ. Князь Алексѣй Васильевичъ Долгоруковъ принадлежалъ къ числу новыхъ людей петровскаго царствованія. Онъ женился очень рано на старосвѣтской боярышнѣ и прижилъ съ нею трехъ дочерей. Жили они въ Москвѣ; но вскорѣ князь, увлеченный прогрессивнымъ движеніемъ, покинулъ семью, странствовалъ нѣсколько разъ по Европѣ, сдѣлался совершеннымъ европейцемъ и проживалъ въ Петербургѣ, наслаждаясь свѣтской жизнью. Вѣроятно, тамъ у него завелась сердечная привязанность. По крайней мѣрѣ, до жены его стали доходить слухи, что онъ въ Петербургѣ гуляетъ и веселится съ дамами. Къ женѣ онъ совершенно охладѣлъ, она была ему не пара, тяготила его и связывала. Она не была «дамой» въ новомодномъ вкусѣ. Князь началъ думать и хлопотать—какъ-бы отъ нея отдѣлаться. Средство было одно—классическое и испытанное. Онъ пишетъ ей письмо за письмомъ, настойчиво убѣждая, чтобы она добровольно постриглась и ушла въ монастырь «всеконечно». Бѣдная княгиня не покорялась; но что-же она дѣлала, чтобы возвратить привязанность

своего мужа или, по крайней мѣрѣ, избѣжать «всеконечно» съ нимъ разрыва и монашеской кельи?

Она плакала, горевала, впадая даже въ «тоскотную болѣзнь», жаловалась близкимъ, что «брошена мужемъ своимъ безъ всякой причины и вины» съ ея стороны, и обращалась къ знахарямъ за «приворотнымъ корнемъ» и «наговоромъ», чтобы этими колдовскими средствами вернуть къ себѣ легкомысленнаго мужа. Словомъ, дѣйствовала совершенно побабьи, какъ простая, темная, неразвитая женщина. Разумѣется, ни слезливые упреки и жалобы, ни «приворотные» корешки не подѣйствовали. Раздраженный упрямствомъ постылой жены, князь положилъ раздѣлаться съ нею болѣе рѣшительнымъ, скандалезнымъ способомъ. Пользуясь сплетнями и доносами домашнихъ шпіоновъ, своихъ-же холоповъ, онъ адресовался въ страшный Преображенскій приказъ съ жалобой на жену и ея клевретовъ. Тѣ-же самые волшебные корешки служили уже достаточно сильнымъ предлогомъ для обвиненія. Начался розыскъ, со всей тогдашней его свирѣпостью. Терзаемые на дыбѣ холопы всклепали на себя и на несчастную княгиню цѣлый рядъ тяжкихъ и позорныхъ обвиненій. Самъ князь-европеецъ принималъ дѣятельное участіе въ розыскѣ, чинилъ его и у себя дома, обнаруживъ, подъ лоскомъ образованности и свѣтскости, грубую неразборчивость въ средствахъ и жестокость настоящаго татарина временъ Мамая. Цѣль у него была та, чтобы опорочить жену, найти законный предлогъ для развода съ нею и заточить ее въ монастырь неволей, послѣ того, какъ она по своей волѣ от-

казалась туда идти. Чѣмъ кончилась эта семейная драма —неизвѣстно.

Такой разладъ и по такой, именно, причинѣ происходилъ тогда во многихъ семьяхъ, начиная съ царской. Что касается его развязки, то для мужей, искавшихъ способовъ отдѣлаться отъ своихъ постылыхъ женъ, большое поощрительное значеніе имѣлъ, безъ сомнѣнія, примѣръ самого царя. Это подтверждаетъ и современный историкъ, извѣстный князь Щербатовъ. Онъ прямо говоритъ, что примѣру Петра въ данномъ случаѣ «многіе подражали и не токмо изъ вельможъ, но изъ малочиновныхъ людей» ибо,—поясняетъ онъ далѣе,— «примѣръ сей нарушенія таинства супружества, ненарушаемаго въ своемъ существѣ, показалъ, что безъ наказанія можно его нарушать». Напрасно только суровый обличитель петровскаго періода приписываетъ эти факты безнаказаннаго нарушенія брачнаго таинства исключительно новѣйшему «поврежденію нравовъ»; мы знаемъ, что и въ нравахъ старомосковскаго общества бывали весьма нерѣдки случаи подобнаго же нарушенія по произволу мужей.

Щербатовъ, впрочемъ, упоминаетъ только о двухъ наиболѣе громкихъ въ петровскіе дни примѣрахъ—въ семьяхъ князя Бориса Солнцева-Засѣкина и извѣстнаго любимца Петра, П. И. Ягужинскаго. Изъ этихъ двухъ случаеъ намъ подробно извѣстенъ разводъ Ягужинскаго съ первой женою, происшедшій съ вѣдома и одобренія царя. Онъ довольно характеристиченъ.

Въ «Дневникѣ» Берхгольца разсказана такая сцена. Въ апрѣлѣ 1722 г. на свадьбѣ князя Трубецкаго съ

графиней Головкиной, «во время танцевъ генералъ Ягужинскій страшно сердился на свою жену» за то, что она, добровольно принявъ на себя обязанности сестры невѣсты, должна была въ этой роли танцовать со свадебнымъ маршаломъ, которымъ былъ ея мужъ, «но, когда дошла до нея очередь, она ни за что не хотѣла танцовать, какъ ее ни просили». Къ счастью,—замѣчаетъ разсказчикъ,—служить дамой для маршала вызвалась княгиня Черкасская, сестра жениха;—«иначе споръ между Ягужинскимъ и его упрямой женою продолжался бы до безконечности». Спустя недѣли три послѣ этого Берхгольцъ записалъ:—«мы узнали, что супругу генерала Ягужинскаго, по именному повелѣнію императора, отвезли въ одинъ изъ здѣшнихъ монастырей (дѣло происходило въ Москвѣ) за ссору съ мужемъ». Берхгольцъ разумѣлъ, очевидно, описанную имъ ссору во время танцевъ, такъ какъ на этотъ счетъ онъ ничего больше не говоритъ. Ничего больше, по всѣмъ вѣроятіямъ, онъ и не зналъ, потому что, въ противномъ случаѣ, непремѣнно разсказалъ бы въ своемъ дневникѣ, который онъ велъ съ чисто нѣмецкой точностью и обстоятельностью, не пропуская самыхъ даже пустыхъ мелочей.

Замѣчательно здѣсь его отношеніе къ данному факту, какъ современника и очевидца. Онъ не только не видитъ ничего чрезвычайнаго и возмутительнаго въ томъ, что жена изъ-за нежеланія танцовать и происшедшей оттого размолвки съ мужемъ насильственно заточается въ монастырь, но, судя по тону его разсказа, считаетъ это весьма обычнымъ явленіемъ какъ будто-бы и слѣдъ

тому такъ быть. Наблюдательный и впечатлительный нѣмецъ, несомнѣнно, отразилъ тутъ ходившія тогда въ окружавшей его средѣ воззрѣнія на данный вопросъ.

На самомъ дѣлѣ исторія развода Ягужинскаго и заточенія его жены въ монастырь была гораздо сложнѣе и хлопотливѣе. Объ этомъ сохранилось цѣлое дѣло въ синодальномъ Архивѣ. Въ первомъ бракѣ Ягужинскій былъ женатъ на Авдотьѣ Ѳедоровнѣ Хитрово. У нихъ были дѣти еще «малыя», когда между супругами начался разладъ, дошедшій до того, что въ 1722 г. Ягужинскій сталъ формально просить синодъ «развязать» его съ женою. Мотивировалъ онъ свою просьбу тѣмъ, что «отъ жены своей не токмо въ супружествѣ непозволяемыя обиды имѣетъ, но и прочіе (?) закону христіанскому противные поступки и иныя мерзости ею чинятся». Обвинялъ онъ ее въ невѣрности, въ неприличномъ поведеніи и въ разныхъ странныхъ, безстыдныхъ выходкахъ. Все это подтверждалось свидѣтелями, большею частью слугами, безъ сомнѣнія, покорно творившими волю своего барина. Достовѣрно одно, какъ это можно заключить изъ всего дѣла, что Ягужинская была женщина психически-разстроенная, то, что нынѣ называется «психопаткой». Бантышъ-Каменскій въ своемъ «Словарѣ» говоритъ, что у нея былъ «задумчивый и странный нравъ». Чинимыя ею «мерзости», въ которыхъ обвинялъ ее мужъ, носили явный характеръ душевной болѣзни и полоумія. Сама она на дознаніи показывала, что дѣлала «оныя непотребства въ безпамятствѣ своемъ, въ меланколіи, которая ей случилась въ Петербургѣ въ 1721 году въ скорби, да въ печали отъ разлученія съ

сожителемъ (т. е. мужемъ) и дѣтьми своими, отъ скуки и одиночества». Оказывалось, что дурному поведенію предшествовало и объясняло его, если не оправдывало, дурное обращеніе мужа и его охлажденіе. По настоящему, несчастную женщину слѣдовало не судить, а лечить; но тогда въ такія тонкости не вдавались, главное же, мужу во что-бы ни стало хотѣлось «развязать» себя отъ опостылѣвшей жены. Ягужинскій былъ достаточно вліятеленъ и силенъ, чтобы его ходатайство, поддерживаемое, вѣроятно, самимъ Петромъ, не было оставлено синодомъ безъ вниманія и исполненія. Въ 1723 г., по вторичной жалобѣ Ягужинскаго, синодъ вынесъ такой приговоръ женѣ его: «да будетъ съ нынѣшняго времени она отъ мужа своего отлучена и да пребываетъ она, яко святыми правилами заключено, безбрачна».

Но этого было мало. По обстоятельствамъ и нравамъ того времени, присутствіе въ свѣтѣ, на людяхъ, отлученной жены для такого виднаго человѣка, какимъ былъ Ягужинскій, представляло многія неудобства, такъ или иначе связывало его. Надо было отдѣлаться отъ обузы окончательно, чтобы она не мозолила глазъ, чтобы самая память о ней сгладилась. И Ягужинскій доводитъ дѣло до такого вожделѣннаго конца. Спустя мѣсяцъ послѣ утвержденнаго синодомъ развода, онъ проситъ «у всемилостивѣйшей государыни императрицы о позволеніи отсылки жены его въ Александрову слободу, въ монастырь, на которое прошеніе ея величество всемилостивѣйше соизволила». Соизволеніе это доведено до свѣдѣнія синода, который и привелъ его безпрекословно въ исполненіе. При исполненіи послѣдовала только пе-

ремѣна мѣста заточенія: — вмѣсто Адександровско-слободскаго монастыря, несчастную сослали въ болѣе «крѣпкожительной» Өедоровскій, Переяславль-Залѣсскій дѣвичь монастырь.

А не далѣе, какъ черезъ три дня послѣ заточенія жены, Ягужинскій уже исходатайствовалъ себѣ въ синодѣ разрѣшеніе на «второбрачное сочетаніе». Такъ ему не терпѣлось, потому что у него давно уже была на примѣтѣ новая невѣста, указанная и посватанная самимъ Петромъ. То была графиня А. Г. Головкина, дочь канцлера, «одна изъ самыхъ пріятныхъ и образованнѣйшихъ дамъ въ Россіи», по свидѣтельству Берхгольца. Она говорила «въ совершенствѣ по-нѣмецки и очень хорошо по-французски, принадлежала къ искуснѣйшимъ танцовщицамъ и была очень веселаго характера». Не удивительно было плѣниться такой прелестной, свѣтской, развитой дѣвушкой и, ради ея обладанія, поторопиться сбыть съ плечъ надоѣвшую, больную, старосвѣтскую жену, не выдерживавшую, конечно, никакого сравненія со своей молоденькой соперницей. Въ концѣ октября разведенную жену Ягужинскаго увезли въ монастырь, а 10-го ноября того-же года состоялась уже пышная свадьба его съ Головкиной. Надо признать, что въ тѣ времена, по выраженію поэта, «и жить торопились и чувствовать спѣшили».

Это былъ, кажется, первый у насъ формальный разводъ въ XVIII столѣтіи. По крайней мѣрѣ, онъ первый приведенъ въ извѣстность исторіей. За нимъ послѣдовало много другихъ, изъ которыхъ особенно памятенъ разводъ Ганнибала, прадѣда поэта Пушкина, кончив-

шійся тоже заточеніемъ отлученной жены въ монастырь *). Такой финалъ былъ тогда почти неизбѣжной развязкой всѣхъ супружескихъ разладовъ, аналогичныхъ по мотивамъ и по страдательной въ этихъ случаяхъ роли женщины, пока она, наконецъ, не отвоевала себѣ нѣкоторыхъ правъ на независимость, что случилось уже гораздо позже.

Свѣтлый образъ отшельницы, «уневѣстившейся Христу» по внутреннему призванію, слѣдуетъ искать, конечно, не среди насильственно постриженныхъ и заточенныхъ въ монастыри жертвъ мужскаго произвола, родительскаго-ли, или супружескаго. Эти несчастныя невсегда безропотно покорялись своей участи и далеки были отъ смиренія. Нерѣдко подъ монашеской рясой онѣ думали о мірской «прелести», питали плотскія, грѣшныя вожделѣнія и мятежныя страсти, безоглядно имъ предаваясь тайкомъ при первомъ удобномъ случаѣ. Болѣе энергичныя и страстныя натуры не о покаяніи помышляли, не «спасались», а тѣмъ или инымъ, иногда явно крамольнымъ и беззаконнымъ, путемъ рвались изъ тѣсной кельи на свободу, искали случаевъ возвратить себѣ прежнее положеніе.

Петръ, давая наказъ къ крѣпкому, почти тюремному содержанію въ монастырѣ насильно постриженной крамольной сестры, царевны Софьи, воспрещалъ, между прочимъ, пускать въ монастырскую церковь на богослуженіе пѣвчихъ и мотивировалъ этотъ запретъ такъ:

---

*) См. мою статью: „Дѣдъ Пушкина“ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1886 г.

—«поютъ и старицы хорошо, лишь-бы вѣра была, а не такъ, что въ церкви поютъ *Спаси отъ бѣдъ*, а въ паперти деньги на убійство даютъ». Это былъ рѣзкій намекъ на интриги сестры, которыя она вела, будучи уже монахиней. Въ подобныхъ стремленіяхъ, какъ ни были онѣ большею частью безсильны и неосуществимы, выражался такъ или иначе протестъ, который, разумѣется, шелъ въ разрѣзъ съ монашескимъ призваніемъ, смиреніемъ и аскетизмомъ. Какъ всякія вынужденныя, подневольныя положенія, эти непризванныя, заточенныя отщельницы были плохими монахинями, за рѣдкими изъятіями, да иначе это и не могло-бы быть.

Типъ богомольной отшельницы, по натурѣ, по внутреннему душевному складу и призванію, всегда и вездѣ существовалъ. Типъ этотъ, сравнительно, рѣдкій, почти исключительный, но онъ не можетъ считаться аномаліей. Что бы ни говорили раціоналисты противъ религіознаго аскетизма, сколько-бы ни отрицали монастырь и монашество, но нельзя-же не признать, помимо внѣшнихъ условій, несомнѣннаго существованія психологической потребности отшельничества въ самой натурѣ человѣка. Есть индивидуумы, въ которыхъ эта потребность составляетъ преобладающую склонность въ ихъ душевномъ складѣ, окрашиваетъ все ихъ міросозерцаніе, сообщаетъ особый характеристическій тонъ всей ихъ личности и жизни. Ихъ называютъ иногда «созерцательными натурами» «не отъ міра сего» и, дѣйствительно, въ ихъ душѣ лежитъ мистическое настроеніе, устремляющее мысль и чувство къ небу и его тайнамъ; они тяготятся жизнью, питаютъ отвращеніе къ ея не-

ряшливой суетности, къ ея страстямъ и злобамъ, и, вслѣдствіе этого, рвутся уйти изъ нея и уединиться.

Можно-ли отрицать существованіе такихъ личностей, и кто ихъ не встрѣчалъ? Съ другой стороны, можно-ли отрицать, что самая жизнь, съ ея безпощадной борьбою, создаетъ для такихъ людей невыносимыя положенія, выбрасываетъ ихъ за свой бортъ и дѣлаетъ лишними? Куда-же имъ дѣваться?—Христіанское ученіе, съ его всеобъемлющимъ человѣколюбіемъ, проницательно угадало духовную сущность и судьбу этихъ пасынковъ жизни, и—церковь стала ихъ убѣжищемъ, по слову Христа: «пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся, и азъ упокою вы». Отреченіе отъ міра и его «прелести», для молитвы, поста, смиренія и милосердія церковь возвела въ высокій подвигъ, и, безъ сомнѣнія, монашество, въ его чистомъ видѣ, со всецѣлымъ посвященіемъ личности любви и труду на благо ближнимъ и во славу Божію, представляетъ собою одинъ изъ прекраснѣйшихъ образовъ героизма и подвижничества.

Святость, кротость и самоотверженная любовь, соединенныя съ граціей въ лицѣ женщины въ смиренной рясѣ, производили нерѣдко, въ соприкосновеніи съ міромъ и его страстями, чарующее миротворное дѣйствіе. Этому моральному обаянію могли подчиняться даже такіе крутые, необузданные характеры, каковъ былъ, напр., Петръ В. Исторія сохранила трогательное преданіе, что Петръ, до крайности раздраженный кознями сестры, царевны Софьи, придя къ ней въ келью, послѣ бурной сцены, въ порывѣ гнѣва бросился на нее съ обнаженной саблей, но его остановила юная послушница. Она упала къ

его ногамъ и, ухватясь за нихъ, со слезами умолила царя опомниться. И онъ опомнился и укротился, а потомъ никогда уже не забывалъ ту, которая своей ангельской смѣлостью удержала его отъ страшнаго шага Послушница, въ постриженіи Евфросинья, сдѣлана была впослѣдствіи игуменьей знаменитаго и богатаго Новодѣвичьяго монастыря и правила имъ до глубокой старости.

Впрочемъ, можно, не постригаясь и не затворяясь въ монастырь, жить на мірү совершенно помонашески, какъ это и дѣлала нерѣдко, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, русская женщина. Яркій примѣръ тому дала одна изъ знаменитѣйшихъ русскихъ женщинъ прошлаго столѣтія, графиня Е. И. Головкина, дочь князя Ромодановскаго, оставившаго по себѣ такую мрачную, недобрую память.

Графиня много испытала въ своей жизни тяжелаго горя. Молодость ея была счастливая и блестящая. По рожденію, по воспитанію и красотѣ, а также по близости отца къ царю, Екатерина Ивановна занимала видное мѣсто среди придворныхъ дамъ петровскаго высшаго общества. Самъ Петръ ее отличалъ и ласкалъ, сосваталъ ей жениха по сердцу и былъ «маршаломъ» на ея свадьбѣ. Ея мужъ, графъ М. Г. Головкинъ, сынъ канцлера, принадлежалъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени, и ему предстояла блистательная карьера. Онъ былъ дипломатъ и въ моментъ женитьбы состоялъ уже «министромъ» (т. е. посланникомъ) въ Берлинѣ. Екатерина Ивановна счастливо прожила съ нимъ почти двадцать лѣтъ; но съ воцареніемъ Елизаветы Пе-

тровны надъ ними разразилась опала. Мужъ графини, замѣшанный въ дѣлѣ Миниха и Остермана, былъ осужденъ на вѣчную ссылку въ далекій острогъ за Якутскомъ, среди дикой, суровой и безлюдной страны.

Съ этой минуты начинается подвижничество Головкиной. Императрица, считавшая ее непричастной преступленію мужа, благосклонно предоставляла ей пользоваться прежними правами и положеніемъ, но Екатерина Ивановна просила одной милости—«быть ей съ мужемъ неразлучно» и раздѣлить его судьбу. Милость эта была ей оказана. Цѣлыхъ два года, среди тягостныхъ условій и лишеній, ѣхали несчастные до назначеннаго мѣста ссылки, а затѣмъ послѣдовали четырнадцать лѣтъ заточенія подъ строгимъ тюремнымъ надзоромъ. Графиня не только сама все это безропотно перенесла, но и сообщила мужу душевную силу и твердость въ перенесеніи испытанія. Только благодаря ея самоотверженной любви и неусыпной, нѣжной заботѣ, онъ, человѣкъ слабохарактерный, измученный нравственными страданіями и хронической болѣзнью, подавленный несчастьемъ, былъ въ состояніи уцѣлѣть подъ ударами судьбы. Жена все время была для него истиннымъ ангеломъ хранителемъ, посвящая ему съ безграничной преданностью всю себя и всѣ свои силы. Ея попеченіямъ онъ былъ обязанъ, между прочимъ, и исцѣленіемъ отъ тяжкаго недуга.

Екатерина Ивановна сохранила преданность къ памяти мужа и послѣ его смерти. Когда онъ умеръ на ея рукахъ въ ссылкѣ, она похоронила его въ избѣ, въ которой они жили, и обратила ее въ свою молельню, гдѣ и проводила долгіе часы въ молитвѣ, орошенной горь-

кими вдовьими слезами. Въ то-же время она хлопотала о предоставленіи ей новой милости — позволенія перевезти съ собой изъ сибирскихъ тундръ прахъ мужа на родное пепелище. Ей это было разрѣшено. Облитый воскомъ трупъ мужа графиня перевезла въ Москву и погребла его въ Георгіевскомъ монастырѣ, гдѣ находилась фамильная усыпальница князей Ромодановскихъ.

Поселившись въ Москвѣ, Екатерина Ивановна зажила совершенно помонашески, но безъ ханжества и не чуждаясь людей, особенно тѣхъ, которымъ она могла быть полезна. Каждый день она ѣздила въ Георгіевскій монастырь на богомолье и для поминанья мужа. Кромѣ этого паломничества, она никуда и ни къ кому почти не выѣзжала, отдавая все свое время молитвѣ, чтенію и широкой благотворительности. Домъ графини былъ открытъ для всѣхъ нуждающихся, бѣдняковъ и нищихъ, и ни одинъ изъ нихъ не возвращался съ пустыми руками, не накормленный, не удовлетворенный въ своей просьбѣ. Екатерина Ивановна благотворительствовала съ искреннимъ увлеченіемъ, и слава ея милосердія гремѣла по всей Москвѣ.

Славилась она не за одно это. Она была истинно добродѣтельной женщиной во всѣхъ отношеніяхъ. Ея отшельническій, строгій образъ жизни, глубокое благочестіе и набожность, безконечная сердечная доброта и дѣятельное человѣколюбіе сіяли тѣмъ ярче, что доживать свой вѣкъ ей пришлость въ дни Екатерины II, среди общества, далеко не отличавшагося высокимъ нравственнымъ уровнемъ. Общество это, однако, само погрязшее въ порокахъ грубаго эпикурейства и себя-

ıюбія, сохранило въ себѣ чутье правды и умѣло цѣнить ;обродѣтели. Вся тогдашняя роскошная, барская и гор;ая Москва поклонялась Головкиной и почтительно уважала святость ея жизни.

Сама императрица, очень чуткая въ пониманіи люей, обратила благосклонное вниманіе на графиню-отшельницу и отличила ее царственными милостями—юзвратила ей достоинство статсъ-дамы и большую часть :онфискованнаго передъ тѣмъ имѣнія ея мужа. Екатеıина Ивановна дожила до глубокой старости, не измѣнивъ себѣ до конца. Когда она умерла, одинъ изъ современныхъ писателей, Иванчинъ-Писаревъ, замѣтилъ то ея могила «современемъ обратится въ нѣкоторую вятыню для супруговъ: къ ней будутъ приходить нобрачные мѣняться клятвами въ любви загробной». Но 'оловкина была выше этой сентиментальной похвалы. ǐромѣ достоинствъ вѣрной, преданной супруги, она выолнила высокую нравственную роль женщины, какъ лена общества. Она горячо любила родину, сочувствоала ея прогрессу и просвѣщенію, радовалась успѣхамъ усской литературы и со вкусомъ цѣнила все, что явялось въ ней выдающагося и талантливаго, расточала ругомъ себя добро, а своей свѣтлой личностью и святостью своей жизни производила благотворное женственое обаяніе на общество. Въ ней мы видимъ прекрасое соединеніе добродѣтелей старорусской теремной женщины съ культурностью и умственнымъ развитіемъ :енщины новой, петровскаго типа.

Другая, не менѣе знаменитая своимъ несчастьемъ и воимъ подвижничествомъ, русская свѣтская женщина

прошлаго столѣтія также кончила отшельничествомъ Говоримъ о княгинѣ Натальѣ Борисовнѣ Долгорукой, судьба которой хорошо извѣстна. Раздѣливъ въ ранней молодости опалу и ссылку мужа, оплакавъ его смерть подъ топоромъ палача, княгиня, не видѣвшая ни одной радости въ своей жизни, улыбавшейся ей на зарѣ блескомъ и счастьемъ, добровольно заключилась въ кіевскомъ Фроловскомъ монастырѣ, гдѣ вскорѣ и постриглась подъ именемъ Нектаріи. Здѣсь видѣлъ ее въ дѣтствѣ внукъ ея кн. И. М. Долгорукій, извѣстный писатель, и сохранилъ до конца жизни благоговѣйную о ней память. «Я, — писалъ онъ позднѣе, — два раза былъ въ Кіевѣ и падалъ съ умиленіемъ на могилу ея, которая сравнена съ землею и ничѣмъ по волѣ ея не украшена». Въ первую свою поѣздку онъ нашелъ еще въ монастырѣ «престарѣлыхъ сиротокъ, которыя жили при княгинѣ и плакали объ ней ежедневно предъ престоломъ Божіимъ». Наталья Борисовна въ схимѣ широко благотворительствовала и обогатила свой монастырь— построила въ немъ церковь, завѣщала ему капиталъ и драгоцѣнные образа своей молельной. «Всякій, кто чтитъ память великихъ женъ, — заключаетъ князь, — придетъ сюда вспомнить схимонахиню Нектарію и память ея увѣнчаетъ похвалами».

Надо замѣтить, что кіевскій Фроловскій монастырь служилъ въ прошломъ столѣтіи убѣжищемъ для многихъ знатныхъ русскихъ женщинъ. Довольно сказать, что его игуменьями послѣдовательно были: Милославская, графиня Апраксина и княгиня Шаховская, лично извѣстная императрицѣ Екатеринѣ, которая ее уважала

отличила наперснымъ крестомъ и екатерининскимъ
деномъ.

Въ томъ-же монастырѣ кн. Долгорукій засталъ въ
слѣ монахинь «интересную сумасбродку», какъ онъ ее
зываетъ. Это была жена Рахманова, урожденная Пас-
къ, молодая еще и красивая женщина, недавно бли-
авшая въ московскомъ свѣтскомъ обществѣ въ ореолѣ
лавы и обольщенія». Въ монастырь ее «привлекла не
ра, а обманутая страсть», какъ утверждаетъ князь, по-
ятившій молодой отшельницѣ, когда-то «владычицѣ
осквы», чувствительную элегію. Въ свѣтѣ, по его сло-
мъ, она имѣла «видъ прелестный, въ Россіи до нея
ва-ль кому извѣстный», и, всегда окруженная толпой
ельможескихъ сыновъ», любила ихъ опутывать «златы-
оковами» кокетства. Сама она «платила дань стра-
ямъ и чувственно жила», но кончила душевнымъ раз-
ройствомъ; свѣтъ отъ нея отрекся, и она попала въ
настырскую келью, едва-ли по доброй волѣ.

Среди культурныхъ, свѣтскихъ женщинъ минувшаго
ка было не мало такихъ жертвъ грѣховно-драматиче-
ой игры страстей. И многія изъ нихъ бросали обма-
вшій ихъ свѣтъ, кончали покаяніемъ и отшельниче-
вомъ. Тотъ-же князь Долгорукій разсказываетъ о кня-
нѣ М. И. Несвицкой, которая, выйдя замужъ по стра-
и, послѣ недолгой веселой и счастливой супружеской
изни и имѣя уже двухъ дѣтей, «разъѣхалась» съ му-
мъ. Мужъ ее преслѣдовалъ исками и доносами, ото-
алъ у нея дѣтей и имѣніе, позорилъ ее. Положеніе
счастной княгини было тяжелое и безвыходное, и
тя, послѣ долгаго процесса, ей была оказана справед-

ливость, но «горести и удрученія разнаго рода лиши ее здоровья, бодрости духа и веселости». Свѣтъ ее з былъ, чему она была рада, стала жить уединенно, как монахиня, и отдавала всѣ свои досуги молитвѣ и бл готворительности.

Бывали тогда и другіе, отнюдь не личные повод добровольнаго отшельничества и принятія женщина монашеской, формальной-ли, или только духовной схим отъ живыхъ мужей.

Чрезвычайно интересный примѣръ въ этомъ отно шеніи представляетъ одна жертва свирѣпой тайной кан целяріи временъ Петра I. Простая женщина, натура эк зальтированная въ религіозномъ чувствѣ, она фанати чески отдалась одной странной, но трогательной идеѣ:— ей хотѣлось умолить Бога, чтобы онъ вразумилъ цар Петра Алексѣевича на путь истины и внушилъ-бы ему кротость по отношенію къ гонимымъ раскольникамъ, а раскольники, съ своей стороны, чтобы образумились и соединились съ православной церковью. Страстно отдав шись своей маніи, Алена Ефимова (такъ звали эту вос торженную женщину) бросила мужа и нашла себѣ по душѣ пріютъ въ московскомъ Рождественскомъ дѣвичь емъ монастырѣ, благодаря христолюбивому гостепріим ству старушки-монахини Досифеи, пользовавшейся боль шимъ вліяніемъ за свое благочестіе, милосердіе и стро гую жизнь. Живя въ монастырѣ, Алена сочинила ори гинальную молитву, въ которой наивность пылкой вѣры соединялась съ поэтическимъ чувствомъ.

Вотъ эта, замѣчательная въ своемъ родѣ, молитва «Услышь святая, соборная церковь, со всѣмъ херувим

имъ престоломъ и съ евангеліемъ и сколько въ томъ ангеліи святыхъ словъ, — всѣ вспомяните о нашемъ рѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! Услышь святая, соборная, остольская церковь, со всѣми честными иконами и лкими образами, со всѣми съ апостольскими книгами, съ паникадилами, и съ мѣстными свѣщами, и со свями пеленами, и съ честными ризами, съ каменными ѣнами и желѣзными плитами, со всякими плодонослми древами.... О, молю и прекрасное солнце, возмось Царю небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ! О, адъ-свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами! О, небо съ облака! О, грозныя тучи съ буйными вѣтрами и вихрями! птицы небесныя и поднебесныя! О, синее море, съ лкими источниками и съ малыми озерами! Взмолите Царю Небесному о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ и рыбы рскія, и скоты польскіе, и звѣри дубровные, и поля, вся земнородныя, взмолитеся о царѣ Петрѣ Алексѣечѣ».

Молитву эту, написанную на бумагѣ, Алена зашила пелену между верхомъ и подкладкой, а самую пеле отдала въ Успенскій соборъ попу съ тѣмъ, чтобы ъ надъ ней читалъ втеченіе 6-ти недѣль акафистъ за равіе его величества и за эту требу внесла шесть тынъ, да ефимокъ. Священникъ, конечно, ничего не алъ ни о молитвѣ, зашитой въ пеленѣ, ни о задувной миссіи Алены. Все это раскрылось позднѣе въ стѣнкѣ тайной канцеляріи, куда Алена попала по икосновенности къ обширному и нелѣпо-жестокому лу о кликушахъ и раскольникахъ. Алена хотя не была кликушей, ни раскольницей,—вся вина ея состояла

лишь въ пламенной и очень симпатичной, по мысли, но простосердочной и суевѣрной молитвѣ,—тѣмъ не менѣе, повисѣла и на дыбѣ, перенесла и всѣ истязанія пытки, потомилась и въ казематѣ, а послѣ суда была заточена въ дальній вологодскій монастырь.

Изъ свѣтскихъ женщинъ чаще всего предавались отшельничеству вдовы, нерѣдко молодыя еще и не бездѣтныя. Такъ, въ концѣ уже столѣтія очень славилась въ Нижнемъ Новгородѣ игуменья мѣстнаго дѣвичьяго монастыря, Дорофея, женщина образованная, съ высокими нравственными правилами, добродѣтельная и плѣнительная. Ея постриженіе послужило темой для цѣлой оды, сдѣлавшей ея имя извѣстнымъ въ литературѣ. Она происходила изъ дворянскаго рода Мартыновыхъ, выросла и воспиталась въ Пензѣ, гдѣ ее и выдали замужъ въ ранней юности за чиновника Новикова, котораго она не любила, но была ему вѣрной, доброй женой. Они прижили нѣсколькихъ дѣтей. Въ Пензѣ она была украшеніемъ общества и любила свѣтскую жизнь, но, когда мужъ умеръ, заперлась у себя въ домѣ, стала вести отшельническую жизнь и, наконецъ, не имѣя еще сорока лѣтъ, постриглась въ монахини. Ея искренняя религіозность, умъ, образованіе и доброта обратили на нее вниманіе высшаго духовенства: она была сдѣлана игуменьей и переведена настоятельницей въ первоклассный нижегородскій монастырь.

Монастырская жизнь въ тѣ времена была очень суровая, за рѣдкими исключеніями, потому уже, что большинство монастырей были крайне бѣдны. Постъ часто былъ невольный, за скудостью средствъ. Такую мона-

ескую скудость испытывали иногда не однѣ простыя ахини. Сохранились жалобы опальной сестры Петра, вны Мароы, въ постриженіи Маргариты, заточен- въ Успенскій монастырь въ Александровской сло- , на «великую нужду въ кушаньѣ того ради, что денегъ, ни запасовъ» не имѣлось. «А когда мнѣ,— ла царевна князю Ѳ. Ю. Ромодановскому, — изъ квы привозили запасы — и то все гнилое, вонючее, къ пришла съ Москвы щучины и стерлядины въ не бирала, окуней также въ ротъ не бирала того , что зимою привозили перемерзлые, а лѣтомъ про- ые, масло орѣховое и коровье горькое, да гнилое— отъ нельзя взять, также и на питье солодъ и мука лые, брашки и кислыхъ штей, какъ сдѣлаютъ, и ть нельзя»...

Другая невольная монастырская отшельница изъ выс- слоя, княжна Прасковья Юсупова, заточенная въ винскую Введенскую обитель по повелѣнію импе- рицы Анны Ивановны, впала отъ скорби и нужды глубокую и раздражительную тоску. — «Первый им- торъ, Петръ Великій, меня жаловалъ и въ голову овалъ, — роптала княжна — а теперь меня вотъ въ й монастырь сослали, а я вины за собой никакой знаю... Можно-бы ей, государынѣ, сослать меня въ астырь, который былъ-бы отъ Москвы поближе, а такой, въ какомъ я нынѣ обрѣтаюсь,—здѣсь не мо- ырь, а шинокъ»...

Въ этихъ жалобахъ нужно искать объясненія — по- знатныя и богатыя женщины того времени, при- шія къ культурной жизни и къ обществу образо-

ванныхъ людей, предаваясь отшельничеству, по самому искреннему даже религіозному влеченію, часто избѣгали постриженія и схимы въ монастыряхъ, а устроивали себѣ уединенную «пустыню» въ своихъ домахъ или помѣстьяхъ. Уединиться отъ людей, уйти изъ міра и закрыть глаза на всѣ его соблазны и прелести, можно вездѣ, а не за одной лишь монастырской стѣной. Равнымъ образомъ—всецѣло отдаться служенію церкви есть возможность и не принадлежа къ духовному сословію. Яркій и поразительный примѣръ всего этого показала хорошо извѣстная графиня Орлова, поклонница знаменитаго архимандрита Фотія, создательница одного изъ богатѣйшихъ у насъ монастырей, всю жизнь и все огромное состояніе свое посвятившая на душеспасительныя дѣла. Впрочемъ, этотъ замѣчательный женскій типъ принадлежитъ уже больше нынѣшнему вѣку, чѣмъ прошлому.

XVII.

Субретка.

Задавшись мыслью очертить въ нашихъ этюдахъ ьтурный типъ русской женщины прошлаго столѣтія всѣхъ его бытовыхъ подробностяхъ и общественно-ейныхъ положеніяхъ, мы не можемъ обойти и ту новидность этого типа, которая отвѣчаетъ западному ятію *субретки*. И это тѣмъ болѣе, что въ предста-ельницахъ этой разновидности мы встрѣчаемся съ мыми дочерями народа, съ крестьянками, и она яв-гся, вслѣдствіе этого, какъ-бы первой ступенью и то же время связью между двумя, рѣзко разграни-ными историей и культурой, соціальными типами ской женщины—«барыни» и «мужички».

Въ прошломъ столѣтіи «мужичка», крестьянка, только аясь субреткой, выходила изъ примитивнаго состоя-и могла достигать извѣстной степени умственнаго зитія, могла цивилизоваться и въ той или другой іени пользоваться благами просвѣщенія. Обольщаться, очемъ, этими преимуществами и, вообще, культур-

ностью нашей героини довольно мудрено; мы знаемъ, что они доставлялись ей для нея лично, не въ интересѣ распространенія просвѣщенія въ народной массѣ, а ради одной барской прихоти и рабовладѣльческаго эгоизма. Нашимъ объевропеившимся крѣпостникамъ, съ изысканными вкусами и потребностями элегантной жизни, естественно, нужны были, для собственнаго комфорта, для удовлетворенія своихъ сибаритскихъ капризовъ, цивилизованные, изящные рабы, искусные на всѣ руки.

Такимъ образомъ, сотни и тысячи крестьянскихъ дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, рекрутировались, по барскому приказу, въ деревняхъ, вырывались изъ подъ семейнаго крова и поступали на выучку частію въ господскія «лакейскія« и «дѣвичьи», частію къ разнымъ мастерамъ и «мадамамъ»—хозяевамъ ремесленныхъ заведеній и магазиновъ въ столицахъ. Кромѣ того, многія изъ этихъ дѣтей народа получали извѣстное образованіе, выучивалиеь разнымъ изящнымъ художествамъ, чтобы служить потомъ интеллектуально-эстетическимъ потребностямъ своихъ высоко-развитыхъ господъ.

У цивилизованнаго барина, обстоятельнаго и экономнаго хозяина, обыкновенно, были свои крѣпостные секретари, гувернеры, музыканты, актеры, оперныя и балетныя артистки, случалось, бывали даже свои крѣпостные поэты, композиторы и ученые. Разсчетливый помѣщикъ и его семейство, съ интеллигентными наклонностями, могли, не выѣзжая изъ своей деревни, наслаждаться всѣми родами искусства на европейскій аршинъ, могли, наконецъ, въ средѣ своихъ холоповъ находить для себя пріятныхъ, развитыхъ собесѣдниковъ, пред

ставлявшихъ то немалое преимущество, что съ ними можно было не церемониться и не опасаться отпора своимъ капризамъ и предразсудкамъ.

Эти то исключительныя условія, вытекавшія изъ крѣпостнаго рабства, создали русскую субретку—типъ своеобразный, интересный и симпатичный, но рисующійся на мрачномъ фонѣ и въ положеніи, исполненномъ драматизма, не смотря на его кажущуюся водевильность. Говоря, въ общихъ чертахъ, это—было милое, кроткое, изящное, веселое существо, въ той или другой степени интеллигентное и уже несомнѣнно съ болѣе или менѣе развитымъ чувствомъ своего человѣческаго достоинства, которое, однако-жъ, постоянно въ немъ должно было оскорбляться обычнымъ «господскимъ» произволомъ, если не жестокостью, всего же чаще взбалмошнымъ, ничѣмъ не стѣсняемымъ въ этомъ случаѣ, своенравіемъ, такъ нерѣдко отличавшимъ нашихъ свѣтскихъ барынь и барышенъ. Госпожи эти, плѣнявшія въ салонѣ и на паркетѣ своей «ангельской» кротостью, чувствительностью и жеманной нѣжностью, обыкновенно, у себя въ уборныхъ, съ глазу на глазъ со своими крѣпостными горничными и прислужницами, превращались въ грубыхъ, требовательныхъ, самодурствующихъ фурій. Такъ, по крайней мѣрѣ, бывало въ большинствѣ случаевъ, да иначе и быть не могло тамъ, гдѣ въ основѣ отношеній «господъ» со слугами лежало глубокое рабство.

Еще болѣе драматизма въ судьбѣ нашей субретки придавало то обстоятельство, что она не смѣла жить личной жизнью, жить для себя. Вся она, всѣ ея способности, знанія и искусства,—все это принадлежало нераздѣльно

ея госпожѣ, и могло проявляться и функціонировать только лишь въ области господской службы, господскихъ желаній и прихотей. Вѣчно запертая въ четырехъ стѣнахъ дѣвичьей, подъ неослабнымъ присмотромъ какой нибудь вѣрноподданной старой ключницы, вѣчно за пяльцами, за шитьемъ или за иной работой по части туалета и гардероба барыни, вѣчно подъ грозой барскихъ капризовъ, вспышекъ и взысканій, она была осуждена на пожизненное въ своемъ родѣ, тюремное заключеніе въ «работномъ домѣ».

Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что она была гораздо болѣе рабыня, чѣмъ деревенская крѣпостная женщина, и угнетена она была несравненно болѣе, чѣмъ ея товарищъ, по судьбѣ, дворовый человѣкъ. Ни на комъ и никогда крѣпостное право не лежало такимъ тяжкимъ гнетомъ, не сковывало такъ личность и волю! Даже сердцемъ своимъ это несчастное существо не имѣло права располагать: безъ спроса и милостиваго позволенія барыни затворница дѣвичьей не смѣла отдать свое сердце тому, кого полюбила, а нерѣдко была принуждаема барскимъ произволомъ раздѣлить рабью судьбу съ человѣкомъ, ей немилымъ. Сколько бывало такихъ примѣровъ, что барыня, прогнѣвавшись на свою по-городски-воспитанную, избалованную и развитую горничную, ссылала ее куда-нибудь на скотный дворъ и насильно выдавала за какого нибудь презрѣннаго полу-идіота-свинопаса! А сколько и такихъ не менѣе драматическихъ бывало примѣровъ, гдѣ героиня наша насильственно подвергалась позору, дѣлаясь жертвой разнузданности и властолюбія барина и барчуковъ, сплошь

и рядомъ относившихся къ дѣвичьимъ, какъ къ своимъ крѣпостнымъ гаремамъ!

Нужно помнить, что женская прислуга въ барскихъ домахъ всегда комплектовалась изъ самыхъ красивыхъ, цвѣтущихъ крестьянскихъ дѣвушекъ, въ угоду прихотливо-эстетической разборчивости интеллигентныхъ господъ. Для той-же цѣли этихъ дѣвушекъ культивировали, выправляли въ школѣ внѣшняго изящества и жеманства, развивали ихъ умственно и облагороживали. Эта утонченная дрессировка дѣлала однако-жъ то, что тысячи подобныхъ дѣвушекъ, со стороны культурной, становились ни павами, ни воронами, превращаясь въ какихъ-то «барышень-крестьянокъ» и «бѣлоручекъ», ни къ чему не способныхъ внѣ дѣвичьей и барской уборной. Онѣ навсегда отрывались духовно отъ родной среды и относились брезгливо къ «мужику», къ «деревенщинѣ» и вообще къ крестьянскому быту.

Образъ такой «барышни-крестьянки» останавливалъ на себѣ вниманіе писателей тѣхъ временъ, но только никто изъ нихъ, кажется, не подмѣчалъ его драматическихъ чертъ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Были писатели, которые драматизировали, правда, положеніе нашей героини, но—искусственно, больше на заимствованный, мольеровскій ладъ. Самый типъ этотъ, въ представленіи тогдашнихъ нравоописателей и беллетристовъ, отвлекался отъ русской дѣйствительности и рисовался въ манерныхъ, сентиментальныхъ очертаніяхъ, на заморскій вкусъ. Съ своей стороны и великосвѣтскія барыни, подъ вліяніемъ французской литературы, старались превратить своихъ горничныхъ, именно, въ *субретокъ*, какія выведены, напр.,

въ комедіяхъ тогдашняго репертуара. Тутъ какая нибудь Маша, Саша или Параша являлась близкой повѣренной и наперсницей своей госпожи, принимала дѣятельное участіе въ ея сердечныхъ и семейныхъ дѣлахъ, вела интригу въ ея интересѣ и, отличаясь смышленностью, бойкостью и остроуміемъ, дурачила всѣхъ окружающихъ, устраивала судьбу своей барыни или барышни, а при этомъ и о себѣ не забывала. По крайней мѣрѣ, въ такомъ свѣтѣ выставлялась русская субретка на сценѣ, гдѣ ей отводилась очень видная роль и гдѣ она фигурировала отнюдь не въ зависимомъ, приниженномъ положеніи домашней крѣпостной служанки-рабыни, а почти какъ ровня «господамъ», нерѣдко даже помыкающая ими, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ она оказывалась умнѣе и интеллигентнѣе всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Интересно прослѣдить особенности и свойства этого типа въ русской комедіи XVIII столѣтія. Онъ присутствуетъ почти въ каждой салонной пьесѣ того времени, взятой изъ жизни свѣтскаго интеллигентнаго общества. Коль скоро выводилась на сцену, въ качествѣ героини комедіи, молодая свѣтская женщина, барыня или барышня, ее неизбѣжно должна была сопровождать ея субретка— горничная, ловкая, бойкая на языкъ, лукавая и затѣйливая въ дѣлѣ интригъ. Безъ дѣятельнаго участія субретки не могъ устроиться счастливый романъ героевъ пьесы; зная сердечные секреты своей госпожи, какъ ея повѣренная и руководительница, она служитъ посредницей для влюбленныхъ, содѣйствуетъ ихъ свиданіямъ, переноситъ ихъ записочки, искусно отводитъ глаза отъ

этихъ шашней подозрительной маменьки или тетеньки, выпроваживаетъ немилыхъ для ея барышни претендентовъ на ея руку и, дипломатично преодолѣвъ и разрушивъ всѣ препятствія, мѣшающія счастью влюбленныхъ, устраиваетъ, наконецъ, ихъ свадьбу. Это, словомъ, добрая фея, въ рукахъ которой всѣ пружины и нити великосвѣтскаго романа, и безъ ея помощи и участія героиня послѣдняго просто, кажется, шагу не умѣла-бы ступить. Въ нѣкоторыхъ пьесахъ, впрочемъ, субретка, выставленная алчной къ подаркамъ, продажной и коварной, играетъ роль злого генія своей госпожи, стараясь разстроить ея романъ съ очаровательнымъ «Милономъ» и посватать за антипатичнаго, стараго селадона «Пролаза».

Въ большинствѣ обозрѣваемыхъ пьесъ происходитъ двойная любовная интрига: барышни съ кавалеромъ, какимъ нибудь восхитительнымъ графомъ, и субретки съ камердинеромъ послѣдняго, ловкимъ и образованнымъ молодымъ человѣкомъ. Обѣ пары одновременно обрабатываютъ свои сердечныя дѣлишки, но большею частью подъ руководствомъ хитрой субретки, успѣвающей и госпожу выдать замужъ по любви, и самой сдѣлать выгодную и пріятную для себя партію.

Типъ этотъ, поставленный чаще всего водевильно является, повторяемъ, во всѣхъ почти комедіяхъ русскаго репертуара прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, и занимаетъ въ немъ очень видное мѣсто, хотя и не блещетъ разнообразіемъ красокъ и драматическихъ положеній; чаще всего онъ баналенъ, какъ слишкомъ избитое общее мѣсто. Субретку мы встрѣчаемъ, между

прочимъ, въ оригинальныхъ комедіяхъ Сумарокова, Лукина, Клушина, Княжнина, Николева и др., наконецъ, въ драматическихъ опытахъ императрицы Екатерины и, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ комедіяхъ Крылова, Кокошкина, Хмѣльницкаго, а также въ «Горе отъ ума» геніальнаго Грибоѣдова, обезсмертившаго этотъ типъ въ лицѣ бойкой вострушки Лизы.

Въ большинствѣ случаевъ субретка ставилась въ необходимость, по своей-ли инициативѣ, или по просьбѣ своей госпожи — героини комедіи, а также ея возлюбленнаго, вести интригу, имѣвшую цѣлью устранить препятствія для союза влюбленныхъ и потомъ, въ концѣ пьесы, соединить ихъ, вопреки желанію родныхъ и опекуновъ барышни. Въ этомъ состояло ея призваніе, ея миссія, и въ такой степени авторы придавали важную роль субреткамъ и камердинерамъ, по части механизма комедіи, что эти лица, по замѣчанію одного компетентнаго историка-критика, «пріобрѣли себѣ роковое значеніе почти равносильное древней судьбѣ».

— Всего можете отъ меня надѣяться!—увѣренно говоритъ субретка въ одной комедіи Лукина въ отвѣтъ своей госпожѣ, потребовавшей у нея помощи своему романическому «предпріятію».—«Вѣрная ваша служанка, —продолжаетъ она, — все для васъ сдѣлать готова, и она довольно уже наслышалась, что наши сестры должны въ пользу влюбленныхъ госпожъ своихъ заложиться, а въ случаѣ нужды и больше того сдѣлать».

Для болѣе успѣшнаго хода интриги, субретки въ комедіяхъ прошлаго столѣтія очень часто переодѣваютсе въ мужчинъ или разыгрываютъ роли барынь, наря-

жаясь въ ихъ костюмы. Это былъ очень наивный пріемъ тогдашней драматургіи; тѣмъ не менѣе, по желанію авторовъ, субретки превосходно, до неузнаваемости, подделывались подъ графинь и графовъ, разыгрывали роли петиметровъ, стихотворцевъ и т. д. Такимъ-же порядкомъ вышецитированная субретка въ комедіи Лукина, нарядившись щеголемъ, говоритъ о себѣ:

— Нарядясь въ мужское платье, чувствую, будто я въ тысячу разъ безстыднѣе стала, и надѣюсь съ довольнымъ успѣхомъ исправить должность повѣреннаго слуги какой нибудь знатной кокетки. Я много ихъ здѣсь знаю, изъ которыхъ каждая мнѣ хорошо заплатитъ, ежели къ ней служить пойду. И коли эти вѣсти, что я слыхала, правдивы, будто-бы холопъ, желая нажить имя исправнаго человѣка, непремѣнно долженъ быть бездѣльникъ, то я могу быть лучшимъ въ Россіи слугою.

Въ другомъ мѣстѣ той-же комедіи, другую субретку Лукинъ, сатирически, какъ видно, относившійся къ этому типу и къ «господамъ», утилизировавшимъ «бездѣльничество» своихъ слугъ, заставляетъ еще ярче выразить свое значеніе въ механизмѣ интриги. Соперница главной героини въ исканіяхъ привязанности героя, жалуется своей служанкѣ на безуспѣшность своего романа и на то, что ее часто обманывали въ любовныхъ дѣлахъ.

— Перестаньте, сударыня, объ этомъ безпокоиться,— съ апломбомъ перебиваетъ ее горничная, — и отдайтесь въ мои руки, а о слѣдствіи ничего не опасайтесь по прежнимъ примѣрамъ. Когда васъ доселева обманывали, тогда меня охранительницею не было. Ежели мнѣ ввѣритесь, то обѣщаю сдѣлать, что Сосипатръ (герой пьесы)

по крайней мѣрѣ столько-же васъ полюбитъ, сколько вы его любите.

— Статное-ли дѣло?—сомнѣвается барыня.

— Я вамъ сказываю, что чрезъ два дня отдамъ его въ ваши руки самымъ страстнымъ любовникомъ въ свѣтѣ. А если мнѣ въ томъ не удастся, тогда извольте меня назвать самою глупою дѣвкою, хотя я, благодаря Бога, отнюдь не такова.

— Ахъ, голубка моя!—восклицаетъ очарованная госпожа. — Сколько много я тобою буду обязана. Всего можешь ты надѣяться отъ моего благодарнаго сердца.

Таково было, можно сказать, стереотипное опредѣленіе роли субретки, ея значенія и вліянія въ тогдашней комедіи, вообще. Въ одной пьесѣ Хмѣльницкаго горничная говоритъ своей барышнѣ, по поводу тѣхъ-же любовныхъ затрудненій: «Я вамъ *протекторша*—и дѣло рѣшено!» Субретка являлась, именно, протекторшей своей госпожи въ каждомъ ея любовномъ «предпріятіи»; она не только помогаетъ ей сойтись съ предметомъ любви, но полновластно руководитъ ея дѣйствіями, учитъ ее, какъ поступать, какъ говорить, контролируетъ, наконецъ, самое ея сердце и дѣлаетъ критику ея вкусамъ. Такъ, Лиза въ комедіи Грибоѣдова, критически относясь къ герою романа своей барышни, Молчалину, а также къ претенденту на ея руку, Скалозубу, напоминаетъ ей о Чацкомъ, о ея прежней привязанности къ нему:

.... будь военный, будь онъ статскій,
Кто такъ чувствителенъ и веселъ, и остеръ,
Какъ Александръ Андреичъ Чацкій!

Не для того, чтобъ васъ смутить —
Давно прошло, не воротить —
А помнится....

говоритъ она Софьѣ, съ тонкой, женской язвительностью давая понять, что госпожа ея измѣнила хорошему человѣку для дряннаго.

Въ комедіи «Свѣтскій случай» Хмѣльницкаго горничная ловитъ свою барышню на поклонѣ черезъ окно какому-то офицеру и, съ суровостью «протекторши», выговариваетъ ей:

Такъ эдакъ-то? Когда ужъ есть у васъ женихъ,
Вы здѣсь изъ-подтишка прельщаете другихъ?...

Смущенная барышня оправдывается и, между прочимъ, возражаетъ:

Ахъ, Даша! Ты сама Столицина (жениха) не любишь;

и когда Даша сознается, что она, точно, не долюбливаетъ этого господина, барышня бросается цѣловать ее отъ восторга, что обѣ онѣ «за одно».

Какъ къ «протекторшѣ», имѣющей такое сильное вліяніе на свою госпожу, къ субреткѣ обращается часто за посредничествомъ и помощью въ любовныхъ исканіяхъ, и самъ герой пьесы, полагаясь на ея умъ, ловкость и «хитрость».

— О, сударь, всѣ мои дарованія къ вашимъ услугамъ! — отвѣчаетъ въ комедіи Крылова, «Проказники», горничная дѣвицы Пріяты искателю ея руки.

«Дарованія» же ея оказываются очень разнообразны и богаты.

— Мы посмотримъ,—говоритъ она,—за что взяться надобно. Если за ученость, то я, дочь школьнаго учителя, была сама ученицей, а потомъ и учительницей, и знаю столько наукъ, сколько нужно, чтобы показать себя ученою невѣжею. Если нужна вѣтренность, такъ и затѣмъ не станетъ дѣло: я ѣздила съ вашею сестрицею по разнымъ землямъ — по Нѣмецкой, по Англійской и три мѣсяца была во Французской: я могу, отъ одного обыкновенія, говорить такъ много по французски, что и лучшій-бы изъ нынѣшнихъ щеголей могъ позавидовать моему знанію. Если нужна мораль, такъ и за тѣмъ дѣло ня станетъ: я читала столько романовъ, что могу безъ затрудненія представить Анжелику.

Ей обѣщаютъ вознагражденіе за содѣйствіе счастливому окончанію романа; но она возражаетъ:

— Я не такъ корыстолюбива, какъ тщеславна... Я, вѣрьте, бывши небогатая дѣвка, сама-бы въ состояніи потерять, что ни есть у меня дорогаго, лишь-бы поставить на свой ладъ.

Дѣйствительно, тщеславіе составляетъ одну изъ господствующихъ чертъ въ характерѣ субретки. Въ комедіяхъ Княжнина одна служанка льстится выдти замужъ за дворянина, другая желала-бы имѣть мужа подъячаго, а третья, узнавши, что сватавшійся за ней лакей—слуга такой неважной персоны, какъ мичманъ, съ оскорбленной гордостью отвергаетъ его. Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, удовлетвореніемъ одного лишь тщеславія героиня наша не ограничивается. Она знаетъ

толкъ въ презрѣнномъ металлѣ и, случается, недешево продаетъ свои «дарованія» и услуги. Въ одной комедіи Княжнина субретка даетъ себя подкупить дорогимъ перстнемъ. У Крылова, въ комедіи «Модная лавка», герой, молодой щеголь, обѣщаетъ субреткѣ, за помощь въ его любовной интригѣ, отпускную и 3,000 рублей «на приданое» и на вопросъ: «соблазняетъ-ли это ее?» — получаетъ категорическій и радостный отвѣтъ: «О, сударь, соблазняетъ!»

Вообще, заботясь объ устройствѣ счастливой судьбы своей госпожи, субретка не забываетъ о себѣ и ею, въ большинствѣ случаевъ, руководятъ личные, эгоистическіе и корыстолюбивые виды. Съ желаннымъ бракомъ госпожи она связываетъ и устройство своего гнѣздышка съ любимымъ человѣкомъ, чаще всего — камердинеромъ жениха барышни.

Въ комедіи Хмѣльницкаго «Воздушные замки», давъ высказать барышнѣ свои мечты о будущей супружеской жизни съ очаровательнымъ графомъ, горничная Саша исповѣдуется ей и въ своихъ вожделѣніяхъ:

А я ударюся во всѣ распоряженья,
И съ муженькомъ у васъ всѣмъ буду управлять,
Вы насъ не будете за службу оставлять,
И я современемъ сама, по ласкѣ вашей,
Изъ Саши простенькой—преважной буду Сашей!

Сдѣлаться «преважной Сашей» и устроить, «по ласкѣ» барской, домокъ себѣ на культурный вкусъ—у субретки найдется и умѣнье, и развитіе, и навыкъ къ изысканности. Мечтая о томъ, какъ она съ мужемъ станетъ

управлять домомъ молодыхъ господъ, та-же Саша говоритъ, между прочимъ:

Графиня надѣлитъ нарядами меня,—
Вотъ тутъ-то посмотрѣть, какъ разряжуся я!
И бархартный капотъ, и шляпка щегольская!
Тутъ явится у насъ лошадка, тамъ другая;
Потомъ колясочку мы заведемъ себѣ—
И Саша съ муженькомъ, благодаря судьбѣ,
Чтобъ также и на насъ другіе посмотрѣли,
Поѣдемъ о святой преважно подъ качели!

Такія мечты въ горничной великосвѣтской богатой дамы не представляли собой ничего несбыточнаго и чрезвычайнаго. Извѣстны весьма многочисленные факты, что любимцы знатныхъ господъ изъ среды ихъ домашней крѣпостной прислуги нерѣдко, по барской ласкѣ, а частью путемъ «безгрѣшнаго» хищенія, наживали весьма изрядныя состоянія и, откупясь, сами дѣлались «господами», вели жизнь «поблагородному», а, случалось, дѣлались родоначальниками новыхъ дворянскихъ фамилій.

Корыстолюбивые разсчеты субретки, въ ея служеніи романическимъ цѣлямъ «господъ», опирались на весьма простомъ соображеніи, которое довольно откровенно высказываетъ своей госпожѣ ея горничная въ одной комедіи Лукина. На очень рѣзкія замѣчанія служанки, барышня спрашиваетъ, какъ она можетъ позволять себѣ это? Субретка не безъ наглости отвѣчаетъ: «Да развѣ можно безъ этого обойтиться, ставши вашимъ повѣреннымъ слугою? Сыщется-ли хотя одинъ слуга, который-бы знавшій за бояриномъ любовныя сплетки, зубъ за

зубъ съ нимъ не бранился»?... Вполнѣ холопская логика! Другая субретка въ комедіи Крылова, устраивая бракъ своей барыни съ молодымъ графомъ и предсказывая, что они по своему нраву, «въ три дня все оборотятъ вверхъ дномъ», успокаивается, однако-жъ, за себя, лично, и за своего мужа, на такомъ дипломатичномъ разсужденіи: «Но что-же нужды? Пусть себѣ мотаютъ, а намъ съ Андреемъ (т. е., съ мужемъ) поживка, по пословицѣ: орлы дерутся, а молодцамъ перья»...

Не всегда, однако-жъ, героиня наша такъ спокойно и увѣренно могла разсчитывать на «поживку» отъ господъ и на ихъ благодарность за свои услуги. Никакой гарантіи тутъ, конечно, спрашивать она не смѣла, да и быть ее не могло при существованіи безграничнаго господскаго произвола надъ судьбою крѣпостныхъ слугъ Сознаніе рабской зависимости, составляющее драматискую подкладку этихъ, съ виду, человѣчныхъ равноправныхъ отношеній между господами и слугами, какъ они выставлялись на театральной сценѣ, было подмѣчено Княжнинымъ, хотя онъ и не воспользовался имъ въ должной полнотѣ. Въ его комедіи «Скуной», влюбленные герой и героиня, прося содѣйствія своему браку у субретки, крѣпостной Мареы, обѣщаютъ ей въ награду горы золотыя.

— Да можно-ли вамъ вѣрить?—скептически возражаетъ Мареуша.—Я знаю, вѣдь, каковы бары! Какъ нужда, все обѣщаютъ, а потомъ...—и, обратившись къ своей будущей барынѣ, она напѣваетъ ей такія горькія истины:

Какъ будешь ты мнѣ госпожа,
Тогда, сидя у туалета,
Надъ прелестями ворожа,
Въ окно коль мало будетъ свѣта,
Коль тѣнь въ лицѣ покажетъ черноту,—
Служанкѣ отвѣчать за красоту,
И за огаръ въ срединѣ лѣта;
Въ морозъ
За красный носъ.
Не такъ приколота манжета,
Не такъ мантилія надѣта,—
То все мнѣ будетъ стоить слезъ.

Здѣсь чуть-чуть приподнята завѣса надъ интимными отношеніями свѣтскихъ барынь и барышень со своими субретками. Отношенія эти далеко не всегда, какъ видно, отличались нѣжной барской ласкою, взаимной непринужденностью и равноправіемъ. Такъ оно было на самомъ дѣлѣ. Не даромъ, умная, разсудительная грибоѣдовская Лиза выработала себѣ на этотъ счетъ такую мудрую практическую философію:

Ахъ, отъ господъ подалѣй,
У нихъ бѣды себѣ на всякій часъ готовь.
Минуй *насъ* пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь!

Въ такихъ чертахъ изобразила типъ русской субретки-горничной наша литература второй половины прошлаго столѣтія, завѣщавъ цѣликомъ этотъ типъ отчасти и литературѣ начала XIX вѣка! Педставляется самъ собою вопросъ: въ какой степени изображеніе это было вѣрно дѣйствительности? Строго говоря, исторической вѣрности тутъ было немного, на что мы на-

мекали уже выше. Такихъ субретокъ, какія изображены вышецитированными драматургами нашими, а, главное, такой свободы отношеній прислуги съ господами и такого вліянія ея на нихъ и на ихъ судьбу въ русской жизни того времени рѣдко можно было встрѣтить. Да уже по самому характеру, въ сценической субреткѣ, какъ она представлена литературой, было очень мало мѣстнаго, русскаго. Въ сущности, это былъ подражательный сколокъ съ французской субретки мольеровскаго театра.

Рабски слѣдуя французскимъ образцамъ, наши драматурги усвоивали не только ихъ форму и построеніе, но ихъ содержаніе, включительно до образовъ героевъ, мало справляясь, въ какой степени вяжется все это съ русской дѣствительностью. Такимъ образомъ, была перенесена на русскую сцену и французская субретка, причемъ было придано ей и то бытовое и драматическое значеніе, которое она имѣла во французской комедіи и котораго никогда не имѣла и не могла имѣть русская крѣпостная горничная. Выходилъ какой-то странный и весьма подозрительный самообманъ: въ то время, какъ въ жизни всѣ эти злополучныя Даши, Саши и Лизы были поставлены въ положеніе не смѣющихъ пикнуть, покорныхъ, безропотныхъ, лишенныхъ всякой воли рабынь, на сценѣ онѣ-же фигурировали въ роляхъ свободныхъ, бойкихъ, своенравныхъ и равноправныхъ почти съ господами главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Какъ ужъ мирились съ этимъ грубымъ противорѣчіемъ и драматурги и зрители, какъ оно не рѣзало имъ глаза и совѣсть,—теперь даже и понять трудно.

объ одной извѣстной женщинѣ, повѣствуется, что въ дѣвичествѣ у нея «единственной подругой была молоденькая горничная, дочь повара, Саша. Княгиня съ дѣтства приблизила Сашу къ себѣ, научила грамотѣ, и все это дѣвочку облагородило. Саша привязалась къ барышнѣ (воспитанницѣ и родственницѣ княгини) и вмѣстѣ съ нею отдавалась религіозному чувству, доходившему до того предѣла, гдѣ оно дѣлаетъ перегибъ въ сентиментальность»...

Примѣровъ такого «облагороженія» горничныхъ и сближенія ихъ съ барышнями въ годы ранняго дѣтства бывало не мало. Выростая вмѣстѣ, барышня и субретка, естественно, привязывались другъ къ другу, и—отношенія ихъ, скрѣпленныя въ томъ возрастѣ, когда разница общественныхъ положеній не замѣчается и слабо соблюдается, носили отпечатокъ взаимной независимости, свободы и довѣрія. Обыкновенно, такая сверстница и совоспитанница барышни въ дѣтствѣ, въ зрѣломъ возрастѣ дѣлалась ея горничной и повѣренной наперстницей во всѣхъ сердечныхъ и семейныхъ тайнахъ. Крѣпкая связь установлялась на всю жизнь, и—бывало не мало примѣровъ самой трогательной, беззавѣтной преданности горничныхъ своимъ барынямъ, а случалось, и ихъ мужьямъ. Князь И. М. Долгоруковъ въ своей книгѣ: «Капище моего сердца», съ признательностью помѣстилъ въ число достопамятныхъ для него лицъ горничную своей жены, простую русскую дѣвушку, прозванную почему-то Молдаванкой, которая, однажды, спасла его отъ неминуемой почти смерти, съ самоотверженнымъ рискомъ собственной жизнью. Въ перепискѣ графини

А. К. Воронцовой съ дочерью, графиней Строгоновой, во время бытности послѣдней заграницей, встрѣчаемъ также не мало доказательствъ той взаимной привязанности между госпожами и ихъ горничными, которая значительно смягчала жестокость крѣпостнаго рабства. Молоденькая графиня Строгонова, путешествуя заграницей, вспоминаетъ своихъ, оставленныхъ въ Россіи, горничныхъ дѣвушекъ, шлетъ имъ поклоны, а съ поклонами гостинцы. «Не повѣришь,—отвѣчаетъ ей мать,— какъ ты своихъ женщинъ обрадовала гостинцами... И онѣ всѣ просили меня, чтобъ я ихъ благодарность къ тебѣ отписала». Въ другомъ письмѣ Воронцова отвѣчаетъ дочери, что всѣ ея дѣвушки «очень ея помнятъ и любятъ» и, соскучивъ по ней, очень «желаютъ, чтобы она поскорѣе пріѣзжала» изъ заграницы.

Другая Строгонова, баронесса Наталья Михайловна, заявила себя еще краснорѣчивѣе въ этомъ отношеніи. При ней состояла дочь ея двороваго человѣка, Анюта, къ которой она такъ привязалась, что «воспитала ее съ большимъ попеченіемъ, образовала, научила иностраннымъ языкамъ, и, наконецъ, поставила ее на такую ногу, что всякой забывалъ ея породу и плѣнялся ея талантами». Анюта «прекрасно пѣла и играла въ операхъ». Въ заключеніе благодѣтельница-баронесса отпустила свою любимицу-челядинку на волю и выдала ее замужъ за гвардейскаго офицера, снабдивъ ее хорошимъ приданымъ.

«Брагина (такъ звали Анюту по мужу) есть доказательство,—разсуждаетъ записавшій этотъ любопытный фактъ князь И. Долгоруковъ,—что мы всѣ родимся

равны, но что различны бываемъ по качеству нашихъ естественныхъ дарованій, и по средствамъ, какія кто имѣетъ къ нравственному образованію».

Такъ разсуждали и такъ, случалось, уравнивали, путемъ образованія, крѣпостныхъ рабовъ съ самими собою лучшіе, образованнѣйшіе представители культурно-дворянскаго общества прошлаго столѣтія. Въ одномъ журналѣ тридцатыхъ годовъ находимъ письмо къ издателю одного провинціальнаго корреспондента-помѣщика, который разсказываетъ, что, почувствовавъ «крайнѣйшее къ отечеству сожалѣніе», по причинѣ господства въ немъ невѣжества и грубости, онъ предпринялъ такое доброе дѣло: «взявъ въ селѣ моемъ,—пишетъ онъ, 6 сыновъ и 3 дочери (изъ крестьянъ) и—тому нынѣ уже 6 лѣтъ, что школа въ домѣ моемъ основана, изъ которой *добрыхъ подругъ и пріятельницъ* дѣвицъ-барышень снабдить (могу), а изъ учениковъ—нравоучительныхъ, искусныхъ въ наукахъ, гофмейстеровъ къ шляхетнымъ сосѣдямъ».

Особенно гуманизирующее въ этомъ отношеніи вліяніе на образованныхъ людей того времени оказалъ сентиментализмъ, вообще, значительно и во многихъ случаяхъ смягчавшій жестокія крѣпостническія отношенія между господами и слугами. Въ эту эпоху типъ субретки нашелъ себѣ олицетвореніе въ трогательномъ образѣ карамзинской «Бѣдной Лизы». Теперь трудно себѣ представить, какое сильное впечатлѣніе произвела тогда эта повѣсть на образованное общество и какъ она повліяла благотворно на судьбу сотенъ крѣпостныхъ «Лизъ». Начитавшись сентиментальныхъ повѣстей,

во вкусѣ карамзинскаго романа, чувствительные люди стали видѣть въ простыхъ горничныхъ дѣвушкахъ тѣ человѣчныя, благородныя черты женской личности, какими плѣнила ихъ книжная «Бѣдная Лиза». Вообще, благодаря сентиментализму, въ «дворянахъ произошла чудная перемѣна въ мысляхъ и правилахъ»,—какъ свидѣтельствовалъ одинъ современный той эпохѣ журналъ. «Многіе молодые люди и пожилые вдовцы женятся на своихъ бывшихъ челядинкахъ и наемщицахъ. Одинъ вводитъ крестьянку въ сообщество благовоспитанныхъ сестеръ своихъ, другой заставляетъ дѣтей цѣловать руку у рабыни покойной ихъ матери». Случалось, что и дворянки выходили замужъ за своихъ крѣпостныхъ крестьянъ, а что касается нашей героини-субретки, то бывали даже такіе факты, что она изъ состоянія крѣпостной рабыни возвышалась до сана титулованной княгини; но, конечно, въ большинствѣ случаевъ ей приходилось играть страдательную роль «Бѣдной Лизы».

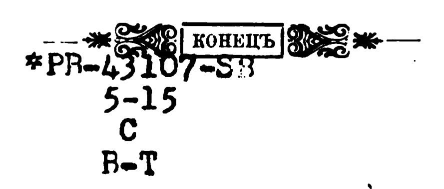
Романы, въ родѣ «Бѣдной Лизы», случались нерѣдко и въ дѣйствительности. Въ одной знатной княжеской семьѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, была, въ числѣ домашней челяди, дѣвушка Груша, развитая и облагороженная, которую господа прозвали за ея необыкновенную красоту Анемоной, во вкусѣ царившаго тогда псевдо-классицимза. Въ эту Анемону страстно влюбился одинъ изъ юнаго поколѣнія семьи, чувствительный, благородный молодой человѣкъ, проникнутый моднымъ сентиментализмомъ. Анемона-Груша отвѣчала ему тѣмъ-же чувствомъ, но молодой баринъ не воспользовался своими правами, по принятому у рабовладѣльцевъ способу,

а рѣшился соединиться съ любимой дѣвушкой законнымъ бракомъ, чтобы предъ всѣмъ свѣтомъ назвать ее своей женою. Для достиженія этой цѣли, влюбленные задумали бѣжать и тайно обвѣнчаться, но ихъ намѣреніе стало извѣстно родителямъ юноши и, конечно, встрѣтило съ ихъ стороны самый энергическій отпоръ. Началась ожесточенная борьба, и бѣдная Анемона вынесла тяжелое гоненіе.... «Время все уврачевало и страсть юношей потушило»,—успокоительно заканчиваетъ свой разсказъ очевидецъ этого романа, умолчавъ, однако, цѣною сколькихъ жестокостей и притѣсненій, съ одной стороны, и сколькихъ страданій, съ другой, было достигнуто это врачеваніе?

Гораздо счастливѣе кончился другой однородный романъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія молодой графъ Н. П. Шереметевъ, человѣкъ образованный, кончившій курсъ лейденскаго университета, пріѣхавъ въ свое знаменитое подмосковное село Кусково, замѣтилъ одну изъ крѣпостныхъ артистокъ своего домашняго театра, милую и красивую дѣвушку, Парашу Ковалевскую, дочь кузнеца. Графъ страстно въ нее влюбился и кончилъ тѣмъ, что формально женился на ней. Бракъ вышелъ счастливый.

Графиня-крестьянка оказалась доброй женой, прекрасной матерью и настоящей, видной барыней, что, однако, не мѣшало ей помнить о меньшей братіи, изъ рядовъ которой сама вышла. Она прославилась своей добротой, милосердіемъ и широкой благотворительностью.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

